

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
Академия ФСИН России

**VI МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ФОРУМ
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НАКАЗАНИЕ, ИСПРАВЛЕНИЕ»**

*(приуроченный к 30-летию со дня принятия
Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации
от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах
уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»)*

г. Рязань, 15–17 ноября 2023 г.

Сборник тезисов выступлений и докладов участников

Том 1

Материалы пленарного заседания

Рязань
2023

ББК 67.409.02

М43

Редакционная коллегия:

А. В. Матвеев, заместитель директора ФСИН России (ответственный редактор); *С. М. Никитюк*, кандидат юридических наук (заместитель ответственного редактора); *А. В. Акчурина*, доктор юридических наук, доцент (заместитель ответственного редактора); *Е. Е. Гаврина*, кандидат психологических наук, доцент; *Ю. А. Кашуба*, доктор юридических наук, профессор; *В. Э. Козацкая*, кандидат юридических наук, доцент; *О. В. Макарова*, доктор экономических наук, профессор; *П. Н. Нестеров*; *И. В. Овсянников*, доктор юридических наук, профессор; *В. И. Огородников*, доктор юридических наук, профессор; *А. В. Париков*, кандидат юридических наук; *Э. С. Рахмаев*, кандидат юридических наук, доцент; *А. В. Родионов*, доктор экономических наук, доцент; *А. П. Скиба*, доктор юридических наук, профессор; *Т. П. Скрипкина*, доктор психологических наук, профессор; *С. Х. Шамсунов*, доктор юридических наук, профессор.

М43

VI Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации») : сборник тезисов выступлений и докладов участников (г. Рязань, 15–17 нояб. 2023 г.) : в 9 томах. – Рязань : Академия ФСИН России, 2023.

ISBN 978-5-7743- 1086-9

Т. 1 : Материалы пленарного заседания. – 2023. – 324 с.

ISBN 978-5-7743-1087-6

Представлены тезисы выступлений участников VI Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление», который состоится в Академии ФСИН России 15–17 ноября 2023 г. Сборник содержит материалы, касающиеся современных тенденций развития пенитенциарной системы, положительного опыта исполнения уголовных наказаний, новых форм и методов работы с осужденными, анализа современного состояния уголовно-исполнительной системы и актуальных проблем в области пенитенциарной практики.

Будет интересен преподавателям, адъюнктам, аспирантам, слушателям, курсантам, студентам, а также персоналу учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

ББК 67.409.02

ISBN 978-5-7743-1086-9

ISBN 978-5-7743-1087-6 (т. 1)

© Коллектив авторов, 2023

© Академия ФСИН России, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НАКАЗАНИЕ, ИСПРАВЛЕНИЕ: СОВРЕМЕННАЯ УГОЛОВНАЯ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- 7 *Акимжанов Т. К.* О значении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в реализации целей уголовного наказания
- 14 *Ан Т. Т.* Особенности отсрочки отбывания наказания в соответствии с законодательством Вьетнама
- 18 *Аюбаев М. А.* Становление и дальнейшее развитие службы пробации в Казахстане. Актуальные вопросы взаимодействия субъектов, осуществляющих пробацию
- 25 *Быстрова Ю. В.* Трансформация института помилования в Российской Федерации на современном этапе
- 30 *Гаврилов Б. Я.* Уголовный проступок в структуре российского законодательства: как его введение повлияет на уровень пенитенциарной преступности
- 38 *Галахов С. С.* Некоторые основные направления соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовно-исполнительной системе (к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации)
- 44 *Галиев Ф. Х.* Неправомерное поведение и проблемы соционормативного регулирования
- 51 *Гилинский Я. И.* Наказание и его исполнение: взгляд криминолога
- 56 *Гирько С. И.* Проблемные вопросы ускоренного досудебного производства как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации
- 64 *Голубовский В. Ю.* Научное обоснование уголовно-исполнительных проблем криминального поведения женщин
- 70 *Гришко А. Я.* Личностно-ориентированный подход к предупреждению преступлений коррупционного характера в уголовно-исполнительной системе
- 75 *Гумбатов М. Г.* Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания в Азербайджанской Республике
- 83 *Енгальчев В. Ф., Александрова О. В.* Прогностическая судебная психологическая экспертиза в Федеративной Республике Германии
- 89 *Жилкин М. Г.* Проблемы и перспективы предупреждения экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы
- 97 *Казакевич С. М.* О понятии пенитенциарной преступности и криминологической оценке ее состояния (на примере Республики Беларусь)
- 103 *Калужина М. А.* Пути противодействия экстремизму в пенитенциарных учреждениях Соединенных Штатов Америки
- 109 *Карабанова Е. Н.* Достижение целей уголовного наказания: миф или реальность?

- 117 *Кудрявцев А. В.* Некоторые современные аспекты повышения эффективности противодействия экстремизму в учреждениях уголовно-исполнительной системы
- 122 *Куниц Е. В.* Повышение эффективности уголовного наказания в отношении женщин как форма воздействия на осужденных в условиях реформирования пенитенциарной системы
- 129 *Маликов Б. З.* Иные меры уголовно-правового характера – вопросы правового выражения их сущности, применения и исполнения
- 138 *Миняева Т. Ф., Добряков Д. А.* Перспективы законодательной регламентации штрафа
- 143 *Москалькова Т. Н.* Вопросы пенитенциарной ресоциализации в деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации
- 150 *Нгуен В. Х.* Особенности правового регулирования Закона Вьетнама «Об исполнении уголовных приговоров» 2019 года
- 154 *Нгуен М. Л.* Наказание в виде смертной казни в соответствии с Уголовным кодексом Вьетнама 2015 года
- 158 *Нгуен Ф. Т.* Некоторые вопросы, связанные с преступлениями в сфере торговли людьми, в уголовном праве Вьетнама
- 163 *Нгуен Ч. Л.* Преступления в сфере покупки, продажи, присвоения тканей или органов человека в уголовном законодательстве Вьетнама
- 167 *Николюк В. В.* Основания исполнения наказаний (уголовно-процессуальный аспект)
- 173 *Овсянников И. В.* О регламентации порядка приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы
- 178 *Оганесян С. С.* Основные направления профилактики и противодействия идеологии экстремизма и терроризма в уголовно-исполнительной системе России
- 183 *Одиназода И. А.* Юридическая сущность приговора
- 188 *Павленко Д. А.* Ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа: сущность и место в системе видов наказаний Республики Беларусь
- 197 *Панова О. Б.* Общественно полезный труд и его роль в исправлении осужденных к лишению свободы
- 203 *Подройкина И. А.* Предупреждение преступлений и освобождение от уголовной ответственности: проблемы совместимости
- 208 *Поникаров В. А.* Режимно-законные критерии применения административной и дисциплинарной ответственности к сотрудникам отделов безопасности пенитенциарных учреждений (публично-правовые аспекты)
- 211 *Пупышева Л. А.* Основания применения к лицу иных мер уголовно-правового характера (уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный аспекты)
- 217 *Реент Ю. А.* Формирование уголовно-исполнительной системы России в годы Гражданской войны

- 222 *Салкебаев Т. С., Аканова М. М.* Постоянная регистрация – ключ к ресоциализации
- 224 *Селиверстов В. И.* Перспективы изменения уголовно-исполнительной политики в Российской Федерации: анализ эволюционных и революционных рисков развития
- 231 *Серета И. М., Ступина С. А.* К вопросу об отбывании наказания осужденными за преступления, совершенные в целях оскорбления чувств верующих
- 237 *Скаков А. Б.* Применение институтов условно-досрочного освобождения и пробации к осужденным пожизненно
- 243 *Смирнов Л. Б.* Колония-поселение в механизме реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики
- 250 *Стальбовский В. В., Дегонский С. Ю.* Противодействие «педофилическим» правонарушениям: юридическая ответственность за интернет-груминг (интернет-импакт)
- 258 *Сумачев А. В.* Молодежный экстремизм и особенности его профилактики
- 263 *Сыч К. А.* Эпоха публичных казней и устрашающего воздействия на общественное сознание в истории уголовного права
- 268 *Терешенко Е. Г.* Актуальные направления методологии исследования эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок на примере Республики Беларусь
- 271 *Терещенко Т. Г.* Снижение рецидивизма: выявление факторов риска и разработка решений
- 278 *Тит А. А.* К вопросу формирования понятия «восстановление социальной справедливости» в законодательстве Республики Беларусь
- 282 *Уткин В. А.* Концептуальные основы формирования уголовно-исполнительных центров (комплексов)
- 288 *Фам Т. Л. А.* Некоторые вопросы, касающиеся назначения наказания по совокупности преступлений, в уголовном законодательстве Вьетнама
- 292 *Фам Т. Х. Н.* Проблемы и недостатки в исполнении судебных решений по уголовным делам во Вьетнаме
- 295 *Цветкова Н. А.* Социальная оценка человека с одной судимостью, отбывшего наказание с лишением свободы
- 303 *Шабанов В. Б., Красиков В. С.* Возникновение условий и причин преступлений: особенность нейтрализации
- 307 *Шаталов А. С.* Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора: проблемы законодательного регулирования и правоприменения
- 313 *Шеслер А. В.* Правовая природа квалифицирующих признаков состава преступления
- 317 *Шурухнов Н. Г.* Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные проблемы раскрытия преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы

**ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НАКАЗАНИЕ, ИСПРАВЛЕНИЕ:
СОВРЕМЕННАЯ УГОЛОВНАЯ
И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА**

ТАЛГАТ КУРМАНОВИЧ АКИМЖАНОВ,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник МВД Республики Казахстан,
почетный работник образования Республики Казахстан,
директор, НИИ права Университета «Туран»,
научный сотрудник НИЦ,
Алматинская академия МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова,
г. Алматы, Республика Казахстан,
e-mail: akimzhanovtk@mail.ru

**О ЗНАЧЕНИИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ
ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ
УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ**

Аннотация: данная статья посвящена актуальной и практически важной проблеме – как возможности государства исправить лицо, совершившее преступление и осужденное к лишению свободы в более короткие сроки, чем указаны в приговоре суда. На примере предоставления условно-досрочного освобождения Республикой Казахстан осужденным, отбывающим наказание в местах лишения свободы, по приведенным данным автором за период 2015–2022 годы институт условно-досрочного освобождения применяется всего лишь на 35–40 %. По мнению автора, следует пересмотреть отношение Республики Казахстан к условно-досрочному освобождению, изменить его порядок и условия применения.

Ключевые слова: наказание, осужденный, цели наказания, эффективность наказания, условно-досрочное освобождение, пробационный контроль.

Как известно, исполнение наказаний являясь важной государственной функцией, обеспечивает не только реализацию целей уголовного наказания закрепленных в ст. 39 Уголовного кодекса Республики Казахстан (УК РК) «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых уголовных правонарушений как осужденным, так и другими лицами. Наказание не имеет своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» и целей уголовно-исполнительного законодательства, закрепленных в ст. 4 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан (УИК РК) «целями уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденных, предупреждение совершения новых уголовных правонарушений как осужденными, так и иными лицами.

Исполнение наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия не имеет своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства», но и предусматривают комплекс мер по возвращению осужденного в общество, не превращая последнего в изгоя и вечного врага правосудия.

Проблема исполнения наказания нуждается в переосмыслении и дальнейшем совершенствовании, так как наказание это не просто кара со стороны государства лицу за совершенное им уголовное правонарушение, наказание есть не что иное, как уголовно-правовая форма разрешения социальных противоречий, антагонизма между обществом и государством, между обществом и личностью, между личностью и обществом (государством).

Еще древнегреческий философ Платон в своих ранних трудах писал, что наказание – благо для преступника, которое способно восстанавливать гармонию в его душе. Он допускал смертную казнь. Но при этом Платон обращал внимание на законотворческий процесс, отмечал необходимость учитывать человеческое несовершенство, стремиться предупредить преступление, добиваться того, чтобы в результате наказания человек становился лучше. Платон также отмечал личный характер наказания, считал, что оно не должно распространяться на потомков преступника даже в случаях посягательства на государственный порядок [7, с. 19].

К сожалению, как показывает практика исполнения наказания и по мнению известных ученых (В. Н. Кудрявцев, Г. Ф. Хохряков и др.) у нас в стране и за рубежом, осужденный человек после отбытия наказания становится не лучше, а наоборот хуже и это происходит, к сожалению, при непосредственном и активном участии сотрудников УИС и под воздействием объективных факторов.

То есть вместо реализации закрепленных в Уголовном и Уголовно-исполнительном законодательстве благородных целей наказания, государство ввергает осужденного под влияние субкультуры и его дальнейшей криминализации.

Кроме этого, наказанию присущи и негативные социальные последствия, устранение которых также является обязанностью государства.

Поэтому в современной доктрине уголовного права следует больше внимания уделить учению о наказании, хотя бытует ошибочное мнение, что данная проблема достаточно изучена и не нуждается в каком-либо переосмыслении.

При реализации уголовной политики любой страны, государству предстоит с одной стороны обеспечить неотвратимость наказания за совершенное преступление, а с другой стороны попытаться сделать данное наказание наиболее справедливым и эффективным, максимально уменьшив социальные последствия, как для самого осужденного, так и для государства, в целом.

Изучение процесса назначения наказаний, и реализации его целей, определенных законодательно, наглядно демонстрирует наличие неиспользованного ресурса правоохранительной системы в борьбе с преступностью, одним из которых является институт условно-досрочного освобождения.

По нашему мнению понимание сущности наказания, его назначение и исполнение являются важнейшими составными частями процесса борьбы с пре-

ступностью. От того, с какой эффективностью работает система назначения, исполнения наказаний, в значительной мере зависят результаты общих усилий всех правоохранительных органов страны.

Результаты проведенного исследования подтвердили нашу научную гипотезу о том, что учение о наказании, его целях, эффективности нуждается в дальнейшем развитии и переосмыслении с учетом современных реалий.

Оценка эффективности назначаемых и исполняемых наказаний, позволит не только проникнуть в «технологии» управления объектом всего правоприменительного процесса, но и даст возможность выявить издержки и упущения уголовного законодательства и определить оптимальные условия для их реализации.

На протяжении последних трех десятилетий в Республике Казахстан проводимая правовая политика основана на утверждаемых Указами Президента страны Концепциях РК, каждая из которых охватывала, как правило, десятилетний период.

Правоприменительная практика Республики Казахстан, начиная с 1991 года по настоящее время осуществлялась строго на концептуальной основе. Каждая из Концепций определяла преемственность, непрерывность и направленность проводимых реформ в различных областях юридической сферы. Это и укрепление законности, борьбы с коррупцией, усиления противодействия различным наиболее опасным видам преступности (организованная, экономическая, экстремистская, террористическая, коррупционная, преступность в сфере цифровизации, преступность несовершеннолетних и др.), изменение судебной системы, укрепление самих правоохранительных органов, совершенствование их деятельности и статуса и многое другое.

Так, например, о роли уголовного права достаточно емко было записано в утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 г. № 674 Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, где в п. 4.10 было отмечено, что достижения целей уголовного законодательства необходимо решение следующих вопросов:

совершенствование уголовного законодательства и практики его применения с учетом требований международно-правовых стандартов в области прав человека, противодействия преступности и особенностей национальной правовой системы, а также выработка нового понятия уголовного правонарушения;

совершенствование механизмов назначения наказания по уголовным правонарушениям;

оптимизация уголовного законодательства с одновременной коррекцией уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства;

достижение качественного улучшения криминогенной обстановки в стране [1].

Президент Республики Казахстан в послании заострил внимание на совершенствование проводимой уголовной политики в РК проблемы досудебного расследования уголовного дела и необходимости проведения ревизии Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса, избавления от неэффективных и препятствующих правосудию элементов [2].

Анализ правоприменительной практики за 1991–2022 гг. показал, что преобладал такой вид наказания как лишение свободы, тогда как другие виды наказания, не связанные с изоляцией осужденных, применялись недостаточно эффективно и крайне мало. Доля лишения свободы в общей системе уголовных наказаний составила более 51 %, что составило примерно 18–20 тысяч осужденных к лишению свободы в год, а начиная с 2010 по 2022 год данный показатель благодаря проводимым комплексным мероприятиям уменьшился до 10–12 тысяч осужденных.

Уголовный кодекс и уголовно-исполнительные законы Республики Казахстан должны гарантировать заинтересованность осужденных в исправлении и возвращении к нормальной жизнедеятельности, используя для этого различные меры мягкости в режиме содержания (прогрессивную систему исполнения наказания), а также возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

Как известно, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания заключается в досрочном прекращении действия назначенного судом наказания в виде лишения свободы или ограничения свободы при условии отбытия последним фактического срока наказания, предусмотренного ч. 3 ст. 72 УК РК [3, с. 58–61] и исправления осужденного.

УДО является межправовым институтом, поскольку кроме уголовного права, (ст. 72 УК РК) [3, с. 58–61] охватывает уголовно-процессуальное право (ст. 480 УПК РК) [4, с. 289–291] и уголовно-исполнительного права (ст. 161 и 162 УИК РК) [5, с. 88–90].

Так, в ч. 1 ст. 72 УК РК закреплено такое положение - лицо, отбывающее ограничение свободы или лишение свободы, после фактического отбытия сроков, указанных в частях третьей, четвертой и пятой настоящей статьи, может быть освобождено судом условно-досрочно, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного наказания [3, с. 58].

В ст. 480 УПК РК закреплен процессуальный порядок рассмотрения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, где записано, что вопрос об условно-досрочном освобождении от наказания или замене неотбытой части наказания более мягким наказанием рассматривается по ходатайству осужденного, [4, с. 289–291], а в отдельных случаях, предусмотренных ч. 5 ст. 478 УПК РК, вопросы, касающиеся предоставления условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, указанные в пункте 5) ст. 476 настоящего Кодекса, могут рассматриваться судом по ходатайству Генерального Прокурора Республики Казахстан или его заместителя в рамках процессуального соглашения о сотрудничестве [4, с. 286].

Так, согласно п. 3 ч. 1 ст. 161 УИК РК условно-досрочное освобождение от отбывания наказания является одним из оснований освобождения от отбывания наказания [5, с. 89], а в соответствии с ч. 1 ст. 162 УИК РК при отбытии осужденным установленной законом части срока наказания учреждение или орган, исполняющие наказания, обязаны письменно в пятидневный срок уведомить

осужденного о наступлении права подачи ходатайства в суд для рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания [5, с. 89].

Институт условно-досрочного освобождения (УДО) выступает проявлением гуманности со стороны государства к лицам, совершившим уголовные правонарушения, осужденных за свои деяния и преследует несколько целей: первая – создание более приемлемых условий для исправления осужденных; вторая – досрочное прекращение активной сферы воздействия на осужденных уголовной юстиции; третья – возвращение осужденных к нормальной жизни; четвертая – снижение численности «тюремного населения» страны, то есть обеспечивает реализацию целей уголовного наказания.

Значение института УДО заключается в том, что государство, применяя данный институт сокращает срок пребывания в исправительном учреждении, установленный осужденному к лишению свободы судом и от имени государства, в надежде на его скорейшее исправление и возвращение к нормальной жизни. При этом законодательно оговариваются условия, который осужденный должен соблюдать для его исправления после освобождения. При этом государство в лице его уполномоченных органов, оставляет за собой право вернуть осужденного, в отношении которого применено УДО, обратно в исправительное учреждение если последний не встанет на полный путь исправления или совершит новое преступление.

Поэтому речь идет лишь об условном в первую очередь, а затем уже досрочном прекращении установленных в отношении осужденного лица к лишению свободы, определенного рода ограничений в исправительном учреждении (свободы, передвижения, и другие) переделенные в УИК РК в процессе исполнения наказания, поэтому институт УДО будет способствовать реализации целей уголовного наказания в полном объеме. При этом государство в лице его уполномоченных органов решая вопрос о предоставлении УДО осужденными ничем не рискует, поскольку смысл «условности» предоставления УДО законодательно закреплен.

Так, в 2015 г. количество условно-досрочно освобожденных осужденных в Республике Казахстан по данным Комитета уголовно-исполнительной системы МВД РК составило 5674 человека, в 2016 г. – 4632 человек, в 2017 г. – 2786 человек, в 2018 г. 3962 человека, в 2019 г. 2993 человека, в 2020 г. – 2256 человек, в 2021 г. – 2217 человек, в 2022 г. – 2689 человек.

В среднем, по данным КУИС МВД РК, ежегодно в условно-досрочном освобождении от наказания начиная с 2015 года отказы получают примерно 2 тыс. осужденных, а если взять число формально подпадающих условно-досрочному освобождению от отбывания наказания, то это количество возрастет еще на 1500–2000 человек. Так, например, в 2022 г. из числа отбывающих наказание формально подпадали под УДО – 6604 человек, направлено в суд ходатайств об УДО – 5929 человек, рассмотрено ходатайств об УДО – 5288, удовлетворено 2533, отказано – 2755, оставлено без изменения – 366.

Как видим, институт УДО применяется в правоприменительной практике не эффективно, поскольку наблюдается большая разница между количеством

формально подпадающих под УДО и условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, то есть возможности института УДО используются, судя по приведенной статистике, всего на 35–40 %.

Тогда как, общее количество возвращенных в исправительные учреждения за совершение преступлений из числа ранее условно-досрочно освобожденных в количественном соотношении к числу условно-досрочно освобожденных в текущем году крайне незначительное.

Так, количество возвращенных в исправительные учреждения за совершение преступлений из числа ранее условно-досрочно освобожденных в 2015 г. – 60 человек (1 %), в 2016 г. – 66 человек (1,4 %), в 2017 г. – 53 человека (1,9 %), в 2018 г. – 34 человек (0,89 %), в 2019 г. – 4 человека (0,13 %), в 2020 г. – 36 человек (1,5 %), в 2021 г. – 111 человек (5 %), в 2022 г. – 55 осужденных (2 %).

Практическая важность рассматриваемой проблемы заключается в том, что институт УДО дает возможность государству создавать благоприятные условия для исправления осужденных и возвращение из к нормальной жизни. Как известно, уголовное наказание всегда занимало центральное место в проводимой государственной правовой политике Республикой Казахстан, поскольку является одним из важных и действенных инструментов влияния на преступников и преступность в целом.

Ужесточая или ослабляя уголовную ответственность за совершаемые уголовные правонарушения (преступления, уголовные проступки), криминализируя или декриминализируя отдельные составы уголовных правонарушений включенных в Особенную часть Уголовного кодекса Республики Казахстан, государство этим самым мониторит и постоянно поддерживает необходимый баланс для повышения эффективности противодействия преступности.

Практическая важность рассматриваемой темы заключается в том, что благодаря институту уголовного права – условно-досрочное освобождение от отбывания наказания государство создает благоприятные условия для исправления осужденных и возвращение из к нормальной жизни.

Условно-досрочное освобождение имеет свои истоки в XIX веке в Англии. В то время, чтобы освоить новые колониальные земли, государство допускало применение ссылки к некоторым осужденным, которые отбывали наказание в колониях и занимались сельским хозяйством на предоставленных участках земли. Российский ученый В. А. Авдеев подробно описал этот процесс в своей работе «История формирования института условно-досрочного освобождения» [6, с. 2].

Учитывая зарубежный опыт применения УДО можно было бы всех освобождаемых по УДО осужденных, которых по данным КУИС МВД РК в среднем составляет примерно 5–6 тысяч осужденных, направлять, в установленные Правительством РК регионы страны, с выделением последним жилья или участка под его строительство, чтобы он мог начать новую жизнь и при этом приносить пользу и себе и стране, возмещая причиненный им ущерб потерпевшим и государству.

На базе исправительных учреждений минимальной безопасности (колонии поселения) создать инфраструктуру необходимую для скорейшей адаптации бывших осужденных после их освобождения. Это вполне реальная и посильная

государству задача, эффект от реализации которой принесет не только экономическую, но и социальную пользу.

Для быстрого продвижения вперед качества и эффективности в области исполнения уголовных наказаний в виде лишения или ограничения свободы в Республике Казахстан требуется внесение изменений в действующем уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве.

Кроме того, необходима новая государственная политика, включающая программу развития сельского хозяйства и продовольственной безопасности, в рамках которой уголовно-исполнительная система Республики Казахстан может принять самое активное участие в обеспечении совместно с гражданским обществом реализации общих целей в сфере экономического и социального развития государства.

Важным аспектом этого процесса является улучшение состояния окружающей среды и одновременно укрепление продовольственного положения нашей страны.

Помимо того, предлагается сократить сроки обязательного отбывания наказаний для УДО, предусмотренные в ст. 72 УК РК.

Считаем, целесообразным сократить, установленные в ч. 3 ст. 72 УК РК обязательные сроки отбывания наказания как обязательное условие применения условно-досрочного освобождения: за преступления небольшой тяжести – до одного года, средней тяжести до 2 лет, тяжкие – до 3 лет, особо тяжкие до 4 лет.

Предложенный подход даст возможность стимулировать осужденных к исправлению и максимальной реализации целей уголовного наказания и существенно снизить численность «тюремного населения» и вместе с тем повысить ответственность сотрудников исправительных учреждений.

Список источников

1. Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года : указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения 10.08.2023)
2. Справедливое государство, единая нация, благополучное общество : послание Президента Республики Казахстан К.-Ж.К. Токаева народу Казахстана от 1 сентября 2022 года // Казахстанская правда. 2022. 2 сентября.
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан : практ. пособие. Алматы : Норма-К, 2022. 268 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан : практ. пособие. Алматы : Норма-К, 2022. 396 с.
5. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан : практ. пособие. Алматы : Норма-К, 2022. 100 с.
6. Авдеев В. А. История формирования института условно-досрочного освобождения. Иркутск, 1994. 157 с.
7. Криминология : учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

ТХАНЬ ТУНГ АН,

заместитель начальника отдела,
Департамент обучения Министерства общественной безопасности,
г. Ханой, Социалистическая Республика Вьетнам,
e-mail: tungminh2901@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ВЬЕТНАМА

Аннотация: в настоящей статье автором проанализированы особенности предоставления отсрочки отбывания наказания в соответствии с законодательством Вьетнама. Автор обращает внимание на наличие некоторых проблем. В частности, не установлен нормативно факт восстановления здоровья, позволяющий суду снять ограничения для отбывания наказания, отсутствует разграничение в вопросах предоставления отсрочки отбывания наказания для беременных женщин и женщин, на иждивении которых находятся несовершеннолетние дети в возрасте до 36 месяцев, имеются пробелы в законодательном закреплении уведомления осужденных о снятии отсрочки отбывания наказания и другие проблемы.

Ключевые слова: Вьетнам, Уголовно-процессуальный кодекс, уголовное судопроизводство, наказание, отсрочка отбывания наказания, осужденные, гуманизация, беременные женщины, состояние здоровья, рецидив преступлений.

Отсрочка отбывания наказания в виде лишения свободы представляет собой перенос времени отбывания осужденным наказания в виде лишения свободы на более поздний срок ввиду наличия объективных причин.

Правовая регламентация порядка предоставления отсрочки отбывания наказания ранее находила свое отражение в ст. 61 Уголовного кодекса 1999 г.; ст. 262, 263 Уголовно-процессуального кодекса 2003 г.; ст. 23 и 24 Закона об исполнении уголовных решений № 01 и 02 NQ-HDTP от 2 октября 2007 г. (далее – Постановления № 01, 02/2007). В настоящее время они закреплены в ст. 67 Уголовного кодекса 2015 г.

Отсрочка отбывания наказания в виде лишения свободы предусмотрена в следующих случаях: при наличии заболевания, препятствующего отбытию наказания; беременность женщины или нахождение на иждивении несовершеннолетних детей в возрасте до 36 месяцев; нахождение в статусе единственного кормильца в семье. Отсрочка отбывания наказания в виде лишения свободы по вышеуказанным основаниям активно применяется на практике, при этом ходатайства или жалобы на решения судов при установлении отсрочки отбывания наказания поступают редко.

Вместе с тем анализ законодательства в указанной сфере позволяет установить наличие некоторых проблемных вопросов, вызывающих проблемы у правоприменителей.

Во-первых, в случае отсрочки отбывания наказания в виде лишения свободы по состоянию здоровья имеется следующий вопрос. Согласно нормативному предписанию, предусмотренному п. 7.3 Постановления № 01/2007, «осужденный, страдающий тяжелым заболеванием, имеет право на отсрочку отбывания наказания в виде лишения свободы «однократно или неоднократно до момента восстановления здоровья», однако дефиниция «восстановление здоровья» нормативно не предусмотрена. На практике известны случаи, когда осужденный умирает, либо при улучшении его здоровья он скрывается от органов расследования и суда, либо осужденный, несмотря на то, что состояние здоровья его значительно улучшилось, сознательно отказывается отбывать наказание или выполнять предписания, установленные судом. В этой связи, на наш взгляд, необходимо предусмотреть порядок предоставления отсрочки через определенный период, по истечении которого следует получить заключение компетентного органа здравоохранения о возможности отбывания наказания.

Во-вторых, необходимо произвести реформу здравоохранения в целях предоставления медицинских книжек областного уровня и выше для лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. На практике встречаются случаи, когда осужденные из-за травм, полученных в дорожно-транспортном происшествии, не могут отбывать наказание, поэтому обращаются к родственникам, которые выезжают в областные центры в целях оформления медицинских карт для осужденных. Действующие правила не позволяют открыть медицинские карты в уездных городах, что представляет особую сложность в доказывании наличия заболевания как для самих осужденных, так и для их родственников.

В-третьих, имеются проблемные вопросы в случае отсрочки отбывания наказания в виде лишения свободы для беременных женщин или нахождение на иждивении несовершеннолетних детей в возрасте до 36 месяцев. Это положение вытекает из гуманитарной политики государства в отношении женщин. Согласно положениям п. «б» ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса Вьетнама 2015 г., если лицо, приговоренное к лишению свободы, является женщиной, которая беременна или кормит грудью ребенка в возрасте до 36 месяцев, отбывание тюремного заключения может быть отложено до достижения ребенком возраста 36 месяцев. Таким образом, согласно регламенту, возможно предоставление отсрочки отбывания наказания в виде лишения свободы, что не предусматривает освобождение от наказания. Для принятия решения об отсрочке отбывания наказания необходимо наличие и некоторых условий. Так, женщина должна привлекаться к ответственности впервые, не совершать после вынесения приговора серьезных проступков.

В настоящее время отсутствует общий подход применения на практике этого основания для отсрочки исполнения приговора к лишению свободы. В некоторых судах принимается решение о предоставлении отсрочки отбывания

наказания в виде лишения свободы с момента, когда осужденная забеременеет, до достижения их ребенком 36-месячного возраста. Некоторые суды выделяют два этапа: этап 1 для отсрочки отбывания наказания во время беременности; вторая стадия – с момента рождения осужденной ребенка до достижения ребенком возраста 36 месяцев. Кроме того, некоторые суды отсрочка отбывания наказания предоставляется ежегодно до достижения ребенком возраста в 36 месяцев. Хотя вышеуказанная отсрочка исполнения приговора не затрагивает интересы беременных женщин и кормящих детей в возрасте до 36 месяцев, контролировать указанные процедуры достаточно сложно.

По нашему мнению, в случае, если осужденная имеет право на отсрочку отбывания наказания в виде лишения свободы для беременных женщин или кормящих детей в возрасте до 36 месяцев, необходимо последовательное руководство и указание о выделении отсрочки для беременных женщин и отсрочка для женщин, воспитывающих детей в возрасте до 36 месяцев. Такое разделение осуществляется с целью наблюдения за осужденной, поскольку имеются случаи, когда новорожденные умирают, а осужденные не сообщают о данном факте в органы местного самоуправления.

В-четвертых, ранее, согласно положениям ч. 2 ст. 261 Уголовно-процессуального кодекса Вьетнама 2003 г. «не менее чем за семь дней до истечения срока отсрочки отбывания наказания в виде лишения свободы председатель суда должен вынести постановление об исполнении приговора и направить постановление об исполнении приговора вместе с вступившим в законную силу приговором к лишению свободы в отделение полиции того же уровня и осужденному» [2]. Однако в п. 6 ст. 24 Уголовно-исполнительного закона указано, что «не менее чем за 7 дней до истечения срока отсрочки отбывания наказания в виде лишения свободы председатель суда, постановившего об отсрочке отбывания наказания в виде лишения свободы, должен уведомить в письменной форме и незамедлительно направить уведомление об этом осужденному или органу, указанному в пункте 3 статьи 23 настоящего Закона» [4]. Таким образом, между Уголовно-процессуальным кодексом и Уголовно-исполнительным законом существуют разные положения по вышеуказанному содержанию, что приводит к путанице в вопросе о том, выносить ли уведомление о принудительном исполнении решения. Сейчас Уголовно-процессуальный кодекс Вьетнама 2015 г. этот вопрос уже не оговаривает, поэтому по истечении срока председательствующий в суде, отложивший отбывание наказания в виде лишения свободы, должен вынести письменное уведомление о вынесении приговора.

В-пятых, в случае совершения подсудимым в период отсрочки отбывания наказания в виде лишения свободы противоправного деяния или при установлении его намерения скрыться в соответствии с положениями ч. 2 ст. 263 Уголовно-процессуального кодекса 2015 г.: «Председатель суда, отложивший или приостановивший отбывание наказания в виде лишения свободы, отменяет это решение и выносит постановление об исполнении приговора о принудительном отбывании наказания в виде лишения свободы» [3].

Однако при таких обстоятельствах возникают проблемы у органов предварительного расследования, в производстве которых находится новое уголовное дело. Уполномоченные лица обязаны обращаться в вышеуказанный суд с ходатайством о предоставлении отсрочки отбывания наказания в целях завершения расследования по уголовному делу.

Список источников

1. Конституция Социалистической Республики Вьетнам 2015 г.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 2003 г.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 2015 г. (изм. и доп. в 2021 г.).
4. Уголовно-исполнительного закона Социалистической Республики Вьетнам 2019 г.

МЕЙРАМ АКАТОВИЧ АЮБАЕВ,

доктор юридических наук, ассоциированный профессор,
заместитель председателя Комитета уголовно-исполнительной системы,
Министерство внутренних дел Республики Казахстан,
г. Астана, Республика Казахстан,
профессор кафедры уголовно-исполнительного права,
Костанайская академия МВД РК имени Ш. Кабылбаева,
г. Костанай, Республика Казахстан,
e-mail: ahat1937@mail.ru

**СТАНОВЛЕНИЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ СЛУЖБЫ ПРОБАЦИИ
В КАЗАХСТАНЕ. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СУБЪЕКТОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРОБАЦИЮ**

Аннотация: в соответствии с Законом Республики Казахстан «О пробации», принятом 30 декабря 2016 года, пробация – это система видов деятельности и индивидуально определяемых мер контрольного и социально-правового характера, направленных на коррекцию поведения лиц, категории которых определены законом, для предупреждения совершения ими уголовных правонарушений.

Ключевые слова: субъекты пробации, учреждение уголовно-исполнительной системы, осужденный, местные исполнительные органы, оказание социально-правовой помощи.

Созданию и становлению Службы пробации в Казахстане предшествовал значительный путь изучения международной практики, апробирование отдельных ее видов в практической деятельности и принятие законодательных норм.

Пунктом 2.10 Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 год (Указ Президента от 24 августа 2009 г. № 858) предусмотрено, что для активного применения судами мер, альтернативных лишению свободы, необходимо добиваться повышения эффективности их исполнения, для чего требуется институциональное развитие специализированного органа, ответственного за исполнение таких мер.

Начиная с 2010 г., велась планомерная работа по институциональному развитию уголовно-исполнительной инспекции, ответственной за исполнение уголовно-правовых мер, не связанных с лишением свободы.

Этапы институционального развития Службы пробации:

- 1) в 2010 и 2011 гг. увеличена штатная численность уголовно-исполнительных инспекций на 1183 единицы (в 2010 г. на 591, в 2011 г. на 592);
- 2) 15 февраля 2012 г. Законом «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам службы

пробации» в структуре уголовно-исполнительных инспекций созданы отделения службы пробации.

В период с февраля 2012 г. по 31 декабря 2014 г. Служба пробации входила в структуру уголовно-исполнительных инспекций. При этом Служба пробации осуществляла контроль только за лицами осужденными условно. В отличие от уголовно-исполнительной инспекции Служба пробации помимо контроля оказывала содействие в получении социально-правовой помощи;

3) с 1 января 2015 г. уголовно-исполнительные инспекции преобразовываются в Службу пробации и ею оказывается содействие в получении социально-правовой помощи не только осужденным условно, но и осужденным к ограничению свободы, а также и лицам, освобожденным условно-досрочно и которым установлен административный надзор. Кроме того исполняет четыре вида наказания и две меры уголовно-правового воздействия, а также осуществляет изъятие государственных наград Республики Казахстан и документов к ним по их местонахождению;

4) 30 декабря 2016 г. в Республике Казахстан принят профильный Закон «О пробации», которым внедрен полный цикл института пробации – это досудебная, приговорная, пенитенциарная, постпенитенциарная.

Таким образом, было всесторонне предусмотрено и закреплено законодательно полноценное функционирование национальной системы пробации.

Однако практическая деятельность становления и развития института пробации Казахстана показала необходимость акцентирования внимания именно на взаимодействии субъектов пробации.

Субъекты, осуществляющие пробацию, должны замыкать непрерывную систему ее реализации. С момента вовлечения преступившего закон лица в орбиту уголовной юстиции до момента его освобождения.

Социальная адаптация осужденных – это задача не только органов уголовно-исполнительной системы.

Помочь в этом сложном вопросе может комплексное сотрудничество всех уполномоченных государственных органов и неправительственных организаций.

Ведущая роль отводится ключевым аспектам модернизации и развития механизма комплексной реализации возможностей государственных органов, общественных объединений и граждан в оказании осужденным, состоящим на учете службы пробации, необходимого объема социально-правовых услуг.

Как уже отмечено выше, 30 декабря 2016 г. принят Закон Республики Казахстан «О пробации», регулирующий общественные отношения в сфере организации и функционирования пробации и устанавливающий цель, задачи, принципы, виды и формы осуществления пробации, а также правовой статус лиц, в отношении которых применяется пробация, и субъектов, которые ее осуществляют. Особый акцент сделан на повышении эффективности взаимодействия всех субъектов.

Кроме того, данным законом впервые определены субъекты, осуществляющие пробацию, которыми являются государственные органы, а также граждане, общественные объединения и иные юридические лица.

Основные субъекты пробации – это местные исполнительные органы (органы соцзащиты населения, органы образования, органы здравоохранения), суд, прокуратура, органы юстиции, подразделения ОВД (служба пробации, местная полицейская служба, криминальная полиция), общественные объединения.

Целью пробации является содействие в обеспечении безопасности общества путем:

- 1) коррекции поведения подозреваемого, обвиняемого, направленная на предупреждение совершения ими уголовных правонарушений;
- 2) ресоциализации осужденного;
- 3) социальной адаптации и реабилитации лица, освобожденного из учреждения уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы.

В соответствии с указанной целью перед субъектами пробации поставлены следующие задачи:

местные исполнительные органы, граждане, общественные объединения и иные юридические лица оказывают социально-правовую помощь лицам, в отношении которых применяется пробация;

служба пробации осуществляет исполнение определенных законом видов наказаний, не связанных с лишением свободы и иных мер уголовно-правового воздействия;

суд контролирует вопросы условно-досрочного освобождения, замены ограничения свободы на лишение свободы, продление пробационного контроля, досрочное освобождение условно осужденных, объявление в розыск и ряд других вопросов, связанных с исполнением приговора суда;

органы прокуратуры осуществляют надзор за законностью исполнения наказаний;

местная полицейская служба осуществляет профилактику правонарушений;

криминальная полиция осуществляет розыск осужденных, профилактику наркопреступлений и преступлений, связанных с экстремизмом и терроризмом.

Местные исполнительные органы исполняют полномочия в сфере оказания социально-правовой помощи осужденным, состоящим на учете службы пробации, путем их социальной адаптации и реабилитации.

Социальная адаптация и реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, обеспечиваются путем:

1) оказания социально-правовой помощи по вопросам получения медицинских услуг; получения среднего образования; овладения профессией (профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации); содействия в трудоустройстве; обеспечения психологического сопровождения; получения установленных законодательством Республики Казахстан льгот и социальных выплат;

2) содействия в восстановлении и формировании поддерживающей системы социальных связей, включающего социально-психологическое и психологическое консультирование; социальный патронаж; помощь в восстановлении семейных и иных социально-позитивных связей при условии взаимного согласия сторон;

3) социально-бытовой адаптации, включающей обеспечение местом пребывания; организацию реабилитационных мероприятий; привлечение к участию в культурных мероприятиях;

4) предоставления консультаций по социально-правовым вопросам.

Как видно из вышеприведенного, основным направлением социально-правовой помощи осужденным, состоящим на учете службы пробации, является оказание содействия в получении образования, овладении профессией, трудоустройстве, лечении, а также обеспечении правовой помощи.

В настоящее время в практической деятельности институт пробации имеет достаточно частое применение. Об этом свидетельствуют статистические данные по оказанной местными исполнительными органами 16 213 социально-правовой помощи. Из них:

– 4854 трудоустроено;

– 5735 оказана помощь в лечении;

– 99 в получении образования;

– 188 овладение профессией;

– 15 поставлены на очередь получения жилья;

– 45 помещены в центры для ресоциализации лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации;

– 5277 иная помощь, оказываемая Центрами занятости и социальных программ.

В свою очередь, пробационный контроль представляет собой деятельность по осуществлению контроля службой пробации в отношении осужденных условно или к ограничению свободы за исполнением обязанностей, возложенных на них законом и судом.

При этом Служба пробации:

1) ведет учет лиц, в отношении которых применяется пробация;

2) разъясняет порядок предоставления и отказа от получения социально-правовой помощи, оказывает содействие в ее получении;

3) осуществляет подготовку досудебного доклада в отношении подозреваемого, обвиняемого;

4) разъясняет лицам, к которым применены наказания, не связанные с лишением свободы, порядок исполнения возложенных на них судом обязанностей и последствия их неисполнения;

5) разъясняет лицам, в отношении которых установлен пробационный контроль, порядок и условия его осуществления и прекращения, а также последствия несоблюдения условий пробационного контроля;

6) осуществляет пробационный контроль;

7) запрашивает необходимые для осуществления своих полномочий сведения, справки, характеристики, иную информацию от юридических лиц с соблюдением требований законодательства Республики Казахстан о государственных секретах и иной охраняемой законом тайне.

И это неокончателный перечень полномочий, предусмотренный законодательством Республики Казахстан.

Стоит также привести статистику на текущий период по численности под-учетных лиц службы пробации: 55 945 осужденных прошло по учетам (2022 г. – 56 728), 29 062 – состоит на учете (2022 г. – 28 588).

В соответствии со ст. 24 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан на службу пробации возлагается исполнение четырех видов наказаний, двух мер уголовно-правового воздействия.

Виды наказаний:

1) лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью;

2) привлечение к общественным работам;

3) исправительные работы;

4) ограничение свободы.

Иные меры уголовно-правового воздействия:

осуществление контроля за поведением:

1) беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, а также мужчинам в одиночку воспитывающих малолетних детей отбывание наказания, которым отсрочено;

2) осужденных условно.

Вместе с тем на сегодняшний день много проблемных вопросов возникает при взаимодействии и практической деятельности субъектов пробации.

Одной из основных целей пробации является повышение эффективности и создание условий дальнейшей успешной социальной адаптации лиц, освобождаемых из учреждений уголовно-исполнительной системы и состоящих на учете службы пробации.

На первый взгляд все вопросы реализации пробации законодательно урегулированы. Однако на практике имеется ряд проблемных вопросов при ее реализации.

В связи с этим с сентября 2022 г. Комитетом УИС МВД РК в Костанайской области реализуется Пилотный проект «Ресоциализация лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы и после освобождения» (*граничит с Челябинской областью РФ, расстояние от г. Костанай до г. Челябинска 323 км.*).

Пилотный проект проводится в тесном взаимодействии с акиматом, прокуратурой, представителями бизнеса и общественности Костанайской области.

Целью проекта является выработка и использование новых форм и методов работы при взаимодействии с местными исполнительными органами, службой пробацией, некоммерческими организациями для разрешения проблем осужденных, направленных на совершенствование процесса ресоциализации и социальной адаптации осужденных лиц в период отбывания наказания и после освобождения.

Результатами пилота стала выработка и реализация новых подходов в проводимой субъектами пробации работе.

Необходимо отметить, что все предоставляемые государственные услуги носят исключительно заявительный характер, то есть осужденный должен прийти в уполномоченный орган или организацию, чтобы получить ту или иную помощь.

Для человека в гражданском секторе это не является проблемой, а для бывшего осужденного, который длительное время от 10 до 20 лет находился в изоляции от внешнего мира, очень сложно, где и как ему получить помощь, куда идти и к кому обращаться.

В целях своевременной адаптации при освобождении из мест лишения свободы выделен ряд проблем в предоставлении первостепенной помощи, получение которой для осужденного имеет социальное значение.

Во-первых, это обеспечение осужденного местом проживания после освобождения. Во взаимодействии субъектов probation в этом вопросе есть некоторые проблемы. На сегодняшний день действует следующая схема по обеспечению местом проживания лиц, не имеющих постоянного места жительства после освобождения из учреждения УИС. За полгода до освобождения администрация учреждения ведет переписку с местным исполнительным органом и Центром ресоциализации для лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации (далее – Центр).

Если до освобождения осужденный не сообщил, что не имеет постоянного места проживания, то ему необходимо после освобождения идти сначала в органы социальной защиты населения и после получения направления проследовать непосредственно в Центр, что требует от него времени и финансовых затрат. С учетом его психологии, он предпочтет не ходить по «кабинетам» только из боязни и потери навыков общения с представителями госструктур. По итогам пилота осужденный может по выходу сразу же обратиться в Центр ресоциализации.

Однако есть и другая проблема. Это отсутствие свободных мест в центрах. Так, в 2022 г. Костанайский городской центр ресоциализации для лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, был вынужден отказать в приеме 6 лицам, состоящим на учете службы probation Костанайской области, из-за нехватки мест для размещения. В связи с чем разработан алгоритм действий, где предусмотрен вопрос предварительного согласования учреждением УИС наличия мест для освобождаемых осужденных и в случае невозможности их размещения в Центре ресоциализации по избранному им месту убийства, осужденному будет предложено временное пребывание в аналогичных Центрах близлежащих районов или регионов, где его смогут принять до появления свободного места в Центре по ранее выбранному месту проживания. В рамках решения данной проблемы по инициативе автора при содействии акима Костанайской области проработан вопрос расширения мест (пристройка на 50 койко-мест) в Костанайском городском центре ресоциализации для лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Следующая необходимая социально-правовая помощь – это трудоустройство осужденного после освобождения. На практике это реализуется сейчас следующим образом. Администрация учреждения направляет в местный исполнительный орган по избранному месту жительства осужденного уведомление о его предстоящем освобождении и необходимости трудоустройства, местный исполнительный орган в свою очередь направляет информацию потенциальным работодателям.

По итогам пилота проработано решение, когда осужденный посредством Электронной цифровой подписи за определенный срок перед освобождением может зарегистрироваться на бирже труда по имеющейся или приобретенной

специализации, а также оформить социальные пособия и др. При этом если нет вакансий по предстоящему месту проживания осужденного, то он может выбрать вакансию в другом регионе по своей специальности.

По выходу из учреждения осужденный сразу же направляется к работодателю, минуя лишний бюрократический путь через местный исполнительный орган. По итогам пилота во взаимодействии с акиматом в учреждении № 76 Департамента УИС по Костанайской области для осужденных также внедрены онлайн-курсы обучения через сайт «skills enbek», с получением сертификатов в различных сферах. В дальнейшем эту практику планируется ввести во всех учреждениях страны.

Вместе с тем имеется еще одна проблема на пути к трудоустройству освобожденных из мест лишения свободы лиц, которая заключается в том, что на сегодняшний день для трудоустройства, независимо от формы собственности, необходима медицинская справка формы № 075у. При этом прохождение медкомиссии и сбор справок требует значительных затрат как финансов, так и времени. Ведь часто узкопрофильные медицинские организации, такие как наркопсихдиспансеры, СПИД Центры и т.п. расположены в разных частях города либо района. Кроме того, прохождение медкомиссии для получения заветной справки также не бесплатна и в разных регионах варьируется от 5 до 10 тыс. тг.

Очевидно, что это затратно, даже для простых граждан, а для лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, тем более непосильно, поэтому в ходе реализации пилотного проекта проработан вопрос бесплатного прохождения осужденными медицинского осмотра по форме-075/у для трудоустройства после освобождения. Осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы, получают возможность пройти медобследование непосредственно перед освобождением, а лица, состоящие на учете службы пробации уже после постановления на учет по месту своего прикрепления к организации здравоохранения.

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что принимаемые практические меры, выработанные и реализуемые новые методы работы в оказании социально-правовой и иной помощи лицам, в отношении которых применяется пробация позволят значительно улучшить результаты совместной деятельности всех субъектов пробации, которые имеют единую цель – возвращение лиц, оказавшихся в конфликте с законом в нормальное общество и минимизация совершения ими новых уголовных правонарушений.

Список источников

1. Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 год : Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. № 858. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30463139 (дата обращения: 29.08.2023).

2. Об утверждении стандартов оказания специальных социальных услуг в области социальной защиты населения : приказ заместителя премьер-министра – министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 29 июня 2023 г. № 263. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36954525 (дата обращения: 29.08.2023).

ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА БЫСТРОВА,

доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора,
Орловский государственного университета имени И. С. Тургенева,
адвокат, Орловская областная коллегия адвокатов, г. Орёл, Россия,
старший научный сотрудник НОЦ правовых исследований,
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М Бербекова,
г. Нальчик, Россия,
e-mail: zukova57@mail.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ПОМИЛОВАНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Аннотация: гуманизация уголовного права и процесса приводит к появлению новых оснований освобождения от уголовной ответственности наказания, в ходе практического применения трансформируются действующие правовые институты уголовного права. Так, в 2023 году был принят Федеральный закон № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», закрепляющий самостоятельное основание освобождения от уголовной ответственности и от наказания. Практика применения данного правового акта на настоящий момент еще не сложилась, однако, принятые положения имеют рамочный характер.

Ключевые слова: помилование, амнистия, освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Правовой институт освобождения от уголовной ответственности и наказания не является статичным правовым институтом, однако, корректировка положений, входящих в четвертый раздел Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) вызывает массу дискуссий, как в научной среде, так и у правоприменителей. Основные споры возникают, в части возможности достижения целей уголовного наказания, при условии применения основания освобождения от уголовной ответственности и наказания. Апеллируя к статьям Конституции Российской Федерации, необходимо констатировать, что законодатель определил цель наказания – восстановление социальной справедливости, что нашло свое закрепление в части 2 статьи 43 Уголовного кодекса Российской Федерации. Доминирование данной цели наказания обуславливается необходимостью устранения последствия общественно опасных деяний, путем применения к виновному лицу мер государственного принуждения. Правовой анализ проблемных аспектов целей уголовного наказания всегда проводился в научной среде и являлся предметом множества научных дискус-

сий, по нему высказаны самые различные мнения и суждения [3, с. 34]. Предупреждение совершения новых преступлений, как цель реализации уголовного наказания, наряду с восстановлением социальной справедливости и исправлением осужденного (ч. 2 ст. 43 УК РФ), активно изучается в юридической литературе [1].

Рассматривая данные судебной статистики за период 2021–2022 гг., следует отметить рост количества осужденных лиц к лишению свободы на определенный срок со 174 156 чел. до 182 348 чел. в 2022 г., к пожизненному сроку с 47 чел. до 58 чел., а применение наказания в виде условного лишения свободы в 2022 г. (160 606 чел.) снизилось по сравнению с 2021 г. (165 162 чел.). Таким образом, наблюдается рост количества осужденных лиц.

Иными словами, при рассмотрении уголовного дела в судебном процессе и вынесении приговора, опираясь на нормы права, суд полагает, что достижение целей уголовного наказания возможно только при применении определенных видов наказания. Вместе с тем в четвертом разделе УК РФ содержатся условия, при которых возможно освобождения лица от отбытия наказания, установленного приговором суда. Перечень данных условий, предусмотрен нормами уголовного закона, он исчерпывающий и расширительному толкованию не подлежит.

Однако в четвертом разделе УК РФ в главы 13 содержатся два основания освобождения от уголовной ответственности и наказания, которые законодатель вывел в отдельный блок – это амнистия и помилование.

Институт помилования с точки зрения правоприменения имеет достаточно интересную природу, которая подтверждает исключительный характер данного акта, по сравнению с иными основаниями освобождения от наказания и уголовной ответственности в уголовном праве. В УК РФ институт помилования урегулирован в положениях статьи 85 «Помилование». Данной статьей предусмотрено, что помилование осуществляется в отношении определенного лица, и издать акт о помиловании вправе только Президент РФ. Так, если применение амнистии не связано непосредственно с лицом, совершившим преступное деяние, то помилование – это акт, применяемый к конкретному лицу, совершившему противоправное деяние.

Вместе с тем спецификой процедуры помилования является не освобождения от уголовной ответственности, а освобождения от уголовного наказания и возможно как следствие – снятие судимости.

Необходимо отметить, что особенностью помилования является не пересмотр судебного акта, обвинительной приговор остается в силе, как и обязанность возместить вред причиненный совершенным преступным деянием. Процесс помилования регламентирован «вне рамок» уголовно-процессуального законодательства. Аналогичная позиция содержится в Апелляционном определении Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 11 июля 2023 г. № АПЛ23-252 [2], а именно – процедура помилования не регулируется уголовно-процессуальным законодательством и осуществляется за пределами правосудия.

Следовательно, акт помилования не относится к категории документов, принимаемых в рамках уголовного судопроизводства и не регулируется нормами

действующего УПК РФ. Суд в процедуре помилования не принимает участия, а комиссия по помилованию в свою очередь не является участником уголовного процесса. По своей структуре акт помилования также уникален, так как содержит лишь указания на персональные данные лица, которое помиловано и указание на суд, вынесший приговор. В опубликованном акте отсутствует указание на противоправное деяние, совершенное лицом. Вместе с тем, принятию указа о помиловании предшествует большая подготовительная работа в плане сбора документов и оснований, характеризующих личность, лица, отбывающего наказание, также подлежит учету отношение лица, к совершенному им деянию. Данные документы на первоначальном этапе проходят комиссионную проверку, которая по результатам рассмотрения дела делает соответствующее заключение, которое впоследствии направляется Президенту РФ от имени главы субъекта РФ. Однако данная процедура предусмотрена не в рамках уголовного или уголовно-процессуального законодательства. Правовое регулирование процедуры помилования осуществляется в соответствии с Указом Президента РФ от 14 декабря 2020 г. № 787 «О некоторых вопросах деятельности комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации». Деятельность комиссии по помилованию неоднократно являлась предметом судебных споров, а именно – пробельность в порядке принятия решений об отказе в помиловании. В качестве примера можно рассмотреть ситуацию, изложенную в Апелляционном определении Тамбовского областного суда от 28 марта 2022 г. № 33а-1017/2022, а именно – лицом трижды направлялось ходатайство о помиловании в адрес Президента РФ, трижды в его адрес был направлен отказ в удовлетворении ходатайства, вместе с тем, по мнению заявителя, в ответах отсутствуют документы, подтверждающие рассмотрение его ходатайств, отсутствует подпись Президента РФ, на имя которого им подавались ходатайства о помиловании, отсутствуют какие-либо печати. Указанные обстоятельства вызывают у него сомнения в том, что его ходатайства доходили до адресата.

Ввиду своей исключительности акт помилования не имел массового применения. Так, в 2020 г., согласно информации, размещенной на официальном сайте Президента РФ, было издано четыре Указа Президента РФ о помиловании, в 2019 г. – семь, в 2018 – пять, в 2017 – четыре, в 2016 – шесть, в 2015 г. – два. С 2021 г. информация о принятых Указах отсутствует. Вместе с тем в средствах массовой информации, присутствует информации об издании Указов о помиловании в отношении участников специальной военной операции, находившихся в местах лишения свободы. Так, можно привести следующие источники: «Президент России Владимир Путин рассказал о том, что он действительно подписывает указы о помиловании граждан, пребывающих в местах лишения свободы, если они вызываются отправиться в зону проведения спецоперации. Об этом глава государства заявил во время встречи с военкорами 13 июня 2023 г. [4].

Член Совета по правам человека при Президенте РФ Ева Меркачева [3] в своем интервью также подтверждает наличие актов помилования в отношении лиц, отбывающих наказание, и изъявивших желание участвовать в спецоперации.

Отмечается также, что в отношении указанных лиц процедура помилования являлась государственной тайной. В связи с чем, на официальном сайте отсутствуют как принятые акты, так и данные о количестве помилованных лиц.

Следовательно, институт помилования по своей сути трансформировался, то есть был сформирован определенный круг субъектов его применения, условия применения, временной период и т. д.

Естественно назрела настоятельная необходимость в корректировке действующих правовых норм, необходимо было унифицировать сформировавшиеся правоотношения и предусмотреть порядок обеспечивающий реализацию поставленных законодателем целей.

Так, 24 июня 2023 г. был принят Федеральный закон № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции».

Целью принятия данного закона являлось – установление оснований освобождения от уголовной ответственности для определенной категории граждан. А именно – речь идет о лицах, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы РФ, а также заключивших контракт. В нормативном правовом акте оговорен процессуальный статус лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, а именно – в отношении которых проводится предварительное расследование и приговоры по делам которых вступили в законную силу до дня вступления в силу настоящего федерального закона, в том числе лица, отбывшие наказание или условно-досрочно освобожденные от отбывания наказания. Также в качестве обязательного критерия указаны категории совершенных преступных деяний, а также составы, в отношении которых данный порядок не применим. Необходимым условием является получение госнаграды либо увольнение со службы по определенным основаниям.

Несмотря на то что данный федеральный закон содержит в себе основания для освобождения от уголовной ответственности, полагаем, что основная цель все-таки заключается в урегулировании правового статуса лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции, так как он ограничен не только по кругу лиц, но и во времени, также есть определённость.

Вместе с тем, анализируя положения данного нормативного правового акта с позиций уголовного права, в качестве одного из оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания, то полагаем, что ввиду принятого нормативного акта потребуется внесение ряда поправок в раздел четвертый УК РФ, в части установления основания освобождения от уголовной ответственности и наказания. Кроме того, корректировки потребуют и нормативные положения принятого закона, в части регламентации критериев принятия уполномоченными органами решений, а также уточнения категории наград и срока окончания контракта.

Кроме того, в настоящее время судебной практикой сформировано новое основание для смягчения наказания – мужество и отвага при выполнении боевых задач во время участия в специальной военной операции (СВО). Так,

Верховный суд РФ в своем определении обосновал возможность смягчения наказания, тем что лицо, участвуя с СВО и выполняя боевые задачи не представляет угрозы для общества, а следовательно, общественная опасность совершенного им преступного деяния существенно снизилась [6]. В связи с чем видится необходимость закрепление данного обстоятельства в УК РФ. Как показала практика последних двух лет, в ряде поправок также нуждается и институт помилования.

Список источников

1. Интервью первого заместителя директора УФСИН России А. А. Рудого «Российской газете» // Российская газета. Официальный сайт. URL: <https://rg.ru/2017/06/26/anatolij-ruduj.html> (дата обращения: 01.08.2023).
2. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 11 июля 2023 г. № АПЛ23-252 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.08.2023).
3. Маркачева объяснила помилование заключенных // РБК. Официальный сайт. К. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/01/2023/63bc31269a79475aefc9ce09> (дата обращения: 01.08.2023).
4. Парфиненко И. П. Цели уголовного наказания: ретроспективный анализ // Российский следователь. 2016. № 7. С. 32–35.
5. Читайте на WWW.KP.RU. URL: <https://www.kp.ru/online/news/5313993> (дата обращения: 01.08.2023).
6. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2023 г. № 225-УД23-8-К10 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.08.2023).

БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ ГАВРИЛОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры управления органами
расследования преступлений,
Академия управления МВД России, г. Москва, Россия,
e-mail: profgavrilov@yandex.ru

**УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК
В СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА:
КАК ЕГО ВВЕДЕНИЕ ПОВЛИЯЕТ
НА УРОВЕНЬ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

Аннотация: автор ведет речь о возможных последствиях в части изменения уровня пенитенциарной преступности при введении в российское законодательство уголовного проступка, уровень общественной опасности которого значительно ниже, чем преступлений иных категорий, что создает возможность для исключения из числа привлеченных к уголовной ответственности лиц, совершивших данный вид противоправных деяний, и соответственно позволит значительно снизить уровень пенитенциарной преступности. Автор в качестве значимого аргумента указывает на наличие проступка в дореволюционном законодательстве России, а также в государствах Европы, Америки и других, включающих в себя государства бывшего СССР. Одновременно излагаются социально – правовые основания и криминологическая характеристика, обуславливающие необходимость принятия законодателем данного решения.

Ключевые слова: уголовное законодательство, преступление, пенитенциарная преступность, уголовный проступок, либерализация уголовной ответственности.

В числе ключевых проблем современного российского уголовного законодательства обозначена гуманизация уголовно-правовой политики России, что, наряду с иными факторами, обуславливалась тем, что на 1 января 2000 г. в местах лишения свободы содержалось более 1 млн граждан, что вызвало обоснованную тревогу руководителя службы исполнения наказаний Ю. И. Калинин [7] и автора настоящей статьи, занимавшего в том момент должность заместителя начальника Следственного комитета при МВД России, следователи которого в 1998–1999 гг. ежегодно заключали под стражу порядка 460 тысяч подозреваемых, обвиняемых. С учетом сложившегося положения законодателем были приняты действенные меры в виде федеральных законов, предусматривающих принципиальные изменения

процедур заключения под стражу подозреваемых, обвиняемых, дифференциацию уголовной ответственности за кражи, участие в разработке которых принимал автор в силу своего служебного статуса. Среди принятых в тот период федеральных законов:

– от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ (Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ), положения которого исключили из ст. 96 УПК РСФСР, положения ее ч. 2 о возможности заключения под стражу в силу одной опасности совершенного преступления, к которым относились противоправные деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 158 УК РФ, относящиеся в тот период времени к тяжким преступлениям, включая, например, кражи мешка картошки из сарая в подвале жилого дома или велосипеда, совершенного от подъезда жилого дома двумя подростками с целью покататься, что обеспечило сокращение в 2000 и в 2001 гг. заключенных под стражу граждан;

– от 31 октября 2001 г. № 133-ФЗ (Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 31 октября 2002 г. № 133-ФЗ), которым были дифференцированы кражи, квалифицированные по ч. 2 ст. 158 УК РФ и большинство из них (их примеры приведены выше) санкция была снижена с 6 до 5 лет лишения свободы. Реализация положений данного закона обеспечила значительное сокращение (еще на 100 тыс.) число ежегодно заключаемых под стражу подозреваемых, обвиняемых;

– существенное сокращение в последующие годы числа ежегодно заключаемых под стражу граждан в досудебном уголовном судопроизводстве имело место как следствие реализации УПК РФ положений концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. (Концепция судебной реформы в РСФСР: утверждена Постановлением Верховного Совета РСФСР 24 октября 1991 г. № 1801-1) в части передачи функции заключения под стражу от прокурора суду. В результате принятых мер в 2022 г. под стражу в стадии предварительного расследования заключено под стражу 77,6 тыс. граждан и соответственно на 1 января 2023 г. число содержащихся в местах лишения свободы граждан сократилось до 460 тыс., что обеспечило значительное улучшение криминогенной обстановки в учреждениях уголовно-исполнительной системы (табл. 1).

В 2016 г. российский законодатель предпринял очередной, хотя и менее значимый по последствиям этап гуманизации уголовной ответственности в виде федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ (Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответвен-

ности» от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ), которым был повышен с 500 до 2,5 тыс. рублей потолок, чем декриминализовано порядка 50 тыс. краж. Этим же законом были также декриминализованы 15 тыс. фактов нанесения побоев на бытовой почве и около 20 тыс. фактов неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, фактически не представляющих значительной общественной опасности. Давая оценку данным изменениям уголовного закона, Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев отметил, что эти новеллы, инициатором которых был Верховный Суд РФ, требуют своего продолжения [1], путем введения в уголовное законодательство новой категории в виде «уголовно наказуемого проступка», на необходимость чего указывал неоднократно Президент Российской Федерации В. В. Путин (Путин поддержал инициативу введения понятия уголовного проступка // Российское агентство правовой и судебной информации URL: https://rapsinews.ru/legislation_news/20201210/306582844.html (дата обращения: 21.02.2023)).

Таблица 1

**Сведения о числе заключенных под стражу
подозреваемых, обвиняемых по ходатайствам следователя, дознавателя
(за 2000–2008 гг., 2016–2022 гг.)**

	2000	2001	2003	2005	2007	2008	2016	2019	2020	2022
Следователями прокуратуры	48539	48765	44661	52026	—	—	—	—	—	
Следователями СК при прокуратуре	—	—	—	—	39586	36112	—	—	—	
Следователями СК РФ	—	—	—	—	—	—	23613	19409	18938	19991
Следователями ОВД	286164	247829	127808	141174	128709	122671	75422	60118	53185	53709
Дознавателями ОВД	16761	11719	16782	28889	21666	16922	6796	4902	4043	3875
Всеми правоохранительными органами (в тыс.)	302,3	259,5	144,5	234,8	204,1	191,1	105,8	84429	76166	77575

Реализуя данное предложение Пленум Верховного Суда Российской Федерации в октябре 2017 г. в Государственную Думу Российской Федерации внес проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», предусматривающий отнесение к данному виду противоправных деяний преступлений небольшой тя-

жести, санкции которых не предусматривают наказание в виде лишения свободы и совершенные лицом впервые. Фактически по указанным основаниям законопроект был негативно воспринят как представителями научной общественности, так и правоприменителями, а также Правительства Российской Федерации в форме отрицательного отзыва по причине несоответствия ряда положений законопроекта Конституции Российской Федерации, а также в силу крайне ограниченного перечня уголовно-наказуемых деяний, которые Верховный Суд Российской Федерации предлагал отнести к уголовным проступкам. Не учитывался при этом и российский дореволюционный опыт зарубежных государств, в том числе бывшего постсоветского пространства, в которых институт уголовного проступка действует достаточно длительный временной период.

Указанные выше обстоятельства, по мнению автора, следует учитывать и законодателю как и представленный 5 апреля 2017 г. на парламентских слушаниях в Совете Федерации РФ проект Дорожной карты (2017–2025 гг.) совершенствования уголовной политики [15], о чем ранее автором высказывалось с учетом того, что число лиц, отбывающих наказание, сегодня на 100 тыс. населения составляет в России 630 чел., в Скандинавских странах – 88, Италии – 78, Франции – 100, Испании – 126 чел., а в ФРГ в местах лишения свободы содержится не более 50 тыс. осужденных [12].

О необходимости введения такой самостоятельной категории преступлений как уголовный проступок неоднократно высказывались как представители научного сообщества: С. Г. Келина [16], С. В. Максимов [11], Г. А. Кригер [9], Н. Ф. Кузнецова [10], Е. В. Рогова [3], В. Ф. Цепелев [17], М. Д. Шаргородский [18] и др., так и правоприменители: В. В. Гордиенко [5], Б. Я. Гаврилов [13, с. 4] и др. Предложение о введении уголовного проступка еще в 1974 г. было изложено в проекте Кодекса уголовных проступков, подготовленном рабочей группой В. И. Курляндского [8, с. 120].

Реализация данного предложения, с одной стороны, направлена на обеспечение реальной оценки противоправного деяния с учетом степени их общественной опасности, а также лица, его совершившего. С другой стороны, это обеспечит реальное сокращение числа содержащихся в местах лишения граждан и соответственно уровень пенитенциарной преступности.

Одновременно автор отмечает наличие и иных точек зрения. Так, профессор Л. В. Головкин обосновывает позицию об отсутствии в России должных правовых оснований для этих изменений [4]. Фактически подобную точку зрения высказывает и А. А. Толкаченко (заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке), отмечая, что «в современных условиях введение уголовного проступка... и судопроизводство по нему не способны сами по себе оказать принципиального влияния на уголовную политику» [14].

При этом автор обращает внимание и на наличие среди научного сообщества и иных высказываний о возможности «реализации в России идеи выделения из преступлений уголовных проступков». Достаточно подробно эту позицию обосновывает В. В. Дорошков (Судья Верховного Суда Российской Фе-

дерации в почетной отставке). По его мнению, для объективной и всесторонней оценки введения уголовного проступка необходим анализ причин обусловленности введения уголовного проступка, а также выяснение причин – почему указанные предложения были приняты либо отвергнуты. При этом от «того, какие преступления законодатель отнесет к уголовным проступкам, будет зависеть вектор уголовной политики государства на ближайшую перспективу» [6, с. 31–39].

Необходимость включения в российское законодательство уголовного проступка обуславливается также значительным числом осужденных граждан в силу ориентированности российского уголовного законодательства на уголовно-правовые запреты. В силу указанного в 1992–2001 гг. ежегодно в суд направлялись уголовные дела в отношении более 1,5 млн граждан, к 2008 г. их число уменьшилось до 1,2 млн человек и хотя в 2022 г. их число и сократилось до 724,3 тыс., однако криминализация общества остается значительной, что отражено в соответствующих статистических данных (табл. 2).

Таблица 2

Сведения о числе граждан, привлеченных к уголовной ответственности

Период	1999	2001	2008	2010	2012	2013	2014	2015	2021	2022
Число обвиняемых (тыс. чел.)	1553,0	1504,0	1210,0	999,5	89163	881,5	859,5	884,6	741,5	724,3

Значимым аргументом за введение уголовного проступка выступает и социально-правовая характеристика категорий преступлений, имея в виду в первую очередь преступления небольшой и отдельных преступлений средней тяжести, характеристика которых приведена в таблицах 3 и 4.

Таблица 3

Динамика зарегистрированных преступлений небольшой тяжести (данные статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2005–2021 гг.)

Годы	Количество зарегистрированных преступлений небольшой тяжести	Прирост к предыдущему году (%)	Удельный вес в общем количестве зарегистрированных преступлений (%)
2005	1 084 029	28,8	30,5
2006	1 265 271	16,7	32,8
2007	1 230 791	–2,7	34,4
2008	1 130 691	–8,1	35,0
2009	1 068 912	–5,5	36,0
2012	947 376	8,0	41,0
2018	920 153	–0,6	46,2
2019	875 332	–0,9	43,2
2020	845 487	–3,4	42,4
2021	839 921	–0,7	41,9
2022	830 804	–1,1	42,2

Число осужденных, в том числе за преступления небольшой тяжести
 (данные статистики Судебного департамента при Верховном Суде
 Российской Федерации за 2005–2022 гг., форма № 1,
 раздел 1 отчета о работе судов общей юрисдикции
 по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции)

Годы	Всего осуждено	в том числе за преступления небольшой тяжести	То же в %
2005	878 893	254 062	30,0
2006	909 853	280 445	30,8
2007	927 074	296 698	32,0
2008	925 166	323 470	35,0
2009	892 361	326 076	36,5
2012	739 278	273 346	37,0
2017	697 054	363 208	52,1
2018	658 291	347 066	52,7
2019	620 054	317 390	51,2
2020	530 965	290 231	54,7
2021	565 317	304 035	53,8
2022	578 751	292 380	50,5

Одновременно анализ приведенных выше законодательных мер по декриминализации отдельных видов преступлений путем перевода их части в административные правонарушения и одновременно введение криминализации мелкого хищения (ст. 158¹ УК РФ) и побоев (ст. 116¹ УК РФ), составы которых предусматривают в качестве условия привлечения к уголовной ответственности административную преюдицию. Данное законодательное нововведение в виде привлечения к уголовной ответственности за перечисленные выше преступления лиц, уже подвергнутых за совершенное ими ранее аналогичное деяние административному наказанию, а также криминализация средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ч. 1 ст. 157 УК РФ), путем введения криминализирующего признака неоднократности (кстати, инициировал исключение из УК РФ Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ (в ред. от 7 декабря 2011 г.) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» признаков «неоднократность» и «совершение преступлений лицом, ранее судимым» за отдельные виды преступлений автор настоящей публикации), поскольку это противоречит положениям ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации о том, что лицо не может дважды нести ответственность за одно и то же деяние.

С учетом изложенных выше факторов в проекте федерального закона, внесенного в октябре 2020 г. постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации в Государственную Думу Российской Федерации позиция его авторов была существенно изменена за счет значительного расширения (до 112 составов) перечня преступлений, подпадающих под категорию

уголовного проступка, включая 55 противоправных деяний в сфере экономики, в том числе 22 – в сфере экономической деятельности, а также расширения круга деяний, санкции за отдельные виды из которых предусмотрены в виде лишения свободы на срок до 4 лет (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»).

Список источников

1. Вячеслав Лебедев готовит «уголовный проступок». Председатель Верховного Суда РФ рассказал о гуманизации уголовного законодательства // Коммерсант. 2016. 21 сент.

2. Гаврилов Б. Я. Уголовный проступок в российском праве: пожелания законодателя или реалии российского общества // Человек: преступление и наказание. 2018. № 2. С. 131–136.

3. Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Уголовный проступок: концепция развития (мнение ученого и практика) // Публичное и частное право. 2016. № 4(32). С. 7–45.

4. Головки Л. В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые замыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. № 1.

5. Гордиенко В. В. Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // Российский следователь. 2011. № 16. С. 3–5.

6. Дорошков В. В. К вопросу об уголовном проступке // Мировой судья. 2016. № 12. С. 31–39.

7. Калинин Ю. И. Лесоповал с «человеческим лицом» // Российская газета. 2002. № 186.

8. Кодекс уголовных проступков. М. : Проект, 1974.

9. Кригер Г. А. Конституция СССР и совершенствование уголовного законодательства // Вестник Московского университета. Серия : Право. 1979. № 2. С. 7–8.

10. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. 232 с.

11. Максимов С. В. УК на перепутье. Стоит ли форсировать работу над новым кодексом // Российская газета. 2011. 7 июня.

12. Радченко В. И. Как исправить тюрьму // Российская газета. 2009. № 4998.

13. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика: цифры и факты : монография. М. : ТК Велби : Проспект, 2008. 208 с.

14. Толкаченко А. А. К обсуждению проекта федерального закона в связи с введением понятия уголовного проступка, или чем может помочь Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2017 г. № 42 // Закон. 2018. № 1.

15. Уголовная политика: дорожная карта 2017–2025 гг. URL: <http://www.crs.ru/ru/events/ugolovnaya-politika-dorozhnaya-karta-2017-2025-gg> (дата обращения: 01.03.2023).

16. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Г. З. Анашкин, С. В. Бородин, И. М. Гальперин, Н. И. Загородников и др. ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. М. : Наука, 1987. 276 с.

17. Цепелев В. Ф. Соотношение преступления и иных правонарушений: сравнительный аспект // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 250-летию образования МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, 27–28 мая 2004 г.). М. : ЛексЭст, 2005. С. 631–633.

18. Шаргородский М. Д. Вопросы общего учения о наказаниях в период развернутого строительства коммунистического общества // Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма. Л. : Изд-во ЛГУ, 1961.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ГАЛАХОВ,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации,
главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем
оперативно-розыскной деятельности
Центра исследования проблем обеспечения безопасности
в учреждениях уголовно-исполнительной системы,
ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия,
e-mail: junior86@rambler.ru

**НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОБЛЮДЕНИЯ
ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ
(к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации)**

Аннотация: в статье изложены некоторые основные направления соблюдения прав и свобод человека и гражданина и определены варианты их совершенствования применительно к местам принудительного содержания. На основе конституционных норм права и свободы осуществляется вся правоохранительная деятельность по их обеспечению. Одним из важных субъектов этой деятельности является уголовно-исполнительная система. Имея свои ее положительные и негативные стороны, автор статьи формулирует некоторые свои суждения по устранению недостатков, имеющих в сфере этой деятельности. Особо обращает внимание на соблюдение прав и свобод при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, сотрудники уголовно-исполнительной системы.

В последние годы в ФСИН России не прекращается целенаправленная работа по совершенствованию соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина и их надлежащего обеспечения сотрудниками уголовно-исполнительной системы. Эта важнейшая функция в качестве первоочередной нуждается в дополнительном совершенствовании нормативно-правового регулирования, обеспечивающего соблюдения прав лиц, содержащихся в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы, их сотрудников и работников; изменение подходов к условиям содержания подозреваемых и обвиняемых в следственных изоляторах с учетом того, что их вина в совершении преступления еще не доказана, а обвинительный приговор не вступил в законную силу [5]. В целях распространения положительно-

го опыта соблюдения прав в ФСИН России активно используются возможности центральных и ведомственных средств массовой информации (СМИ), официальные интернет-сайты ФСИН России и территориальных органов, образовательных учреждений ФСИН России.

Несмотря на это права и свободы человека и гражданина в нашем обществе привлекает повышенное внимание. Особенно это касается деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы и в частности оперативных сотрудников. Критические высказывания в адрес этих сотрудников воспринимаются на веру безо всякой доказательственной аргументации. Этой особенностью российской ментальности охотно пользуются все субъекты деструктивного влияния на деятельность уголовно-исполнительной системы, обвиняя ее в «полицейском произволе» и нарушении законности [1, с. 29–30].

Права человека, вопросы к их социальному предназначению и человеческому развитию, вставали многие тысячелетия. Они неизменно находились в центре внимания политической, юридико-правовой, этической, религиозной, философской мысли, являясь одновременно сложным многомерным феноменом. В различные эпохи вопросы к правам и свободам человека их соблюдению вставали в разных интерпретациях в зависимости от социальной позиции, находившихся у власти классов.

Проблемы прав и свобод человека и гражданина были, остаются и в обозримой перспективе останутся исключительно актуальными и социально значимыми, поскольку они служат важнейшим средством осуществления цивилизованной жизни людей, удовлетворения их принципиально важных интересов и потребностей.

Необходимость создания нового, более справедливого мира, а также обращение мирового сообщества к проблемам прав и свобод человека и гражданина послужила Второй мировой войне, которая побудила Организацию Объединенных Наций после ее окончания объединить основные права человека, осуществление которых она считала желательным для всего человечества, и которые получили официальное закрепление во Всеобщей декларации прав человека (принятой Организацией Объединенных Наций в 1948 г.) и Международном пакте о гражданских и политических правах. В Российской Федерации это нашло свое отражение в Декларации прав человека и гражданина 1991 г., а затем и в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) в 1993 г. где права и свободы человека и гражданина провозглашены в числе основ конституционного строя [6, с. 20–21]. Которые в своей совокупности должны были способствовать предупреждению подобных нарушений в будущем и служить наиболее эффективному обеспечению прав и свобод человека, по мнению В. Д. Зорькина были реализованы в последующей правоохранительной деятельности далеко не безупречно [3]. Несмотря на это Российская Федерация, зафиксировавшая права человека и гражданина в Конституции, обязуется через деятельность органов власти, управления, суда, прокуратуры, правоохранительные органы обеспечивать и соблюдать права и свободы человека, осуществлять их исполнение и защиту. Вместе с тем права и свобо-

ды человека связаны также и с определенными видами обязанностей, а именно – не посягать на права и свободы других лиц, уважать конституционный демократический строй своей страны, общественную мораль.

Целостность системы прав и свобод человека обусловлена единством двух принципов – равноправие и социальная справедливость. Первый означает, прежде всего, равенство в обладании всем объемом исходных прав человека, закрепленных в законе, перед которым все равны. Второй – социальная справедливость стал основой социальных, экономических и культурных прав. В международном праве оба принципа признаны равноценными, в соответствии с которыми прав и свобод человека продолжают динамично развиваться до сих пор.

В ряде статей Конституции содержатся положения о том, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются приоритетной обязанностью государства. Эти конституционные предписания требуют, чтобы все государственные федеральные органы выполняли указанные функции. Конституция определила основные ценности государства и закрепила порядок их охраны и защиты, возложив ее на правоохранительные, надзорные и контрольные органы.

Особое место в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина занимают органы и учреждения уголовно-исполнительной системы, деятельность которых непосредственно направлена на решение ее основной задачи охрана прав, свобод и законных интересов осужденных (ч. 2 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) [7]. Однако, необходимо признать, что сегодня они не могут полностью справиться с выполнением своей главной конституционной обязанности – соблюдением прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей; обеспечить их защиту от преступных посягательств и соблюдение. К сожалению, на практике использование сотрудниками уголовно-исполнительной системы своих полномочий не всегда сочетается с такими принципами, как законность, обоснованность и соразмерность, что нередко приводит к нарушениям прав и свобод лиц, находящихся в местах принудительного содержания не только при исполнении уголовных наказаний, но и при осуществлении оперативно-розыскной деятельности при выявлении, предупреждении и раскрытии преступлений или правонарушений. Для их минимизации одним из возможных направлений должно служить повышение уровня взаимодействия администрации уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества и общественными организациями, наблюдательными комиссиями в вопросах контроля за соблюдением прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей [5].

В связи с этим можно с уверенностью говорить, что проблемы соблюдения прав и свобод человека и гражданина и совершенствования гарантий их обеспечения при осуществлении оперативно-розыскной деятельности оперативными сотрудниками уголовно-исполнительной системы, несмотря на значительное количество научных трудов по этим проблемам, продолжают быть актуальными и неисчерпаемыми. В качестве дополнительной функции для оперативных сотрудников, также направленной на защиту прав и свобод личности, пра-

вомерно рассматривать оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства [8, с. 103–120].

В настоящее время назрела потребность в проведении комплексных мер, направленных на повышение уровня оперативно-розыскного противодействия совершению преступлений, как функции, имеющей «яркую социальную направленность» [4, с. 4]. Хотя и нельзя отрицать того факта, что нравственное, гуманное содержание всей оперативно-розыскной деятельности связано тем не менее с применением самых разнообразных негласных сил, средств и методов, используемых в государственном принуждении в отношении преступников. Поэтому часто сотрудникам оперативных подразделений при ее осуществлении руководствуются в их выборе не только правовыми предписаниями, но и морально-этическими и нравственными требованиями к своему поведению при ее организации. И это, главным образом, обусловлено тем, что нарушение прав и свобод всегда выражается в посягательстве на чьи-либо законные интересы, которые охраняются правом. Поэтому государство вынуждено создавать специальные правоохранительные органы, которые по мере их создания затрагивают проблемы морали, этики и нравственности в деятельности сотрудников, использующих негласные силы, средства и методов в своей деятельности, несмотря на всю их социальную значимость, эти проблемы периодически привлекают интерес как со стороны научных, так и практических сотрудников.

Вместе с тем процессы развития и реализации прав и свобод личности постоянно с той или иной интенсивностью сопровождаются разнообразными препятствиями. Среди таковых особо выделяются посягательства со стороны самого государства (произвол должностных лиц и т. д.), вплоть до откровенно грубых и массовых попраний прав и свобод (репрессии при тоталитарных режимах и т. п.). К тому же возможное насилие, принуждение по мере развития общества все более становится предметом законодательной регламентации, приобретающей черты правового принуждения.

Хотя право власти – такой юридический феномен, который свидетельствует о том, что право еще не имеет в полной мере своей независимости. По основным своим параметрам оно является инструментом власти, прямым выражением и воплощением власти. Поэтому она не только не реализует своего исторического назначения, связанного с основами человеческого бытия, но и может выступать в жизни общества в качестве формы массового, крупномасштабного произвола, средства реализации групповых, узкоклассовых и этнических интересов, авторитарных и тоталитарных режимов, утопий, узко доктринерских фантазий, бесчеловечных экспериментов и насилия над людьми.

В Международной декларации прав человека и в конвенциях сказано, что осуществление основных прав может быть ограничено лишь соображениями соблюдения прав других людей. Учитывая экономическое и политическое состояние России в настоящее время, мы пока не живем в таком обществе, где могли бы полностью соблюдаться права и свободы человека и гражданина. Законодательное закрепление необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях их соблюдения является правовым основанием и обозна-

чением оперативно-розыскной деятельности как важной составляющей государственной деятельности, указывает на ее социальную значимость. Приведенный же в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» исчерпывающий перечень ее субъектов свидетельствует о том, что она носит самостоятельный характер. Основным аргументом самостоятельности, а также ее необходимости является ее цель – защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств и тем самым как можно раньше вмешаться в цепь событий, ведущих к преступлению.

Сам по себе факт вторжения в личную жизнь человека, взятый вне связи с конкретными обстоятельствами и жизненными ситуациями, с точки зрения общечеловеческой морали, конечно же, носит негативную окраску. Однако подобные оценки должны даваться конкретным, а не абстрактным явлениям. Речь в данном случае должна идти не о том, допустимо ли проведение оперативно-розыскных мероприятий в решении задачи обеспечения и соблюдения конституционных прав и свобод, поскольку их допустимость определены законодательно, а о том, насколько обосновано использование негласных методов в каждом конкретном случае [2, с. 246–248].

Если их использование позволяет не пассивно ожидать совершения преступлений, а вести активную работу по недопущению нарушения конституционных прав и свобод, минимизации факторов, негативно влияющих на криминологическую обстановку, то их использование при соблюдении необходимых условий и процедур будет правомерным и допустимым со всех точек зрения. При этом сотрудниками уголовно-исполнительной системы нарушений прав и свобод осужденных и лиц, содержащихся под стражей, совершается в разы меньше по сравнению с контингентом, находящимся у них под стражей. В итоге сотрудники, а не осужденные остаются один на один с активно противодействующим им, сплоченным и имеющим финансовые ресурсы криминалитетом [1, с. 24].

В заключение можно сказать, что в настоящее время законодатель, не имея целостного правового понятия обеспечения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина и особенно в среде осужденных и лиц, содержащихся под стражей, идет по пути регламентации отношений, возникающих в различных проявлениях и формах общежития. Аналогичный подход имеет место и при установлении правовых ограничений, а также оснований ответственности за их не соблюдение. На наш взгляд, отсутствие единого комплексного подхода к данной проблеме приводит к разному роду затруднениям в правоприменительной деятельности и способствует нарушению прав и законных интересов личности, общества и государства в целом. Более того нарушение прав и свобод граждан, содержащихся в местах принудительного содержания снижает уровень доверия к сотрудникам уголовно-исполнительной системы и создает информационный фон для деятельности криминальных структур в целях деструктивного влияния на ее деятельность и реализацию собственных криминальных целей и задач.

Список источников

1. Галахов С. С. Некоторые проблемы обеспечения прав сотрудников уголовно-исполнительной системы и направления противодействия деструктивной деятельности средств массовой информации на их деятельность // Петербургские пенитенциарные конференции (г. Санкт-Петербург, 17–18 мая 2021 г.) : материалы конф. : в 4 т. СПб. : Университет ФСИН России, 2021. Т. I. С. 24–30.
2. Ефремов А. М. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности: теоретические и прикладные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2001.
3. Зорькин В. Д. Правовые результаты Нюрнбергского процесса и их современное значение: доклад на международной научной конференции, посвященной 65-летию Нюрнбергского процесса (г. Санкт-Петербург, 16 мая 2011 г.) // Российская газета. 2011. 16 мая.
4. Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация / под ред. А. С. Овчинского и В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2000.
5. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р (в ред. от 27 мая 2023 г.).
6. Совместная программа между Комиссией европейских сообществ и Советом Европы по укреплению федеральных структур и механизмов защиты прав человека, по реформированию правовой системы в Российской Федерации // Российская юстиция. 1996. № 11. С. 20–21.
7. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 24 июня 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 5 июля 2023 г.).
8. Хомколов В. П. Организация управления оперативно-розыскной деятельностью: системный подход. М. : Закон и право, ЮНИТИ, 1999.

ФАРИТ ХАТИПОВИЧ ГАЛИЕВ,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права,
Институт права Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия,
e-mail: galievfarkhat@mail.ru

НЕПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИОНОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: исследованию особенностей и причин неправомерного поведения посвящено довольно много научных работ. В то же время вопрос о том, почему же человек, несмотря на очевидность невыгодности, наказуемости и наличия возможности наступления неблагоприятных последствий, выбирает неправомерную модель поведения, остается открытым. Ситуация осложняется тем, что к тем разновидностям правонарушающих форм поведения людей прибавляются еще и те, которые обусловлены новым витком в интеллектуальном совершенствовании общества – развитием электронных технологий и информатизацией.

Ключевые слова: правовое поведение, общественные отношения, соционормативное регулирование, социальные нормы, норма права.

Изучению специфики неправомерных поступков людей, действительно, посвящено довольно много научных исследований, среди которых можно назвать многих ученых, известных своими работами во всем мире: это работы немецкого специалиста в области юридической психологии Густава Ашаффенбурга, итальянского ученого Чезаре Лаброзо, французского юриста и социолога Габриэля де Тарда и многих других исследователей [1, с. 241]. В теории государства и права, в одних учебниках, обычно, рассматриваются вопросы, связанные, в основном, с определением понятия «правонарушение», выделением основных признаков и видов правонарушения, с уточнением обстоятельств, исключающих противоправность деяния и юридическую ответственность и т. д. [10]. В других учебниках обращают внимание на сущность правонарушения, его социальную природу и состав и т. д. [13]. Некоторые авторы, рассматривая особенности правонарушения, обращают внимание на взаимосвязанность права и конфликтов, характеризуют правонарушение как вид отклоняющегося (девиантного) поведения, обращают внимание на иные отклонения от правопорядка [17]. При всем этом очень мало внимания уделяется на выяснение того, а почему, несмотря на то, что жизнь людей, по сравнению с историческим прошлым, в принципе, неизмеримо улучшается, люди все равно совершают правонарушения.

В то же время, как писал В. В. Лазарев, все правонарушения – явления для общества крайне нежелательные, поэтому общество и государство стремятся к их ликвидации. Сегодня признано, что полного искоренения преступлений, не говоря уже о других правонарушениях, ожидать трудно. Но для успешной борьбы с ними необходимо знать и причины – те обстоятельства, наличие которых обуславливает существование правонарушений. ...Окончательных выводов по этому вопросу нет, да и не может быть, так как в разное время в разных странах у разных народов существует своя система многообразных материальных, духовных и социальных факторов, выступающих в своей совокупности причиной определенной разновидности правонарушений» [12]. Исходя из этого, мы можем сформулировать определение понятия «причины правонарушений» – это система многообразных материальных, духовных и социальных факторов, выступающих в своей совокупности причиной определенной разновидности правонарушений. Другими словами, основной причиной правонарушений служат все те общественно-политические, социально-экономические и духовно-нравственные явления, не соответствующие бытующим в общественном сознании идеалам и представлениям.

В. В. Лазарев, пишет, что «применительно к преступлениям сформировалась специальная наука – криминология, возникновение которой связывают с опубликованием в 1876 г. работы Ч. Ламброзо «Преступный человек»» [12]. В тех работах, в которых обращается внимание на причины правонарушений, как правило, в качестве предпосылок правонарушений указываются биологические и социальные причины. По нашему мнению, при всем этом и те, и другие причины обладают определенной условностью, потому что можно найти примеры и в пользу этих причин, и примеры, которые работают против них. Если обратить внимание на биологические причины, то, все равно, они переплетаются с социальными причинами. В свою очередь, с социальными причинами, бесспорно, можно согласиться, например, действительно, экономика в жизни людей играет немаловажное значение, от безысходности человек может идти на совершение правонарушения.

Кроме экономических причин, как правило, выделяются морально-нравственные причины, которые становятся основой переоценки общечеловеческих ценностей, для собственного оправдания своего правонарушающего поведения, для обоснования незаконного удовлетворения интереса или достижения определенной цели преступным путем. Привлекает внимание и выделение таких причин, которые обозначаются как культурные. Например, выделяя культурные причины, В. К. Бабаев, В. М. Баранов и В. А. Толстик отмечают, что они «выражаются в формуле – чем ниже культурный уровень населения, тем выше статистический уровень правонарушений» [2].

По нашему мнению, нужно согласиться с В. В. Лазаревым в том, что «человек – существо биосоциальное, то есть одновременно и биологическое, и общественное, поэтому правонарушение вызывается факторами и биологического, и социального характера. В неустроенном обществе, в обществе с неравенства и социальной несправедливости решающее значение имеют социальные

факторы. В хорошо устроенном обществе приходится отыскивать иные решающие факторы» [1, с. 482].

В. В. Лазарев пишет, что «можно говорить о следующих условиях правонарушений современного российского общества: кризис власти, поляризация социальных интересов, низкий уровень материальной жизни населения, кризис морали, низкий уровень правовой культуры граждан, различные виды отклоняющегося поведения (речь идет прежде всего об алкоголизме и наркомании), несовершенство законодательства, недостаточно эффективная работа правоохранительных органов и др.» [1, с. 483]. Все это В. В. Лазарев писал в начале 2000-х годов, мы пользуемся текстом, помещенном в учебнике «Проблемы общей теории права и государства» (учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. М., 2001). Сегодня, по истечению почти четверти века, многое изменилось, но кое-что еще остается. Однако дело заключается в том, что к имеющимся разновидностям правонарушений добавляются еще и совершенно новые, обусловленные новым витком в развитии общественных отношений.

В этом плане современное общество столкнулось с такой проблемой, как правонарушения, которые связаны с информатизацией и новыми электронными технологиями. С одной стороны, в век науки и техники, когда от человека априори требуется быть в курсе всех новшеств, обусловленных с бурным развитием электронных возможностей решения жизненно важных проблем с помощью электронных технологий.

Специфика информационно-коммуникативной среды, которая сложилась в последние годы, заключается в том, подчеркивают С. М. Воробьев и С. А. Комаров, что она «находится на пике своего развития и, вместе с тем, нуждается в совершенствовании на предмет профилактики противоправных проявлений» [4, с. 23]. Одновременно с этим, рассматривая особенности правового обеспечения информационной безопасности в системе информационного права в Российской Федерации, А. К. Дубень пишет, что «внедрение и развитие информационных технологий порождает новые вызовы и угрозы, которые еще более усилились в условиях геополитических изменений» [6, с. 29].

О возможности появления новых, совершенно нежелательных для современного общества правонарушающих явлений пишут С. М. Воробьев и П. В. Ивлиев, которые рассматривая наиболее злободневные проблемы формирования информационного общества в России, отмечают, что «переход из индустриального общества в информационное общество является полностью объективным процессом. Повернуть его вспять вряд ли удастся, да это и не требуется. При этом необходимо понимать, что трансформация российского общества в информационное содержит в себе не только большое количество плюсов, но и множество вызовов, к которому государство и население готовы далеко не в полной мере» [3, с. 87].

И, по мнению А. Д. Керимова, «достижения научно-технического прогресса могут с равной степенью эффективности использоваться как во благо, так и во вред. Все зависит от того, каково морально-нравственное существо тех, кто выступают субъектами этого использования», поэтому государство, кроме выполнения всех других своих функциональных обязанностей, «должно уделять

огромное внимание нравственному воспитанию своих граждан, проявлять неустанную заботу о состоянии общественной морали» [7, с. 184].

Безусловно, как говорят врачи, можно лечить болезнь, безуспешно стараясь устранить ее симптомы. Однако больше пользы приносит выяснение причин болезни и устранить эти причины. Устранить причины многих правонарушений способствует, безусловно, право. В то же время огромную роль в борьбе с противоправными явлениями играют функционирующие в современном обществе соционормативные регуляторы.

«Массовое вовлечение государств в информационные отношения, – пишут авторы монографии, посвященной теоретико-правовой парадигме существования кибернетической (информационной) цивилизации, – обусловленные научно-технологическим прорывом, предопределили функционирование в мировом масштабе – кибернетической (информационной) цивилизации. Положение государства в составе этой цивилизации весьма противоречиво, и может быть неустойчивым, так как оно предопределяется уровнем развития информационных технологий в нем, открытостью, доступностью и информационной грамотностью всей части населения» [15, с. 297].

А. Г. Чернышов, в своей книге «Власть как вечный двигатель», отмечает, что такие характеристики современного общества, как «постиндустриальное» или же «информационное», «уже не работают и не отражают всей глубины переживаемого момента. Сегодня уже надо говорить о принципиально другой его характеристике – о «сетевом обществе», при котором человечество достигло такого уровня развития, когда культура стала автономной от материальной основы своего существования. Прежние же понятия по большей части остались лишь в качестве описания его технологической составляющей. А. Г. Чернышов отмечает, что «вне рода, вне социума, человеческая индивидуальность и неповторимость личности лишены всякого смысла и ценности. Если же применять современную терминологию, то вполне можно видеть, что ко всему миру общее клише неприменимо» [18, с. 206].

В связи с этим, по мнению А. Г. Чернышова, «чем больше развиваются новые технологии, чем больше они усложняются и все более активно влияют на наш социум, тем значительно более серьезное внимание должно быть сосредоточено на культурной составляющей человеческого развития» [18, с. 206]. На наш взгляд, именно культурная составляющая человеческого развития сама по себе представляет явление особой важности, потому что от ее особенностей и зависят основные векторы и тенденции дальнейшего развития общества. Именно культурная составляющая оставляет возможность человеку оставаться человеком в том окружении компьютерами, машинами и роботами, без которых уже немислимо продолжение жизни человечества. Однако существует большая проблема, а как способствовать развитию самой этой культурной составляющей? Как добиться того, что она совершенствовалась без отклонений и перекосов?

По мнению А. Д. Керимова, «...современное государство, действующее в рамках рыночных отношений в экономике и демократии в политике, просто

обязано сосредоточить максимум усилий на культурно-просветительской деятельности. Эта обязанность проистекает из того тривиального, но непреложного факта, что при капиталистическом способе производства, в условиях господства рынка и демократической идеологии все другие социальные институты объективно не заинтересованы в развитии системы образования в масштабах всего общества, всей страны, поэтому государство на нынешнем историческом этапе призвано активно и непрерывно совершенствовать и развивать систему национального образования».

Говоря об этом, А. Д. Керимов обращает внимание на то, что в наше время, несмотря на достигнутый высочайший уровень развития науки и техники, имеющиеся в обществе «пороки и недостатки человеческой природы чрезвычайно опасны, угрожают счастью и благополучию, здоровью, наконец, самой жизни отдельных индивидов, целых социумов и даже всего рода людского. Ведь достижения научно-технического прогресса могут с равной степенью эффективности использоваться как во благо, так и во вред. Все зависит от того, каково морально-нравственное существо тех, кто выступает субъектами этого использования» [7, с. 169–170].

Видимо, в данном случае не лишним будет вспомнить определение понятия «культура», которое в свое время дал А. М. Горький. В представлении А. М. Горького, «культура есть организованное разумом насилие над зоологическими инстинктами людей» [5].

Действительно, культура является тем критерием, который позволяет отличить дикость от человечности. В сегодняшнем мире, когда человек обладает огромными возможностями пользоваться достижениями науки и техники, данное определение понятия «культура», может быть, и звучит несколько необычно, тем не менее, с точки зрения предупреждения и профилактики правонарушений в современном обществе, оно совершенно актуально, ибо одной из основных задач современности является предостережение человека от возможности превратиться в бездушного робота, который страшен и опасен тем, что это – не человек, и никогда не будет обладать всеми теми качествами, которыми обладает человек, несмотря на умение профессионально выполнять определенные манипуляции. Как показывает история, основной задачей, которую человечество решает на протяжении всего своего существования, остается задача все большего очеловечивания человека, с тем, чтобы он стал еще более разумным и гуманным, по-человечески понимающим и воспринимающим других людей, в полном смысле слова *Homo sapiens*. И эту задачу решает право в совокупности со всеми другими социальными нормами, функционирующими в современном обществе.

«В мире информатики, образующем технологическую базу постиндустриального общества, от человека требуется нечто иное, чем только его деловая активность и исполнительское послушание, которые обеспечивали ему успех в индустриальном обществе, – пишет В. М. Межуев. Он нуждается теперь в постоянном доступе к источникам информации, обязан уметь пользоваться ею, находить ей правильное применение» [11, с. 9–24]. Именно уметь пользоваться,

не создавая новые риски и угрозы обществу и государству. С одной стороны, вне всякого сомнения, без системы Интернет, без компьютеров, беспроводной системы связи, благодаря все чему, информация стала общедоступной, появился способ оперативной и прямой передачи этой же информации всем без исключения, цифровизация почти всех сфер жизнедеятельности современного общества и государства была бы невозможна. С другой стороны, все эти новшества поставили новые задачи перед всей системой правового регулирования общественных отношений, в частности, и, одновременно, всего процесса соционормативного воздействия на сознание и поступки людей, в целом. Все это обусловлено тем, что сегодняшнее общество принимает все более информационный характер, и «ценность информации, близкое взаимодействие информационных технологий с общественной организацией и наиболее быстрое развитие глобальной компьютерной сети Интернет» [8, с. 174–186].

«Становление человека начинается с рождения, с закладывания нравственных черт в детстве, когда ребенок пользуется понятиями «можно» или «нельзя», «злое» или «доброе», «свой» или «чужой», – пишет А. Н. Халиков. – В определенной части, если человек тесно не сталкивается с правом, с законом в своей жизни, формирование индивидуального типа личности по отношению к праву на этом может и завершиться. Иными словами, индивидуум не будет знать сущность права, его систему, возможности и свое место в праве». А. Н. Халиков отмечает, что отсутствие элементарных проявлений правовой культуры может выразиться в двух крайностях. В первом случае человек живет в своем микромире, сознательно или бессознательно не нарушая требования действующего законодательства, без особого понимания того, что такое право и закон. Во втором случае, «он может видеть явную социальную несправедливость по отношению к нему или его близким, болезненно воспринимая неравномерность в получении доходов в обществе или в отдельном коллективе, внутренне не соглашаясь с другими недостатками. Активно перерабатывая все воспринимаемое в своем внутреннем мире, такой тип человека может накапливать бунтующую энергию разрушителя, желающего полной справедливости и равенства» [16, с. 168–169].

Все это говорит о том, что у каждого современного человека должно быть сформировано собственное понимание того, что право – это выработанные самими людьми правила поступать так, как нужно, а закон, это достигнутая между людьми договоренность поступать определенным образом. Те, кто нарушает эту договоренность, это – правонарушители, в отношении которых обязательно должны быть приняты строгие меры.

Список источников

1. Ашаффенбург Г. Преступление и борьба с ним: Уголовная психология для врачей, юристов и социологов / сост. и вступ. ст. В. С. Овчинского, А. В. Федорова. М. : ИНФРА-М, 2013. 241 с.
2. Бабаев В. К., Баранов В. М., Толстик В. А. Теория права и государства в схемах и определениях : учеб. пособие. М. : Юристъ, 1987. 256 с.

3. Воробьев С. М., Ивлиев П. В. Актуальные проблемы формирования информационного общества в России // Теория государства и права. 2022. № 2(27). С. 87–98.
4. Воробьев С. М., Комаров С. А. Риски в информационной цивилизации: теоретико-правовое осмысление // Теория государства и права. 2019. № 3(15). С. 20–36.
5. Горький М. Гуманистам // М. Горький Собр. соч. : в 30 т. Т. 25 : Статьи, речи, приветствия: 1928–1931. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1953.
6. Дубень А. К. Правовое обеспечение информационной безопасности в системе информационного права в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 29 с.
7. Керимов А. Д. Демократия: опыт критического анализа : монография. М. : Норма, 2019. 184 с.
8. Кривоносова Д. В., Захарцев С. И., Сальников В. П. Разумное мышление как инструмент достижения информационно-правовой культуры // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 2. С. 174–186.
9. Лаброзо Ч. Преступный человек / пер. в итал. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2005. 800 с.
10. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., испр. и доп. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 528 с.
11. Межуев В. М. Модернизация и глобализация – два проекта «эпохи модерна» // Глобализация и перспективы современной цивилизации / отв. ред. К. Х. Делокаров. М. : КМК, 2005. 236 с.
12. Проблемы общей теории права и государства : учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М. : НОРМА, 2001. 832 с.
13. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2007. 575 с.
14. Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2004. 391 с.
15. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации : монография / под ред. С. А. Комарова. М. : Изд-во МАТГиП, 2022. 320 с.
16. Халиков А. Н. Философия права : учебник. М. : РИОР : ИНФРА-М, 2017. 602 с.
17. Червонюк В. И. Теория государства и права : учебник. М. : ИГНФРА-М., 2009. 704 с.
18. Чернышов А. Г. Власть как «вечный двигатель» : монография. М. : Проспект, 2018. 240 с.

ЯКОВ ИЛЬИЧ ГИЛИНСКИЙ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
уголовно-исполнительного права,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры РФ, г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: yakov.gilinsky@gmail.com

НАКАЗАНИЕ И ЕГО ИСПОЛНЕНИЕ: ВЗГЛЯД КРИМИНОЛОГА

Аннотация: в статье обосновываются относительность понятий «преступление», «преступность» и неэффективность наказания. Рассматриваются отдельные виды наказания, недопустимость одних (смертная казнь, пожизненное лишение свободы), ограничение применения других (лишение свободы), приоритетные виды наказаний и условия совершенствования их применения.

Ключевые слова: наказание, цели наказания, исполнение наказания.

Со времен Каина мир никогда не удавалось
ни исправить, ни утратить наказанием.
Как раз наоборот!

К. Маркс

Все человечество с конца прошлого века живет, нравится нам это или не нравится, в новой общественной формации – обществе постмодерна (постсовременном, постклассическом, пост-постмодерна). Особенности общества постмодерна (глобализация, массовая миграция, виртуализация, фрагментаризация общества и др. [2, с. 12–30]) влияют как на все социальные явления, процессы, включая преступность, так и на их понимание, нередко существенно расходящееся с нашими до-постмодерными представлениями. Относится это и к понятиям «преступление», «преступность» и к «наказанию». Обратимся к этим социальным явлениям и к их современному пониманию. При этом автор полностью основывается на современных общемировых и отечественных представлениях [3].

Наказание – институт «вторичный», следствие «преступления». Поэтому несколько слов о преступлении. Нет деяний, «преступных» по своему содержанию. Даже самое тяжкое преступление – убийство, по своему содержанию – «умышленное причинение смерти другому человеку» (ст. 105 УК РФ) может быть как тяжким преступлением, так и... подвигом на войне, оплачиваемой профессиональной деятельностью палача в тех странах, где, к сожалению, сохранилась смертная казнь, или не-преступлением (в состоянии необходимой

обороны). «Преступления» («преступность») – это то, что законодатель включил в уголовный закон. А уж что он включил, здесь и сейчас, принципиально зависит от воли государя, президента, правительства... Большинство уголовных законов (включая УК РФ) избыточны, нередко превращая каждого гражданина в «преступника» («был бы человек, статья найдется»). Нет объективных оснований криминализации тех или иных деяний [2, с. 25–28; 8]. А как же «общественная опасность деяния» (п. 1 ст. 14 УК РФ) – возразят мне. А что такое «общественная опасность»? С чьей точки зрения? Чем ее измерять будем – в литрах или километрах? Преступность, преступления – социальный конструкт, сконструированный властью и, прежде всего, в интересах власти [9, с. 179–337].

Уже вышесказанное заставляет усомниться в эффективности наказаний за то, неизвестно за что? И в каждой стране в разное время за разное. Не удивительно, что с конца прошлого века, с наступлением эры постмодерна мировая криминология все чаще говорит о «кризисе наказания». Но не только мировая. И лучшие представители отечественной науки говорят о весьма сомнительной необходимости в наказании. «Реализация уголовного закона может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы... Наказание – это очевидный расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения» [4, с. 15, 56, 68].

Действительно, для чего нужно наказание, какие цели наказания предусмотрены уголовным законом России (п. 2 ст. 43 УК РФ)?

Восстановление социальной справедливости. Но, что это такое? С чьей точки зрения? Ох, как различны эти точки зрения у представителей различных фрагментов общества – возрастных, гендерных, этнических, расовых, конфессиональных... Пару лет назад в Париже представитель мусульманского мира отрубил голову школьному учителю за рассмотрение на уроке со школьниками журнала («Charlie Hebdo») с неприемлемыми для мусульман картинками. С позиции основного населения Парижа, Франции социальной справедливостью заключалась в тяжком наказании убийцы. С позиции мусульманской общины, публично высказанной, убийца был прав, и социальная справедливость заключается в том, чтобы и впредь так поступать.

Исправление осужденного. «Исправить» наказанием нельзя никого. Ни хулиганистого школьника, ни капризного ребенка, ни подчиненного по службе. Это хорошо знают психологи и педагоги.

Предупреждение совершения новых преступлений. Анализ статистики за многие годы во многих странах свидетельствует о том, что динамика уровня преступности и различных преступлений не зависит от тяжести и объема применяемых наказаний. А зависит от иных социальных, экономических, политических процессов. Так, в подавляющем большинстве стран (включая СССР / Россию) уровень преступности возрастал после Второй мировой войны до конца 1990-х – начала 2000-х годов, а с этого времени – снижается в подавляющем

большинстве стран (включая Россию). Частота и тяжесть применяемых наказаний при этом либо не менялись, либо либерализовались.

Люди совершали, совершают и будут совершать деяния, признаваемые в разных странах в разное время «преступлениями», пока существует человечество. Как писал в свое время Э. Дюркгейм: «Преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно». В первобытном обществе люди убивали друг друга, насиловали, «крали» кусочки совместно убитого мамонта... Но это не были «преступления», ибо не было уголовного закона, не было государства, не было полиции и судов...

Что касается частной (специальной) превенции, то чем строже, репрессивнее пенитенциарная политика, тем... выше доля рецидива, а чем мягче, либеральнее, тем – ниже. Так, в США жесткая система наказаний и доля рецидивной преступности составляет 50–60 %. В Норвегии очень мягкая, либеральная пенитенциарная система, и доля рецидивной преступности ниже 20 %. В России доля рецидива, по данным МВД РФ, составляла в 1988 г. – 25,9 %, в 1997 г. – 33,7 %, в 2013 г. – 47,7 %, в 2000 г. – 57,7 %. Будем ужесточать наказания?

Единственной реальной целью наказания является, очевидно, месть. Но об этом стесняются говорить даже законодатели.

В целом, чем либеральнее уголовная и уголовно-исполнительная политика государства, тем ниже уровень «преступности», деяний, признаваемых государством «преступными». «Разумное снижение объема законного насилия может в большей степени обеспечить интересы страны» [4, с. 18]. Об этом свидетельствует и опыт стран Северной Европы [6]. Впрочем, еще в XVIII веке Чезаре Беккариа утверждал: жестокость государства порождает жестокие преступления.

Тотальным решением проблемы сконструированности преступности при отсутствии объективных оснований криминализации деяний и неэффективности наказания могла бы быть реализация предложения крупнейшего специалиста в области уголовного права Германии профессора Х.-Х. Йешека: отмена уголовного законодательства как несовместимого с правами человека и гражданина [8, с. 3]. Однако на это сегодня не пойдет ни одно государство. И тогда возникает проблема минимизации вредных последствий и уголовного закона и наказания. Что касается уголовного законодательства, то решение вопроса – минимизация криминализации деяний. Только действительно весьма опасные из них, угрожающие жизни и здоровью людей, могут быть криминализированы. О наказании поговорим подробнее.

Если уж государства не могут отказаться от наказаний за то, что они считают «преступлениями», необходимо минимизировать их тяжесть, минимизировать распространенность, изменить отношения к осужденным.

Смертная казнь есть *убийство* государством своих граждан, что совершенно недопустимо, какими бы плохими ни были эти граждане. Против смертной казни выступали Чезаре Беккариа (XVIII в.) и Бернард Шоу («Худший вид убийства – убийство на эшафоте»), сенатор академик Н. С. Таганцев и все известные российские дореволюционные профессора уголовного права. М. Н. Гернет рас-

сма­три­вал смерт­ную казнь как «ин­сти­тут легаль­ного убийства». Мно­го­чис­лен­ные до­во­ды про­тив смерт­ной казни (впро­чем, как и «за») по­дроб­но из­ло­жены в раз­лич­ных на­уч­ных тру­дах. Се­го­дня смерт­ная казнь от­ме­нена или не при­ме­ня­ется в бо­ль­шин­стве стран (в 141, раз­ре­шена в 58), в том чис­ле во всех евро­пей­ских странах (кро­ме Бе­ла­ру­си), в странах Юж­ной Аме­ри­ки, Кана­де, Ав­стра­лии, Но­вой Зе­лан­дии. Не­об­хо­ди­мо раз и на­всег­да ис­клю­чить смерт­ную казнь из пе­ре­чня на­ка­заний в Рос­сии (ст. 44 УК РФ).

Лишение сво­бо­ды ока­зы­ва­ется «высшей мерой» на­ка­зания в странах, где от­ме­нена смерт­ная казнь. Сво­бо­да – одно из важ­ней­ших до­сто­яний, цен­ностей жи­зни че­ло­ве­ка. И ли­шение сво­бо­ды – само по себе тя­ж­кое на­ка­зание. О неэф­фек­тив­ности, не­га­тив­ных по­след­ствий ли­шения сво­бо­ды го­во­ри­лось мно­го за­ру­беж­ными и отечес­твен­ными уче­ными. Хо­ро­шо из­вест­но ис­сле­дование М. Фу­ко и его вы­во­ды: «Из­вест­ны все не­до­стат­ки тюр­мы. Из­вест­но, что она опас­на, если не бес­по­лез­на. И все же никто «не ви­дит», чем ее за­ме­нить. Она – от­вра­титель­ное ре­ше­ние, без ко­то­рого, оче­вид­но, не­воз­мож­но обо­йти­сь» [7, с. 339]. Цель ре­а­дап­тации, ре­со­ци­а­ли­зации осуж­ден­ных го­во­рит про­тив по­жиз­нен­ного ли­шения сво­бо­ды. Что ка­са­ется сроч­ного ли­шения сво­бо­ды, то оно дол­жно при­ме­няться лишь в от­но­шении лиц, со­вер­шив­ших дей­стви­тельно опас­ные дея­ния. Так, в Япо­нии к ли­шению сво­бо­ды осуж­да­ется лишь 3,5–4,5 % всех осуж­ден­ных.

Не сле­дует увле­каться дол­итель­ными сро­ками ли­шения сво­бо­ды, осо­бен­но в со­вре­мен­ном, бы­стро ме­ня­ю­щемся ми­ре. Дол­итель­ные (де­ся­ти­ле­тия­ми) сро­ки не спо­соб­ствуют ре­со­ци­а­ли­зации осуж­ден­ных, а су­щес­твен­но ей пре­пят­ствуют. Ос­во­бо­див­шись по­сле дол­итель­ного за­к­лю­чения че­ло­век ока­зы­ва­ется в но­вом, не­из­вест­ном ему ми­ре, при­спо­со­биться к ко­то­ро­му не­лег­ко и может вы­звать ре­ци­див пре­ступ­ления. Так, сред­ний срок ли­шения сво­бо­ды в евро­пей­ских странах со­став­ляет всего 1 год 8 ме­ся­цев (и в Япо­нии, как пра­вило, при­ме­ня­емые сро­ки ли­шения сво­бо­ды до двух лет).

Но еще важ­нее ус­ло­вия от­бы­вания на­ка­зания в ви­де ли­шения сво­бо­ды. Па­ру лич­ных при­ме­ров. Пре­жде, чем и­дти по ир­ланд­ской тюр­ме, спра­шиваю на­чаль­ника тюр­мы: – Ско­лько че­ло­век у Вас в ка­мере? Он уди­в­ляется: – Один, ко­неч­но! Не могут же двое не­зна­комых жи­ть в одной ком­нате. Да, не могут. И в Ир­ландии, Шве­ции у каж­дого за­к­лю­ченного своя от­дель­ная ка­мера с не­об­хо­ди­мыми удоб­ства­ми. А об­щать­ся можно в спе­ци­ально от­ве­ден­ных для это­го мес­тах – в зале раз­в­ле­чений (шах­маты, на­сто­льные иг­ры), в спор­тив­ном зале (в фин­ской тюр­ме за­к­лю­чен­ные при мне иг­ра­ли в бас­кет­бол в спор­тив­ном зале). В тюр­ме г. Тур­ку (Фин­ляндия) на­чаль­ник го­во­рит мне, пре­жде чем я по­шел по тюр­ме: – Мы не­давно вве­ли но­вое пра­вило, чтобы за­к­лю­чен­ные не те­ря­ли чув­ство соб­ствен­ного до­сто­ин­ства, – каж­дому да­ем ключ от ка­меры... То­лько ува­жи­тель­ное, не ре­прес­сив­ное от­но­шение к за­к­лю­чен­ным, ра­бота с ними пси­хо­логов, по­вы­шение об­щего или про­фес­си­ональ­ного уров­ня осуж­ден­ных может спо­соб­ствовать дей­стви­тельной це­ли ли­шения сво­бо­ды – ре­а­дап­тация, ре­со­ци­а­ли­зация лиц, от­бы­ваю­щих на­ка­зание.

Что ка­са­ется иных, не свя­зан­ных с ли­шением сво­бо­ды, ви­дов на­ка­заний – здесь об­ши­рное по­ле для дис­кус­сий. Оче­вид­но, они дол­жны при­ме­няться ча­ще,

«заменяя» лишение свободы. Большие споры вызывают многочисленные виды работ (обязательные, исправительные, принудительные). Есть принципиальные их противники. Наиболее основательными кажутся оригинальные рассуждения В. В. Антонченко [1].

Очевидно все более распространенными должны быть штраф, арест (такой нелюбимый в России) и ограничение свободы, в том числе с использованием электронных браслетов.

И, конечно же, важны не только масштабы и соотношение применяемых видов наказания, но и качество их исполнения. Это, очевидно, имеет первостепенное значение при исполнении наказания в виде лишения свободы. Однако и при исполнении иных видов наказания требуются профессионализм, индивидуальный подход, понимание психологических особенностей осужденного. Понимание того, что любое наказание ограничивает какие-то права и возможности человека. А цель наказания не репрессии и унижение осужденного, а попытка восстановить его социальное положение, возможность вернуться к одобряемому социальному поведению.

Да, говорить об этом, конечно, намного легче, чем выполнять, но надо же когда-то осознать неэффективность, бессмысленность, вредоносность репрессивной пенитенциарной политики и переходить к восстановительному правосудию и правоприменению.

Список источников

1. Антонченко В. В. Неэффективность как имманентное свойство действующего уголовного наказания // Правовая парадигма. 2023. Т. 22, № 2. С. 139–146.
2. Гишинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. СПб. : Алетейя, 2017. 222 с.
3. Гишинский Я. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб. : Алетейя, 2021. 136 с.
4. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. М. : Проспект, 2009. 400 с.
5. Козаченко И., Сергеев Д. Новая криминализация. Философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург : SAPIENTIA, 2020. 256 с.
6. От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли. Финский опыт сокращения числа заключенных / сост. И. Г. Ясавеев. Хельсинки, 2012. 200 с.
7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. 480 с.
8. Jescheck H.-H. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4 Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 1988.
9. Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ГИРЬКО,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор, главный научный сотрудник ФГБУН ЦИПБ РАН,
главный научный сотрудник, ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия,
e-mail: syvorina959134@mail.ru

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УСКОРЕННОГО
ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация: в статье автор проводит сравнительный анализ взаимосвязи национальной безопасности, целей ее обеспечения в сфере общественной безопасности и унифицированной формы досудебного производства – дознания в упрощенной форме через призму общеправового принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление, реализация которого в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отнесена к числу задач обеспечения общественной (национальной) безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, стратегия национальной безопасности, общественная безопасность, неотвратимость наказания, дознание, процессуальная форма, унифицированное досудебное производство.

Возникает вполне закономерный вопрос у исследователей и, конечно, читателей о том, каким образом могут быть увязаны между собой проблемы, сложившиеся в сфере правовой регламентации и практики применения дознания в сокращенной форме, правовая модель которого регламентирована главой 32.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, объявленная Указом Президента Российской Федерации (далее – Стратегия) [1].

Попробуем разобраться и обнаружить органическую связь между обязанностями государства, взятыми на себя в сфере обеспечения национальной безопасности, и конкретным приложением таких обязанностей в сфере уголовного судопроизводства.

Отметим, что Стратегия уже в статье 2 Общих положений закрепляет, что она является базовым документом стратегического планирования, определяющим цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности.

При этом под национальной безопасностью Российской Федерации Стратегия понимает – состояние защищенности национальных интересов Россий-

ской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан.

Говоря же о достижении целей обеспечения государственной и общественной безопасности в п. 11 ст. 47, Стратегия гласит о «реализации принципа неотвратимости наказания за совершение преступления».

Увязывая все вышеперечисленные послы Стратегии можно резюмировать, что состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации в сфере общественной безопасности будет достигаться в случае реализации общеправового принципа неотвратимости наказания. Но, заметим, не о любой ответственности в данном случае идет речь, а исключительно – наказания за совершенное преступление, обстоятельства которого устанавливаются в ходе уголовного судопроизводства.

Приведем наиболее распространенный взгляд на уголовно-правовой принцип неотвратимости наказания. Кстати, в целом ряде случаев приведенный постулат не редко воспринимается и толкуется не иначе, как принцип общеправовой. Но мы в данном случае ведем речь об уголовном судопроизводстве и поэтому не станем отступать от традиционного восприятия принципа «неотвратимости наказания».

Под неотвратимостью ответственности (наказания) в специальной литературе понимается: неизбежность, необходимость наступления ответственности, реальность ее действия, осуществления; обязательное воздействие на правонарушителя компетентных органов; обязательное раскрытие правонарушения, осуждение виновного, назначение и исполнение наказания; обязательную реакцию на правонарушение, негативную оценку правонарушения государством и обществом, обязательную реакцию на правонарушение (выявление, раскрытие и пресечение) [2].

Еще более точно на данный счет выразил свое отношение исследователь Д. А. Липинский, определивший, что «Неотвратимость ответственности и неотвратимость, как обязательное раскрытие правонарушения находятся в разных плоскостях, хотя и тесно связаны между собой и зачастую второе является средством обеспечения первого» [3].

К приведенным рассуждениям следует добавить, что с нашей точки зрения неотвратимость ответственности может означать не только неизбежность понести кару за совершенное преступление, но еще и максимально приблизить момент возмездия за содеянное. Представляется, что эти обстоятельства взаимосвязаны. С одной стороны, конечно, если за совершенное тяжкое и опасное преступление, не редко в условиях неочевидности, да еще опытным криминальным субъектом, последний, как правило, предстает перед органами юстиции спустя годы, подобный прецедент следует воспринимать исключительно, как факт возмездия и неотвратимости. Но в других ситуациях, когда преступление совершено в условиях очевидности, само криминальное событие не представляет значительной общественной опасности и конструкция его состава не является сложной, оперативность принятия уголовно-правовых мер не должна затягиваться, поскольку в ином случае это обстоятельство не только снижает профилактический эффект, но и размывает доверие к правосудию.

Нам представляется, что именно по этим причинам органы дознания – милиции, а в настоящее время полиции, на долю которых приходится более 90 % процессуальных производств по преступлениям, не обладающим значительной общественной опасностью, совершенным в условиях очевидности, постоянно формировало запрос к законодателю о введении в советское, а позже и российское уголовное судопроизводство унифицированных процессуальных производств.

Сначала роль таковых отводилась дознанию – упрощенной процессуальной форме относительно предварительного следствия. Позднее в отечественный уголовный процесс была введена – протокольная форма досудебной подготовки материалов, которая быстро распространилась и впоследствии активно использовалась. За короткое время названная унифицированная процессуальная форма стала применяться широко, начиная с 5 составов малозначительных преступлений до более чем 90 составов преступлений, в том числе и средней тяжести, совершенных в условиях очевидности.

Как известно, Федеральным законом от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ в УПК РФ была введена глава 32.1 – «Дознание в сокращенной форме», которой, по сути, в отечественное судопроизводство было введено осуществление ускоренного досудебного оформления материалов о преступлениях, унифицированного по процессуальной форме и значительно оптимизировавшего деятельность органов дознания, прежде всего полиции, по определенной категории уголовных дел.

В научной литературе продолжается дискуссия о восприятии дознания в ускоренной форме, как самостоятельной процессуальной формы, введенной в российский уголовный процесс.

Важно и нам оценить нововведение 2013 года диалектически, то есть с различных позиций и, что еще более важно, с учетом мнений ученых и практиков.

Наиболее доступно мнение противников сокращенной формы дознания выразил А. А. Сумин, который считает, что данную унифицированную процессуальную форму вызвал к жизни «необузданный и, главное, не обусловленный потребностями практики, реформаторский зуд» [4, с. 6].

Пожалуй, что приведенная ссылка на потребности практики, мягко выражаясь, вызывает недоумение, поскольку именно огромное количество несложных и очевидных дел в производстве дознавателей полиции, отвлекающее их от качественного расследования преступлений с более сложной конструкцией состава, требовало от МВД России постоянно инициировать перед законодательными органами государства проблему введения в уголовное судопроизводство унифицированной процессуальной формы.

Другой исследователь Е. А. Доля указывает, что «мотивы введения дознания в сокращенной форме в таком виде остаются до сих пор неясными» [5, с. 43–46].

Следует отметить, что нами также вскоре после введения в УПК РФ главы о дознании в сокращенной форме высказывались определенные прогнозы, в том числе и скептические, по целому ряду особенностей принятой законодателем процедуры [6, с. 2–5]. Проведенные нами позднее исследования, связанные

с международными стандартами ускоренного досудебного производства, показали, что введенная в российский уголовный процесс унифицированная форма досудебного производства во многом им соответствует.

В частности, в этом плане следует обратить внимание на требование закона об обязательном ходатайстве подозреваемого о производстве по делу дознания в сокращенной форме. Складывается впечатление, что такое ходатайство получить от виновного достаточно сложно. Между тем, опрос в этой части практических дознавателей показал, что они это делают в первоначальном протоколе допроса подозреваемого. Никаких затруднений внешне сложная процедура, регламентированная законом, на практике не образует.

Другая проблема, вызывающая дискуссии в научном сообществе, касается вопроса о проведении дознания в ускоренной форме, в отношении конкретного лица и при условии признания им своей вины. По мнению А. Р. Белкина, это «представляется странным» [7]. Высказано также и мнение, что решение вопроса о возбуждении дознания в ускоренной форме «зачастую находится в рамках усмотрения правоприменителя» [8, с. 19–22].

Мы, между тем, в проведении дознания в ускоренной форме в отношении конкретного лица ничего странного не видим. Более того, унифицированная процедура дознания потому и применяется с различными упрощениями и разумными отступлениями от классического, традиционного предварительного следствия, что преступление является очевидным, причастность к нему конкретного лица не вызывает сомнений и обладает достоверностью.

Позднее и Б. Т. Безлепкин совершенно обоснованно указывал, что «признание подозреваемым своей вины имеет особое значение среди законных условий производства дознаний в сокращенной форме и образует главную предпосылку для сотрудничества подозреваемого с дознавателем и для сокращения объема процессуальной деятельности по доказыванию» [10, с. 318].

Увязка законодателем вопроса о возможности возбуждения дознания в сокращенной форме с ходатайством подозреваемого нами также ранее воспринималась критически. Такое решение, как нам представляется, должно являться исключительно результатом усмотрения дознавателя с учетом всех обстоятельств дела: его очевидности и признания подозреваемым своей вины, характеристики личности виновного. Никакие иные обстоятельства влиять на принятие решение о возбуждении дознания в сокращенной форме не должны.

Между тем нельзя не учитывать и международную практику ускоренных процессуальных производств, процедур полицейского расследования, принятых и эффективно действующих в зарубежных странах. Следует констатировать, что очевидность преступления, признание подозреваемым своей вины и ее достоверность, согласие виновного на досудебное производство в формате ускоренной процедуры являются определяющими при принятии решения об упрощенном судопроизводстве по конкретному факту как в странах континентальной, так и англо-саксонской систем права.

В среде ученых-процессуалистов достаточно широко дискутируются и проблемы, связанные с доказыванием.

По мнению Б. Т. Безлепкина, «Сужение предмета доказывания при осуществлении сокращенного дознания, по сравнению с общим перечнем обстоятельств подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК, не выглядит достаточно обоснованным» [8, с. 316].

Хочется напомнить, что в данном случае речь идет о преступлении с упрощенной конструкцией состава преступления, очевидном, при котором чаще всего лицо, его совершившее, задержано, на месте преступления или вскоре после его совершения, когда оно очевидно и не представляет значительной общественной опасности. В данном случае все, включая процедуру доказывания, исходит из принципа процессуальной экономии.

С учетом наших рассуждений уместно привести конкретный пример из законодательства, регламентировавшего уголовное судопроизводство в Российской Империи. Так, о целях дознания говорится в п. 15 Инструкция Прокурора Московской Судебной Палаты г. Степанова от 15 октября 1909 г., вступившая в силу с 1 января 1910 г.: «По обязанности обнаруживать преступления чины полиции, получив заявления или сведения о совершении преступления, производят дознание для выяснения, совершено ли преступление и, если совершено, то какое, когда, кем и при каких обстоятельствах» [11]. Вполне лаконично и конкретно.

Пределы доказывания, процесс доказывания как элементы системы работы с доказательствами, при производстве дознания в ускоренной форме законодателем также индивидуализированы. С нашей точки зрения они вполне обеспечивают возможность применения данной процессуальной формы в практике органов дознания. Кроме того они во многом соответствуют и зарубежной практике полицейского дознания.

Однако не все специалисты в области уголовного процесса разделяют изложенный подход к проблеме. В целом ряде случаев высказываются противоречивые и, даже, взаимоисключающие позиции. Так, к примеру, Ю. В. Францифоров определяет «правовую составляющую особенностей доказывания при производстве дознания в сокращенной форме противоречащей основополагающим правилам не только теории доказательств, но и принципам самого уголовного судопроизводства» [12, с. 146–150]. Ему оппонирует Б. Т. Безлепкин, по мнению которого «различные упрощения, допущенные в работе по доказыванию в ускоренном досудебном производстве, теории доказательств не противоречат» [8, с. 321].

Относительно выраженных в различных литературных источниках позиций, следует заметить, что проблема правовой регламентации ускоренной и упрощенной, то есть дифференцированной процессуальной формы и включения ее в УПК РФ возникла на этапе значительного роста преступности в Российской Федерации. Основная нагрузка по расследованию массовых преступлений, в основном, не относящихся к категории тяжких и средней тяжести, легла на МВД России. Главная идея унифицированной процессуальной формы – ее ускоренный и упрощенный характер. Кстати, с такими же «лекалами» к аналогичным формам полицейского дознания подходят в ведущих зарубежных странах.

Оценивая процессуальную форму дознания в сокращенной форме как вполне адекватную общественным отношениям, сложившимся в вопросах противодействия массовым преступлениям небольшой и средней тяжести, следует отметить, что, с нашей точки зрения, законодатель не нашел возможности более детально подойти к вопросам регламентации источников доказательств по делам, осуществляемым в форме дознания в ускоренной форме.

В частности, по таким делам доказательственная информация поступает из тех же источников, которые используются при производстве предварительного расследования.

Между тем в рамках ускоренного дознания вряд ли оправдано производство следственных действий, особенно, таких как судебные экспертизы, обыски, следственные эксперименты и некоторые другие.

При этом, конечно, законодатель предусмотрел изъятия из процедур процесса доказывания, применяемого при производстве предварительного расследования: непроведение ряда следственных и процессуальных действий, непроверку определенных доказательств, что само по себе может восприниматься, как самостоятельная для ускоренного дознания система доказывания.

Однако мы ведем речь об иной ситуации, аналогичной международным практикам, когда в рамках дознания в сокращенной форме была бы разработана и нашла отражение в законе своя, уникальная только для этой процессуальной формы система доказывания.

В качестве основных источников доказательств здесь можно было бы использовать носители доказательственной информации, содержащиеся, к примеру, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, возможно, и некоторые иные, но – это, определенно, тема самостоятельного исследования. Важно, чтобы такие источники доказательств, предмет, пределы и процесс доказывания были уникальны для дознания в сокращенной форме и в своей совокупности воспринимались как система доказывания, имманентная исключительно данной процессуальной форме.

Явилась ли закрепленная в УПК РФ модель дознания в сокращенной форме тем «инструментом», который обеспечивает оперативное расследование незначительных преступлений, обеспечивающим своевременное привлечение лиц, их совершивших, к уголовной ответственности. Заполнило ли дознание в сокращенной форме правовую нишу унифицированного досудебного производства, которую до 1998 года занимала протокольная форма досудебной подготовки материалов?

Однозначно ответить на этот вопрос нельзя, но следует отметить, что из года в год, после введения в УПК РФ гл. 32.1, масштабы расследования дел в форме дознания в сокращенной форме возрастают. При этом качество дознания в сокращенной форме имеет достаточно высокие показатели.

Следует заметить, что если в начальный период введения в УПК РФ новеллы – дознания в сокращенной форме, правоприменители отмечали отсутствие единой политики поддержки ускоренных производств, то в настоящее время на уровне федеральных структур прокуратуры и органов внутренних дел выработана общая стратегия, направленная на расширение практики ускоренного дознания.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что правовая регламентация дознания в сокращенной форме, в целом, адекватна задачам, стоящим перед этим институтом, и отражает международные стандарты таких производств.

Очевидно, что закрепленная в УПК унифицированная процедура, не идеальна и нуждается в дальнейшей доработке и приведении в состояние адекватное тем общественным отношениям и «вызовам», которые будут формироваться в России в перспективе.

Возвращаясь к теме нашей публикации, обратим внимание на то, что оперативность принятия процессуального решения, оптимизация сроков, унификация средств доказывания, иными словами, все те особенности конкретной процессуальной формы, в роли которой в нашем случае выступает дознание в сокращенной форме, позволяющие сократить срок между моментом совершения преступления и моментом возложения ответственности за содеянное, в полной мере соответствует принципу неотвратимости наказания. В этом случае именно дознание в сокращенной форме, максимально оптимизирующее и в действительности предопределяющее неотвратимость наказания за совершенное преступление, символизирует со всей очевидностью реализацию на практике принципа неотвратимости наказания за совершение преступления. Тем самым достигаются цели обеспечения общественной безопасности, защищенности прав и свобод граждан, а в конечном итоге национальной безопасности в целом.

Список источников

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <https://base.garant.ru/401425792/#friends> (дата обращения: 05.09.2022).
2. Каленов А. А. Неотвратимость, как принцип юридической ответственности: условия и основания // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2019. № 1(22). С. 116–119.
3. Липинский Д. А. Принцип неотвратимости юридической ответственности с позиции ее двухаспектного понимания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3. С. 8–14.
4. Сумин А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. 2013. № 10.
5. Доля Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. 2013. № 6.
6. Гирько С. И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения // Российский следователь. 2013. № 21.
7. Белкин А. Р. Дознание в упрощенной форме: сомнительная схема с усе-ченным доказыванием. URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=8605> (дата обращения: 23.01.2019).
8. Безлепкин Б. Т. Комментарий к УПК РФ: постатейный. 13-е изд., перераб. и доп. М., 2015.

9. Белкин А. Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть VII: возбуждение уголовного дела. 2-е изд., доп. М., 2013.

10. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 14-е изд., перераб. и доп. М., 2018.

11. Инструкция чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений Прокурора Московской Судебной Палаты // Сборник и руководство к составлению полицейских протоколов с приложениями. СПб., 1911.

12. Францифоров Ю. В. Обеспечение прав и законных интересов участников процесса при производстве дознания в сокращенной форме // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4.

ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ ГОЛУБОВСКИЙ,

доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3,
НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия,
e-mail: 63wladimir@mail.ru

НАУЧНОЕ ОБОСНОВАНИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНЩИН

Аннотация: осужденные женщины составляют меньшую часть осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях. Относительно условий содержания женщин, следует отметить, что трудности, с которыми сталкиваются женщины, отбывающие сроки наказания, касаются медицинского обслуживания, их подготовки к возвращению в общество и получения в связи с этим поддержки. Все это должно учитываться при составлении программ и мер реабилитации с преимущественным акцентом на выбор альтернативных видов наказания, не связанных с лишением свободы.

Ключевые слова: женщина, исправление, исправительное учреждение, криминальное поведение, осужденная, профилактика.

Вопросы, связанные с нахождением осужденных женщин в исправительном учреждении, имеет значение не только для определения карательного и превентивного потенциала уголовно-правовых норм, устанавливающих преступность и наказуемость деяний, но и с точки зрения криминализации и декриминализации деяний, рецидива преступлений.

Следует отметить, что некоторые правозащитники жалуются, что ситуация с правами женщин во всем мире ухудшается. Несмотря на усилия мирового сообщества, сейчас женское население тюрем выросло на 100 000 человек по сравнению с 2010 г. Особенно ситуация ухудшилась после начала пандемии и применения ограничительных мер [1].

Для женщин, находящихся под стражей, принципиальное значение имеет переживание за разлуку с семьей, беспокойство по поводу судьбы детей. Возможности для свидания женщин – заключенных с их детьми регулируются по-разному в отдельных странах, при этом отдельные вопросы в отдельных национальных законодательствах, не разрешены.

Что касается содержания под стражей женщин, то во многих странах особую тревогу вызывает проблема непропорционально большой доли женщин – заключенных, относящихся к отдельным этническим и национальным меньшинствам. Женщины, осужденные за совершение преступления транснацио-

нального характера, могут содержаться под стражей за пределами своего государства вдали от семьи. Такие женщины чаще всего сталкиваются с особыми проблемами, например, с незнанием языка страны пребывания, непониманием формальных и неформальных правил по которым живет пенитенциарная система отдельных государств. Это могут быть культурная или лингвистическая изоляция, насилие на межнациональной и религиозной основе. Вопросы надругательства над женщинами, находящимися под стражей, особенно требует оперативного решения и эффективных мер со стороны пенитенциарных систем в соответствии с нормами международного права.

21 декабря 2010 г. Генеральная ассамблея ООН приняла Бангкокские правила, которые касаются обращения с женщинами заключенными, а также мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы.

Целесообразно содействовать реабилитации и социальной интеграции женщин, а для этого также нужно дополнительно обучать персонал тюрем. Особое внимание надо уделить психологической помощи, привлекать к сотрудничеству местные службы поддержки женщин кризис психического здоровья, COVID-19 только усугубил ситуацию.

Рост женского населения тюрем связан с тем, что на них «непропорционально сильно влияет карательная политика в отношении наркотических средств, они часто совершают преступления от тяжелого материального положения, чтобы сохранить жизнь себе и своим семьям, многие оказываются в тюрьме в результате дискриминации. В некоторых странах беременных женщин удерживают во время схваток и родов либо помещают в «одиночки». В одиночных камерах оказываются и кормящие матери.

Есть и более масштабная проблема, то, что многие женщины, находящиеся в местах лишения свободы, должны не отбывать наказание, а проходить программу реабилитации, как жертвы домашнего насилия или как потребительницы наркотических средств. Чтобы изменить ситуацию нужно комплексно проводить гуманизацию и уголовно-правовой, и пенитенциарной политики. Следует продолжить работы над подзаконными актами, регулирующими вопросы здравоохранения, а также более гуманной организацией отбывания наказания женщинами с детьми» [1].

Как одна из составляющих уголовной политики, уголовно исполнительная политика представляет собой деятельность государства по определению целей уголовного наказания и достижению результата, государственно-правового механизма их реализации, организации процесса исполнения уголовных наказаний и применения к осужденным мер исправительного воздействия [2, с. 465].

Особое место среди такой деятельности занимает предупреждение преступного поведения, под которым понимается система мер, осуществляемая государством и обществом, направленная на ослабление и нейтрализацию причин и условий, порождающих совершение преступлений.

Субъектами такой деятельности является достаточно широкий круг лиц, организаций, органов, среди которых МВД России, ФСИН России, Минюст России, прокуратура, суды и другие государственные органы. К числу органов,

осуществляющих предупредительную деятельность также можно отнести Министерство образования и науки России, Министерство здравоохранения России, Министерство просвещения России, охранные предприятия, казачьи войска, Русскую православную церковь, общественные движения.

Так, А. Н. Варыгин придерживаясь одной из многообразия существующих классификаций, выделяет две формы предупреждения преступлений: профилактика и пресечение. Данная точка зрения представляется наиболее удачной для рассмотрения системы предупреждения преступлений, но не бесспорной. Профилактика преступлений справедливо является одним из основных элементов в борьбе с преступностью, так как именно ей, уровень преступности с каждым годом снижается, нейтрализуются причины ее возникновения и благоприятные условия для совершения преступлений. Таким образом, профилактика преступлений понимается как совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения преступлений или антиобщественного поведения [3, с. 129].

В Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ (URL: <https://base.garant.ru/71428030> (дата обращения: 21.08.2023)) профилактика правонарушений понимается как «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения».

Главной задачей при профилактике преступного поведения женщин является полнота их выявления, а также неотвратимость наказания за их совершения. Если не будет данных двух факторов, то это приведет к повторному совершению подобного преступления в самое ближайшее время.

Не всегда профилактика является действенным способом для того, чтобы уберечь женщин от совершения преступления. В таком случае, в дело вступает вторая форма предупреждения – пресечение. Пресечение представляет собой специфическую деятельность правоохранительных органов, дающую право на применение к женщинам, совершившим преступление, мер принуждения, закрепленных законодательством. Пресечение имеет место тогда, когда профилактика не дала результата и женщина все-таки совершает преступное деяние. Особенность пресечения в том, что оно применяется, когда преступление уже совершено, либо находится на стадии приготовления или покушения. Но, главная его цель, не допустить рецидива, либо не дать довести до конца задуманное преступником.

Для более успешной работы в сфере предупреждения криминального поведения женщин в настоящее время принимаются попытки внедрения новых форм, методов и технических средств.

Внедрение нововведений в пенитенциарных учреждениях должно быть продиктовано временем, научно обосновано, отвечать современным потребностям практики [4, с. 318].

Говоря о предупреждении криминального поведения женщин, следует особо отметить его проявление в пенитенциарных учреждениях, которое, несмотря на небольшое распространение, требует эффективного предупреждения.

Единого подхода к определению такого поведения в отечественной науке не выработано, но правильным будет понимать его вид криминального поведения, который определяет совершение осужденной преступления в период отбывания ею уголовного наказания в исправительных учреждениях, подразумевающих изоляцию от общества. Данный вид криминального поведения обладает большой общественной опасностью, так как оно является рецидивным.

Распространено мнение, что многие осужденные женщины, которые отбывают наказание за убийство (ст. 105 УК РФ), это жертвы домашнего насилия. Например, женщину, которую на протяжении нескольких лет избивал муж, в один момент она не выдержала и убила его кухонным ножом. Большинство женщин, отбывающих срок по ст. 105 УК («Убийство»), – это те, кто убил своих мужей или сожителей. Часто женщины годами подвергаются унижениям и насилию и в какой-то момент убивают насильника. Иногда они отбывают наказание не за убийство, а за превышение пределов необходимой обороны. Крайне редко таких женщин оправдывают. Как итог, женщина восемь лет подвергалась насилию со стороны мужа, страдала, в результате убила его, когда он в очередной раз в ярости напал на нее. Ей необходима серьезная психологическая реабилитация.

По статистике, примерно 43 % женщин, отбывающих наказание, – это те, кто осуждены по наркотическим статьям. Причем чаще всего эти женщины были обычными потребителями наркотиков или покупали их не для себя, а для своего сожителя или мужа. Часто им нужно лечение и реабилитация.

Наибольшее количество лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, осуждены за совершение следующих преступлений: связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, убийство; причинение вреда здоровью, имущественные преступления. Причины преступного поведения в местах лишения свободы довольно очевидны, это психологическое и нервное напряжение осужденной, связанное с нахождением в исправительном учреждении, конфликты сферы общежития среди осужденных женщин, желание подорвать доверие к системе исполнения наказания, попытки повысить авторитет среди других осужденных и другое. Сама обстановка изоляции человека от общества является благоприятной почвой для преступных действий [5, с. 87].

Зигмунд Фрейд был одним из первых, кто сделал попытку обратить внимание на душевную жизнь человека. Он пытался объяснить такие болезни, когда есть симптомы, но подтвердить диагноз с помощью медицинских методов невозможно из-за отсутствия признаков заболевания. Тело как бы пытается по-

казать, что человек не здоров, рассказать о том, что мучает человека. Болезнь «дрейфует» с одного места в организме на другое. Человек «потухает», появляется усталость, признаки депрессии, угасает энергетика. А человек сам не знает, от чего это с ним «все плохо» – причина вытеснена самим человеком в бессознательное.

Вместе с тем основной причиной рецидива преступлений среди освобожденных женщин является социальная необустроенность, которая проявляется в отсутствии необходимых материально-бытовых и социально полезных условий, позволяющих успешно социализироваться и адаптироваться к жизни на свободе; недостаточном количестве социально поддерживающих систем; отсутствии социальной поддержки после освобождения, позволяющей закрепится сформированным социально психологическим навыкам выстраивания просоциальных отношений.

Меры противодействия такому поведению должны быть направлены на усиление соблюдения режима и контроля над осужденными, соблюдения ими правил внутреннего распорядка; прогнозирование и оценку психологических характеристик осужденных лиц при распределении их по отрядам и камерам на совместимость; психологическую помощь в адаптации лицам, которые оказались в исправительном учреждении впервые.

В связи с этим здесь сдерживающим фактором увеличения числа осужденных будет способствовать реализация положений Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439127/09d8ad66d8c07cf96ae0f0f0a7b2ae5ad37f05a5/?ysclid=lje17egjii118999012), принятого в целях оздоровления социального поведения, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных, лиц, «которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лица, освободившиеся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации», предупреждения совершения ими новых преступлений.

Следует отметить, что специфика женской физиологии, психологии, криминального поведения женщин как явления, требует определенных особенностей в исправлении.

Таким образом, уголовно-исполнительная политика и предупреждение преступного поведения осужденных женщин включает в себя систему мер, направленных на устранение причин и условий таких преступлений посредством профилактики и пресечения. Профилактика осуществляется по нескольким направлениям, которые затрагивают общество в целом, конкретные группы граждан и конкретное осужденное лицо. Пресечение позволяет не допустить повторения совершения преступного деяния, а также пресечь готовящееся либо совершающееся деяние. Если отмечается увеличение числа преступлений, образующих пенитенциарные преступления, то уголовно-исполнительная политика нуждается в корректировке, которая будет направлена на снижение уровня преступлений в местах лишения свободы.

Список источников

1. Правозащитники: за последние 10 лет выросло число женщин-заключенных. URL: <https://pravo.ru/news/228207> (дата обращения: 22.08.2023).
2. Голубовский В. Ю. Тенденции развития уголовно-исполнительной политики // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 11 марта 2022 г.) / под общ. ред. Е. Н. Рахмановой. Санкт-Петербург : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. С. 464–470.
3. Варыгин А. Н., Громов В. Г., Шляпникова О. В. Криминология и предупреждение преступлений : учеб. пособие для среднего профессионального образования / под ред. А. Н. Варыгина. 2-е изд. М. : Юрайт, 2023. 165 с.
4. Кунц Е. В. Особенности женщин, совершивших преступление: криминологический и уголовно-исполнительный аспекты // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17, № 3. С. 313–319.
5. Петрушко Ю. А. Криминологическая характеристика рецидива насильственной преступности и проблемы ее предупреждения // Евразийский союз ученых. 2015. № 10-6(19). С. 87–90.

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ГРИШКО,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
г. Рязань, Россия,
e-mail: grishkoaleksandr@yandex.ru

**ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД
К ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
КОРРУПЦИОННОГО ХАРАКТЕРА
В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ**

Аннотация: в статье со ссылкой на директивные документы и статистические данные обосновывается актуальность темы противодействия коррупционной преступности в уголовно-исполнительной системе. На основе авторского социологического исследования приводятся типичные признаки сотрудника данной системы, совершающего указанные преступления. С учетом полученных результатов определяются основные направления совершенствования противодействию данным преступлениям. Полученные в ходе исследования данные подкрепляются официальными статистическими показателями и результатами исследований других авторов.

Ключевые слова: коррупция, преступления, сотрудники, правонарушения.

Тема коррупции с точки зрения актуальности общеизвестна. Тем не менее, внимание к ней не ослабевает. Она занимает одну из ведущих мест в директивных документах. Усиление борьбы с коррупцией является одной из актуальных проблем, востребованных обществом, отмечается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [1].

По мнению отдельных работников прокуратуры, коррупционные преступления выявляются и регистрируются реже, чем одно из 100 фактически совершенных [2].

Особую опасность представляют противоправные деяния коррупционного характера, совершенные сотрудниками правоохранительных органов. Люди, призванные бороться с данным явлением, сами совершают преступления и другие правонарушения, подрывая тем самым доверие к органам государственной власти, правоохранительной системы. Повышенная общественная опасность указанных деяний, совершенных сотрудниками правоохранительных органов, заключается в том, что их деяния не только подрывают доверие к органам государственной власти и правоохранительной системы, но и повышенной их устойчивостью к противокоррупционным мерам.

Исполняя наказания в отношении лиц, осужденных за коррупционные преступления, видя их последствия, неотвратимость наказания, они, тем не менее, идут на их совершение. При всей высокой степени латентности в 2020 г. было возбуждено 99 уголовных дел в отношении 55 сотрудников органов и учреждений ФСИН России, 170 сотрудников были уволены из уголовно-исполнительной системы за коррупционные преступления [3].

В качестве одной из причин их совершения в научной литературе называется низкий уровень заработной платы. С учетом стремительного роста цен, инфляции имеющейся заработной платы у сотрудника недостаточно средств для обеспечения достойного уровня жизни, что в первую очередь будет способствовать совершению коррупционных преступлений, пишет Н. С. Дегтярев [4]. Не снимая актуальности этого аспекта проблемы, представляется, что она имеет более глубокие нормы. Иначе трудно объяснить почему, находясь в одинаковом материальном положении, одни сотрудники идут на совершения преступлений и других правонарушений коррупционного характера, другие нет. Значит дело не только в низкой заработной плате. Отсюда возникает повышенный интерес к личности сотрудника уголовно-исполнительной системы, совершающего такие деяния. С этой целью автором были проанализированы данные на 160 осужденных за коррупционные преступления и проведен опрос 90 сотрудников исправительных учреждений, в которых отбывают наказание бывшие сотрудники уголовно-исполнительной системы, осужденные за коррупционные преступления. Такое изучение позволило установить особенные признаки сотрудников, совершающих данные преступления.

Криминологическая характеристика преступного поведения: почти половина (47,8 %) коррупционеров до совершения преступления имели дисциплинарные взыскания, большинство из них (72,8 %) – более одного дисциплинарного взыскания. При этом в отношении 30,0 % оно назначалось пять и более раз. Следует заметить, что в 51,0 % случаев такие взыскания налагались на руководителей из числа начальников учреждений и органов, исполняющих наказания, их заместителей, начальников отделов (управлений).

Распределение нарушений законности по службам (в расчете на 1 тыс. сотрудников) в ранжированном ряду выглядит следующим образом: воспитательная работа с осужденными (13,02); службы исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы (5,12); трудовая адаптация осужденных (4,43); оперативный состав (4,22); режим и надзор (3,86); служба тыла (2,70); медицинская служба (1,64); инженерно-технические средства охраны (0,75); охрана (0,31); кадровый аппарат и отделы по работе с личным составом (0,17). По видам исправительных учреждений приведенный показатель составил: для исправительных колоний – 4,07; следственных изоляторов и тюрем – 2,38; воспитательных колоний – 1,88.

Согласно результатам выборочного исследования наиболее значительную долю правонарушений, допущенных сотрудниками УИС при исполнении наказаний, составляет передача либо попытка передачи запрещенных предметов осужденными – 48,0 %. Второе место занимает предоставление различного ро-

да льгот осужденным – 30,4 %; третье – незаконное представление к условно-досрочному освобождению – 15,6 %; четвертое – незаконное предоставление свиданий – 5,0 %; пятое и шестое места – способствование побегу, незаконный перевод в колонию-поселение – 0,5 %.

Среди лиц, допускающих незаконные связи с осужденными, 33 % составляют вольнонаемные работники; 11,3 % – младшие инспекторы; 6,7 % – другие аттестованные сотрудники, 5,9 % – родственники и иные лица. Как правило, в недозволенные связи вовлекаются морально неустойчивые лица. Среди них 50 % проходили службу до одного года, 16,6 % – до 2 лет; 58,3 % находились в возрасте от 22 до 24 лет, 33,3 – от 25 до 32 лет, 8,4 % – от 33 до 55 лет.

Анализ социально-демографических, уголовно-правовых, криминологических, психологических и характеризующих сотрудника учреждений и органов, исполняющих наказания, позволяет выделить наиболее типичные из них.

1. Социально-демографические признаки:

– достаточно солидный возраст – 35,5 лет, что, в свою очередь, объясняет наличие у осужденных в большинстве случаев семьи (63,2 %);

– характер совершенных преступлений пререзюмирует определенное должностное положение и предопределяет требования к высокому образовательному уровню: у 83,3 % незаконченное высшее и среднее профессиональное образование, 54,3 % имеют высшее образование; средний уровень образования – 11,5 условных классов; большинство сотрудников, совершивших коррупционные преступления, окончили гражданские высшие учебные заведения либо прошли обучение в учебных центрах УФСИН;

– средний срок службы – 7,9 лет;

– преступления совершаются, главным образом, сотрудниками служб режима и надзора, руководящим составом исправительных учреждений, воспитательных аппаратов, значительная их доля ранее привлекались к дисциплинарной ответственности;

– наибольший удельный вес занимают лица среднего и старшего начальствующего состава (77,9 %).

2. Уголовно-правовые признаки:

– виды преступлений – получение взятки за незаконные действия (бездействия) – ч. 2 ст. 290; получение взятки за действия (бездействия), если они входили в служебные полномочия либо сотрудник в силу должностного положения способствовал таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе – ч. 1 ст. 290 УК РФ; использование служебных полномочий вопреки интересам службы – ч. 1 ст. 285 УК РФ; совершение действий, явно выходящих за пределы служебных полномочий – ч. 1 ст. 286 УК РФ; в большинстве случаев преступления совершаются в соучастии (60,3%):

– целью преступления является получение материальной выгоды в различных формах: получение денег, ценностей, иного имущества, услуг имущественного характера, предоставление определенной выгоды осужденному другими физическими лицами;

- судимость, как правило, отсутствует;
- среди видов наказаний превалирует лишение свободы, в отношении 38,8 % осужденных в качестве дополнительного применялось наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, к 6,0 % – штраф; средний срок реального лишения свободы 4,7 лет.

3. Собственно криминологические признаки:

- наиболее распространенные формы совершения коррупционных преступлений: передача либо попытка передачи предметов осужденными (48,0 %); предоставление осужденным различного рода незаконных льгот (35,9 %); незаконное представление к условно-досрочному освобождению (15,6 %);

- основной мотив совершения преступления – корысть;

- детерминанты, обуславливающие преступления коррупционной направленности: низкий уровень престижа службы в УИС; недостаточное материальное – финансовое обеспечение сотрудников; игнорирование требований приказов и указаний ФСИН России; отсутствие должного контроля со стороны руководителей за деятельностью подчиненных; низкая профессиональная подготовка сотрудников; слабая исполнительская дисциплина; отсутствие целенаправленных действий по профилактике коррупционных проявлений среди личного состава УИС.

4. Психологические признаки: превалирование моральных и общественно-политических убеждений (84,7 %); абсолютному большинству сотрудников присущи житейские взгляды (89,0 %), различие интересов – действенные (80,5 %), устойчивые (87,5 %), непосредственные (79,5%), глубокие (66,7%), сильные (64,6 %), активные (77,0 %), материальные (69,5 %); социальные ориентации (95,0 %); предметно-практические и познавательные умения (соответственно 43,9 и 36,3 %); социальные привычки (56,0 %); наличие значительной доли лиц с инстинктивным стереотипом поведения (42,3 %); по характеру темперамента первое место занимают сангвиники (40,2 %); элементарные (телесные) установки (61,3 %).

Приведенные типичные признаки личности коррупционных правонарушителей в УИС позволяют определить основные направления по осуществлению общепрофилактической деятельности в масштабах всей системы исполнения наказаний.

Таковыми направлениями, прежде всего, являются:

- совершенствование законодательства, направленное на сокращение возможности лично-должностного усмотрения при предоставлении осужденным возможности реализовать свои права и законные интересы, повышение прозрачности при их решении;

- совершенствование организации управления исправительными учреждениями;

- улучшение подготовки персонала для пенитенциарных учреждений, отдавая приоритет в этом образовательным учреждениям ФСИН России;

– максимальный учет признаков, характеризующих личность как склонную к совершению коррупционных преступлений.

Список источников

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 07.05.2023).

2. Гонцов Б. В., Гришко А. Я. Противодействие коррупции в уголовно-исполнительной системе // Преступление и наказание. 2009. № 7. С. 7.

3. Официальный интернет источник ТАСС // URL: [tass.ru/obschestvo/10121205?](http://tass.ru/obschestvo/10121205) (дата обращения: 07.05.2023).

4. Дегтярев Н. С. Противодействие коррупции в органах федеральной службы исполнения наказаний // Молодой ученый. 2022. № 9. С. 254.

МУСА ГУМБАТ ОГЛЫ ГУМБАТОВ,

почетный работник юстиции,
г. Баку, Азербайджанская Республика,
e-mail: qumbatovmusa@mail.ru

ЗАМЕНА НЕОТБЫТОЙ ЧАСТИ НАКАЗАНИЯ БОЛЕЕ МЯГКИМ ВИДОМ НАКАЗАНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с институтом замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, практикой его применения в Азербайджане, даются предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: Азербайджанская Республика, уголовный кодекс, освобождения от наказания, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, пожизненное лишение свободы, помилование, амнистия.

Уголовно-правовой институт замены неотбытой части наказания более мягким наказанием обладает большой историей. Впервые, как и в других союзных республиках бывшего СССР, в качестве уже сформировавшейся юридического института он был включен в УК Азербайджанской ССР от 8 декабря 1960 г., исходя из Основ уголовного законодательства ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. Являясь одним из оснований освобождения от наказания, он выступает мощным стимулом для достижения правопослушного поведения осужденных, оказывает положительное воспитательное воздействие на лиц, отбывающих наказания, способствует укреплению дисциплины и правопорядка в местах лишения свободы. В соответствии со ст. 50 УК Азербайджанской ССР к лицам, осужденным к лишению свободы, исправительным работам без лишения свободы, ссылке, высылке или направлению в дисциплинарный батальон, за исключением лиц, совершивших преступления, указанные в ст. 50–1 (добавлена Указом ПВС АзССР от 29 января 1970 г.), судом могло быть применено условно-досрочное освобождение от наказания или замена неотбытой части наказания более мягким наказанием, в зависимости от тяжести совершенного преступления, наличия судимости, совершения умышленного преступления во время отбывания наказания, а также за ряд тяжких преступлений, предусмотренных в УК, после фактического отбытия осужденным не менее половины, двух третей и трех четвертей назначенного срока наказания. Следует отметить, что согласно первоначальной редакции ст. 50 УК условно-досрочное освобождение от наказания или замена неотбытой части наказания более мягким наказанием не применялись только к лицам, признанным особо опасными рецидивистами.

Условно-досрочное освобождение от наказания или замена неотбытой части наказания более мягким наказанием применялись к осужденному лишь в том случае, если он во время отбывания срока наказания своим примерным поведением и честным отношением к труду доказал свое исправление. В связи с внесением изменений в ст. 50 УК Азербайджанской ССР в марте 1977 г. и ноябре 1982 г. были расширены пределы применения указанного института. Так, наряду с вышеперечисленными лицами, возможность условно-досрочного освобождения от наказания или замены неотбытой части наказания более мягким наказанием получили условно осужденные к лишению свободы с обязательным привлечением к труду и условно освобожденные из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду, а также осужденные к наказанию в виде направления в воспитательно-трудовой профилакторий. В октябре 1992 г. из редакции ст. 50 УК были выведены ссылка и высылка в связи с исключением их из системы наказаний.

В УК Азербайджанской ССР была включена и другая статья – 51, которая также предусматривала условно-досрочное освобождение от наказания или замену неотбытой части наказания более мягким наказанием, но уже в отношении лиц, совершивших преступления до достижения ими 18-летнего возраста. В отличие от ст. 50 УК данная норма могла применяться судом в отношении осужденных, отбывающих лишение свободы и исправительные работы без лишения свободы, без каких-либо ограничений. Сначала минимальный срок для применения данного института составлял не менее одной трети назначенного судом наказания. Однако после внесения изменений в эту статью в январе 1970 г. замена неотбытой части наказания более мягким наказанием уже могла применяться за ряд тяжких преступлений, при наличии судимости и за совершение умышленного преступления во время отбывания наказания по отбытии не менее половины или двух третей назначенного срока наказания.

Возможность замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания также была указана в ст. 42, 52 УК Азербайджанской ССР, то есть в отношении военнослужащих, которым судом назначено наказание в виде лишения свободы, но в связи с военным временем или боевой обстановкой им была применена отсрочка исполнения приговора, а также в соответствии актами амнистии и помилования.

Анализ показал, что до принятия нового УК в Азербайджане осужденные, как правило, освобождались от отбытия наказания условно-досрочно, а замена неотбытой части наказания более мягким наказанием судами практически не применялась. По нашему мнению, такая практика была связана с тем, что условия применения условно-досрочного освобождения от наказания и замены неотбытой части более мягким наказанием были одинаковыми и осужденные после отбытия установленного для обоих видов освобождения срока наказания, предусмотренных ст. 50, 51 УК, отдавали предпочтение условно-досрочному освобождению, что вполне объяснимо.

Встречались случаи замены наказания более мягким видом наказания в порядке амнистии и помилования. Так, согласно п. 8 «б» Амнистии от 15 июля

1992 г., посвященной 74-летию Азербайджанской Демократической Республики, некоторым категориям осужденных неотбытая часть лишения свободы была заменена на условное наказание с назначением испытательного срока до трех лет. В соответствии с п. 4 Амнистии от 22 мая 1996 г., посвященной Дню Азербайджанской Республики, осужденным к лишению свободы до трех лет за совершение умышленных преступлений неотбытая часть наказания была заменена на условное наказание с привлечением к обязательному труду.

В 1995–1996 гг. двумя актами помилования главы государства 12 осужденным смертная казнь была заменена на лишение свободы сроком до 20 лет. И после отмены в Азербайджанской Республике исключительной меры наказания – смертной казни, и введения пожизненного лишения свободы начиная с мая 1998 г. по август 2000 г. двумя актами помилования 8 осужденным указанное наказание было заменено на лишение свободы сроком до 20 лет.

Кроме того, имела место замена наказания на более мягкий вид в связи с исключением наказания из УК страны. Так, согласно Закону Азербайджанской Республики от 10 февраля 1998 г., принятому в связи с отменой смертной казни в стране, в отношении 128 осужденных исключительная мера наказания была заменена на пожизненное лишение свободы.

В новом УК Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. институт замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания сначала был изложен лишь в одной норме уголовного закона и с другими условиями применения. Так, в соответствии со ст. 77 УК Азербайджанской Республики лицу, отбывающему лишение свободы на определенный срок за совершенное не представляющее большой общественной опасности или менее тяжкое преступление, суд с учетом его поведения в период отбывания наказания может заменить оставшуюся неотбытую часть наказания более мягким видом наказания. Анализ показывает, что новая норма замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания существенно отличается от ст. 50 УК бывшего кодекса. Во-первых, согласно новой редакции, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания может быть применена только в отношении осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Во-вторых, имеются ограничения по ее применению: в частности, лица, осужденные за тяжкое и особо тяжкое преступление, не могут обращаться в суд для замены наказания на более мягкое. В-третьих, срок, необходимый для рассмотрения вопроса о замене судом, установленный ранее, был сокращен, и сейчас требуется фактическое отбытие не менее одной трети срока наказания. В-четвертых, от осужденного не требуется доказать свое исправление, необходимо лишь наличие у него положительного поведения.

Необходимо отметить, что при замене неотбытой части наказания суд может назначить любой более мягкий вид наказания, указанный в ст. 42 УК Республики, в пределах, предусмотренных для каждого вида наказания, но с учетом запретов в отношении лиц, имеющих в уголовном законе для некоторых иных видов наказаний. При этом лицо может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного наказания.

Законом Азербайджанской Республики от 20 октября 2017 г. в УК Азербайджанской Республики была добавлена новая ст. 90-1, предусматривающая замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания в отношении несовершеннолетних. Так, согласно этой статье УК, несовершеннолетнему, осужденному за преступление, не представляющее большой общественной опасности или менее тяжкое, и отбывающему лишение свободы, оставшаяся неотбытая часть наказания судом может быть заменена на более мягкий вид наказания с учетом его поведения, но после отбытия не менее одной четверти назначенного срока. Рассматриваемая новая норма также отличается от бывшей редакции ст. 51 УК Азербайджанской ССР. Во-первых, замена наказания может быть применена только в отношении лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, во-вторых, требуемый срок для отбывания уменьшен до одной четверти назначенного срока наказания. При этом лицо также может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного наказания. Подчеркнем, что аналогичная норма в отношении несовершеннолетних осужденных есть и в УК Казахстана, Узбекистана и Таджикистана, а уголовными кодексами Российской Федерации, Беларуси, Украины, Молдовы, Грузии, Туркменистана такая статья не предусмотрена.

Следует отметить, что ст. 77 и 90-1 УК обязывают суды при рассмотрении таких дел учесть только поведение осужденного за период отбывания наказания. В свою очередь, Пленум Верховного Суда Азербайджанской Республики в своем постановлении от 8 октября 2010 г. «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, изменения вида исправительного учреждения и освобождения от наказания по болезни» рекомендовал судам при рассмотрении таких дел, наряду с необходимыми условиями, предусмотренными в УК, обратить особое внимание и на характеристику, представленную из исправительного учреждения, об отношении осужденного к совершенному преступлению, труду, а также участию в конкретных мероприятиях культурного и общественного характера. Необходимо отметить, что ст. 170 Кодекса по исполнению наказаний Азербайджанской Республики для применения института замены наказания более мягким наказанием, кроме вышеперечисленных условий, требует учесть и отношение осужденного к учебе. По нашему мнению, было бы целесообразно включить в условия при рассмотрении судами такой категории дел и возмещение осужденным причиненного преступлением материального ущерба (полностью или частично).

Кроме двух вышеуказанных статей, возможность замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания предусмотрена в четырех других статьях УК Азербайджанской Республики. Так, согласно ст. 57 УК, суд, учитывая отбытие осужденным не менее 25-летнего срока, а также несовершение в период отбывания наказания умышленного преступления и придя к выводу об отсутствии необходимости дальнейшего отбывания наказания, может заменить пожизненное лишение свободы лишением свободы на определенный срок или условно-досрочно освободить осужденного от наказания. Пожизненное

лишение свободы вначале могло быть заменено на лишение свободы сроком до 15 лет, но после внесения изменений в ст. 57 УК законом от 20 октября 2017 г. этот срок был уменьшен до 10 лет. Однако за прошедшее время судами республики решения о замене пожизненного лишения свободы на лишение свободы еще не принимались.

В соответствии со ст. 79 УК, при применении отсрочки отбывания наказания беременным женщинам, а также лицам, имеющим малолетних детей, при достижении ребенком 14-летнего возраста суд освобождает этих осужденных от неотбытой части наказания либо заменяет оставшуюся часть наказания более мягким видом наказания.

Наконец, ст. 81 и 82 УК также предусматривают возможность замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания по актам амнистии и помилования.

Касаясь практики применения замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания по новому уголовному закону, необходимо отметить, что в Азербайджанской Республике из вышеуказанных статей УК в основном применяются ст. 79, 81 и 82. Так, анализ показал, что судами республики хотя и редко, но применяется замена оставшейся части наказания более мягким видом наказания в отношении лиц, которым применена отсрочка отбывания наказания в соответствии со ст. 79 УК. Это прежде всего связано с тем, что количество таких осужденных в республике незначительное. Так, на 1 июля 2023 г. на учете в Службе пробации Министерства юстиции Азербайджанской Республики состояли всего 199 осужденных, в отношении которых отбывание наказания было отсрочено.

Продолжалась также практика замены неотбытой части наказания более мягким наказанием по актам амнистии и помилования. Так, на основании п. 7.2 Амнистии от 6 мая 2003 г., посвященной годовщине Победы над фашизмом во Второй мировой войне, неотбытой срок лишения свободы военнослужащим, проходившим до осуждения срочную военную службу, был заменен наказанием в виде содержания в дисциплинарной воинской части. Согласно п. 7.3 этой же амнистии лицам, осужденным за неосторожные преступления сроком до 7 лет и за умышленные преступления до 7 лет, у которых неотбытой срок наказания составляет не более одного года, наказание было заменено на ограничение свободы.

Начиная с сентября 2000 г. по 2022 г. 14 актами помилования 21 осужденным наказание в виде пожизненного лишения свободы было заменено на лишение свободы сроком от двадцати до 25 лет.

Помимо приведенных выше возможностей, на практике замена наказания на более мягкий вид наказания встречается при вступлении в законную силу нового уголовного закона, а также при исключении соответствующего наказания как из санкции статьи УК, так и из системы наказания. Так, согласно ст. 8 и 9 Закона Азербайджанской Республики «Об утверждении, вступлении в силу Уголовного кодекса Азербайджанской Республики и связанных с этим вопросах правового регулирования» от 30 декабря 1999 г., неотбытая часть наказания лиц,

осужденных к исправительным работам без лишения свободы и отбываемым в местах, определенных ведающими исполнением приговора органами, а также к лишению свободы условно с обязательным привлечением к труду и освобожденных из мест лишения свободы условно с обязательным привлечением к труду, в соответствии с УК Азербайджанской ССР от 8 декабря 1960 г., была заменена штрафом.

Законом от 31 мая 2011 г. из УК Азербайджанской Республики было исключено наказание в виде ограничения свободы. Согласно переходным положениям указанного закона 1859 осужденным наказания в зависимости от неотбытого срока ограничения свободы были заменены на исправительные работы и штраф в сумме от трехсот до одной тысячи манатов. Законами от 20 октября 2017 г. и 1 мая 2020 г. в УК Азербайджанской Республики были внесены многочисленные изменения, предусматривающие существенную гуманизацию уголовного закона. Согласно этим изменениям группе осужденных неотбытая часть назначенного судом наказания была заменена на более мягкое наказание.

В ходе изучения практики освобождения из мест лишения свободы установлено, что в этих целях ст. 77, 90-1 УК Азербайджанской Республики судами фактически не применяются. Хотя, согласно официальной статистике, ежегодно из зарегистрированных преступлений в Азербайджанской Республике более 80 % являются не представляющими большой общественной опасности и менее тяжкими. Примерно такой же процент из общего количества лиц осуждаются судами республики за указанные категории преступлений. В связи с изложенным к большому числу осужденных в соответствии со ст. 77, 90-1 УК судами могла быть применена замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Однако в судебной практике страны наблюдается совсем иная картина. Считаем, что, во-первых, такое положение связано прежде всего с тем, что возможность замены только одного единственного наказания в виде лишения свободы лишает других осужденных, приговоренных к иным видам наказания, обращаться к этому институту. Во-вторых, за прошедшее немалое время не были изучены причины неприменения и сдержанного отношения к данному институту. В-третьих, создается впечатление, что у осужденных нет четкого представления о замене наказания более мягким; при проведении с ними во время отбывания наказания мероприятий по правовому воспитанию не должным образом разъясняется сущность, условия применения, польза для них от этого основания освобождения от отбывания наказания. Полагаем также, что и администрация учреждений, исполняющих наказания, не придает необходимое значение освобождению осужденных на основании замены наказания более мягким, а органы, осуществляющие контроль за их деятельностью, не рассматривают вопрос по изменению существующей практики. В-четвертых, в отличие от других статей, являющихся основаниями для освобождения от наказания, за прошедшие более 20 лет принятия УК редакция ст. 77 ни разу не была подвергнута изменению или совершенствованию путем гуманизации.

Исходя из вышеизложенного, для изменения существующей ситуации и с учетом международной практики предлагаем совершенствовать институт за-

мены неотбытой части наказания более мягким видом наказания путем расширения его пределов и условий применения. Во-первых, считаем, что его действие было бы целесообразно распространить и на лиц, отбывающих исправительные работы, ограничение свободы, а также содержащихся в дисциплинарной воинской части. Во-вторых, замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания следовало бы применять и в отношении лиц, осужденных за совершение тяжких преступлений, но с обязательными ограничениями, которые должен установить сам законодатель. При этом для указанной категории осужденных минимальный срок отбывания наказания предлагаем установить не менее половины, а для несовершеннолетних – не менее одной трети назначенного срока наказания. В-третьих, необходимо установить ответственность осужденного за злостное уклонение от отбывания примененного судом в порядке замены неотбытой части наказания более мягким. Последнее предложение уже нашло свое отражение в работах А. А. Урусова [1, с. 128], Т. Г. Черненко и И. В. Масалитиной [2, с. 129]. Считаем также целесообразным наделить администрацию учреждений и органов, исполняющих наказания, правом о представлении осужденного суду для замены неотбытой части наказания более мягким наказанием в порядке поощрения.

Для более полного разъяснения порядка применения замены неотбытой части наказания более мягким наказанием, в частности, в отношении несовершеннолетних осужденных, а также в целях привлечения необходимого внимания судов к применению ст. 77, 90-1 УК, Верховному Суду Азербайджанской Республики следовало бы путем обобщения существующей практики дать оценку и внести изменения к своему постановлению от 8 октября 2010 г. Кроме того, предлагаем вышестоящим органам обязать руководство учреждений и органов, исполняющих наказания, регулярно разъяснять сущность и порядок применения вышеуказанного института при проведении воспитательной работы, информировать осужденных как при приеме их для отбывания наказания, так и об уже наступившем праве обращения в суд о замене неотбытой части наказания более мягким наказанием. В свою очередь, органам, осуществляющим контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, в том числе Общественному комитету при министре юстиции Азербайджанской Республики, осуществляющему общественный контроль, необходимо периодически обобщать практику обращений осужденных в суд по вопросу замены неотбытой части наказания более мягким наказанием и о результатах информировать руководство Министерства юстиции.

Следует отметить, что в связи с необходимостью совершенствования и гуманизации аналогичного института в разные годы в редакции соответствующих статей УК Российской Федерации, Беларуси, Грузии, Казахстана, Узбекистана и Таджикистана были внесены изменения.

Думаем, что расширение практики применения института замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания могло бы способствовать сокращению количества осужденных в исправительных учреждениях, более быстрой

реинтеграции лишенных свободы к жизни на свободе, привело бы к уменьшению служебной нагрузки на сотрудников, а также создало бы возможности для экономии финансов, выделенных на содержание мест лишения свободы. Необходимо отметить, что перечисленные нами ранее предложения созвучны с задачами, поставленными в распоряжении Президента Азербайджанской Республики от 10 февраля 2017 г. «Об усовершенствовании деятельности в пенитенциарной сфере, гуманизации политики назначения наказания, расширении применения альтернативных мер наказаний и процессуального принуждения, не связанных с изоляцией от общества», где глава государства, наряду с основными целями этого распоряжения, выразил обеспокоенность и в связи с увеличением числа осужденных и перегруженностью пенитенциарных учреждений [3, р. 41]. Так, в п. 10.4 распоряжения было дано поручение Министерству юстиции и рекомендовано Верховному Суду, Генеральной прокуратуре подготовить и представить Президенту Азербайджанской Республики законопроекты, предусматривающие более широкое применение институтов условного осуждения, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, а также замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы более мягким наказанием.

В заключение отметим, что для реализации вышеизложенных предложений необходимо внести соответствующие изменения в ст. 77, 90–1 УК и ст. 105, 171 Кодекса по исполнению наказаний Азербайджанской Республики.

Список источников

1. Урусов А. А. Проблемы уголовно-правового регулирования замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2020. № 2(43). С. 122–133.

2. Черненко Т. Г., Масалитина И. В. Некоторые проблемные вопросы замены уголовного наказания более мягким видом наказания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 122–132.

3. Humbatov M. Continued reform of the penitentiary system of the Republic of Azerbaijan in 2016–2022, prospects of its development // Journal Scientific discussion. (Praha, Czech Republic). 2023. Vol. 1 (77). pp. 35–42.

ВАЛИ ФАТЕХОВИЧ ЕНГАЛЫЧЕВ,

доктор психологических наук,
профессор кафедры общей и социальной психологии,
КГУ им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия,

руководитель центра,
Научно-исследовательский центр судебной экспертизы и криминалистики,
г. Калуга, Россия,
e-mail: valiyen@gmail.com;

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА АЛЕКСАНДРОВА,

аспирант,
КГУ им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия,
e-mail: o.alexandrowa@yandex.ru

**ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИИ**

Аннотация: одной из форм практического применения психологического знания в Германии является прогностическая судебная экспертиза. В ряде случаев данная экспертиза обязательна, например, при решении вопроса о условно-досрочном освобождении лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы за особо тяжкие преступления. В статье кратко рассматривается история развития прогностической экспертизы в Германии и ее основные методические принципы.

Ключевые слова: судебная психологическая экспертиза, прогностическая судебная психологическая экспертиза, криминологическое прогнозирование, общественная опасность, рецидив.

В Германии (ФРГ) в качестве самостоятельного вида судебной психологической, судебной психолого-психиатрической и психиатрической экспертизы выделяют так называемую прогностическую экспертизу. Задачей данного вида экспертизы является дача научно обоснованного прогноза возможности рецидива и общественной опасности лица, ранее совершавшего преступное деяние. Согласно абз. 2 § 454 Уголовно-процессуального уложения ФРГ прогностическая экспертиза обязательна при решении вопроса о замене пожизненного заключения испытательным сроком, условно-досрочном освобождении лица, отбывающего наказание в виде лишения свободы за тяжкие преступления (например, сексуальные и насильственные преступления). Таким образом, законодатель предписывает проведение прогностической экспертизы в тех случаях, где возможно предположить особую общественную опасность осужденного.

В абз. 2 § 454 Уголовно-процессуального уложения ФРГ говорится, что заключение эксперта должно дать ответ на вопрос, не продолжает ли исходить от осужденного опасность, проявившаяся в совершенном им преступлении [3, S. 422–423; 10]. Прогностическая экспертиза должна или может быть назначена судом при решении следующих вопросов:

- условно-досрочное освобождение (§ 57 Уголовного уложения ФРГ, далее – УУ ФРГ);
- помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь/наркологическую клинику (§ 63 и 64 УУ ФРГ);
- превентивное заключение – содержание в заключении преступника-рецидивиста после отбытия им наказания (§ 66 УУ ФРГ);
- срок помещения в наркологическую клинику (§ 67d УУ ФРГ);
- условия назначения надзора осужденному после отбытия основного наказания (§ 68 УУ ФРГ) [5, S. 129–130; 9].

История эмпирических исследований в области криминалистического прогнозирования в Германии насчитывает около 100 лет. В 1967 г. *Hans-Georg Mey*, интенсивно занимавшийся изучением прогностических моделей, факторов риска рецидива и протективных факторов, в «*Руководстве по судебной психологии*» (Mey H.-G. Prognostische Beurteilung des Rechtsbrechers: Die deutsche Forschung / In U. Undeutsch (Hrsg.) „Handbuch der Forensischen Psychologie“. Göttingen. Hogrefe. 1967. S. 511–566) дал подробную характеристику состояния данного направления исследований в ФРГ, которая позволяет констатировать наличие большого числа исследований уже в тот период времени. Результаты исследований 1930–1960 гг. обнаруживают себя и в современном методическом инструментарии судебной прогностической экспертизы. Так, например, уже тогда были частично описаны значимые для криминологического прогнозирования личностные черты, учтенные в модели психопатии, предложенной *Robert Hare* и ставшей популярной в Германии в 90-е годы [5, s. 131]. В 1950–1960 гг. поиск критериев оценки склонности к совершению повторных преступлений велся, прежде всего, в рамках социологических когортных исследований. Следующее десятилетие (1970–1980 гг.) характеризуется в значительной степени скептицизмом и дискуссией о научной и этической оправданности прогнозирования общественной опасности того или иного лица. В период 1980–1990 гг. преобладают эмпирические исследования, результатом которых стала разработка критериально-ориентированных проверочных листов. В основу последних были положены, прежде всего, статические факторы риска, то есть статические переменные (например, возраст совершения первого преступления, количество ранее совершенных преступных деяний). Исследования этого периода позволили выделить статистически значимые факторы риска рецидива, но подверглись критике, поскольку речь в них шла, главным образом, о статических переменных, динамические переменные (например, такие динамические факторы как семейное положение или занятость) практически не рассматривались. Другим основанием для критики была ограниченная возможность экстраполяции выводов на конкретный случай. Данный период исследований, тем не менее,

определил в значительной степени дальнейшее направление развития криминалистического прогнозирования в ФРГ: были систематизированы факторы риска, а развитие и внедрение в экспертную практику проверочных листов позволила снизить уровень субъективности экспертных выводов и повысить качество экспертизы. В 90-е годы разрабатываются многомерные прогностические методики, которые учитывали как статические, так и динамические переменные, но все же еще исходили в значительной степени из оценки только факторов риска рецидива, протективные факторы практически не принимались во внимание. В 2000-е годы, как отмечают *Norbert Nedopil* и *Jürgen Leo Müller*, исследования постепенно переходят от проблематики оценки рисков совершения повторных противоправных деяний к проблематике управления рисками (например, разработка рекомендаций по минимизации рисков). Таким образом, современный подход к судебной прогностической экспертизе учитывает также протективные факторы и характеризуется интеграцией актуарно-статистических (статистически-номотетический прогноз) и клиничко-психологические методик (клиничко-идеографический прогноз): оценка рисков и управление ими осуществляются как с учетом статистических данных эмпирических исследований, так и на основании результатов исследования индивидуального случая (Необходимость индивидуального подхода при принятии решения об условно-досрочном освобождении и замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 (в ред. от 28 октября 2021 г.) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», но в настоящее время в России нет единого стандартизированного подхода к оценке риска рецидива и общественной опасности осуждённого, которая проводится пенитенциарным психологом [1, 2]), включая разработку индивидуальной модели делинквентности. Таким образом, в развитии методического инструментария прогностической экспертизы можно выделить три поколения методов:

- 1 поколение: идеографические методы;
- 2 поколение: актуарно-статистические методы, учитывавшие преимущественно статические факторы риска;
- 3 поколение: так называемая „*Risk-Need-Responsivity-Model*” (*Bonta J., Andrews D.A. Risk-Need-Responsivity Model for Offender Assessment and Rehabilitation // Public Safety Canada. Government of Canada. URL: <https://www.public-safety.gc.ca/cnt/rsrscs/pblctns/rsk-nd-rspnsvty/index-en.aspx>* (дата обращения: 24.08.2023); *Andrews D., Bonta J., Wormith J. The Risk-Need-Responsivity (RNR) Model: Does Adding the Good Lives Model Contribute to Effective Crime Prevention? // Criminal Justice and Behavior. 2011. № 38. P. 735–755*), которая учитывает статические и динамические факторы и включает в себя также управление рисками [5, S. 131–134, 180].

В 2007 г. были опубликованы «*Минимальные требования к прогностической экспертизе*», в которых были сформулированы основополагающие принципы прогностической экспертизы. В 2019 г. они были переработаны и изданы

как «Рекомендации по производству прогностической экспертизы: эмпирически обоснованные рекомендации по криминальному прогнозированию». Принцип многоуровневости прогностического исследования, названный в числе основополагающих в издании 2007 г., был без изменений перенят и в рекомендации 2019 г. и предполагает анализ личности подэкспертного в развитии и его социального поведения, в случае наличия психических отклонений – изучение анамнеза психического заболевания или отклонения, анализ развития криминального поведения, а также условий и обстоятельств совершения деликта, динамики в период после совершения деликта, а также перспектив дальнейшего развития [4, 6, 8].

Nedopil, опираясь на HCR-20 – Historical-Clinical-Risk 20, предлагает следующую структуру анализа при проведении прогностической экспертизы:

1. Исходный деликт:

- статистическая вероятность рецидива
- значение ситуативных факторов при совершении противоправного деяния
- влияние временного заболевания
- наличие связи с расстройствами личности
- наличие криминогенной или девиантной сексуальной мотивации.

2. Анамнестические данные:

- предшествовавшие эпизоды насильственного поведения (из HRC–20)
- возраст совершения первого противоправного деяния (из HRC–20)
- стабильность брачно–семейных отношений (из HRC–20)
- стабильность рабочих отношений (из HRC–20)
- злоупотребление алкоголем/наркотическими веществами (из HRC–20)
- наличие психических нарушений (из HRC–20)
- проблемы с социализацией (из HRC–20)
- личностные расстройства (из HRC–20)
- наличие эпизодов нарушения условий испытательного срока ранее (из HRC–20).

3. Постделиктное развитие личности:

- признание наличия заболевания и мотивация к прохождению терапии
- критичное отношение к своему криминальному поведению
- улучшения в динамике психопатологической симптоматики
- про/–антисоциальные жизненные установки (из HRC–20)
- эмоциональная стабильность (из HRC–20)
- стратегии совладающего поведения
- сопротивление ущербу, вызванному институционализацией

4. Социальные условия, в которые возвращается осужденный после освобождения:

- наличие работы
- условия проживания
- социальные отношения
- социальные отношения с контролирующими инстанциями

- официальные возможности надзора
- доступность жертв
- доступность риска (из HRC–20)
- стремление к сотрудничеству во время терапии/лечения (из HRC–20)
- стрессоры (из HRC–20) [5, S. 147–148; 7, S. 192].

В диагностический арсенал немецких судебных психологов и психиатров входят сегодня, например, следующие методики:

- OGRS 3: Offender Group Reconviction Scale Version 3
- RM–V: Risk–Matrix–2000 (Scale: Violence)
- LSI–R: Level of Service Inventory
- HCR–20: Historical–Clinical–Risk Schema–20
- SVR–20: Sexual Violence Risk Schema–20
- PCL–R: Psychopathy Checklist
- SARA: Spousal Assault Risk Assessment
- проверочный лист Диттманна (Dittmann)
- процессуальная модель клиническо-идеографической криминологического прогноза Дале (Dahle) [3, S. 431–433].

Возможная стратегия применения вышеназванных методических инструментов представлена на рис. [3, S. 431].

Рис.

Сегодня от прогностической экспертизы ожидают не только прогноз возможности рецидива, но и конкретные предложения относительно исправительных мер, мер превентивного характера в случае условно-досрочного освобождения или смягчения меры наказания. Теоретическая и методическая база прогностической экспертизы продолжает развиваться, так же как и отношение заказчиков к результатам экспертизы «развивается» и становится более осознанным и критичным чему, среди прочего, способствовала публикация «Минимальных стандартов прогностической экспертизы» 2007 г., что в итоге обеспечивает постоянное повышение качества прогностической экспертизы в ФРГ [7, S. 205–206].

Список источников

1. Мельникова Д. В. Участие психолога в принятии решения о рекомендации осужденного к условно-досрочному освобождению // Психология и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 30–43. DOI: 10.17759/psylaw.2022120103.
2. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 (в ред. от 28 октября 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87192 (дата обращения: 22.08.2023).
3. Bliesener T., Lösel F., Köhnken G. Lehrbuch der Rechtspsychologie / Verlag Hans Huber. Bern. 1. Auflage. 2014. 576 S.
4. Boetticher A., Kröber H-L., Müller-Isberner R., Böhm K., Müller-Metz R., Wolf Th. Mindestanforderungen für Prognosegutachten // Forensische Psychiatrie, Psychologie, Kriminologie. 2007. № 1. S. 90–100. DOI: 10.1007/s11757-007-0017-9
5. Köhler D. Grundriss der Psychologie / Rechtspsychologie. Kohlhammer. Stuttgart. 2014. 266 S.
6. Kröber H-L., Brettel H., Rettenberger, M., Stübner S. Empfehlungen für Prognosegutachten: Erfahrungswissenschaftliche Empfehlungen für kriminalprognostische Gutachten // Forensische Psychiatrie, Psychologie, Kriminologie. 2019. № 13. S. 334–342. DOI: 10.1007/s11757-019-00558-z.
7. Kury H., Oberfell-Fuchs J. Rechtspsychologie. Forensische Grundlagen und Begutachtung / Kohlhammer. Stuttgart. 1. Auflage. 2012. 340 S.
8. Rettenberger M., Brettel H. Qualitätssicherung in der Kriminalprognostik: Die neuen Mindestanforderungen („Empfehlungen“) für Prognosegutachten // Praxis der Rechtspsychologie. 2020. № 30(1). S. 29–42.
9. Strafgesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 13. November 1998 (BGBl. I S. 3322), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 26. Juli 2023 (BGBl. 2023 I Nr. 203) geändert worden ist // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb> (дата обращения: 22.08.2023).
10. Strafprozeßordnung in der Fassung der Bekanntmachung vom 7. April 1987 (BGBl. I S. 1074, 1319), die zuletzt durch Artikel 2 des Gesetzes vom 25. März 2022 (BGBl. I S. 571) geändert worden ist. // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stpo> (дата обращения: 22.08.2023).

МАКСИМ ГЕННАДЬЕВИЧ ЖИЛКИН,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Московский областной филиал Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя, г. Руза, Россия,
e-mail: zmax71@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация: в статье обсуждается актуальность предупреждения экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы России. Автор исследует основные признаки экстремистской деятельности в данной системе и анализирует факторы, способствующие ее распространению. Кроме того, статья описывает меры предупреждения экстремизма, которые принимаются в уголовно-исполнительной системе, и подчеркивает важность психологической работы в предотвращении экстремистской деятельности. В заключении статьи обсуждаются перспективы развития механизма предупреждения экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы России.

Ключевые слова: предупреждение экстремизма, признаки экстремистской деятельности, факторы распространения экстремизма, уголовно-исполнительная система.

Проблема предупреждения экстремизма стала одной из важнейших задач для учреждений уголовно-исполнительной системы России, в свете растущих проявлений насилия и терроризма в обществе (*Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 № 1138-р (ред. от 27 мая 2023 г.) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года»*). Ученые отмечают, что возрастает тревожность в связи с ростом криминальной активности в исправительных учреждениях. Особенно серьезной проблемой являются преступления, имеющие высокую общественную опасность и пропагандирующие экстремистскую идеологию [2, с. 13]. В связи с этим организация эффективных программ и мероприятий по предупреждению экстремизма среди заключенных является необходимостью для создания безопасной и стабильной обстановки в исправительных учреждениях.

Чрезмерное воздействие экстремистской пропаганды на заключенных может вызвать нарастание неприемлемых убеждений и дестабилизировать общую обстановку, что требует принятия срочных мер для их нейтрализации. Обучение сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы основам предупреждения экстремизма, включая узнавание признаков радикализации и реагирование на

них, является ключевым аспектом создания эффективной системы противодействия. Установление тесного сотрудничества с обществом, включая представителей гражданского общества, организации, исследовательские центры, помогает учреждениям уголовно-исполнительной системы адаптироваться к быстро меняющимся вызовам и разрабатывать современные стратегии предупреждения экстремизма. Применение современных методов и технологий, таких как мониторинг социальных сетей и анализ данных, позволяет своевременно обнаруживать и пресекать экстремистскую деятельность внутри и вокруг учреждений уголовно-исполнительной системы. Игнорирование анализа и предупреждения экстремизма может привести к росту числа экстремистских группировок и насилия, угрожающих безопасности и стабильности общества в целом.

Предупреждение экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы России является актуальной проблемой, требующей серьезного внимания, координации и высокой профессиональной подготовки со стороны всех участников: сотрудников учреждений, общественных организаций и государственных органов. ФСИН России активно работает по предотвращению и пресечению экстремистской деятельности в исправительных учреждениях. Организация уделяет особое внимание выявлению экстремистской литературы и информации, контролю использования средств связи осужденными, проведению воспитательной работы и своевременному информированию уполномоченных органов о проявлениях экстремизма. Работа ФСИН России направлена на обеспечение безопасности и нормального функционирования исправительных учреждений, а также на реабилитацию осужденных и предотвращение их реинтеграции в экстремистские среды. Однако, чтобы достичь успеха в этой сфере, необходимо постоянно развивать методы и стратегии предупреждения экстремизма, учитывая все новые вызовы и тенденции, которые появляются.

Одним из основных признаков экстремистской деятельности в уголовно-исполнительной системе является идеологическая радикализация заключенных. Экстремистские идеи и убеждения могут возникать и распространяться как в криминальных средах на свободе, так и внутри самого учреждения. Экстремисты, находящиеся в пенитенциарных заведениях, часто используют провокационные действия для пропаганды своих идей и вербовки новых сторонников. Это может включать организацию протестов, нападения на персонал или других заключенных, а также распространение экстремистской пропаганды. Экстремисты могут организовывать незаконные объединения внутри учреждений уголовно-исполнительной системы. Эти организации служат платформой для координации своих действий и распространения экстремистской пропаганды среди заключенных. Экстремисты могут устанавливать и поддерживать связи с другими экстремистскими группировками или организациями как внутри страны, так и за ее пределами. Это позволяет им обмениваться опытом, ресурсами и планировать совместные действия. Современные экстремисты в учреждениях уголовно-исполнительной системы активно используют информационные технологии для распространения своих идей и привлечения новых сторонников. Они могут использовать интернет-ресурсы,

социальные сети и мессенджеры, чтобы обмениваться информацией, координировать свои действия и пропагандировать экстремистскую идеологию.

Все эти признаки экстремистской деятельности в уголовно-исполнительной системе требуют постоянного внимания и превентивных мер для предотвращения распространения экстремизма.

Факторы, способствующие распространению экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

1. Недостаточная информированность и образованность сотрудников системы исполнения наказания. Ограниченный доступ к актуальным и достоверным источникам информации может стать одной из причин непонимания и неправильной интерпретации идеологических аспектов, способствующих формированию экстремистских взглядов.

2. Недостаточная контрольная деятельность со стороны руководства учреждений. Отсутствие системы контроля за распространением идей экстремизма внутри учреждений уголовно-исполнительной системы может породить атмосферу толерантности и безнаказанности, что способствует росту поддержки экстремистских идей.

3. Сложности в проведении эффективной идейно-просветительской работы среди заключенных. Ограниченные ресурсы исследовательских и информационных центров в учреждениях уголовно-исполнительной системы могут сделать эффективную работу по предотвращению экстремизма затруднительной. Отсутствие квалифицированных педагогических кадров также ограничивает возможности проведения целенаправленной работы с заключенными.

4. Взаимосвязь между экстремистской деятельностью и сектантством. Нередко экстремистские группы выступают в роли организованных религиозных сект, предлагающих свои идеологические взгляды заключенным и сотрудникам уголовно-исполнительной системы. Это может привести к вербовке и распространению экстремистской агитации внутри учреждений. В этой связи С. С. Оганесян отмечает, что для того чтобы изменить мировоззрение и поведение религиозных экстремистов и террористов в тюрьме, необходимо обращаться к основам монотеизма. Эти основы, которые можно найти в Торе, Новом Завете и Коране, помогут людям понять историческое устаревание своей веры, ценностей и правил поведения. Важно также привлекать их внимание к тому, что для достижения своих целей они используют научные достижения и технологии современной цивилизации, а не простые указания из священных текстов [3, с. 36].

5. Социально-экономические факторы. Бедность, безработица и низкий социальный статус некоторых заключенных могут создавать благоприятную почву для распространения экстремистских идей. Отсутствие перспектив на будущее и ощущение отчуждения могут способствовать привлечению к радикальным группировкам.

Учет и понимание данных факторов являются важными для разработки эффективных мер по предотвращению распространения экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Меры предупреждения экстремизма в уголовно-исполнительной системе.

1. Развитие образовательных программ: Одной из ключевых мер предупреждения экстремизма в уголовно-исполнительной системе является развитие специальных образовательных программ, направленных на пропаганду толерантности, уважения к правам человека и законному порядку. Эти программы должны включать в себя обучение основам гражданской ответственности и полезным навыкам для успешной реинтеграции лиц, осужденных за экстремистскую деятельность, обратно в общество.

2. Проведение контроля и мониторинга: Эффективное предупреждение экстремизма требует постоянного контроля и мониторинга внутри учреждений уголовно-исполнительной системы. Это включает в себя разработку и внедрение системы раннего выявления признаков радикализации и экстремистской деятельности среди осужденных. Такой контроль должен быть осуществлен с применением современных технологий, таких как мониторинг интернет-активности и обмен информацией между компетентными органами. Как отмечают исследователи, оперативным подразделениям мест лишения свободы необходимо уделять особое внимание данным осужденным, получая своевременную и качественную информацию о их взглядах, убеждениях и связях как внутри, так и вне учреждений, а также ожидаемом поведении после освобождения [1, с. 18].

3. Проведение профилактической работы с осужденными: Помимо контроля, эффективное предупреждение экстремизма требует активной профилактической работы с осужденными. Это может включать проведение индивидуальных и групповых консультаций, тренингов по развитию навыков межличностного общения и управления конфликтами, а также предоставление социально-психологической поддержки. Целью такой работы является повышение осознанности осужденных о последствиях экстремистской деятельности и стимулирование процесса их реабилитации и ресоциализации. По мнению Н. В. Румянцева, одним из эффективных методов предотвращения правонарушений и преступлений экстремистской направленности со стороны обвиняемых и осужденных является использование официальных предупреждений о том, что такие действия запрещены. Если предупреждения игнорируются, виновные могут быть привлечены к административной или уголовной ответственности [5, с. 4].

4. Сотрудничество с общественностью: Одной из важных мер предупреждения экстремизма является активное взаимодействие учреждений уголовно-исполнительной системы с общественностью. Это может включать проведение информационных кампаний и просветительских мероприятий, которые направлены на осведомление общественности о проблеме экстремизма и роли, которую каждый может сыграть в его предотвращении. Также важно вовлечение общественных организаций и неправительственных организаций в деятельность по предупреждению экстремизма для усиления эффективности таких мер.

5. Модернизация законодательства: Для эффективного предупреждения экстремизма в уголовно-исполнительной системе необходимо обновление соответствующего законодательства. Включение четких и точных определений экстремистской деятельности, а также санкций за ее осуществление, по-

может обеспечить эффективность борьбы с этой проблемой. Важно также установить механизмы координации и сотрудничества между различными органами и учреждениями, ответственными за предупреждение экстремизма, для более эффективного реагирования на потенциальные угрозы.

В современном обществе проблема экстремизма является серьезной угрозой для безопасности и стабильности. Особенно актуальна данная проблема в контексте учреждений уголовно-исполнительной системы России, где находятся лица, осужденные за экстремистские преступления. В условиях заключения такие индивиды могут подвергаться влиянию радикальных идей и оказываться втянутыми в действия, направленные на разрушение общественной гармонии.

В такой сложной ситуации необходима эффективная стратегия предупреждения и противодействия экстремизму, основанная на комплексном подходе. И одним из ключевых компонентов этой стратегии является психологическая работа с осужденными. Роль психологической работы в предотвращении экстремистской деятельности не может быть недооценена.

Во-первых, психологическая работа помогает выявить и анализировать мотивы и причины, побуждающие осужденных к экстремистским действиям. Это позволяет более глубоко понять психологию данной группы людей и сформировать индивидуальные подходы к каждому осужденному. Разработка персонализированных программ реабилитации и ресоциализации способствует успешной реинтеграции в общество.

Во-вторых, психологическая работа направлена на развитие социально-адаптивных навыков у осужденных. Часто экстремисты испытывают проблемы во взаимодействии с другими людьми и не умеют адаптироваться в обществе. Посредством психологических методик и тренингов осужденные могут научиться эффективному коммуникационному поведению, развивать навыки конструктивного решения конфликтов и разбираться в своих эмоциях.

В-третьих, психологические методики способствуют развитию эмпатии и толерантности у осужденных. Часто причиной вовлечения в экстремистские группировки является отсутствие понимания и уважения к другим культурам и мировоззрениям. Через психологические программы можно помочь осужденным понять ценность гармоничного многообразия и сформировать позитивный взгляд на разнообразие культур и вероисповеданий.

В связи с увеличением числа случаев экстремистской пропаганды и радикализации, необходимо разработать и реализовывать эффективные программы, направленные на предупреждение и противодействие этому явлению.

Программы по предотвращению экстремизма в уголовно-исполнительной системе должны основываться на нескольких принципах. Во-первых, это индивидуальный подход к каждому заключенному. Учитывая различные факторы, такие как возраст, уровень образования, социальный статус и психологические особенности, специалисты разрабатывают индивидуальные программы деятельности, направленные на предотвращение радикализации и перехода к экстремистской деятельности.

Во-вторых, необходимо активно привлекать к процессу предотвращения экстремизма социальных работников, психологов, педагогов и других специалистов, обладающих не только знаниями в области права, но и психологией и социальной адаптации. Их роль заключается в проведении различных тренингов, семинаров и консультаций для заключенных, а также в создании благоприятной атмосферы в учреждениях уголовно-исполнительной системы, способствующей успешной реабилитации и ресоциализации заключенных.

Третий принцип программ по предотвращению экстремизма – это сотрудничество и координация деятельности со специальными службами. Взаимодействие с международными и национальными спецслужбами позволяет проводить оперативную обработку информации, своевременно выявлять и пресекать попытки пропаганды экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Еще раз отметим, что эффективное противодействие радикализации возможно только при комплексном подходе. Ключевыми факторами успеха являются превентивные меры, такие как образовательные программы, развитие навыков социального взаимодействия, содействие социальной адаптации заключенных после их освобождения. Кроме того, создание условий для сохранения связи с семьей и обществом также играет важную роль в процессе предотвращения экстремизма и последующей успешной реинтеграции в общество. Подобные комплексные меры, включающие индивидуальный подход к заключенным, активное участие специалистов различных профессий и эффективное взаимодействие со спецслужбами создают надежную основу для предотвращения экстремистской пропаганды и успешной реабилитации лиц, подвергшихся радикализации.

Нельзя также недооценивать влияние на предотвращение экстремизма проведение воспитательной работы с сотрудниками уголовно-исполнительной системы по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Сотрудники уголовно-исполнительной системы имеют непосредственный контакт с заключенными, что предоставляет им значимую возможность влиять на их мировоззрение и поведение. Здесь кроется ключевая роль социализации и воспитания, при помощи которых можно развивать понимание и уважение к национальным, культурным и религиозным ценностям, характерным для России.

Повышение эффективности воспитательной работы подразумевает проведение мероприятий, направленных на развитие патриотизма, укрепление семьи, толерантности и межнационального согласия. Осознание и сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей помогает предупредить экстремизм и радикализацию в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Понимание и признание национальных и культурных особенностей заключенных способствует созданию благоприятного и уважительного окружения, снижает вероятность возникновения конфликтов и протестных настроений. Кроме того, воспитательная работа должна акцентировать внимание на важности развития личных ценностей и качеств сотрудников, таких как этика, спра-

ведливость, ответственность, честность и трудолюбие. Эти качества являются основой для развития культуры безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы и могут помочь предотвратить заражение осужденных радикальными и экстремистскими идеями.

Таким образом, эффективность воспитательной работы с сотрудниками уголовно-исполнительной системы, направленной на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, имеет прямое воздействие на предупреждение экстремизма в учреждениях этой системы. Признание и уважение культурных и национальных особенностей, в сочетании с развитием личных ценностей сотрудников, создает благоприятную атмосферу и способствует формированию позитивной просоциальной среды, исключая появление экстремистских идей и поведения. Следует согласиться также с С. С. Оганесяном, что одной из наиболее срочных задач для системы исполнения наказаний является подготовка специалистов (воспитателей и психологов), создание научно-обоснованного содержания и проработки программы для работы с осужденными за религиозный экстремизм и терроризм, включая учебно-методические комплексы и средства формирования правосознания, законопослушания и веротерпимости, а также разработка учебных материалов для успешной ресоциализации осужденных [4, с. 35].

Перспективы развития механизма предупреждения экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы России.

1. Анализ текущей ситуации: разработка и внедрение стратегии предупреждения экстремизма в уголовно-исполнительной системе, основывающейся на оценке угроз и рисков.

2. Усиление межведомственного взаимодействия: сотрудничество между учреждениями уголовно-исполнительной системы, силовыми структурами и общественными организациями для обмена информацией и координации действий.

3. Профессиональная подготовка персонала: разработка и реализация программ повышения квалификации, включающих модули по предупреждению экстремизма и идентификации рисков.

4. Использование современных технологий: применение специализированного программного обеспечения для мониторинга и анализа информации, обеспечивающего оперативное реагирование на экстремистские проявления.

5. Вовлечение общественности: проведение общественных слушаний, создание площадок для обсуждения проблемы экстремизма с участием представителей общественности и экспертов.

6. Усиление контроля и наблюдения: активное применение электронного контроля и наблюдения за подозрительными лицами и подозрительными действиями внутри учреждений уголовно-исполнительной системы.

Вместе эти меры могут обеспечить более эффективную систему предупреждения экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы России, содействуя повышению уровня безопасности и предотвращению распространения экстремистской идеологии среди осужденных.

Список источников

1. Майстренко Г. А., Алдашкин М. Ю. Оперативно-розыскное противодействие деятельности членов молодежных экстремистских группировок в уголовно-исполнительной системе // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 6. С. 16–18.
2. Нестерова О. И. Криминологическое обеспечение предупреждения пенитенциарных преступлений // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 1. С. 12–15.
3. Оганесян С. С. Интернет и религиозный экстремизм // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 2. С. 32–36.
4. Оганесян С. С. Подготовка сотрудников УИС к противодействию религиозному экстремизму: задачи и основные направления их решения // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 1. С. 32–35.
5. Румянцев Н. В. Организационно-правовые вопросы противодействия экстремистской деятельности криминальных субкультур, в том числе молодежного движения АУЕ: уголовный и административно-правовой аспекты // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2021. № 6. С. 3–7.

СВЕТЛАНА МИХАЙЛОВНА КАЗАКЕВИЧ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии
уголовно-исполнительного факультета,
Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: kazakevich.bel@gmail.com

О ПОНЯТИИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ ЕЕ СОСТОЯНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Аннотация: рассматриваются подходы ученых к формулировке понятия пенитенциарной преступности, на основе их анализа представлена авторская дефиниция рассматриваемого вида преступности, выделены субъекты пенитенциарных преступлений. Дана криминологическая оценка состояния преступности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь. Указывается на необходимость дальнейшего научного осмысления проблемы пенитенциарной преступности, разработки методик установления латентной ее части в целях выработки эффективной системы мер превентивного характера и поиска перспективных направлений совершенствования системы исполнения наказаний в целом.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, преступность, противоправные деяния, осужденные, уголовно-исполнительная система, учреждения уголовно-исполнительной системы.

Преступность в уголовно-исполнительной системе является серьезной комплексной проблемой не только для исправительных учреждений, но и для всего общества в целом. Свидетельством тому может служить тот факт, что до настоящего времени у ученых нет единства мнений относительно самой дефиниции «пенитенциарная преступность».

Так, в криминологической энциклопедии дается следующее толкование термина пенитенциарная преступность – это преступность в местах лишения свободы, то есть выделенная по месту его совершения [1, с. 596].

Более широко трактуют понятие пенитенциарной преступности О. В. Старков и С. Ф. Милюков. По их мнению, последняя представляет собой общесоциальное явление, порожаемое противоречиями общественного бытия и сознания, в сфере отбывания наказаний и проявляющееся в массе повторных преступлений, а также в возрождении противоречий этой же сферы [2, с. 102].

В. С. Ишигеева и И. П. Парфиненко под пенитенциарной преступностью понимают преступления, предусмотренные Уголовным кодексом, которые по-

сягают на общественные отношения в сфере исполнения наказаний в особых условиях, то есть в условиях изоляции от общества, которые совершаются либо осужденными, либо лицами, находящимися под стражей [3, с. 8]. Авторы делают акцент именно на субъекте данных преступлений, указывая на то, что их может совершать непосредственно как сам осужденный, так и лицо, находящееся под стражей. Схожей позиции придерживается К. К. Горяинов, который пенитенциарную преступность видит в качестве объективно существующего социального негативного явления в местах отбывания наказания в виде лишения свободы или содержания под стражей, обусловленного условиями жизни внутри и вне мест, состоящее из совокупности уголовно наказуемых действий и поступков [4, с. 14–15].

Несколько иначе раскрывает суть пенитенциарной преступности О. В. Филиппова. По ее мнению, пенитенциарная преступность – это исторически изменчивое, негативное социально-правовое явление, выраженное в совокупности запрещенных уголовным законом деяний, совершенных осужденными, отбывающими наказание за предыдущее преступление в исправительном учреждении, в течение определенного периода и на конкретной территории [5, с. 12]. Иными словами, автор определяет пенитенциарную преступность только на ограниченной территории совершения преступлений, а именно в исправительном учреждении.

По нашему мнению, заслуживает внимания подход к определению пенитенциарной преступности А. И. Долговой, которая выводит данную дефиницию за пределы исправительных учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, и распространяет ее на все учреждения уголовно-исполнительной системы [6, с. 856]. Стоит также согласиться с точкой зрения А. О. Легкого и Т. Г. Терещенко, которые формулируют понятие пенитенциарной преступности как совокупность уголовно наказуемых деяний, совершенных за определенный период времени на территории исправительных учреждений и за их пределами лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, пожизненного заключения и ареста, а также осужденными, находящимися в следственных изоляторах [7, с. 33].

Обобщив и проанализировав мнения ученых относительно формулировки дефиниции пенитенциарной преступности, можно говорить о наличии двух основных подходов к ее пониманию. Так, некоторые ученые увязывают суть понятия с правовым статусом лица, совершившего преступление (осужденный, находящийся под стражей), другие же отталкиваются от места совершения преступления. В нашем понимании оба подхода не в полной мере отражают сущность проблемы, поскольку при первом смешивается понимание лица, совершившего преступление, виновность которого установлена приговором суда и лица, находящегося в процессуальном статусе обвиняемого (подозреваемого), виновность которого судом еще не установлена, при втором – не учитываются все возможные виды наказания и места их отбытия. Кроме того, не принимается во внимание, что субъектами пенитенциарной преступности (преступлений) могут быть и сами сотрудники (работники) учреждений уго-

ловно-исполнительной системы, иные лица, задействованные в организации исполнения наказания.

В связи с этим мы полагаем, что наиболее полно отражать суть указанного негативного социально-правового явления будет следующее определение: пенитенциарная преступность – это совокупность уголовно наказуемых деяний, совершенных за определенный период времени в учреждениях уголовно-исполнительной системы как осужденными, отбывающими наказание, так и сотрудниками (работниками) уголовно-исполнительной системы, а также иными лицами, задействованными в обеспечении организации исполнения наказания (производственно-технической, медицинской, педагогической работе и т. д.).

Следует отметить, что для пенитенциарной преступности характерен ряд особенностей, в числе которых: субъекты преступлений (осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях, сотрудники (работники) органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, производственно-технический, медицинский, педагогический персонал и другие лица, чей функционал связан с организацией обеспечения исполнения наказания) (правоприменительная практика показывает, что именно осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях, преобладают в совершении пенитенциарных противоправных деяний); специфика криминальной среды в исправительных учреждениях (пребывание осужденных, совершивших в основном тяжкие преступления, значительное количество осужденных с признаками нервно-психических расстройств и т. п.); повышенная степень общественной опасности совершаемых преступлений, а также достаточно высокий уровень их латентности (например, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, умышленное причинение тяжких телесных повреждений и т. д.).

К особенностям преступности в рассматриваемом сегменте криминала необходимо также отнести ее структуру, которая включает в себя различные по направленности общественно опасные противоправные деяния: против личности, общественного порядка и общественной безопасности, здоровья населения, порядка управления, собственности, правосудия и др. (по оценкам специалистов наибольшим удельным весом обладают преступления против правосудия, а также преступления против жизни и здоровья (убийства, умышленное причинение телесных повреждений различной степени тяжести, включая покушения) [8, с. 113]).

Как уже отмечалось выше, пенитенциарная преступность является многоаспектной проблемой не только для исправительных учреждений, но и для всего общества в целом. Поэтому определенные события, происходящие в политической, экономической и идеологической сферах жизнедеятельности общества, отражаются на всех системах управления государством, в том числе и на деятельности уголовно-исполнительной системы.

Так, например, на протяжении последних трех лет наблюдается увеличение численности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. По данным Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь в 2022 г. численность спецконтингента по

сравнению с 2021 г. увеличилась почти на 13 %, по отношению к 2020 г. – на 17 %. При этом общая численность лиц, отбывающих наказание в учреждениях закрытого типа в 2022 г. увеличилась на 32,7 % (например, в исправительных колониях для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы – на 11,3 %, в исправительных колониях для лиц, ранее отбывающих наказание в виде лишения свободы – на 3,3 %, в исправительных колониях для содержания женщин, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы – на 13,4 %, в воспитательных колониях – на 29,9 %). Представляется, что увеличение численности спецконтингента в учреждениях закрытого типа в основном произошло в связи с сокращением случаев применения к осужденным института досрочного освобождения.

Растет также и число осужденных, состоящих на учетах в исправительных учреждениях открытого типа. В 2022 г. по сравнению с 2021 г. их количество увеличилось на 5,4 % (относительно 2020 г. количество лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях открытого типа, увеличилось на 32,9 %). Такой подход связан, на наш взгляд, с либерализацией законодательства в части назначения наказания, не связанного с изоляцией осужденного от общества.

Заслуживает особого внимания тенденция к увеличению численности граждан, находящихся в лечебно-трудовых профилакториях. Так, например, если в 2022 г. по сравнению с 2021 г. число таких лиц увеличилось на 58,4 %, то по отношению к 2020 г. – на 91,7 %. Полагаем, что такой рост обусловлен совершенствованием законодательства о принудительном лечении и медико-социальной реадaptации лиц с синдромом зависимости от алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ с учетом сложившейся правоприменительной практики.

Безусловно, рост осужденных коррелирует с количеством совершаемых ими преступлений. По информации Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь если уровень зафиксированной преступности в исправительных учреждениях, следственных изоляторах и лечебно-трудовых профилакториях на 1000 чел. среднесписочной численности в 2020 г. был 3,23, в 2021 г. – 2,92, то в 2022 г. данный показатель составил 3,24. В 2022 г. по сравнению в 2021 г. число совершенных осужденными преступлений увеличилось на 25,9 %, по отношению к 2020 г. – на 16,3 %.

По характеру и степени тяжести совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы преступлений в период с 2020 по 2022 гг. преобладают противоправные деяния, не представляющие большой общественной опасности – 85 %, удельный вес менее тяжких преступлений составляет 10 %, тяжких и особо тяжких – 3,5 % и 1,4 % соответственно.

Оценивая структуру преступности в учреждениях закрытого типа и лечебно-трудовых профилакториях, следует отметить, что на протяжении последних трех лет около 90 % составляют преступления против государства и порядка осуществления власти и управления (при этом по ст. 411 «Злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения,

исполняющего наказание в виде лишения свободы» Уголовного кодекса Республики Беларусь ежегодно возбуждается порядка 80–85 % уголовных дел), практически 5 % – это преступления против жизни и здоровья, общественного порядка и общественной нравственности, около 2 % – противоправные деяния против собственности и немногим более 1 % – преступления против общественной безопасности и здоровья населения.

Помимо увеличения зарегистрированных преступлений тревожная тенденция наблюдается и относительно роста причинения телесных повреждений в результате конфликтов между осужденными – на 33,8 % по отношению к 2021 г. и на 75 % по сравнению с 2020 г., числа совершенных актов членовредительства – на 2,4 % в 2022 г. относительно 2021 г., а также фактов суицида – на 66,7 %.

Анализ состояния преступности в исправительных учреждениях открытого типа также указывает на отрицательную динамику совершения преступлений данной категорией осужденных. Так, в отношении осужденных к ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа в 2022 г. было возбуждено на 17,6 % больше уголовных дел чем в 2021 г. и на 33,3 % больше чем в 2020 г. По степени тяжести лица, отбывающие данный вид наказания, совершают преимущественно менее тяжкие преступления – 85,3 %, доля тяжких и особо тяжких преступлений составляет 9,6 %. За период с 2020 по 2022 год наиболее распространенными среди зарегистрированных являются преступления против собственности – 49,4 %, против здоровья населения – 28,8 %, противоправные деяния против порядка управления – 9 %, преступления против общественного порядка и общественной нравственности – 3,2 %.

Таким образом, пенитенциарная преступность не теряет своей актуальности на протяжении длительного периода времени и требует постоянного научного осмысления. Оценивая в целом состояние пенитенциарной преступности в Республике Беларусь в период с 2020 по 2022 год, можно сделать вывод о небольшом ее удельном весе (порядка 1 %) среди всей совокупности зарегистрированных противоправных деяний общеуголовного характера, а также незначительном уровне преступности в исправительных учреждениях, следственных изоляторах и лечебно-трудовых профилакториях (в среднем 3,13 преступлений на 1000 человек против 9,7 противоправных деяний общеуголовного характера на 1000 населения страны). Однако следует учитывать, что для преступности в уголовно-исполнительной системе характерен высокий уровень латентности, в связи с чем видится целесообразным сосредоточить усилия ученых-пенитенциаристов на более глубоком научном осмыслении проблемы пенитенциарной преступности, поиске алгоритмов установления латентной ее части. Представляется, что такой подход будет способствовать не только выработке эффективных мер противодействия преступности в рассматриваемом сегменте криминала, но и поиску перспективных направлений совершенствования системы исполнения наказаний в целом.

Список источников

1. Российская криминологическая энциклопедия: преступность и борьба с ней: в понятиях и комментариях / А. И. Алексеев [и др.] ; под общ. ред. А. И. Долговой. М. : Норма, 2000. 802 с.
2. Старков О. В., Милюков С. Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб. : Юнис, 2001. 143 с.
3. Ишигеев В. С., Парфиненко И. П. Пенитенциарные преступления: уголовно-правовая характеристика, ответственность и пути совершенствования законодательной регламентации : монография. Иркутск : ВСИ МВД РФ, 2012. 140 с.
4. Горяинов К. К. Оперативно-розыскное обеспечение противодействия пенитенциарной преступности. // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 2(15). С. 13–18.
5. Филиппова О. В. Преступность в местах лишения свободы и ее предупреждение: по материалам Республики Бурятия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. 28 с.
6. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М. : Норма, 2005. 910 с.
7. Легкий А. О., Терещенко Т. Г. Криминологическая характеристика пенитенциарной преступности в Республике Беларусь // Пенитенциарная наука: научно-практический журнал / Вологодский ин-т права и экономики ФСИН России. 2020. Т. 14(1). С. 31–37.
8. Число зарегистрированных преступлений. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2022 // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_41019. Дата доступа: 11.08.2023.

МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА КАЛУЖИНА,

доктор юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия,
профессор кафедры криминалистики и правовой информатики,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар, Россия,
e-mail: kaluzhina.marishka@yandex.ru

ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Аннотация: приводятся результаты системного анализа существующих подходов правоприменительной практики Соединенных Штатов Америки противодействия преступлениям экстремистской направленности в федеральных тюрьмах и тюрьмах штатов. Вносятся предложения по выявлению причин и условий, способов проникновения и распространения экстремизма в местах лишения свободы, сделан вывод о необходимости координации и согласованности действий компетентных субъектов на основе совершенствования законодательной базы.

Ключевые слова: пенитенциарные учреждения, противодействие, экстремистская идеология, безопасность, зарубежный опыт.

Российское государство и общество столкнулись с новыми серьезными вызовами и угрозами для стабильного, безопасного развития. К числу наиболее серьезных рисков внутри страны в аспекте информационной безопасности личности общества и государства следует отнести условия принудительной изоляции, потенциально способные к продуцированию благоприятной среды для погружения осужденных лиц в определенную «матрицу восприятия» агентами влияния – радикально настроенными лицами [1, с. 7], психологического воздействия, ориентированного на распространение экстремистской идеологии как следствие, генезис противоправного поведения, формирование первичных причин, условий, криминологически важных детерминант последующей террористической направленности.

Федеральный закон от 25 июля 2009 г. № 114-ФЗ (в ред. 14 июля 2022 г.). «О противодействии экстремистской деятельности» закрепляет правовые и организационные основы выработки превентивных мер противодействия, к перечню которых необходимо отнести оперативно-розыскную деятельность, осуществляемую уполномоченными государственными орга-

нами в пределах своей компетенции посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Названные обстоятельства обуславливают необходимость изучения иностранного опыта, в частности, возможностей субъектов правоприменительной деятельности в Соединенных Штатах Америки (далее – США) в части противодействия экстремизму. Режимная функция в местах лишения свободы в США занимает подобающее ей место в ряду иных функций обеспечения безопасности, реализуется компетентными субъектами, в числе которых аттестованные сотрудники учреждений, специальный следственный состав, сотрудники подразделений аналитической разведки, надзиратели.

К компетенции ФБТ США отнесены задачи по обеспечению безопасности лиц [2], остро стоит вопрос противодействия наблюдаемой в последние десятилетия радикализации (радикализация представляет собой динамичный процесс, при котором индивид принимает и поддерживает насильственный экстремизм. Причины этого процесса могут быть идеологическими, политическими, религиозными, социальными, экономическими или личными) [3] и «вербовки» заключенных: десятки тысяч заключенных федеральных тюрем исповедовавших иную религию приняли ислам во время отбывания срока наказания (по результатам комплексной оценки, основанной на результатах 2000 опрошенных (аттестованных сотрудников пенитенциарных учреждений, специального следственного состава, сотрудников подразделений аналитической разведки, надзирателей государственных и местных учреждений, капелланов, а также сотрудников федерального бюро расследований, Агентства национальной безопасности, управления правоохранительных операций, террористического скринингового центра, министерства внутренней безопасности, службы федеральных маршалов США). В масштабах страны наибольшая активность обращения в ряды последователей этого учения отмечается в тюрьмах густонаселенных районов западного побережья и северо-востока США.

Выявление и устранение причин и условий радикализации заключенных в тюрьмах США – наиболее сложная составляющая противодействия терроризму и экстремизму, слабо регламентированная законодательно и недостаточно изученная наукой [4, с. 385]. Исследователи подчеркивают, что такие качества личности как не достаточное развитое логическое мышление, невыраженная психическая активность, повышенная эмоциональность, нерешительность, отсутствие самооценки, чувство собственной неполноценности, доверчивость обуславливают наибольшую приверженность к манипулированию [5, с. 21].

К способам проникновения и распространения экстремизма в места лишения свободы следует отнести проповеди авторитетных богословов контрактников, волонтеров, имамов; продвижение радикальной исламской идеологии местными последователями учений, имеющими связи с участниками экстремистских и террористических организаций за рубежом [6].

Радикально настроенные заключенные – особая группа риска. Зачастую это действующие либо бывшие члены уличных или тюремных ОПГ с четко обозначенной целевой аудиторией. Их деятельность определяет не просто

ложь, зачастую это активная агрессивная пропаганда, развивающаяся по своим законам. Законодательных оснований для отдельного содержания таких заключенных от основной массы лиц, лишенных свободы, нет, поэтому препятствий к поиску единомышленников среди сокамерников не имеется. Заключенных, находящихся в подавленном состоянии, часто сочетающимся с депрессией, использование ограниченного знания ислама, ложные доводы делают уязвимыми для вербовки сокамерниками-экстремистами.

Распространению радикального ислама способствует его общность с тюремной культурой. Члены ОПГ – приверженцы радикального ислама вызывают также озабоченность по ряду причин. Данная категория пользуется авторитетом у заключенных, способна понуждать их посещать определенные мечети, исламские центры в США или за границей после освобождения, что, безусловно, способствует дальнейшему прозелитизму радикального ислама. Эти лица представляют реальную угрозу пенитенциарной безопасности: убеждают заключенных, находящихся под их влиянием не подчиняться тюремным властям, занимаются подстрекательством к насилию в отношении других заключенных. В качестве инструмента привлечения как можно большего числа сторонников широко используется религиозная литература, видеоматериалы экстремистского содержания.

В настоящее время ФБТ США реализуется ряд инициатив по профилактике изучения, пропаганды либо распространения экстремистской идеологии в среде заключенных [7]. В первую очередь усилия направлены на ликвидацию неформальных групп, осуществляющих распространение радикальных течений при поддержке и контроле радикальных организаций. ФБТ США разработана стратегия, которая фокусируется на соответствующих уровнях сдерживания этой особо опасной категории лиц, их изоляции, гарантирующей отсутствие возможности радикализации либо «вербовки» отбывающих наказание в виде лишения свободы [6]. Нормативно разрешенные дополнительные ограничения позволяют осуществлять комплекс оперативно-режимных мер по контролю, отслеживанию и записи телефонных переговоров.

Вторая группа риска радикализации – это проповедники-контрактники, волонтеры, большинство из них имамы. Авторитетные богословы стремятся расширить число сторонников за счет «вербовки» в свои ряды заключенных с целью их вовлечения в активные действия после отбывания наказания против несовершенной, по их мнению, системы и власти. Экстремистски настроенные имамы имеют значительный потенциал влиять особыми речами на умы уязвимых адептов повсюду, где есть возможность их находить, оценивать, отбирать и направлять в официальные либо подпольные учебные заведения после освобождения.

ФБТ США признается важная роль религиозных программ на пути к успешной реинтеграции осужденного в общество. В федеральных тюрьмах США религиозные программы и капелланские услуги реализуются тридцатью религиозными объединениями. Тюремные капелланы, находящиеся на государственной службе, на постоянной основе проводят религиозные обряды и цере-

монии, обеспечивают пастырское попечение и духовное руководство заключенными. В 2021 г. ФБТ США в общей сложности зарегистрировано 8199 чел., из них 6134 разрешено оказывать услуги в течение 5 дней и более в год и 2065 в течение 4 дней и менее. Из 3702 заключенных ФБТ США партнерских соглашений по программе снижения рецидивизма в федеральных тюрьмах, более половины (2102) – религиозные организации [7].

Деструктивная деятельность ряда радикальных религиозных объединений, навязываемая экстремистская идеология приняла широкий размах, что ставит перед ФБТ США задачу поиска новых подходов к организации работы с официальными духовными лидерами и волонтерскими организациями.

К числу превентивных мер по предотвращению найма или заключения договора с лицом, представляющим потенциальную угрозу безопасности ФБТ США, отнесены процедуры тщательной проверки всех сотрудников, находящихся на государственной службе, волонтеров и подрядчиков. Согласно ведомственным нормативным предписаниям в области правового регулирования религиозных правоотношений кандидатуры всех подрядчиков и волонтеров подлежат оперативной проверке до принятия решения о предоставлении им доступа в учреждение. Гражданские служебные капелланы должны соответствовать требованиям, предъявляемым к кандидатам на должность сотрудника федерального правоохранительного органа. Как и всем сотрудникам, капелланам строго запрещено использование своего положения для оправдания, поддержки или поощрения насилия, или иного разрушительного воздействия на личность. Проверочные мероприятия осуществляются в тесном сотрудничестве с ФБР США и Национальным террористическим агентством. В целях совершенствования отбора кандидатов (штатных капелланов, подрядчиков и волонтеров) первичная информация может быть получена из автоматизированных информационных баз данных ФБР США.

Достаточно серьезной проблемой для ФБТ США остается специализированная подготовка штатных сотрудников, в чью компетенцию входит осуществление контроля содержания реализуемых духовными лидерами и волонтерами религиозных программ служений, культовых обрядовых мероприятий, проводимых в тюрьме. Высокий уровень латентности исследуемой группы деликтов обусловил необходимость обучения всех сотрудников в рамках специальной подготовки базовым навыкам по выявлению и распознаванию потенциальных признаков данного феномена.

Миссия ФБТ США – выявление деструктивных религиозных объединений, групп и отдельных лиц, реализующих распространение религиозного радикализма в среде заключенных, недопущение их проникновения в тюрьмы. ФБТ США сложно поддерживать баланс между необходимостью оказания религиозных услуг и необходимостью предотвращения проникновения псевдо священнослужителей. ФБТ США нанял на государственную службу десять капелланов-мусульман (на сегодняшний день количество квалифицированных исламских капелланов или имамов, находящихся на службе в федеральных тюрьмах остается недостаточным. Более 80 % обращений в религиозную веру в тюрьме

относятся к той или иной форме ислама, при этом только десять из двухсот капелланов, состоящих на службе в ФБТ США, приверженцы ислама. Их количество совершенно непропорционально числу заключенных не может удовлетворить потребность в знаниях в области культуры, традиций и лингвистики – не говоря о содержательных составляющих. Радикальные тюремные группы используют арабский язык как код для передачи секретной информации. Значительный корпус образованных и сертифицированных мусульманских капелланов, и опытный персонал, способный обнаруживать запрещенные экстремистские материалы, религиозные учения и сообщения – ключ к эффективному контролю процессов радикализации), это совершенно неадекватно реальным потребностям контролировать тысячи религиозных подрядчиков, поскольку «есть достаточно возможностей распространения деструктивных религиозных течений посредством экстремистских сообщений и посланий».

ФБТ США требует предоставления исламских учений и учебных пособий, подготовленных исключительно исламскими капелланами-штатными сотрудниками ФБТ США. Отсутствие экспертов и аналитиков, недостаточный объем знаний персонала в религиозной сфере, в чью компетенцию входит противодействие пропаганде деструктивных религиозных течений явились снованием для привлечения в качестве религоведов опытных капелланов. Совершенствование системы мониторинга содержания религиозной литературы и массива информации в средствах массовой коммуникации, доступных в федеральных тюрьмах обусловили необходимость разработки и закрепления на нормативном уровне ФБТ США руководящих принципов противодействия распространению экстремистских материалов. ФБР США совместно с ФБТ США исследованы передовые отечественные и зарубежные практики пенитенциарных учреждений по борьбе с распространением радикализации и противодействием «вербовке» в тюрьмах, на их основе выработаны инновационные подходы. Вот некоторые из них:

- принятие на системной основе унифицированных стандартов проведения проверок компетентными субъектами подрядчиков и соискателей-волонтеров, оказывающих заключенным услуги религиозного характера;

- создание интегрированных баз данных подрядчиков и волонтеров, оказывающих услуги религиозного характера непосредственно заключенным, совершенствование имеющихся возможностей постоянного мониторинга и комплексного изучения их деятельности;

- координация принимаемых управленческих решений по переводу заключенных в другие пенитенциарные учреждения;

- межведомственный обмен оперативно значимой информацией между правоохранительными органами всех уровней, в том числе пенитенциарными учреждениями;

- создание интегрированной системы наблюдения за тюрьмами группами разведывательных подразделений на уровне штата, использование возможностей региональных разведывательных центров для объединения разведданных, получаемых в тюрьмах штатов;

– системный сбор данных, нацеленный на комплексное понимание проблемы, обнаружение сдерживание и пресечение усилий террористов, экстремистов, радикально настроенных групп на федеральном уровне, уровне штата, частных тюрьмах посредством инициативной аналитики с применением систем искусственного интеллекта;

– использование в качестве учебных и вспомогательных материалов результатов аналитической разведки для обучения сотрудников тюрем по организации профилактической работы в местах лишения свободы.

Таким образом, вопросы организации противодействия экстремизму – одно из приоритетных направлений пенитенциарной практики Соединенных Штатов Америки. Изменение характера угроз безопасности, противостояние новым вызовам требуют координации и согласованности действий компетентных субъектов.

Список источников

1. Борьба с терроризмом: новые вызовы и угрозы : монография / А. С. Васнецова [и др.] ; под ред. В. В. Меркурьева. М., 2023. 680 с.

2. Официальный сайт федерального бюро тюрем США. Publications. Legal Resource Guide to the Federal Bureau of Prisons, 2019. URL: <https://www.bop.gov/resources/publications.jsp>.

3. Gary Hill Prevention of Radicalization to Terrorism in Prisons: A Practical Guide Handbook-Ch-8-Schmid-Gary-Hill-FINAL-11-12-2020-1%20(1).pdf.

4. Суходолов А. П., Калужина М. А., Спасенников Б. А., Колодин В. С. Цифровая криминология: метод цифрового профилирования поведения неустановленного преступника // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 3. С. 385–394.

5. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа : науч.-практ. пособие / Е. И. Галяшина [и др.]. М. : Блок-принт, 2023. 144 с.

6. The Bureau of Prisons (BOP) guards against the spread of violent extremist ideologies within federal prisons URL: <https://www.appropriations.senate.gov/imo/media/doc/Merrick%20Garland%20SFR%20for%20SAC%20DVE%20Hearing%2005-12-2021.pdf>.

7. Federal Prisoner Statistics Collected under the First Step Act, 2021. URL: <https://bjs.ojp.gov/content/pub/pdf/fpscfsa21.pdf>.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА КАРАБАНОВА,

доктор юридических наук,
заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора
и укрепления законности в сфере уголовно-правового регулирования,
исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера,
НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Москва, Россия,
e-mail: karabanova.agprf@gmail.com

ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы реализации целей уголовного наказания – восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, общей и частной превенции. Определены гарантии достижения указанных целей, закрепленные в нормах уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, а также в нормах иной отраслевой принадлежности, регулирующих семейные, трудовые, избирательные и другие правоотношения, возникающие в постпенитенциарный период. На основе анализа названных норм, а также общественного мнения сделан вывод о реальности достижения целей уголовного наказания.

Ключевые слова: цели уголовного наказания, восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, общая превенция, частная превенция.

«Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений», – гласит ст. 43 УК РФ, оставляя открытым вопрос о том, кому адресовано это положение. В первую очередь, разумеется, законодателю. Именно на нем лежит создание гарантий достижения целей уголовного наказания, и главная роль здесь отводится нормам уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующих вопросы назначения и исполнения наказания.

Нормы *уголовного права* направлены на достижение целей наказания только при условии соблюдения всех принципов уголовного закона. В науке уголовного права нередко приоритет отдается принципу законности [1]. Однако несоблюдение принципа справедливости уголовного закона придает принципу законности, да и всем другим принципам отрицательное значение, превращая закон в страшное орудие. Так, справедливость назначенного наказания, основанная на справедливом уголовном законе, предопределяет восстановление социальной справедливости, существенно влияет на исправле-

ние осужденного и предупреждение совершения им новых преступлений, поскольку несправедливо наказанный человек вряд ли встанет на путь исправления, скорее, наоборот, обозлится. Общая превенция традиционно достигается посредством установления в уголовном законе мер репрессии, адекватных степени общественной опасности содеянного.

Принцип справедливости уголовного закона соблюдается посредством установления справедливых санкций, рациональных правил назначения наказания, разумных оснований освобождения от уголовной ответственности и от наказания. Сложность в том, что критерии справедливости названных институтов уголовного права исторически изменчивы. С одной стороны, уголовное право должно руководствоваться принципом соразмерности строгости ответственности и уровня общественной опасности преступлений, с другой стороны, как степень, так и характер общественной опасности преступлений не являются раз и навсегда установленной константой. На эти процессы существенное влияние оказывают состояние преступности и политическая конъюнктура.

Как и уголовное, *уголовно-процессуальное законодательство* обеспечивает соблюдение принципа справедливости, благодаря которому достигаются цели уголовного наказания. Однако в данном случае речь идет об обеспечении справедливости не закона, а принимаемых на его основе решений по уголовному делу.

В соответствии со ст. 6 УПК РФ, уголовное преследование и назначение виновному справедливого наказания отвечают назначению уголовного судопроизводства, поскольку это обеспечивает защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. В ст. 297 УПК РФ содержится требование к приговору суда, в соответствии с которым он должен быть законным, обоснованным и справедливым, постановлен в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и основан на правильном применении уголовного закона. Надо сказать, что требование о справедливости приговора отсутствовало в советском уголовно-процессуальном законодательстве и стало новеллой российского права. Нельзя не отметить важность такого дополнения в срезе достижения целей уголовного наказания, поскольку гарантом реализации принципа справедливости, закрепленного в ст. 6 УК РФ, выступает уголовно-процессуальный закон.

Процессуальный аспект справедливости уголовного судопроизводства тесно связан с обеспечением равноправия сторон, то есть предоставлением сторонам равных процессуальных возможностей по отстаиванию своих прав и законных интересов, включая реально предоставленную возможность довести свою позицию до суда, а также возможностью обжалования действий и решений суда, осуществляющего производство по делу. Данный аспект также крайне важен в принятии справедливого решения по уголовному делу, а значит и в реализации целей уголовного наказания.

Таким образом, создание посредством УПК РФ гарантий справедливого судопроизводства во всех его ипостасях (вынесение справедливого приговора, состязательность сторон, соблюдение прав участников судопроизводства,

надлежаще исполнение процессуальных обязанностей и т. д.) обеспечивает достижение целей уголовного наказания на стадии его последующего исполнения.

На *уголовно-исполнительное законодательство* ложится, пожалуй, самая большая «нагрузка» по обеспечению реализации целей уголовного наказания. На современном этапе целью данной отрасли права выступает исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ч. 1 ст. 1 УИК РФ). Для ее достижения определены следующие задачи: регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, определение средств исправления осужденных, охрана их прав, свобод и законных интересов, оказание осужденным помощи в социальной адаптации (ч. 2 ст. 1 УИК РФ).

Как видно из приведенных норм, восстановление социальной справедливости посредством наказания формально не входит в число целей уголовно-исполнительного законодательства. В доктрине этому есть объяснение. В. И. Селиверстов отмечает: «законодатель учел то, что цель уголовного наказания в виде восстановления социальной справедливости достигается при вынесении судом приговора путем назначения вида и размера уголовного наказания» [2]. Автор полагает, что четкой увязки между целями уголовного наказания и целями уголовно-исполнительного законодательства быть не должно, поскольку последнее регулирует вопросы, выходящие за рамки реализации карательных ограничений, составляющих содержание наказания.

На наш взгляд, отсутствие в ст. 1 УИК РФ прямого указания на восстановление социальной справедливости как цели уголовно-исполнительного законодательства вовсе не означает отказа от нее *de lege lata*. Нетрудно заметить, что нормы УИК РФ (и только они) регулируют реализацию карательных ограничений, или мер принуждения, составляющих содержание наказания. Назначение справедливого наказания немислимо без четких представлений о карательной сущности и соответствующей ей мере репрессивности того или иного вида наказания. Нельзя назначить справедливого наказания без предварительного урегулирования его карательного содержания.

Интересно, что в советский период задачи ИТК РСФСР полностью совпали с целями уголовного наказания, заявленными в ст. 20 УК РСФСР, и формулировались следующим образом: «обеспечение исполнения уголовного наказания с тем, чтобы оно не только являлось карой за совершенное преступление, но исправляло и перевоспитывало осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов и уважения к правилам социалистического общежития, предупреждало совершение новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, а также способствовало искоренению преступности».

Такой подход представляется правильным. Отказ от понимания уголовного наказания как кары, так популярный сегодня в научной и политической среде, тем не менее не находит отражения в общественном восприятии. Наказание по-прежнему остается карательной мерой. В связи с этим законодатель должен предусмотреть такие порядок и условия исполнения и отбывания наказаний,

при которых, с одной стороны, осуществлялось бы исправление личности преступника, формировалась бы установка на недопустимость совершения преступления в будущем; с другой стороны, обеспечивалась бы карательная функция наказания, восстанавливающая социальную справедливость и оказывающая превентивное воздействие на самого осужденного и других лиц.

Отбытие лицом наказания не ставит точку в правовых последствиях совершенного им преступления. Речь идет о судимости и о состоянии, вытекающем из судимости после ее погашения или снятия.

Судимость имеет уголовно-правовое и общеправовое значение. Уголовно-правовые последствия судимости наступают в случае совершения лицом нового преступления и регламентированы уголовным законом. Таким образом, судимость вносит свой «вклад» в достижение целей наказания, назначаемого за повторное преступление. Но из такого понимания уголовно-правового значения судимости вытекает также и ее важная превентивная роль при реализации уголовной ответственности за первое преступление, что позволяет выйти за рамки целей наказания и говорить уже о целях уголовной ответственности как о более широкой категории.

Интересно, что и за пределами уголовно-правового регулирования судимость имеет значение для реализации целей уголовной ответственности, как бы парадоксально это ни звучало. Общеправовые, опосредованные последствия, которые устанавливаются не УК РФ, а иными федеральными законами, исходя из природы и специфики регулирования соответствующих отношений, не предполагают ограничений уголовно-правового характера, они могут проявлять себя в административном, трудовом, семейном и иных отраслях права и заключаться в установлении ограничительных условий для реализации тех или иных прав и свобод. Вместе с тем эти последствия вполне сопоставимы с наказанием по следующим причинам.

Прежде всего обращает на себя внимание дифференциация правоограничений, вытекающих из судимости, в зависимости от формы вины и других характеристик совершенного лицом деяния. Это свидетельствует об индивидуализации негативных общеправовых последствий судимости, что сближает ее природу с природой наказания (лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью). Например, лицо, имеющее судимость за *умышленные преступления*, не может являться специалистом в области экспортного контроля, претендовать на приобретение статуса адвоката и осуществление адвокатской деятельности, быть принято на должности специалистов авиационного персонала, на работу в службы авиационной безопасности, выполнять работы, непосредственно связанные с обеспечением транспортной безопасности, с обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, замещать должности, связанные с учетом, хранением, выдачей или использованием огнестрельного оружия, боеприпасов и патронов к огнестрельному оружию и т.д. Лицо, имеющее судимость за *преступления в сфере экономической деятельности или преступления против государственной власти*, не может занимать руководящую должность и должность,

связанную с финансами, в клиринговой организации, лизинговой компании (фирмы), микрофинансовой организации и т. д.

Погашение или снятие судимости не означает восстановления правового статуса лица до состояния, предшествующего осуждению.

Наибольшее значение для характеристики состояния, последующего после погашения или снятия судимости, имеют следующие группы ограничений. Во-первых, лица, находящиеся в этом статусе, лишены возможности замещения определенных должностей, связанных с реализацией публичных функций (Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»; Федеральные законы от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»; от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности»; от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»). Во-вторых, в целях защиты детства установлены запреты и ограничения в сфере семейных и трудовых отношений (лицо не может стать усыновителем, опекуном или попечителем несовершеннолетнего, работать с детьми) (подпункт 9 п. 1 ст. 127 и п. 1 ст. 146 Семейного кодекса Российской Федерации; ст. 331, 3511 Трудового кодекса Российской Федерации). В-третьих, в постпенитенциарный период действуют ограничения в области избирательных прав. Так, до истечения установленных законодательством сроков со дня погашения или снятия судимости не имеют права быть избранными граждане Российской Федерации, осужденные к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. В-четвертых, введены запреты, направленные на обеспечение общественной безопасности (лицам, имеющим снятую или погашенную судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление, совершенное с применением оружия, лицензия на приобретение оружия не выдается (федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»).

К слову, в КНР пошли еще дальше и предусмотрели сотрудничество кредитного скоринга (Sesame Credit) и судебной системы. Sesame Credit снижает кредитный рейтинг тех, кто не платит штрафы; а уже в рамках социального рейтинга «уклонистам» не дают покупать дорогие билеты, а их детям – учиться в частных школах. Платежная система Alipay взяла на себя ту же задачу интегрировать данные кредитного рейтинга с информацией из МВД, налоговой службы и службы судебных приставов – единый рейтинг не только влияет на количество скидок и выгодных предложений, но и транслируется на другие платформы (по покупке билетов, съему квартир и отелей) [3, с. 60].

Не смотря на общеправовой характер подобных мер, они выполняют важную с точки зрения уголовного права функцию – осуществляют частную и общую превенцию. Кроме того, очевиден и карательный потенциал этих правоограничений для лиц, на которых они распространяются, что говорит об их роли в восстановлении социальной справедливости.

В ряде случаев такие меры могут оказывать исправительное воздействие на лицо, имевшего судимость. Например, действующее законодательство предусматривает запрет на усыновление, а также на опеку и попечительство для лиц, имевших судимость за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за некоторым исключением), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, а также против общественной безопасности, мира и безопасности человечества. Однако если совершенное деяние относится к числу преступлений небольшой или средней тяжести, то такой запрет устанавливается только в отношении тех лиц, имевших судимость, которые представляют, по мнению суда, опасность для жизни, здоровья и нравственности усыновляемого ребенка (подп. 10 п. 1 ст. 127 СК РФ). Аналогичные ограничения установлены на занятие трудовой деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних. В данном случае также наблюдается дифференциация в зависимости от категории преступлений: в отношении тяжких и особо тяжких преступлений запрет на занятие указанной деятельностью является безусловным, а в отношении преступлений небольшой и средней тяжести – соответствующие лица могут быть допущены к работе с детьми при наличии разрешения комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

В приведенных случаях закон прямо предусматривает необходимость учета обстоятельств, характеризующих личность, в том числе поведение такого лица после совершения деяния и отбытия наказания в целях определения возможности вступления лица в определенные правоотношения, что подразумевает достижение цели исправления этого лица.

Анализ нормативных правовых актов наглядно иллюстрирует, что ограниченность в правах (в ряде случаев пожизненная) в постпенитенциарный период вносит свою лепту в процесс восстановления социальной справедливости, оказывает предупреждающее воздействие, поскольку не допускает человека до тех сфер жизни общества, где он представляет потенциальную опасность (частная превенция), и устрашает негативной перспективой иных лиц (общая превенция), может стимулировать исправление лица. Зачастую такие ограничения предусмотрены не только для лиц, имевших судимость, но и для тех, кто подвергается или ранее подвергался уголовному преследованию, за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям (например, в семейных правоотношениях).

Сказанное позволяет нам сделать вывод, что цели наказания полностью совпадают с целями уголовной ответственности, независимо от формы ее реализации, и имеют широкий перечень правовых гарантий, закрепленных различными отраслями законодательства. Такой подход позволяет государству эффективно и достаточно гибко проводить уголовную политику, делая достижение целей уголовного наказания реальным.

Наше исследование было бы не полным без обращения к социологическим данным. Они показывают, что люди придают различное значение целям наказания. Например, опрос о переводе бытовых побоев из разряда преступлений в административные правонарушения, осуществленный в 2019 г., продемонстрировал следующее. Одобрены это нововведение 26 % участников опроса (среди мужчин – 33 %), не одобрили – 57 % наших сограждан (среди женщин – 67 %). При этом большинство противников декриминализации побоев (17 % от общего числа опрошенных) апеллировали к принципу справедливости и частной превенции (формулировки: «наказание должно быть жестким», «должно быть уголовное наказание, чтобы помнил», «за рукоприкладство надо наказывать не штрафом, а суровее», «кухонный боксер должен сидеть».) Лишь 1 % опрошенных, выступая против декриминализации побоев, сослались на общую превентивную роль уголовно-правового запрета (формулировки: «больше дисциплинирует», «другие пусть боятся», «чтобы был страх перед законом») (опрос проводился в 2019 г. <https://fom.ru/Rabota-idom/14236> (дата обращения: 01.08.2023).

Таким образом, в массовом сознании восстановление социальной справедливости – это основная цель уголовной ответственности, а ее частнопредвентивный эффект превосходит эффект общей превенции. Говоря о задачах, которые должен выполнять суд, обеспечение справедливости люди упоминают в 9,5 раз чаще, чем борьбу с преступностью https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2016/doklady/3.4_titaev.pdf (дата обращения: 07.08.2023).

Однако это все гипотетические рассуждения респондентов. Для чистоты эксперимента мы проанализировали реакцию общества на конкретный случай назначения наказания участницам группы «Pussy Riot», устроившим скандальную акцию в Храме Христа Спасителя (они были приговорены к двум годам лишения свободы). Этот кейс интересен для изучения в силу своей резонансности. Не увидели за приговором скрытых целей и подтекстов лишь 32 % опрошенных, в то время как 45 % были уверены, что это не просто решение суда, а сигнал обществу. Среди возможных целей, которых власть пытается добиться вынесенным приговором, наиболее правдоподобными респондентам казались укрепление статуса православия и православных ценностей в российском обществе (37 %) и попытка отвлечь внимание от актуальных социально-экономических проблем (36 %). По 30 % не исключили, что таким образом власти пытаются запугать оппозицию и повысить авторитет государства среди верующих. Наименее реальной респондентам показалась конспирологическая версия о том, что приговор призван ослабить авторитет Православной церкви и Патриарха, оттолкнуть верующих (18 %). Эти данные говорят о том, что в обществе наиболее достижимой считается такая цель наказания, как превенция.

При этом более половины россиян (53 %) были готовы проявить свою гражданскую позицию относительно назначенного девушкам наказания. Из них 22 % в случае необходимости могли принять участие в акции по сбору подписей в поддержку действующего решения суда. Еще 17 % заявляли о готовности мирными способами добиваться смягчения приговора, 14 % – напротив, ужесточе-

ния. За более мягкое наказание готовы были выступать в основном молодежь, активные интернетчики (по 20 %) и атеисты (25 %). Оппонировали им прежде всего верующие, независимо от вероисповедания (15–17 %), респонденты старше 45 лет (15–17 %) и лица, не пользующиеся интернетом (16 %) (инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 1–2 сентября 2012 г. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4 % (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kto-stoit-za-pussy-riot> (дата обращения: 07.08.2023)).

Как видно из приведенных данных, лишь 42 % респондентов, готовых добиваться справедливого наказания для участниц «Pussy Riot», сочли таковым наказание, назначенное судом. Однако больше половины опрошенных посчитали наказание либо излишне строгим, либо излишне мягким, причем диаметрально противоположных взглядов было почти поровну. Это многое объясняет в вопросе восстановления социальной справедливости. Получается, что эта цель наказания труднореализуема.

Список источников

1. Наумов А. В. Конкретизация Конституционным Судом принципа законности Уголовного кодекса РФ // Уголовное право. 2018. № 1. С. 88–94.
2. Селиверстов В. И. Исправление или ресоциализация осужденных: спор о терминах или изменение сущности // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 окт. 2015 г.) : избранные материалы / В. В. Акинфиева и др. ; отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М. : Статут, 2016. С. 131–136.
3. Космарский А. А. Китайский социальный рейтинг: технология доверия для нового общества модерна // Социодиггер. 2021. Февраль. Т. 2. Выпуск 1-2 (7). С. 55–61.

АЛЕКСЕЙ ВАДИМОВИЧ КУДРЯВЦЕВ,

доктор юридических наук, доцент,

декан юридического факультета,

Владимирский филиал РАНХиГС, г. Владимир, Россия,

профессор кафедры криминологии и организации профилактики преступлений,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия,

научный сотрудник,

НИЦ-3 НИИ ФСИН России, г. Москва, г. Рязань,

e-mail: kudriavcev.ru@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ
В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

Аннотация: в статье рассматриваются правовые вопросы повышения эффективности противодействия экстремизму в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: осужденный, пенитенциарное учреждение, экстремизм, уголовный закон, безопасность.

В современном мире одной из основных задач, стоящих перед обществом, продолжает оставаться противодействие преступности. Это связано с тем, что преступность является серьезнейшей угрозой социуму, самому широкому спектру общественных отношений.

Сказанное в полной мере относится к России. При этом, преступность в нашем государстве имеет ряд современных тенденций. В первую очередь, следует отметить значительную динамику появления в структуре Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) новых составов преступлений, что, безусловно, связано с появлением новых и существенным изменением существующих общественных отношений. Ряд изменений, внесенных в УК РФ в настоящее время, вызваны современными угрозами безопасности государства и проведением Россией специальной военной операции.

Например, в п. «л» статьи 63 внесены изменения, предусматривающие в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (наряду с ранее имеющимися в данном пункте статьи), совершение преступления в период мобилизации или военного положения, в военное время. Так же данная статья дополнена п. «с», предусматривающим в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии. Введена уголовная ответственность за неисполнение приказа, совершенные в период военного положения, в военное время либо в условиях вооружен-

ного конфликта или ведения боевых действий, а равно отказ от участия в военных или боевых действиях (ст. 332), сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий (ст. 333), насильственные действия в отношении начальника, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий (ст. 334), оставление части или неявка в срок на службу в период мобилизации и военного положения (ст. 337), дезертирство в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий (ст. 338). Аналогичные изменения внесены так же в статьи 339, 340, 341, 342, 344, 346, 347, 348.

Введенная в структуру УК РФ статья 280.3. предусматривает уголовную ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации.

Так же в уголовный закон внесены дополнения в виде новых составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за содействие диверсионной деятельности (ст. 281.1), прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности (ст. 281.2), организацию диверсионного сообщества и участие в нем (ст. 281.3).

Указанный перечень внесенных изменений может быть продолжен. Однако, перечисляя указанные изменения уголовного закона, нами преследовалась цель подчеркнуть значимость в настоящее время и соответствующую реакцию государства в лице законодателя в вопросах противодействия деяниям, представляющим угрозу безопасности государства.

Данную угрозу так же представляют преступления экстремистской направленности, борьба с которыми является одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов. Современная ситуация с преступлениями данного вида имеет тенденции к увеличению количества выявляемых деяний. Об этом свидетельствует официальная статистика: в январе - декабре 2022 года зарегистрировано 1566 преступлений экстремистской направленности, что превышает данный показатель за аналогичный период 2021 года на 48,2 %. При этом рост количества выявляемых преступлений экстремистской направленности наблюдается на протяжении ряда лет.

Противодействие экстремизму представляет актуальность для органов и учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, что обусловлено следующими аспектами.

Во-первых, преступники-экстремисты после осуждения попадают в пени-тенциарные учреждения для отбывания уголовного наказания и, с учетом, с од-

ной стороны, сокращения общего количества осужденных к лишению свободы в современный период времени, а с другой стороны – существенного увеличения количества осужденных данной категории, можно сделать вывод об увеличении плотности экстремистов в структуре контингента исправительных учреждений. Учитывая современное состояние развития общественных отношений в ряде сфер, широкий спектр современных детерминант, обуславливающих преступность рассматриваемого вида, а также существенное количество составов преступлений, которые могут быть отнесены к экстремистским, можно с уверенностью прогнозировать перманентное увеличение количества осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России (УИС).

Во-вторых, именно на учреждения УИС возлагается функция по обеспечению соответствующего порядка исполнения уголовного наказания в отношении осужденных-экстремистов, а также их исправлению в процессе отбывания наказаний. В этой связи следует учитывать, что осужденные за экстремизм в условиях мест лишения свободы как правило относятся к категории лиц отрицательной направленности, противодействующей администрации исправительных учреждений и требованиям, предусмотренным уголовно-исполнительным законодательством. Это существенным образом усложняет реализацию таких средств исправительного воздействия в отношении данных осужденных как обеспечение выполнения ими требований режима содержания, воспитательная работа, привлечение к труду и т. д.

В-третьих, в учреждениях УИС осуществляется оперативно-розыскная деятельность, направленная на решение задач, установленных оперативно-розыскным и уголовно-исполнительным законодательством. Помимо решения задач, связанных с обеспечением пенитенциарной безопасности, оперативно-розыскная деятельность направлена на содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение. С учетом того, что многие осужденные за совершение преступлений экстремистской и террористической направленности остаются причастными к не раскрытым (а иногда и не выявленным) преступлениям и учитывая длительность сроков отбывания ими наказания в виде лишения свободы можно сделать вывод о том, что именно оперативные подразделения органов и учреждений УИС обладают максимальной возможностью осуществления в отношении данных лиц оперативно-розыскной деятельности в том числе и для решения вышеназванной задачи.

Так же значимость противодействия экстремизму для органов и учреждений УИС закреплена нормативно. Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года в качестве вызовов, стоящих перед системой, называет «усиление мер, направленных на недопущение распространения экстремизма в УИС». В разделе XVII «Обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы» также содержится ряд пунктов, непосредственно касающихся противодействия экстремизму и терроризму: повышение эффективности осуществления оперативно-розыскной деятельности, в том числе в отно-

шение осужденных за преступления экстремистской направленности и террористического характера; контроль за деятельностью по недопущению проникновения на территорию учреждений уголовно-исполнительной системы радикально настроенных лиц; разработка комплекса мер, направленных на своевременное выявление в учреждениях уголовно-исполнительной системы лиц, являющихся носителями экстремистских убеждений.

Закрепление в указанном нормативном правовом акте названных положений подчеркивает высокий уровень актуальности противодействия экстремизму в уголовно-исполнительной системе.

Учитывая актуальность и объективную необходимость повышения эффективности противодействия экстремизму в учреждениях УИС можно предложить ряд мер, реализация которых будет способствовать этому.

Нами в рамках данной статьи были указаны с одной стороны риски угроз экстремизма для учреждений УИС, а с другой стороны – большие возможности по противодействию преступлениям экстремистской направленности, которыми обладают сотрудники пенитенциарных учреждений. В этой связи, на наш взгляд, целесообразно при осуществлении стратегического планирования предусматривать в рамках соответствующего нормативного правового акта отдельный раздел, предусматривающий особенности противодействия экстремизму в учреждениях УИС. Анализ действующей стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года свидетельствует об отсутствии выделения данного направления противодействия экстремизму, что, на наш взгляд, снижает возможности по противодействию преступности данного вида в целом.

Учитывая существенную значимость информационного сопровождения деятельности по противодействию экстремизму представляется целесообразным создание на официальном сайте ФСИН России раздела с информацией о противодействии экстремизму в пенитенциарных учреждениях. На сайте МВД России существует аналогичный раздел, содержащий информацию о правовом регулировании противодействия экстремизму; подробное описание правонарушений экстремистской направленности и террористического характера; списки террористических и экстремистских организаций, экстремистских материалов; информационные и методические материалы; практика противодействия экстремизму и терроризму и т. д. Структуру данного раздела можно было бы адаптировать применительно к специфике деятельности органов и учреждений УИС, что значительно повысило бы качество и эффективность информационного обеспечения противодействия экстремизму.

Существенной проблемой является уровень подготовки сотрудников пенитенциарных учреждений различных служб и подразделений, позволяющий эффективно реализовывать функции в сфере противодействия экстремизму. В этой связи целесообразно расширить содержание основных образовательных программ, а также программ переподготовки и повышения квалификации изучением современных аспектов противодействия экстремизму в органах и учреждениях УИС. Кроме того, данная тематика должна отражаться в рамках про-

ведения занятий в системе служебной подготовки сотрудников непосредственно в пенитенциарных учреждениях.

В целях повышения эффективности противодействия экстремизму в пенитенциарной системе целесообразно продолжить развивать систему выявления данных преступлений с использованием возможностей оперативных подразделений УИС. В рамках данной системы существенное значение имеют повышение квалификации в данном направлении деятельности сотрудников оперативных подразделений; оптимизация использования источников оперативной информации в основном за счет института содействия граждан оперативным подразделениям пенитенциарных учреждений; повышение эффективности взаимодействия оперативных подразделений УИС и других правоохранительных органов в деятельности по противодействию экстремизму.

Безусловно, нами приведены лишь некоторые меры, которые на современном этапе могли бы способствовать противодействию экстремизму в УИС. В дальнейшем поиск решений по проблемным вопросам осуществления данной деятельности с использованием возможностей науки и практики позволит повышать ее эффективность.

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА КУНЦ,
доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3,
НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия,
e-mail: 73kuntc@mail.ru

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН КАК ФОРМА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОСУЖДЕННЫХ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация: в настоящее время приоритетной является тенденция гуманизации пенитенциарной системы. Одним из исходных положений реформирования системы учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, является максимальная дифференциация исполнения наказания в виде лишения свободы в зависимости от личности осужденной и степени общественной опасности совершенного преступления. В связи с этим обоснованным будет повышение эффективности назначения и исполнения уголовного наказания в отношении осужденных женщин в условиях реформирования пенитенциарной системы.

Ключевые слова: исправление, осужденная, пенитенциарная система наказаний, уголовное наказание, эффективность.

Неотъемлемой составляющей государственной политики является политика в сфере противодействия преступлениям [1, с. 465]. Уголовная политика тесно переплетается с пенитенциарной политикой, что указывает на тесную взаимосвязь назначения и исполнения наказания.

Среди отечественных ученых распространенным является мнение о том, что под наказанием следует понимать отрицательную оценку преступника и его деяния со стороны государства и общества меру государственного принуждения, которая назначается от имени государства к лицу, признанному в установленном законом порядке виновным в совершении преступления и, заключающаяся в предусмотренных уголовным законом лишениях и ограничениях прав и свобод осужденного. Эффективность наказания предполагает способность достижения максимального результата при наличии минимальных затрат.

В уголовном праве под системой наказаний обычно понимается установленный законом исчерпывающий перечень наказаний, расположенный в определенном порядке в зависимости от степени их тяжести [2, с. 54]. При таком подходе система наказаний сводится к простой сумме составляющих ее элементов без теоретической основы их систематизирования, а ее исследование – к анализу отдельных видов наказаний без увязки с социальной сущностью преступления. Между тем практика

борьбы с преступностью (значительный процент рецидива, недостаточная эффективность отдельных видов наказаний) настоятельно требует научной разработки системы наказаний. При этом ее разработка должна быть тесно связана с решением одной из коренных проблем уголовно-правовой науки, с раскрытием сущности предупредительной функции наказания [3, с. 195].

Индивидуализация государственного осуждения выражается в конкретизации вины, мотивов и целей, которые проявлены виновным в преступлении и соответствующем осуждении деятельности виновного. Это необходимо для того, чтобы наказание воздействовало не только на сознание виновного, но и на его чувства, чтобы лицо, отбывая наказание и претерпевая нежелательные для него последствия, могло на собственном опыте не только убедиться, но и почувствовать в зависимости от тяжести совершенного преступления свою виновность в содеянном. А полученный в результате исполнения наказания опыт обладал бы всеми признаками социальной практики, служил бы прецедентом недозволенности, уроком, подтверждающим невозможность совершать безнаказанно соответствующие антиобщественные деяния как лицом, совершившим преступление, так и другими лицами. Что касается связи преступления и государственного осуждения, то их единство выражается в едином объекте (соответственно) посягательства и охраны, а противоположность – в противоречии взглядов, выраженных в преступном деянии (субъективная сторона преступления), и правосознания, выраженного в уголовно-правовых нормах [3, с. 196–197].

Бесспорно, наличие базы криминологической информации о реальной криминализации женщин, позволяет провести вполне обоснованное исследование проблемы. В первую очередь, стоит отметить эффективную работу Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, который утверждая Инструкцию по ведению судебной статистики, повышая качество и улучшая с каждым новым принятым приказом ее организацию. Теперь судебные статистические данные характеризуют: преступления, совершаемые женщинами; личность женщин преступниц; меры уголовно-правового характера, применяемые к ним [4]. Меры по созданию базы, содержащей информацию о женской преступности, были предприняты Министерством внутренних дел Российской Федерации, Генеральной прокуратурой Российской Федерации. В своих ежегодных сборниках о состоянии преступности они отражают количество преступлений, которые совершили женщины [5–7].

Следует признать, что нормальная работа органов, исполняющих уголовные наказания, а также научные учреждения, занимающиеся исследованием проблем эффективности назначения и исполнения уголовного наказания, применяемого в отношении женщин, невозможна без получения различной статистической информации, анализа их специфических признаков. Достоверность информации о преступлениях и наказаниях женщин predetermined методологией и методикой получения информации путем сплошного обследования.

Однако до сих пор существует ситуация недостаточного обращения органами государственной власти внимания на существование женской преступности в государственных программах по противодействию преступности. С одной

стороны, в государственной программе Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345 вообще не содержатся какой-либо информации о мерах противодействия женской преступности (Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18. Ст. 2188). Не содержатся такие сведения и в ежегодных отчетах МВД РФ о результатах реализации данной программы [8].

В то же время в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 № 1138-р, которая также направлена на борьбу с преступностью, содержится даже специальный раздел об особенностях и необходимых дальнейших улучшениях порядка отбывания наказания женщинами (Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 20. Ст. 3397).

Таким образом, программ по борьбе именно с женской преступностью на данный момент в России нет. С учетом, принятых за последние десять лет мер, направленных на противодействие женской преступности, ожидается, что такие программы в будущем будут приняты.

Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ), единственное преступление, которое может совершить только женщина. Данная статья является специальным средством механизма борьбы с женской преступностью. Суть данной меры заключается в привлечении матерей к уголовной ответственности за убийство своего новорожденного ребенка во время или в короткий промежуток времени после родов или в условиях психотравмирующей ситуации, в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Еще одна особенность данного преступного деяния – привилегированный состав преступления. Представляется сомнительной идея отказа от определения привилегированного состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, так как это нарушает логику правовой регламентации видов убийств в УК РФ.

Несмотря на такое принятое законодателем практичное решение по вопросу регламентации убийства матерью новорожденного ребенка до сих пор существует ряд проблем относительно квалификации по ст. 106 УК РФ и толкования дефиниций, содержащихся в диспозиции ст. 106 УК РФ.

Так, до сих пор существует дискуссия относительно определения понятия «новорожденный» [9], поэтому считаем вполне обоснованным признать правильным для правоприменителей определение термина «новорожденный», которое было дано Министерством здравоохранения Российской Федерации в 2003 г. Так, новорожденным признается ребенок с момента рождения до 28 дня жизни [10], таким образом, данное определение необходимо закрепить в примечании к ст. 106 УК РФ.

Особенностью современной демографической ситуации в Российской Федерации является то, что количество молодых мам в возрасте 14–15 лет увеличилось. Поэтому сейчас возникают ситуации, когда такая девушка, которая еще не достигла минимального возраста для привлечения к уголовной ответствен-

ности по ст. 106 УК РФ, убивает своего ребенка. С одной стороны, такое лицо женского пола должно быть привлечено к уголовной ответственности, так как совершило убийство малолетнего (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), только суд в такой ситуации может расценить совершение такого деяния, например, в условиях психотравмирующей ситуации, как смягчающее обстоятельство (п. «д» ч. 1 ст. 61, ч. 2 ст. 61 УК РФ). С другой стороны, даже такая квалификация матери, не достигшей возраста 16 лет, которая убила своего новорожденного ребенка, представляется несправедливой (ч. 1 ст. 6 УК РФ), поэтому считаем необходимым понизить возраст уголовной ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка до 14 лет.

Предлагаем внести следующие изменения в ст. 20 УК РФ:

Статья 20 УК РФ. Возраст, с которого наступает уголовная ответственность

1. ...

2. Лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, подлежат уголовной ответственности за убийство (статья 105), за убийство матерью новорожденного ребенка (статья 106), ...

Практики и общественность (32,4 % опрошенных респондентов) согласны с тем, эффективным средством противодействия женской преступности является механизм исправления женщины через ее участие в жизни семьи, поэтому законодатель предусмотрел специальную меру, которая позволяет осуществить исправительное воздействие на женщин-преступниц не путем реального исполнения уголовного наказания, а путем применения иной меры уголовно-правового характера, заключающаяся в исполнении ею родительских обязанностей по воспитанию и развитию своих детей до достижения ими четырнадцатилетнего возраста (ст. 82 УК РФ). Однако иногда необоснованное повторное применение ст. 82 УК РФ к женщине-рецидивистке, к которой ранее применялась отсрочка отбывания наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста, и, которая была отменена ранее по причине ее нарушения, может привести к следующим негативным последствиям: 1) у таких женщин отсутствует чувство ответственности за совершенные ею деяния; 2) у женщин наблюдается деструктивное поведение, которое негативно сказывается на ее ребенке; 3) на уголовно-исполнительные инспекции возлагается дополнительная нагрузка в сфере контроля за такими женщинами [11].

Полагаем, одной из причин существования таких ситуаций является слишком широкие пределы судейского усмотрения [12], поэтому нужно внести норму, которая бы ограничило право судей применять ст. 82 УК РФ к рецидивисткам, к которым ранее уже применялась такая мера, но была отменена по причине несоблюдения женщиной порядка ее исполнения.

Предлагается проект ст. 82 УК РФ:

Статья 82 УК РФ. Отсрочка отбывания наказания

...

6. В случае если осужденный, указанный в части первой настоящей статьи, имеющий судимость за ранее совершенное умышленное преступление, повторно совершает умышленное преступление, и, к которому ранее применялась отсрочка отбывания наказания, предусмотренная настоящей статьей, в дальней-

шем отмененная в результате совершения таким лицом действий, причисленных в части второй настоящей статьи, суд может отсрочить реальное отбывание наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста такому лицу в исключительных случаях.

Основной специальной мерой предупреждения женской преступности является уголовное наказание (гл. 9 УК РФ). Самым главным в ходе исполнения уголовного наказания является сохранение социальных связей женщины в целях дальнейшего ее правопослушного существования в обществе. Стоит отметить, что законодателем в последнее время было предпринято меры, регулирующие вопрос социальной реабилитации женщин: возможность передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения (ст. 96 УИК РФ); проживание осужденных за пределами исправительных учреждений, но под надзором администраций этих учреждений (ч. 3 ст. 121 УИК РФ); выезды осужденных к лишению свободы за пределы исправительных учреждений (ст. 97 УИК РФ); существование домов ребенка в исправительных учреждениях, где женщины, осужденные к лишению свободы, могут общаться со своим ребенком, проживать совместно с ним (ст. 100 УИК РФ).

Способствует сохранению, развитию социальных связей с семьей, обществом тенденция, отраженная в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г., которая заключается в более эффективном назначении женщинам уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного.

Кроме того, ожидается возложение на уголовно-исполнительные инспекции полномочий, заключающихся в оказании ее сотрудниками всесторонней помощи, осужденным в их ресоциализации и социальной адаптации. В свою очередь, считаем необходимым увеличить штат сотрудников уголовно-исполнительной инспекций, а также выделить отдельных специалистов, оказывающих непосредственные услуги по ресоциализации и социальной адаптации осужденных женщин.

Однако с учетом определенного государственной властью направления, которое заключается в гуманизации уголовно-исполнительной системы, представляется необходимым обеспечить баланс прав и обязанностей осужденных. Представляется, что возможно нарушение соотношения возможного поведения и должного поведения в сфере отбывания наказания в виде лишения свободы женщинами, у которых ребенок в возрасте до трех лет находится в доме ребенка исправительного учреждения. Ранее было отмечено, что женщины могут использовать своего ребенка в целях неоправданного упрощения порядка отбывания ими наказаний. Так, например, согласно ч. 7 ст. 117 УИК РФ к женщинам, у которых находится ребенок в доме ребенка исправительного учреждения, не могут быть применены в случае нарушения порядка отбывания наказания, следующие меры: водворение в штрафной изолятор; перевод в помещения камерного типа, поэтому на практике возникают ситуации, когда такая осужденная женщина позволяет себе не заниматься воспитанием своего ребенка, а также неоднократно нарушать установленный порядок отбывания наказания из-за чувства безнаказанности. Следовательно, в отношении

нее не достигаются цели уголовного наказания. Кроме того, ребенок лишается права на нормальное воспитание, так как он, находясь в непривычной для него обстановке, не получает должной заботы от своей матери.

В связи с этим предлагаем внести следующие изменения в ст. 117 УИК РФ, в результате которых, будет предоставлена возможностью постановлением начальника исправительного учреждения, лица, его замещающего применить к такой женщине дисциплинарные взыскания в виде водворения в штрафной изолятор, перевода в помещения камерного типа:

Статья 117 УИК РФ. Порядок применения мер взыскания к осужденным к лишению свободы

...

7. Осужденные женщины, имеющие детей в возрасте до четырех лет в доме ребенка исправительного учреждения, ... в штрафной изолятор, помещения камерного типа не переводятся за исключением случая, установленного в части 7.1 настоящей статьи.

7.1. Постановлением начальника исправительного учреждения, лица, его замещающего, женщина, имеющая ребенка в возрасте до четырех лет в доме ребенка исправительного учреждения, может быть переведена в штрафной изолятор, в помещения камерного типа в случае систематического нарушения в течение одного года порядка отбывания наказания и уклонения от обязанностей по воспитанию такого ребенка.

Представляется, что отсутствие такой женщины определенное время рядом с ребенком (перевод в штрафной изолятор на срок до пятнадцати суток; в помещения камерного типа на срок до трех месяцев) существенно не повлияет на него, так как дети в домах ребенка находятся под постоянным наблюдением штата дома ребенка исправительного учреждения.

Уголовное правосудие должно быть направлено на совершенствование мер реагирования на преступные действия, жертвами которых становятся женщины и дети, с позиций профилактики и предупреждения их криминального поведения, законотворческой и правоприменительной практики, применение санкций и оказания поддержки жертвам. Отечественная правовая система должна быть направлена на устранение негативных барьеров на пути к их освобождению от криминального влияния.

В целях повышения эффективности мер уголовного наказания в отношении женщин необходимо законодательно закрепить понижение возраста уголовной ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка путем внесения изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ; ограничить пределы судейского усмотрения при применении к женщинам-рецидивисткам оторочки отбывания наказания до достижения ее ребенком четырнадцатилетнего возраста (ст. 82 УК РФ); разработать механизм, позволяющий начальнику исправительного учреждения, лицу, его замещающему, применить к женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырех лет в доме ребенка исправительного учреждения, которая систематически грубо нарушает порядок и условия отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы и не заинтересована в воспитании своего

ребенка, мер, существенно ограничивающих свободу женщины в пределах исправительного учреждения в течение определенного времени (водворение в штрафной изолятор, перевод в помещение камерного типа).

Список источников

1. Голубовский В. Ю. Тенденции развития уголовно-исполнительной политики // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 11 марта 2022 г.) / под общ. ред. Е. Н. Рахмановой. СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. С. 464–470.

2. Курс советского уголовного права. М., 1971. Т. 3. 836 с.

3. Фефелов П. А. Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы. М. : Наука, 1992. 232 с.

4. Об утверждении Инструкции по ведению судебной статистики : Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 25 июня 2021 г. № 124 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/607167762?section=text> (дата обращения: 03.08.2023).

5. Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 03.08.2023).

6. Аналитические материалы // Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 03.08.2023).

7. Социальный портрет преступности // Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 03.08.2023).

8. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/gosprogram/Gosprogramma/отчет-о-ходе-реализации-программы-за-год> (дата обращения: 03.08.2023).

9. Добрикова Н. В. Новорожденность как специфическое описание возраста в уголовном праве // Инновационная наука. 2018. № 10. С. 64–66.

10. Охрана репродуктивного здоровья работников. Основные термины и понятия : письмо Минздрава Российской Федерации от 2 октября 2003 № 11-8/13-09 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=366297#JRZ3A3TIdjnpUbeE> (дата обращения: 03.08.2023).

11. Белюкова Т. И. Некоторые проблемы, возникающие в процессе исполнения отсрочки отбывания наказания по ст. 82 УК РФ, и пути их решения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 25. С. 41–45.

12. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 8 от 21 апреля 2009 г. // Российская газета. 2009. 29 апр.

БОРИС ЗУФАРОВИЧ МАЛИКОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России»,
г. Уфа, Россия,
e-mail: malikov_bz@mail.ru

ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА – ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ ИХ СУЩНОСТИ, ПРИМЕНЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ

Аннотация: в статье автор предлагает свое видение проблемы правовой природы иных мер уголовно-правового характера, дает оценку их нормативному выражению в Уголовном кодексе Российской Федерации в качестве правового института. Предложена новая редакция раздела VI «Иные меры уголовно-правового характера». Уголовно-исполнительные проблемы регулирования исполнения иных мер уголовно-правового характера проявились в слабой консолидации их норм в Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Отмечена востребованность в Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации более явно и полно отразить исполнение иных мер уголовно-правового характера, как значимого института данной отрасли права со своим предметом правового регулирования. В Особенной части данного Кодекса в наименование раздела VIII изменить на – «Контроль за поведением осужденных в режиме альтернатив наказанию», и наполнить новым содержанием.

Ключевые слова: наказание, иные меры уголовно-правового характера, конфискация имущества, судебный штраф, принудительные меры медицинского характера, безусловное освобождение, условное освобождение, нормы отлагательного действия, режим альтернатив наказанию.

В теории уголовного права проблема иных мер уголовно-правового характера (далее – иные меры УПХ) уже не одно десятилетие исследуется, но пока совокупные результаты таковых еще не обрели уровня достаточно всеобъемлющего, комплексного, систематизированного и фундаментального уровня обобщения, как это имеет место применительно к учению о наказании.

В своих исследованиях юридической природы этой формы реализации уголовной ответственности и уголовно-правового принуждения ряд ученых полагают, что она должна получить достаточно значимое научное обоснование, более четкое и определенное закрепление в уголовном законе [1, с. 4, 5; 2, с. 4]. Необходимость в этом диктуется и запросами на совершенствование практики

правоприменения, и задачами уточнения предмета уголовно-исполнительного права в части правового регулирования исполнения таких мер [3, с. 90–98], и более четкой нормативной выверенности правового статуса лиц в механизме уголовно-правового принуждения, а также в динамике посткриминальных возможных объективных изменений личности виновного и в его поведении.

В уголовном законодательстве России четко обозначен общий формат государственной политики в области обеспечения уголовно-правовой охраны наиболее значимых социальных ценностей. Для этой цели законодатель в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее УК РФ) нормативно сформулировал задачи уголовно-правовой охраны в ч. 1 ст. 2, а в нормах ч. 2 ст. 2, а также Общей и Особенной его частей закрепил механизм уголовной ответственности, основное место в котором отведено наказанию. Охранительно-предупредительный формат уголовного закона и характер уголовной ответственности выражены в нормах Особенной части УК РФ по принципу дифференциации и определенности ответственности, – за совершение конкретного преступления законом в санкции вполне четко установлены виды, пределы и объем кары. Такой уголовно-правовой посыл уровня потенции ответственности адресован лицам, имеющим намерение совершить преступление. Более того, он выступает законодательной обязательной основой для организации деятельности органов правосудия по конкретным уголовным делам в выборе форм реализации уголовной ответственности, а также иных мер уголовно-правового принуждения.

Иные меры УПХ, кроме принудительных мер медицинского характера и конфискации имущества, можно считать либо формой реализации уголовной ответственности, либо альтернативой наказанию. Отмеченные их особенности и обуславливают совершенно своеобразную правовую природу таковых.

Принудительные меры медицинского характера и конфискации имущества, – это меры посткриминального принуждения виде: а) изоляции и лечения невменяемого «виновного» лица, представляющего опасность, либо лечение психически больных осужденных; б) принудительного изъятия у виновного лица имущества, добытого преступным путем, орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому. Отмеченные меры не являются формами реализации уголовной ответственности, они лишь связаны с фактом совершения конкретного преступления и проблемой ее реализации.

Лица, совершившие общественно опасное деяние, являющиеся психически больными и, признанные невменяемыми, страдающими стойкими психическими расстройствами, представляющие опасность для окружающих и себя, подвергаются принудительному лечению в специализированных лечебных учреждениях закрытого типа со специальным режимом изоляции и безопасности (пп. «а» и «б» ч. 1, 2 ст. 97 УК РФ). Вопрос об их уголовной ответственности и наказании на период их лечения остается открытым. В таких случаях применение принудительной меры медицинского характера служит интересам обеспечения прав психически больного человека от применения необоснованной и несправедливой репрессии, а также целям излечения лиц, указанных в части

первой ст. 97 УК РФ, предупреждения совершения ими новых преступлений и решает проблему общественной безопасности (ст. 98 УК РФ).

Институт иных мер УПХ в правовом выражении включает в себя лишь нормы Общей части УК РФ, что объясняет их другое функциональное предназначение, чем наказание, а также иной организационно-правовой формат применения принуждения. Основанием их применения является совершение физическим лицом общественно-опасного деяния либо деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного статьями Особенной части УК РФ (ст. 8).

При применении иных мер УПХ, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности по не реабилитирующим основаниям, обвиняемый принимает позицию законодателя и органов правосудия в части признания своей вины.

В уголовном законе основания освобождения от уголовной ответственности дифференцированы на две разновидности: безусловного освобождения (ст. 75, 76, 76.1, 78, 84, 94 УК РФ), и условного освобождения в виде судебного штрафа (ч. 2 ст. 104.4 УК РФ содержит отлагательное действия нормы ст. 76.2 УК РФ в случае невыплаты судебного штрафа), а также принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 4 ст. 90 УК РФ является нормой отлагательной действия ч. 1 ст. 90 УК РФ). Однако безусловные виды освобождения «виновных» лиц от уголовной ответственности законодатель не относит к видам иных мер уголовно-правового характера. Хотя некоторые исследователи данной проблемы склонны считать их видами иных мер УПХ [4, с. 25, 26]. Мы считаем, что безусловные виды освобождения от уголовной ответственности нет необходимости включать в институт иных мер УПХ в силу того, что таковые не влекут правовых последствий, кроме уголовно-правового официального порицания, а при истечении срока давности привлечения к уголовной ответственности, как правило, и вопрос «криминальной» упречности теряет предупредительный смысл. Безусловное освобождение от уголовной ответственности является самостоятельной и безотлагательной формой реализации уголовной ответственности, не предусматривающей действия иных механизмов уголовно-правового принуждения.

Виды условного освобождения от уголовной ответственности являются уголовно-правовой формой и стимулирования правопослушного поведения, и принуждения освобожденных лиц к таковому поведению (ч. 4 ст. 90 УК РФ), а также к выполнению, возложенной судом на виновное лицо обязанности о выплате судебного штрафа (ч. 2 ст. 104.4 УК РФ). Такая условная форма действия уголовного закона предполагает наличие официального контроля в виде постановки на профилактический учет органа внутренних дел по месту жительства несовершеннолетнего лица, а также обеспечения контроля за своевременностью выплаты виновным лицом судебного штрафа. Следует отметить, что в правовом механизме применения судебного штрафа есть определенные недостатки. Норма ч. 2 ст. 104.4 УК РФ возлагает на суды обязанность установления срока уплаты судебного штрафа, однако, она не определяет общий предельный

срок его уплаты для его последующей конкретизации в судебном решении. Думается, такая неконкретность нормы ч. 2 ст. 104.4 УК РФ не ставит в равные условия «виновных» лиц, а также в определенной мере колеблет принцип законности, открывая возможность для судебного усмотрения, исключая наличие элементарных гарантий прав лиц, принявших на себя вину, за совершенное общественно-опасное деяние. По нашему мнению, процедура уплаты судебного штрафа должна включать в себя общий нормативно определенный срок выплаты судебного штрафа в пределах 1/9 срока судимости за преступления небольшой и средней тяжести (п. «в» ч. 3 ст. 86 УК РФ), а также иметь правовое решение рассрочки его выплаты в пределах общего срока его выплаты.

Иные меры УПХ, выступающие в качестве альтернативы наказанию, связаны не только с процедурой назначения судом осужденному наказания, но и с возможностью последующих правовых решений о его неисполнении, приостановлении его исполнения или освобождении от его отбывания. В уголовном законе основания освобождения от наказания дифференцированы на виды: а) **безусловного освобождения**: освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ), в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда, амнистией, помилованием (ст. 83–85, 94 УК РФ), освобождение от наказания несовершеннолетних (ч. ч. 1, 2 ст. 92 УК РФ); б) **условного освобождения**: условного наказания (ст. 73, 74 УК РФ), условно-досрочного освобождения от наказания (ст. 79, 93 УК РФ), освобождения от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ), отсрочки исполнения наказания (ст. 82 УК РФ), отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ).

Безусловные виды освобождения осужденного от наказания не влекут никаких правовых последствий. Поэтому они не имеют сущностных признаков, присущих иным мерам УПХ и не могут быть отнесены к этому виду уголовно-правового принуждения.

Виды условного освобождения осужденного от наказания, такие как: условное осуждение; отсрочка исполнения наказания; условно-досрочное освобождение от наказания имеют в УК РФ правовые основания для принятия судом отлагательных решений. Отлагательными основаниями являются, – систематические правонарушения осужденного или отсутствие у такового стремления к правопослушному поведению и выполнению условий его освобождения от отбывания наказания. Для этого, в уголовно-исполнительном законодательстве есть организационно-правовые механизмы контроля за поведением условно-осужденных, осужденных, имеющих отсрочку исполнения наказания, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания.

История законодательного закрепления в Общей части УК РФ усеченной системы видов иных мер УПХ берет начало с принятия Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ. Этим же законом вводилась в УК РФ иная мера УПХ в виде *конфискации имущества*, а также им предписывалось *Раздел VI УК РФ*, имевший ранее наименование «Принудительные меры медицинского характера», переименовать в «*Иные меры уголовно-правового характера*».

Структурно в обновленном VI разделе УК РФ сейчас закреплено три главы, из которых две новые. Прежней осталась глава 15 *«Принудительные меры медицинского характера» с некоторыми изменениями.*

Дополнен этот раздел двумя новыми главами: главой 15.1 *«Конфискация имущества»* в 2006 г. и главой 15.2 *«Судебный штраф»* в 2016 г. (Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ).

Однако с принятием этих двух выше отмеченных федеральных законов институт иных мер УПХ в рамках уголовного закона России еще не получил четкого, полного и системного выражения. В VI разделе УК РФ для фундаментального оформления института иных мер УПХ требуется, по-нашему мнению, еще сформулировать и закрепить общие положения, характеризующие его сущность и правовую природу, его цели, их виды и систему таковых. Отмеченные меры позволят иметь в уголовном законодательстве опорные правовые понятия и положения, раскрывающие сущность, цели и характер иных мер уголовно-правового характера, что позволит также выстраивать новую нормативно-правовую логику в уголовно-исполнительном законодательстве, как самостоятельного института данной отрасли права.

Иные меры УПХ не несут в своей сущности проявлений воздаяния, тем более, когда они применяются не в качестве альтернативы наказанию или формы ответственности. В них находит также проявление действия механизма правосудия по формализации уголовно-правовой упречности, адресованной виновному лицу в связи с совершением им преступления или общественно-опасного деяния, а также «принуждения» к исправлению осужденного, к воздержанию от общественно-опасного поведения лиц, освобожденных от уголовной ответственности и наказания. Иные меры УПХ обеспечивают действие процессуально-восстановительного производства в виде конфискации имущества, а также изоляции и лечения психически больных лиц, совершивших общественно-опасные деяния, представляющих общественную опасность, но не способных нести уголовную ответственность или отбывать наказание.

Институт иных мер УПХ не дополняет институт наказания. Он имеет свою самостоятельную уголовно-правовую сущность, цели, систему, значение и ограничительные признаки личностного статуса, а также содержательное выражение конкретных их видов.

На основании изложенных выше оценочных характеристик нами сформулированы предложения по отражению иных мер УПХ, как самостоятельного института в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации.

В порядке реализации декларативной нормы части 2 ст. 2 УК РФ, что наряду с видами наказаний за совершение преступлений устанавливаются иные меры УПХ, полагаем, что в порядке утонения в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации следует внести изменения и дополнения структуру **Раздела VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера»**. Ныне действующую структуру раздела следует изменить, дополнив ее главой 15 с новым наименованием: **«Понятие, цели и виды иных мер уголовно-правового характера»** с новым содержанием статей: статья 97. Понятие, основания применения и

цели иных мер уголовно-правового характера; статья 97.1. Виды иных мер уголовно-правового характера; 97.2. Классификация видов иных мер уголовно-правового характера.

Структура **раздела VI УК РФ** может состоять из **четырёх глав: 15, 15.1, 15.2, 15.3.**

Проект Раздела VI УК РФ:

Раздел VI. Иные меры уголовно-правового характера

Глава 15. Понятие, цели и виды иных мер уголовно-правового характера

Статья 97. Понятие, основания применения и цели иных мер уголовно-правового характера

1. Иные меры уголовно-правового характера – вид уголовно-правового принуждения, применяемый на основании судебного решения по уголовному делу, в том числе приговору, вступившего в законную силу. Их не карательная сущность заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод лиц, к которым они применяются.

Основанием их применения являются совершение лицом общественно-опасного деяния или преступления. Они применяются к лицам, к которым может быть судом применены: условное освобождение от уголовной ответственности, условное осуждение, условно-досрочное освобождение от наказания, отсрочка исполнения наказания или приговора, освобождение несовершеннолетних осужденных от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Они также обеспечивают восстановительную и уголовно-принудительную функцию, а также функцию посткриминального принуждения в интересах обеспечения безопасности.

2. Виды таких мер носят исчерпывающий перечень путем их закрепления в Общей части настоящего Кодекса.

3. Иные меры уголовно-правового характера применяются в целях восстановления справедливости, исправления осужденных либо лиц, освобожденных от уголовной ответственности и наказания, а также предупреждения совершения новых преступлений, обеспечения общественной и личной безопасности.

Статья 97.1. Виды иных мер уголовно-правового характера

1. Условное осуждение (ст. 73, 74 УК РФ).

2. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 и 93 УК РФ).

3. Отсрочка исполнения наказания (ст. 82, 82.1 УК РФ).

4. Условное освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних лиц с применением принудительных мер воспитательного воздействия и их отмену (ч. 1, 4 ст. 90 УК РФ).

5. Принудительные меры воспитательного воздействия при освобождении несовершеннолетнего осужденного:

– от наказания (ч. 1 ст. 92 УК РФ);

– от отбывания лишения свободы с помещением его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ч. 2 ст. 92 УК РФ).

6. Принудительные меры медицинского характера (ст. 97–103 УК РФ).

7. Конфискация имущества (ст. 104.1 УК РФ).

8. Судебный штраф (ст. 104.4 УК РФ, применяется при освобождении от уголовной ответственности по основанию ст. 76.2 УК РФ).

Статья 97.2. Классификация видов иных мер уголовно-правового характера

1. Виды иных мер уголовно-правового характера, связанные с реализацией уголовной ответственности:

- конфискация имущества;
- судебный штраф;
- условное освобождение от уголовной ответственности с применением принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 1 и 4 ст. 90 УК РФ).

2. Виды иных мер уголовно-правового характера, не связанные с реализацией уголовной ответственности и с исполнением наказания лиц, совершивших общественно опасные деяния:

а) принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа;

б) принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа с интенсивным наблюдением;

в) принудительная мера медицинского характера, применяемая к осужденным в виде принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях.

3. Альтернативы наказанию:

- условное осуждение;
- отсрочка исполнения наказания;
- освобождение от лишения свободы с применением принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 1 и 2 ст. 92 УК РФ);
- условно-досрочное освобождение от наказания.

Глава 15.1 Принудительные меры медицинского характера (тексты статей 97–104 УК РФ, – закрепить в ст. 97.3, 98–104).

Глава 15.2. Судебный штраф (ст. 104.1–104.3 УК РФ).

Глава 15.3 Конфискация имущества (ст. 104.4–104.5 УК РФ).

До принятия новой редакции Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. либо принятия нового Кодекса данной отрасли права, закрепление остальных иных мер УПХ пока сохранить в прежнем порядке их размещения в тексте уголовного закона.

Отдельные авторы считают институт иных мер УПХ самостоятельным элементом системы мер уголовно-правового воздействия, дополняющим наказание, привносящим в данную систему некое разнообразие [4, с. 25–26; 5, с. 39]. Мы же считаем, что данный институт не дополняет институт наказания. Он имеет свою уголовно-правовую сущность, цели, систему, функциональное значение и ограничительные параметры личностного статуса виновных лиц, а также содержательное выражение конкретных их видов. В механизме применения, он действует в отношении конкретных лиц, совершивших уже общественно-

опасные деяния, в целях стимулирования правопослушного поведения, предупреждения совершения нового преступления, либо обеспечения общественной или личной безопасности, принудительного психиатрического лечения, конфискации имущества.

Обозначенный в предложенной редакции уголовно-правовой формат иных мер УПХ мог бы позволить привести содержание Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее УИК РФ) в соответствие с политико-правовыми реалиями в сфере уголовной политики по исполнению «Иных мер уголовно-правового характера».

Вне зависимости от того, будут ли внесены в УК РФ изменения, отражающие дальнейшее развитие института иных мер УПХ, следует в ст. 1 УИК РФ дополнить новой ч. 3 в редакции: «Уголовно-исполнительное законодательство регулирует исполнение иных мер уголовно-правового характера, отнесенных к компетенции деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России».

Норма ст. 2 УИК РФ, отражающая структуру и содержание уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, ч. 2 закрепляет нормативное положение, что уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации устанавливаются не только общие положения и принципы исполнения наказаний, но и применения иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации. Далее же законодатель в УИК РФ в общих положениях практически «ослабляет» вопросы реализации иных мер УПХ, отражая только формат исполнения наказания, причем в основном в виде лишения свободы.

Действующий УИК РФ можно и необходимо унифицировать с учетом необходимости более четкого выражения института исполнения иных мер УПХ. Сделать это возможно путем доработки текста Общей части путем внесением дополнений в текст действующей редакции, а также наполнением новым содержанием *раздела VII* Особенной части УИК РФ с новым наименованием, – «*Контроль за поведением осужденных в режиме альтернативы наказанию*». В этом разделе, по нашему мнению, даже без внесения изменений в УК РФ, можно было бы сосредоточить нормы УИК РФ, регламентирующие осуществление: а) контроля за поведением условно осужденных; б) исполнения отсрочки отбывания наказания двух видов; в) контроля за поведением условно-досрочно освобожденных осужденных от дальнейшего отбывания наказания; г) применение к осужденным мер медицинского характера (ныне действующие нормы ст. 18 УИК РФ).

В измененном виде структура *Раздела VIII. УИК РФ* может выглядеть в следующем виде:

Раздел VIII. Контроль за поведением осужденных в режиме альтернатив наказанию

Глава 24. Осуществление контроля за поведением условно осужденных (включает в себя содержание ст. 187–190 УИК РФ).

Глава 25. Контроль за осужденными, имеющим отсрочку исполнения наказания (включает в себя содержание ст. 178, 178.1 УИК РФ).

Глава 26. Контроль за поведением осужденных условно-досрочно освобожденных от дальнейшего отбывания наказания.

Исходя из текущего момента необходимости и возможностей реформирования правовой основы применения иных мер уголовно-правового характера, мы имеем ввиду принятие политико-правовых и организационных решений, направленных на устранение пробелов в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве, мер по усовершенствованию деятельности уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России, проведению дополнительных научных исследований по данной проблематике, думается сейчас оптимальным вариантом будет внесение изменений и дополнений в действующее законодательство в части применения и исполнения *иных мер уголовно-правового характера*. Осуществив оптимизацию предложенным или иным образом института применения и исполнения иных мер УПХ, мы наработаем новую практику применения его нормативных положений и организационных форм, результаты которого станут предметом научных исследований и обобщений, на основе чего можно будет в дальнейшем готовить добротное научное обоснование для выработки новых кодифицированных законодательных актов, – проектов Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

Список источников

1. Гареев М. Ф. Цели иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения по уголовному праву России : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 198 с.
2. Бектимеров Э. Л. Иные меры уголовно-правового характера и их роль в осуществлении задач уголовного права России : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 206 с.
3. Селиверстов В. И. О разработке научно-теоретической модели Общей части УИК РФ // Вестник Института. Научная жизнь. С. 90–98.
4. Безбородов Д. А., Зарубин А. В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, признаки и виды : учеб. пособие. СПб. : С.-Петербург. юрид. ин-т (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2015. 80 с.
5. Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия : дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001. 512 с.

ТАТЬЯНА ФЕДОРОВНА МИНЯЗЕВА,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Московская академия Следственного комитета РФ, г. Москва, Россия,

e-mail: minyazeva2020@mail.ru;

ДЕНИС АНДРЕЕВИЧ ДОБРЯКОВ,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры судебной власти,
гражданского общества и правоохранительной деятельности,
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва, Россия,

e-mail: den-dobryakov@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ШТРАФА

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы законодательной регламентации и применения штрафа как вида уголовного наказания. Отмечается нарушение структуры системы наказаний в связи с фактической утратой штрафом статуса наименее строгого вида наказания, а также указывается на потенциальное противоречие порядка назначения штрафа уголовно-правовым принципам равенства граждан перед законом и справедливости и некоторые другие проблемы.

Ключевые слова: штраф, альтернативные виды наказаний, уголовное наказание, уголовное законодательство.

Одним из наиболее распространенных в судебной практике уголовных наказаний является штраф, на который в 2022 г. пришлось около 13,0 % всех назначенных судами наказаний. В этом качестве штраф уступает только лишению свободы (как реальному (29,5 %), так и условному (27,2 %)), а также обязательным работам (15,2 %). При этом до 2016 г. штраф встречался в приговорах даже чаще обязательных работ [1].

Не вдаваясь в криминологический анализ причин таких показателей в контексте качественных и количественных показателей преступности, отметим, что штраф – наказание, безусловно, важное и нужное, но предельно неоднозначное. С одной стороны, это одна из основных альтернатив лишению свободы, которая ограничивает имущественные права человека (а это для большинства людей весьма чувствительно ограничение) и не разрушает его уклад жизни (как это делает лишение свободы), но с другой – нормативное регулирование и практическое применение данной меры далеко от совершенства.

Начать хотя бы с терминологической и видовой путаницы, которая возникает из положений действующего уголовного законодательства. Так, штраф представляет собой, прежде всего, наказание, выраженное в денежном взыскании и назначаемое судом в качестве основной меры ответственности или в дополнение к иному виду наказания (ч. 2 ст. 45, ст. 46 УК РФ). Кроме того, еще в 2016 г. законодатель ввел в УК РФ созвучную штрафу-наказанию иную меру уголовно-правового характера – судебный штраф (ст. 104.4–104.5 УК РФ), также представляющий собой денежное взыскание, но назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности в определенных случаях.

И, словно этого мало, в УК РФ есть еще одна мера уголовно-правового характера, близкая по содержанию штрафу, а именно денежное возмещение, предусмотренное законодателем как одно из необходимых условий для освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ч. 2 ст. 76.1 УК РФ). Важно, что в данном случае речь не идет о возмещении ущерба, причиненного преступлением (оно предполагается само собой и отдельно); это именно дополнительное взыскание, перечисляемое в федеральный бюджет помимо и сверх возмещения ущерба, причиненного гражданину, организации или государству в результате совершения преступления. В сущности, этот тот же судебный штраф, просто распространенный законодателем на совершение отдельных экономических преступлений и предполагающий иной порядок определения размера взыскания (судебный штраф не может быть больше 250 тыс. рублей, тогда как, например, при квалификации деяния по п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ и сумме дохода в 10 млн. рублей (незаконное предпринимательство, сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере) для применения ч. 2 ст. 76.1 УК РФ виновному придется уплатить в бюджет 30 млн рублей – 10 млн рублей в качестве возмещения ущерба и 20 млн. рублей в качестве этого дополнительного «штрафного» денежного возмещения).

Конечно, все названные меры различаются и различаются значительно – в части оснований назначения, правовых последствий (отсутствия судимости во всех случаях, кроме штрафа-наказания) и т. п. Однако все они в конечном итоге сводятся к денежному взысканию и имеют один и тот же принципиальный недостаток, выраженный в том, что эти меры естественным образом подлежат применению только к тем лицам, кто способен уплатить соответствующие взыскания, то есть как бы подчеркивают имущественное неравенство людей. Поэтому штраф в любой его ипостаси нельзя считать универсальным – потенциально применимым к каждому человеку – наказанием, особенно, если учесть его возможные размеры (максимальная сумма штрафа-наказания, исчисляемого в размере, кратном сумме взятки, коммерческого подкупа и т. д., составляет 500 млн рублей).

В текущих условиях при совершении одного и того же преступления лицами с разным материальным достатком суд может оказаться в ситуации объективной невозможности назначения этим лицам одного и того же вида наказания. Штраф – лишь одно из предусмотренных законом наказаний, но именно он считается наказанием наименее строгим (что следует из его положения в пе-

речне наказаний, предусмотренном ст. 44 УК РФ) и как подчеркивает законодатель в ч. 1 ст. 60 УК РФ «более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания». Однако на практике получается так, что менее строгий вид наказания может не применяться и в ситуации, когда осуждаемое лицо объективно не может исполнить возлагаемую на него приговором суда обязанность. Из-за этого нехватка у осуждаемого судом лица денег на уплату штрафа как бы сама по себе приводит к усилению ответственности и назначению формально более строгого наказания, хотя бедность вроде как до сих пор пороком не считается. И в некоторых случаях, когда штраф не просто соседствует с лишением свободы, а является его единственной альтернативой (как в ч. 3–8 ст. 204 УК РФ), у суда в сущности не остается выбора и он может оказаться вынужден назначить вместе наименее строгого наказания, одно из наиболее строгих.

Отчасти это противоречие можно решить за счет пересмотра положения штрафа в перечне наказаний в связи с фактическим повышением его строгости. Как отмечает С. С. Уткина, «стремление законодателя к повышению репрессивности штрафов ... привело к тому, что штраф, потеряв свойства самого мягкого наказания в системе наказаний, фактически превзошел по строгости обязательные работы, исправительные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и занял место, которое до этого занимала конфискация имущества» [2, с. 8]. С другой стороны, с текущими размерами штрафа даже без установления его зависимости от суммы взятки, подкупа и т. п. можно предположить, что он в действительности стал еще строже, уступая (хотя и это во многих случаях вполне дискуссионный вопрос) только принудительным работам и лишению свободы (арест и смертная казнь, по понятным причинам, не рассматриваются). В этой связи более перспективным представляется установление четкого соотношения не только видов, но и размеров наказаний.

Это важно и потому, что наказания должны определенным образом соотноситься друг с другом не только для определения их иерархического положения в системе наказаний, но и для возможности правильной замены одного наказания другим, например, при злостном уклонении осужденного от исполнения или отбывания изначально назначенного судом наказания. Так, в случае злостного уклонения осужденного от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, эта мера может быть заменена любым другим наказанием, за исключением лишения свободы, если только назначенный штраф не исчислялся в размере, кратном стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки (ч. 5 ст. 46 УК РФ). Но законодатель не предусмотрел никакого порядка для осуществления такой замены, указав лишь, что при замене «кратного» штрафа следует ограничиваться сроком лишения свободы, предусмотренным соответствующей санкцией статьи Особенной части УК РФ, а размеры штрафов и сроки лишения сво-

боды (как, впрочем, и размеры или сроки других наказаний) в санкциях статей Особенной части УК РФ соотносятся достаточно плохо.

В качестве примера можно остановиться на первых четырех частях ст. 204 УК РФ, где в качестве наказаний как раз предусмотрены как штраф, так и лишение свободы (причем далее мы обратимся только к штрафу, определяемому в абсолютном размере, и к предельным срокам лишения свободы). Так, санкция ч. 1 ст. 204 УК РФ содержит альтернативно штраф в размере до 400 тыс. рублей и лишение свободы на срок до двух лет, ч. 2 ст. 204 УК РФ – до 800 тыс. рублей и лишение свободы на срок до двух лет, ч. 3 ст. 204 УК РФ – до 1,5 млн рублей и лишение свободы на срок до семи лет, а ч. 4 ст. 204 УК РФ – до 2,5 млн рублей и лишение свободы на срок до восьми лет.

После несложных вычислений получаем, что один год лишения свободы в ч. 1 рассматриваемой статьи условно равен 200 тыс. рублей штрафа, в ч. 2 – примерно 267 тыс. рублей, в ч. 3 – примерно 214 тыс. рублей, а в ч. 4 – 312,5 тыс. рублей. Закономерности здесь, в общем-то, не видно, что является примером существенного недостатка действующего уголовного законодательства – произвольности установления размеров альтернативных наказаний. Причем такая произвольность становится еще очевиднее, если обратиться к санкциям других статей и сравнить их друг с другом (например, в ч. 2 ст. 121 УК РФ год лишения свободы «стоит» 150 тыс. рублей, в ч. 1 ст. 235 УК РФ – всего 40 тыс. рублей, а в ч. 2 ст. 230.1 УК РФ – 500 тыс. рублей). Сложившаяся ситуация усугубляется за счет судебного усмотрения и установления законодателем в большинстве случаев только верхних пределов наказаний, хотя более или менее единообразная судебная практика способна, как представляется, нивелировать этот аспект рассматриваемой проблемы.

Наконец, следует обратить внимание и на то, за какие преступления действующим уголовным законодательством штраф предусмотрен в качестве основного наказания. Как отмечал С. А. Елисеев, «применение штрафа в качестве уголовного наказания имеет ... большое предупредительное значение, поскольку лицо, которому назначается штраф, подвергается определенному материальному лишению, конкретному ущемлению именно в сфере тех своих личных потребностей и интересов, ради удовлетворения которых он совершил преступление» [3, с. 26]. Сейчас, однако, штраф содержится в санкциях статей, устанавливающих уголовную ответственность не только за совершение корыстных преступлений. Так, эта мера предусмотрена за посягательства против жизни и здоровья человека (ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116.1, ч. 1 ст. 118, ст. 121, ч. 1 ст. 123, ч. 1 ст. 124, ч. 1 ст. 124.1, ст. 125 УК РФ), свободы, чести и достоинства личности (ст. 128.1 УК РФ), половой неприкосновенности и половой свободы личности (ч. 1 ст. 133 УК РФ), а также за множество других преступлений, среди которых есть даже преступления против мира и безопасности человечества (ст. 354 и 354.1 УК РФ).

Назначая штраф, суд должен учитывать тяжесть совершенного лицом преступления, имущественное положение осужденного и его семьи, а также возможности получения осужденным дохода (ч. 3 ст. 46 УК РФ). Это в контексте

изложенного потенциально приводит к возможности нарушения принципов равенства граждан перед законом и справедливости при назначении уголовного наказания. Для устранения такого противоречия и упорядочения регламентации и применения штрафа представляется целесообразным законодательно установить соотношение штрафа с другими видами наказаний (например, 1 месяц лишения свободы приравнять к 50 тыс. рублей штрафа, 1 месяц принудительных работ – к 30 тыс. рублей и так далее; цифры можно было бы определить на основе среднего дохода населения или иных подобных показателей, здесь они приводятся лишь в качестве примера), а также исключить возможность назначения штрафа в качестве основного наказания за любые преступления, кроме тех, что имеют корыстную направленность.

Список источников

1. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–2007 годы и 2008–2022 годы. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Sbornik_Sudimost_2022.zip (дата обращения: 25.08.2023).
2. Уткина С. С. Уголовное наказание в виде штрафа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. 28 с.
3. Зрелов А. П. «Стоимость» одного дня свободы по российскому уголовному законодательству. М. : ЭкООнис, 2021. 52 с. URL: <https://internet.garant.ru/#!/document/77106879> (дата обращения: 20.04.2023).
4. Елисеев С. А. Применение штрафа за корыстные преступления // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью : сб. ст. Томск : Изд-во Томского университета, 1980. С. 26–31.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА МОСКАЛЬКОВА,

доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации,
г. Москва, Россия,
e-mail: moskalkova@ombudsmanrf.ru

ВОПРОСЫ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье рассматриваются практика работы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации по вопросам ресоциализации, социальной реабилитации и адаптации осужденных в целях превенции рецидива преступлений. Отражаются тенденции и перспективы в укреплении гарантий защиты прав человека в указанной сфере.

Ключевые слова: права человека, пробация, рассмотрение жалоб, ресоциализация, уголовно-исполнительное законодательство.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами учреждена должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (далее – Уполномоченный) [2].

Особой сферой нашего внимания является защита прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания. Люди в изоляции, которых еще немало, несмотря на значительное снижение их количества за последние 10 лет, как никто нуждаются в правозащитной поддержке. Часто они лишены многих возможностей использовать средства для защиты своих прав, которые доступны человеку на свободе.

Государством принимаются предметные меры по обеспечению должного уровня цивилизованности уголовно-исполнительной системы (далее – УИС). Однако, несмотря на гуманизацию условий содержания и уменьшение числа лиц, содержащихся в учреждениях УИС, количество обращений в мой адрес от них, а также в защиту их интересов от родственников, защитников и общественных организаций *все еще достаточно велико*.

Так, за 8 месяцев 2023 г. в мой адрес поступило 3541 подобное обращение (за весь 2020 г. – 4872, 2021 г. – 5879, 2022 г. – 6550). В этой массе жалоб немало по вопросам ресоциализации. За 8 месяцев 2023 г. поступило 87 обращений, связанных с этой сферой (за весь 2021 г. – 402, 2022 г. – 689).

В последние годы сложился *продуктивный опыт взаимодействия* как с Минюстом России, так и со ФСИН России при разработке нормативных правовых актов и рассмотрении поступающих в мой адрес обращений.

Высоким потенциалом обладает наше сотрудничество в рамках созданных Минюстом России межведомственных рабочих групп. В них, к примеру, осуществляется работа по вопросам совершенствования правил внутреннего распорядка учреждений УИС, корректировки норм питания и вещевого довольствия лиц, содержащихся в учреждениях УИС, получения общего образования содержащимися под стражей несовершеннолетними лицами, защиты от должностных преступлений и профилактики преступлений между осужденными.

Особо хотелось бы отметить *Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»* [3] (далее – Закон о пробации). Работа над ним, в том числе с нашим участием, осуществлялась в сжатые сроки и носила конструктивный характер. Это важнейший шаг в гуманизации пенитенциарной системы и создании эффективной государственной системы помощи осужденным и лицам, освобожденным из учреждений УИС.

Эксперты сходятся во мнении, что на практике Закон о пробации поможет решить одну из основных практических задач на сегодняшний день – *снижение уровня рецидивной преступности и возвращение лиц, отбывших свое наказание, в открытое общество* или их *ресоциализация*.

Следует сказать, что *формирование теории ресоциализации* началось еще в середине XIX – начале XX в. [7]. Различные аспекты ресоциализации исследовали многие ученые [8–18].

Однако долгое время в теории уголовно-исполнительного права *понятие «ресоциализация»* не находило должного отражения, оно подменялось *понятием «исправление»*.

М. С. Рыбак, который впервые теоретически исследовавший проблему ресоциализации осужденных к лишению свободы, включал в содержание этого понятия многоплановую и многоаспектную организаторскую и воспитательную деятельность в процессе исполнения наказания со стороны исправительных учреждений, связанную с социализацией личности осужденного, восстановлением утраченных им социальных контактов, подготовку его к жизни на свободе [19, с. 18]. В связи с этим под ресоциализацией осужденного он понимал *целенаправленный процесс перерождения преступника в законопослушного гражданина*. При этом ряд ученых в содержание термина «ресоциализация» включали *не только пенитенциарный, но и постпенитенциарный период* воспитательной работы с преступником [20].

Понятие ресоциализации как правовой категории в сфере профилактики правонарушений получило закрепление в ст. 25 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (Российская газета. 2016. 28 июня. № 139): *«Ресоциализация представляет собой комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими»*

щими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера».

Закон о пробации (пп. 5–7 ч. 1 ст. 5) практически дословно воспроизвел данное понятие *ресоциализации*, раскрыв понятия *социальной адаптации* как комплекса мероприятий, направленных на оказание лицам, в отношении которых применяется пробация, содействия в их трудовом и бытовом устройстве, а также иной помощи в целях стимулирования правопослушного поведения и *социальной реабилитации* как комплекса мероприятий по восстановлению утраченных социальных связей и функций лицами, в отношении которых применяется пробация.

Тема ресоциализации затрагивалась в ходе представления мною доклада о своей деятельности за 2021 г. Президенту Российской Федерации В. В. Путину, который поручил [4] своим полномочным представителям в федеральных округах проанализировать и обобщить имеющийся у органов государственной власти и органов местного самоуправления соответствующих регионов *положительный опыт ресоциализации, социальной реабилитации и адаптации осужденных и распространить* его во всех субъектах Российской Федерации в целях превенции рецидива преступлений.

В свою очередь, нами с моими коллегами – региональными уполномоченными по правам человека по данной проблеме проведен *Всероссийский координационный совет* уполномоченных по правам человека (май 2021 г., г. Красноярск), совместно с Общественной палатой Российской Федерации организованы общественные слушания на тему: «О распространении и использовании положительного опыта ресоциализации, социальной реабилитации и адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в целях предотвращения повторного совершения ими преступлений» (июнь 2021 г., г. Москва). Кроме того, в Научно-образовательном центре по правам человека Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) проведен *круглый стол* с ведущими учеными-пенитенциаристами на тему: «Социальная адаптация (ресоциализация) лиц освобождаемых и освобожденных из исправительных учреждений» (июль 2021 г., г. Москва). В 2021 г. также мною принято участие в совещаниях с полномочными представителями Президента Российской Федерации ряда федеральных округов.

По итогам указанных мероприятий подготовлен тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации по теме ресоциализации, в котором выработан ряд законодательных предложений и подготовлены рекомендации в адрес государственных органов и общественных институтов по профилактике рецидивной преступности и усилению гарантий обеспечения прав лиц при ресоциализации. Данный доклад размещен на моем сайте [23, с. 88–90].

Таким образом, мы придерживаемся позиции, что ресоциализация включает в себя два этапа: пенитенциарный, который подразумевает работу с осужденным на протяжении всего срока отбывания наказания, и постпенитенциарный – закрепление положительных результатов, достигнутых в процессе ис-

полнения наказания, и социальная адаптация лица в открытом обществе после освобождения.

Во многом благодаря принятым государством мерам здесь наблюдается некоторое снижение количество обращений по вопросам пенитенциарной ресоциализации, по сравнению с их ростом в предыдущие годы. Так, за 8 месяцев 2023 г. в мой адрес поступило 73 таких обращения (2019 г. – 134, 2020 г. – 129, 2021 г. – 262, 2022 г. – 286). Тематика поступивших обращений в целом характеризует основную социальную проблематику, с которой сталкиваются осужденные.

Важнейшей темой данной категории обращений являются просьбы о содействии в восстановлении или в поддержании социальных связей. Этим вопросам касаются более трети обращений.

Другой многочисленной группой являются обращения по вопросам установления и подтверждения группы инвалидности и назначения пенсии по инвалидности (27 %).

С этой группой перекликаются обращения по вопросам назначения или перерасчета социальной пенсии и пенсии по старости (12 %).

Десятую часть составляют обращения по восстановлению или получению документов, удостоверяющих личность или подтверждающих квалификацию, стаж работы, гражданство, факт участия в боевых действиях (12 %).

Еще в одну группу можно выделить обращения с просьбой оказать помощь в решении жилищной проблемы, в частности, в постановке в очередь на получение жилья как сироте.

Тематика обращений к уполномоченным по правам человека в субъектах Российской Федерации по вопросам пенитенциарной *ресоциализации носит аналогичный характер.*

В ходе анализа обращений за последние годы выявлена *проблема*, связанная с длительностью решений вопроса о *переводе осужденных в регион проживания их близких родственников* либо отказами в переводе в иное исправительное учреждение. Это может препятствовать восстановлению социальных связей и успешной ресоциализации. Отрадно, что ФСИН России *приняты необходимые организационные меры* по сокращению срока рассмотрения ходатайства об указанном переводе.

ФСИН России проводит большую работу в области *общего образования и профессионального обучения осужденных*. Немало внимания уделяется приобретению ими трудовых навыков по *востребованным специальностям*, что гарантирует их трудоустройство и приемлемую заработную плату после освобождения. Важная роль отводится *воспитательной работе*, которая ведется с первых дней пребывания осужденных в исправительном учреждении. В настоящее время психологически службой УИС отводится значительное место в организации *психологической помощи осужденным*.

Вместе с тем в рассматриваемой сфере имеются «точки роста». Полагаю, что необходимо усилить *социальную работу* с осужденными в учреждениях УИС и увеличить количество социальных работников в этих учреждениях.

Нельзя не отметить, что эффективность процедур пенитенциарной ресоциализации невозможна без воспитания *моральных и духовно-нравственных ценностей*. К этой работе ФСИН России активно привлекает священнослужителей и волонтеров от традиционных конфессий.

Важнейшее направление деятельности института Уполномоченного по решению системных проблем – это *совершенствование законодательства* Российской Федерации о правах человека и гражданина и приведение его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права.

По результатам изучения и анализа информации о нарушении прав и свобод граждан, обобщения итогов рассмотрения жалоб мною реализуются предоставленные полномочия *обращаться к субъектам права законодательной инициативы* с предложениями по изменению и дополнению *уголовно-исполнительного законодательства*.

Моим рабочим аппаратом осуществляется постоянный мониторинг как действующего уголовно-исполнительного законодательства, так и проектируемого. Со своей стороны, участвую в обсуждении законодательных инициатив в ходе их рассмотрения Комиссией Правительства Российской Федерации по законопроектной деятельности, членом которой являюсь.

В настоящее время на основе анализа поступающих обращений нами подготовлен ряд новых предложений по совершенствованию законодательства, которые могли бы способствовать более успешной ресоциализации осужденных.

В частности, предлагается внести изменения в часть 6 статьи 60⁴ УИК РФ, исключив из нее ограничение на проживание осужденных к принудительным работам с семьей на арендованной или собственной жилой площади – только в пределах муниципального образования, на территории которого расположен исправительный центр.

Предлагается также в Правилах внутреннего распорядка исправительных центров УИС [6] закрепить право положительно характеризующихся осужденных на проведение свободного времени вне пределов исправительного центра в течение всего выходного и праздничного дня.

В заключение полагаю необходимым обозначить основные направления, в которых видятся перспективы использования потенциала Уполномоченного:

1) *взаимодействие* с органами, учреждениями и организациями, являющимися субъектами пробации в интересах обеспечения гарантий прав осужденных;

2) *мониторинг* соблюдения гарантий прав граждан в сфере пробации;

3) *анализ практики* пробации и подготовка предложений по усилению гарантий защиты прав человека в УИС при осуществлении пробации, а также по ее организационному обеспечению;

4) участие в *разработке нормативных правовых актов* по вопросам обеспечения прав участников пробации.

Следует также отметить, что поступающие обращения осветили *проблему неосведомленности* осужденных в вопросах ресоциализации и социальной адаптации (об имеющихся правах и социальных гарантиях на федеральном и региональном уровнях). В этой связи существует необходимость расширения

участия института уполномоченных по правам человека в *правовом просвещении* по данным вопросам, в том числе организация и участие в научно-практических мероприятиях.

Кроме того, представляется, что научно-исследовательское сопровождение деятельности учреждений УИС в вопросах ресоциализации на данном этапе должно стать одной из первоочередных задач Академии ФСИН России.

Список источников

1. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят 16 декабря 1966 г. резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН.

2. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации : федер. конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.08.2023).

3. О пробации в Российской Федерации : федер. закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.08.2023).

4. Поручение Президента Российской Федерации В. В. Путина от 26 апреля 2021 г. № ПР-677.

5. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.08.2023).

6. Беляева Л. И., Павличенко Н. В. Становление и развитие в России теоретико-правовых основ ресоциализации лиц, отбывших наказание (середина XIX – начало XX в.) // Вопросы истории. 2021. № 4 (часть 1). С. 259–267.

7. Астемиров З. А. О понятии сущности исправления и перевоспитания осужденных к лишению свободы // Труды Рязанской высшей школы МВД СССР. Рязань, 1973. С. 60–76.

8. Баранов Ю. В. Сущность ресоциализации осужденных к лишению свободы и лиц, освобожденных из мест лишения свободы // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 116–122.

9. Латышева Л. А. Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы: уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2017. 188 с.

10. Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него : монография / под ред. Т. В. Кленовой. Самара : Инсома-пресс, 2018. 404 с.

11. Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных : монография / под ред. Т. В. Кленовой. М. : Юрлитинформ, 2019. 432 с.

12. Селиверстов В. И. Исправление или ресоциализация осужденных: спор о терминах или изменение сущности // Сборник материалов секции «Преступ-

ление и наказание: современные проблемы и тенденции» Шестого Пермского международного конгресса ученых-юристов (г. Пермь, 17 окт. 2015 г.). Пермь : Пермский институт ФСИН России, С. 131–136.

13. Селиверстов В. И. Социальная реабилитация лиц, освобожденных от отбывания лишения свободы: мнение представителей правозащитных и общественных организаций // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28 (1-4), № 2. С. 185–199.

14. Социальная адаптация (ресоциализация) лиц, освобождаемых и освобожденных из исправительных учреждений: итоги теоретического исследования / под ред. В. И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2020. 368 с.

15. Уткин В. А. «Исправление», «ресоциализация», «социальная реабилитация» // Правовые проблемы укрепления Российской государственности. Ч. 50. Томск : Изд-во Томского университета, 2011. С. 58–60.

16. Уткин В. А. Ресоциализация освобожденных от наказания: история и современность // Уголовная юстиция. 2024. № 1(3). С. 75–80.

17. Южанин В. Е., Горбань Д. В. Ресоциализация или исправление осужденного? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 44. С. 105–113.

18. Рыбак М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001.

19. Стручков Н. А. Новые аспекты исполнения наказания и перевоспитания // Воспитание и правопорядок. 1981. № 6. С. 55–58.

20. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 г. М., 2022.

21. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 г. М., 2023.

22. Ресоциализация лиц, освободившихся из мест лишения свободы : тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. М., 2022 // URL: https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/documents/спецдоклады/Темдоклад%20Ресоциализация_2022.pdf (дата обращения: 28.08.2022).

ВЬЕТ ХОНГ НГУЕН,

доцент юридического факультета,
Академия народной безопасности Министерства общественной безопасности,
г. Ханой, Социалистическая Республика Вьетнам,
e-mail: nguyenvhong90@gmail.com

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ЗАКОНА ВЬЕТНАМА
«ОБ ИСПОЛНЕНИИ УГОЛОВНЫХ ПРИГОВОРОВ» 2019 ГОДА**

Аннотация: в настоящей статье рассмотрены особенности правового регулирования Закона Вьетнама «Об исполнении уголовных приговоров» 2019 года. Автор проводит анализ данного нормативного правового акта в сравнении с ранее действующим законом, регулирующим аналогичные правоотношения. Так, новеллами являются нормы, закрепляющие права и обязанности заключенных, нормы о субъектах, подлежащих раздельному содержанию, определяющие порядок приема лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, установлены положения о режиме труда, организации труда заключенных.

Ключевые слова: Вьетнам, исполнение приговора, права и законные интересы лиц, отбывающих наказание, условно-досрочное освобождение, судебные решения, приостановление и отсрочка отбывания наказания.

Закон «Об исполнении уголовных приговоров» Вьетнама 2019 г. (далее – Закон 2019 г.) был одобрен XIV Национальным собранием и официально вступил в силу с 1 января 2020 г. В сравнении с ранее действующим Законом Вьетнама «Об исполнении уголовных приговоров», Закон 2019 г. включает 16 глав и 207 статей, содержит множество новых положений, касающихся сферы регулирования, в том числе приведения в исполнение смертной казни, исполнения судебных решений в отношении коммерческих субъектов, дополнены права и обязанности осужденных, отбывающих наказание и др. Данные положения направлены на усиление гарантий обеспечения прав и законных интересов заключенных в аспекте реализации обеспечения прав человека и гражданина в соответствии с Конституцией Вьетнама 2013 г., а именно:

Во-первых, расширены сферы правового регулирования. Закон 2019 г. дополнительно включил нормы, содержащие процедуры условно-досрочного освобождения, а также меры воздействия, применяемые в отношении коммерческих юридических лиц, отбывающих наказание. Глава XI «Исполнение приговоров по уголовным делам в отношении коммерческих юридических лиц» включает 9 статей об органах, уполномоченных исполнять такие судебные ре-

шения; виды решений, принимаемых судами в отношении коммерческих юридических лиц; права и обязанности коммерческого юридического лица, отбывающего наказание; порядок исполнения судебного решения; ответственность органов государственного управления; порядок делегирования полномочий по исполнению судебных решений при реорганизации коммерческого юридического лица; порядок выдачи актов о полном исполнении наказаний или иных судебных мер.

Во-вторых, дополнены нормы, закрепляющие права и обязанности заключенных. Ориентируясь на нормы Конституции 2013 г. об обеспечении прав человека и гражданина, Закон 2019 г. закрепил группы прав заключенных, такие как: право на амнистию, возмещение ущерба, пользование полисами социального страхования в соответствии с закон. Новеллой является предоставленное заключенным право совершать гражданско-правовые сделки самостоятельно или через своих представителей в соответствии с законом. Кроме того, заключенные имеют право участвовать в добровольном социальном страховании в соответствии с законом.

В-третьих, установление норм о субъектах, подлежащих раздельному содержанию. Ранее в п. 2 ст. 27 Закона об исполнении уголовных приговоров 2010 г. раздельному содержанию подлежали 6 категорий субъектов, в том числе: женщины-заключенные; несовершеннолетние; иностранные граждане; осужденные, страдающие особо опасными инфекционными заболеваниями; осужденные, имеющие признаки психического заболевания или иного заболевания, из-за которого они теряют способность воспринимать или контролировать свое поведение; заключенные, регулярно нарушающие правила внутреннего распорядка в исправительном учреждении. В настоящее время Закон 2019 г. дополнен еще двумя субъектами: заключенные, у которых есть на иждивении дети в возрасте до 36 месяцев и заключенные, придерживающиеся нетрадиционных сексуальных ориентаций, трансгендеры, чей пол еще не определен. Таким образом, в соответствии с положениями ч. 2 ст. 30 Закона 2019 г. отдельно могут содержаться уже восемь субъектов.

В-четвертых, определение порядка приема лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Согласно ст. 28 Закона 2019 г. при наличии достаточных документов исправительное учреждение обязано принять лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы, провести его медицинское освидетельствование, проверить ручную кладь. К предметам, которые нельзя проносить в камеру, относятся: оружие, взрывчатые вещества, вспомогательные инструменты; яды, горючие, легковоспламеняющиеся, радиоактивные вещества, химикаты, наркотические средства и психотропные вещества, современные препараты, вызывающие привыкание; алкоголь и другие спиртные напитки; предметы, которые можно использовать в качестве оружия, такие как ремни, провода, гитарные струны, посуда, камень, стекло, термос, острые предметы и др.; вьетнамская валюта, иностранная валюта, золото, серебро, драгоценные камни, драгоценные металлы; документы, такие как удостоверения личности, регистрационные документы, дипломы, сертификаты и т. д.; все виды технического и элек-

тронного оборудования, в том числе записывающие устройства, видеомэгнитофоны, аудиовизуальное оборудование, телефоны, рации; картины, фотографии, фильмы и кассеты реакционного и развратного содержания; карты и т. п. Осмотр мужского тела проводится сотрудниками мужского пола, женского тела проводится сотрудниками женского пола в уединенном месте.

В-пятых, установлены положения о режиме труда, организации труда заключенных. Согласно ч. 4 ст. 32 Закона 2019 г. заключенный имеет право на отпуск в следующих случаях: заключенный болен, недостаточно здоров, о чем свидетельствует заключение медицинского работника; имеет на иждивении ребенка в возрасте до 36 месяцев, проживающего с ним; беременные женщины-заключенные имеют право на отпуск до и после родов в соответствии с трудовым законодательством.

В-шестых, предусмотрена гарантия медицинского обследования серьезно больных заключенных. Согласно ч. 7 ст. 25 и п. 6 ч. 5 ст. 37 Закона 2019 г. обязательному медицинскому обследованию подлежат лица, имеющие право на отсрочку или временное приостановление отбывания наказания в виде лишения свободы в связи с тяжелым заболеванием; лица, имеющие признаки психического заболевания или иного заболевания, вызывающего потерю познавательной способности или способности контролировать поведение. При таких обстоятельствах орган, на который возложено исполнение, отвечает за своевременное медицинское освидетельствование, а также ходатайство о проведении судебно-психиатрической экспертизы в компетентной организации.

В-седьмых, предусмотрена реинтеграция в общество. Согласно ст. 45 Закона 2019 г. исправительные учреждения несут ответственность за организацию подготовки к реинтеграции в общество до того, как заключенные полностью отбудут срок заключения, им будет предоставлена специальная амнистия или условно-досрочное освобождение.

Содержание подготовки к реинтеграции в общество включает: психологическое консультирование, правовая помощь; профориентация и поиск работы; частичное финансирование из Фонда социальной интеграции. Средства для обеспечения осуществления реинтеграции выделяются из государственного бюджета, фондов социальной интеграции и добровольных пожертвований. Государство поощряет организации и отдельных лиц к созданию благоприятных условий для содействия лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы, интегрироваться в общество.

В-восьмых, предусмотрены положения об исполнении приговоров по уголовным делам для коммерческих юридических лиц. Закон 2019 г. отводит данным нормам главу XI (ст. 158–166). В частности, определены органы, уполномоченные исполнять судебные решения; закреплены права и обязанности коммерческого юридического лица, отбывающего наказание; определены пределы ответственности органов государственного управления за коммерческими юридическими лицами; установлены меры привлечения к ответственности при реорганизации коммерческого юридического лица; определен порядок выдача

справок о полном отбытии наказания, справок о полном отбытии иных судебных мер и т. д.

Для эффективного применения Закона Вьетнама «Об исполнении уголовных приговоров» 2019 г., автор считает необходимым реализацию следующих мер:

Во-первых, продолжить рассмотрение и систематизацию правовых актов об исполнении приговоров по уголовным делам исходя из функций, задач и полномочий отдельных органов, а также организовать мониторинг документов по исполнению приговоров по уголовным делам для своевременного изменения, дополнения, действующих норм в целях последовательного исполнения приговоров по уголовным делам;

Во-вторых, усиление информационно-пропагандистской работы; организация учебных курсов по разъяснению норм Закона 2019 г.;

В-третьих, создание, обнародование и совершенствование новых форм реализации полномочий в отношении лиц, отбывших наказание;

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Закон Вьетнама «Об исполнении уголовных приговоров» 2019 г. в целях эффективного применения отдельных норм Конституции Вьетнама 2013 г. о защите прав человека и гражданина, новых редакций Уголовного кодекса, УПК и других соответствующих законов всесторонне пересмотрел старый подход в отношении лиц, отбывающих или отбывших наказание, направлен на защиту их интересов путем гуманизации законодательства.

Список источников

1. Конституция Социалистической Республики Вьетнам 2015 г.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 2003 г.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 2015 г., изменения и дополнения в 2021 г.
4. Закон Вьетнама «Об исполнении уголовных приговоров» 2019 г.

МАНЬ ЛИНЬ НГУЕН,

кандидат юридических наук,

доцент юридического факультета,

Народная полицейская академия Министерства общественной безопасности,

г. Ханой, Социалистическая Республика Вьетнам,

e-mail: linhnguyent32@gmail.com

НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В СООТВЕТСТВИИ С УГОЛОВНЫМ КОДЕКСОМ ВЬЕТНАМА 2015 ГОДА

Аннотация: среди наказаний, предусмотренных Уголовным законом Вьетнама, смертная казнь является наиболее суровым наказанием для правонарушителей. В Уголовный кодекс Вьетнама 2015 года, измененный и дополненный в 2017 году, были внесены изменения, дополнения, новые нормы в целом и о смертной казни в частности. В статье обзорно анализируются новые нормы Уголовного кодекса 2015 года о высшей мере наказания.

Ключевые слова: Вьетнам, правосудие, смертный приговор, пожизненное лишение свободы, замена наказания, смягчение наказания.

Согласно ст. 40 Уголовного кодекса Вьетнама 2015 г. (далее – УК Вьетнама 2015 г.) смертная казнь является особым видом наказания, применяемым только к лицам, совершившим особо тяжкие преступления, относящиеся к одной из групп преступлений, посягающих на государственную безопасность, посягательство на человеческую жизнь, в сфере незаконного оборота наркотиков или коррупции, а также ряд других особо тяжких преступлений, предусмотренные УК Вьетнама.

Смертная казнь не применяется к лицам, не достигшим на момент совершения преступления 18-летнего возраста, беременным женщинам, женщинам, воспитывающим детей в возрасте до 36 месяцев, а также лицам в возрасте 75 лет и старше на момент судебного разбирательства [3].

Вместе с тем УК Вьетнама 2015 г. предусматривает, что лицо, приговоренное к смертной казни за растрату имущества, получение взятки, вернувшее после осуждения не менее трех четвертей присвоенного имущества, взятки, активно сотрудничавшее с органами власти при выявлении, расследовании преступления, заслуживает снисхождения.

В Уголовном законодательстве Вьетнама смертная казнь является специальным и самым строгим наказанием в системе наказаний, лишаящей осужденного права на жизнь, и применяется только к преступникам особо опасного характера для общества [2, 3]. Смертная казнь предусмотрена УК Вьетнама

2015 г. и назначается исключительно судом. Как особое наказание смертная казнь имеет свои особенности, а именно:

Во-первых, смертная казнь является самым строгим видом наказания в уголовно-исполнительной системе, она лишает осужденного права на жизнь, поэтому ее предписывают применять только к лицам, совершившим особо тяжкие преступления.

Во-вторых, смертная казнь имеет целью тщательное предотвращение новых преступлений со стороны осужденного. Это наказание не направлено на реабилитацию или воспитание осужденных, поэтому лишает их возможности реинтегрироваться и реабилитироваться.

В-третьих, смертная казнь является эффективным средством общей профилактики преступности;

В-четвертых, смертная казнь лишает возможности исправления ошибок в судебной деятельности.

По сравнению с положениями о смертной казни в ст. 35 УК Вьетнама 1999 г. ст. 40 УК Вьетнама 2015 г. предусматривает следующие принципиально новые моменты.

Во-первых, сужение сферы применения смертной казни. Положения УК Вьетнама 2015 г. предусматривает смертную казнь за 7 преступлений, а именно: грабеж имущества (ст. 168); Производство и торговля контрафактными товарами, являющимися продуктами питания, пищевыми продуктами и пищевыми добавками (ст. 193); незаконное хранение наркотиков (ст. 249), незаконное присвоение наркотиков (ст. 252); уничтожение сооружений, объектов и средств, важных для национальной безопасности (ст. 303); неповиновение приказам (ст. 394) и капитуляция перед врагом (ст. 399) [3].

Сокращение сферы применения смертной казни УК 2015 г. демонстрирует гуманность социалистического уголовного права в соответствии с положением социально-экономического развития страны Вьетнама, отвечая требованиям предупреждения преступности и борьбы с ней в рамках международной интеграции.

Во-вторых, смертная казнь не применяется и смертная казнь не приводится в исполнение в отношении лиц, достигших возраста 75 лет и старше [3].

Статья 35 УК Вьетнама 1999 г. предусматривает неприменение смертной казни к несовершеннолетним правонарушителям; беременным женщинам, женщинам, воспитывающим детей в возрасте до 36 месяцев. Практика применения этих правил за прошедшее время выявила положительную сторону выражения уголовной политики государства. Однако в процессе разработки УК 2015 г. многие высказывались и соглашались с необходимостью расширения этого регламента в следующем направлении: дополнить норму, не применяющую меры наказания смертной казнью для лиц, достигших 75 лет и старше.

Практика показывает, что таких случаев очень мало. С другой стороны, продолжение применения смертной казни к преступникам в возрасте 75 лет и старше является негуманным и снижает воспитательную значимость. Поэтому, чтобы способствовать глубокому выражению гуманизма и политики смягчения

уголовного законодательства Вьетнама, в УК 2015 г. дополнена новая норма: смертная казнь не может применяться к лицам, достигшим 75 лет и старше (ч. 2, 3 ст. 40).

В-третьих, не приводить в исполнение смертную казнь в некоторых других случаях.

Помимо дополнения положений о неприменении смертной казни и неисполнении смертного приговора в отношении лиц в возрасте 75 лет и старше, УК Вьетнама 2015 г. также дополнен следующими положениями: неисполнение смертного приговора в отношении лиц, приговоренных к смертной казни за растрату имущества, получение взятки, если лицо активно способствует возврату присвоенного имущества, способствует раскрытию, расследованию преступления и заслуживает снисхождения (ч. 3 ст. 40).

Основой этого положения является то, что исправительный фактор и взыскание присвоенного имущества должны учитываться как особое обстоятельство при исполнении приговора. На самом деле работа по возврату коррупционного имущества во Вьетнаме в настоящее время сталкивается с многими трудностями. Это новое регулирование является одновременно гуманным и мягким для государства, а также делает возможным возвращение имущества, снижает нагрузку на вьетнамскую экономику в целом. Однако в целях обеспечения справедливости правонарушители, помимо возврата похищенных активов должны совершать активные действия, направленные на раскрытие и расследование преступления.

В-четвертых, положение о рассмотрении вопроса о замене наказания осужденным к смертной казни на пожизненное лишение свободы

Уголовный кодекс Вьетнама 2015 г. дополнил случаи смягчения назначенного наказания: *«Для лица, приговоренного к смертной казни, имеющего право на смягчение наказания, или лица, приговоренного к смертной казни в случае, указанном в п. в или с ч. 3 ст. 40 настоящего Кодекса, срок отбывания наказания, подлежащего сокращению в первый раз, составляет 25 лет, и, хотя он многократно сокращается, все же требуется обеспечить соблюдение фактического срока отбывания наказания»* (ч. 6 ст. 63).

Фактическое исполнение приговоров по уголовным делам в отношении приговоренных к смертной казни, которым заменяется наказание на пожизненное лишение свободы создает бремя для государства, когда оно должно обеспечить условия исполнения приговоров к пожизненному заключению для этих лиц в тюрьмах. С другой стороны, пожизненное лишение свободы будет мотивировать осужденных к стремлению попытаться стать полезными людьми, в отличие от смертной казни, порождающей мысли о самоубийстве или бегстве и т. д.

В связи с этим УК Вьетнама 2015 г. дополнил положения, позволяющие лицам, приговоренным к смертной казни, получить сокращение срока. Однако условия рассмотрения смягчения наказания у этих лиц более строгие, чем у других осужденных, а именно: срок отбывания наказания, подлежащий рассмотрению при первом сокращении, составляет 25 лет.

В-пятых, применение смертной казни.

В прошлом во Вьетнаме смертная казнь приводилась в исполнение через расстрел. Практика приведения в исполнение смертной казни через расстрел имеет множество ограничений, таких как: стоимость исполнения достаточно высока. При исполнении приговора необходимо организовать исполнительный совет с большим количеством участников, которые в дальнейшем приобретают психологические травмы. Кроме того, исполнение смертной казни крайне негативно отражается и на родственниках осужденных.

В настоящее время во Вьетнаме применяется исполнение смертных приговоров к заключенным с помощью смертельной инъекции в соответствии с положениями Указа № 47/2013/ND-CP (изменяющий и дополняющий Указ 82/2011).

Список источников

1. Конституция Социалистической Республики Вьетнам 2015 г.
2. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 1999 г.
3. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 2015 г., изменения и дополнения в 2017 г.
4. Уголовно-исполнительного закона Социалистической Республики Вьетнам 2019 г.

ФЫОНГ ТХАО НГУЕН,

аспирант международного факультета,
Юридический институт Государственного университета Вьетнама,
г. Ханой, Социалистическая Республика Вьетнам,
e-mail: nguyenthaohvcs@gmail.com

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ
В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ, В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ВЬЕТНАМА**

Аннотация: в настоящей статье рассмотрены некоторые проблемы, связанные с преступлениями в сфере торговли людьми во Вьетнаме. Автор обращает внимание на сложность доказывания преступлений в виде торговли людьми, указывая на непоследовательное применение закона. Так, сложившаяся практика расследования, преследования и вынесения приговоров по преступлениям, связанным с торговлей людьми, сочетается с иными преступлениями, в том числе организацией занятия проституцией, незаконной миграцией.

Ключевые слова: Вьетнам, торговля людьми, торговля несовершеннолетними, Палермский протокол, организация занятия проституцией, незаконная миграция.

Торговля людьми во Вьетнаме является тщательно скрываемым преступлением, поскольку совершаются в таких районах, как сельские, горные, иные отдаленные приграничные районы, районы проживания этнических меньшинств. Данные преступления сопряжены с такими действиями, как усыновление детей, заключение браков с иностранными гражданами, суррогатное материнство, донорство человеческих органов, экспорт рабочей силы, миграция (легальная или нелегальная) за границу в поисках наемной рабочей силы, туризм и т. д.

Выделяют две формы торговли людьми во Вьетнаме: торговля людьми внутри страны и торговля людьми за границу (на которую приходится более 85 % случаев). Через сухопутные границы с Китаем приходится более 75 % преступлений, в Лаос и Камбоджу – около 11 %, остальное – это торговля людьми в некоторые другие страны, такие как Таиланд, Малайзия и Россия, совершаемые в том числе посредством воздушного и водного транспорта.

Уголовным кодексом (далее – УК) Вьетнама 2015 г. закреплены основные составы, регулирующие данные преступления: ст. 150 (торговля людьми) и ст. 151 (торговля людьми, не достигшими возраста 16 лет) [3]. Основным состав преступления торговли людьми вьетнамские законодатели связывают с применением силы, угрозой применения силы, обманом или иными действиями для

совершения одного из преступлений. Выделяют группы деяний, образующих объективную сторону данных преступлений:

Первая группа – это деяния по передаче или приему лица в целях получения вознаграждения в виде денег, имущества или иных материальных благ. Это обычный акт купли-продажи, который регулируется уголовным законодательством Вьетнама в УК 1985 и 1999 гг.

Вторая группа – это передача или прием людей в целях сексуальной эксплуатации, принудительного труда, изъятия частей тела жертв или для других целей. Согласно Закону Вьетнама «О предотвращении и борьбе с торговлей людьми» 2011 г., под сексуальной эксплуатацией понимается принуждение других людей к продаже сексуальных услуг, к использованию в качестве объектов для производства эротических публикаций, к исполнению эротических представлений или в качестве сексуальных рабов. Под принудительным трудом понимается применение силы, угрозы применения силы или другие способы в целях заставить других работать против их воли.

Третья группа – вербовка, перевозка, укрывательство других лиц для совершения деяний, предусмотренных первой и второй группой [4].

Верховный народный суд Вьетнама и ряд связанных с ним ведомств издали множество документов, касающихся преступлений, связанных с торговлей людьми, как с точки зрения материального, так и формального права. В частности, нормой материального права является Постановление № 02/2019/NQ-HDTP от 11 января 2019 г. Совета судей Народного суда. В указанном постановлении даны конкретные указания по ряду обстоятельств, определяющих размер наказания, предусмотренного ст. 150 и 151 УК Вьетнама 2015 г. Постановлением также регламентируется привлечение к уголовной ответственности в ряде конкретных случаев, таких как случай использования обмана в виде брачного посредника, случай использования обмана при отправке людей на работу за границу, случаи, когда преступники используют посредников для усыновления и другие деяния.

Для получения рекомендаций по реализации указанных норм существует Циркуляр № 01/2016/ТТ-СА от 21 января 2016 г., регулирующий вопросы деятельности специализированных судов при народных судах, включая суды по семейным делам и суды по делам несовершеннолетних; Циркуляр № 01/2017/ТТ-TANDTC от 28 июля 2017 г., регулирующий порядок деятельности суда, включая положения о модели зала суда и рассмотрении дел, подведомственных Суду по семейным делам.

Циркуляр № 02/2018/ТТ-TANDTC от 21 сентября 2018 г. подробно регламентирует рассмотрение уголовных дел с участием участников процесса, не достигших 18-летнего возраста, находящихся под юрисдикцией Суда по семейным делам и несовершеннолетних. Годовой отчет и Совместный циркуляр № 06/2018/ТТLT-VKSNDTC-TANDTC-BCA-BTP-BLDTBXH от 21 декабря 2018 г. регламентирует координацию реализации ряда положений Уголовно-процессуального кодекса о процессуальном производстве в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста.

Проблемы и рекомендации:

Изучение положений международных стандартов, действующих положений УК Вьетнама 2015 г. о преступлениях, связанных с торговлей людьми, торговлей лиц, не достигших возраста 16 лет, недостатках и ограничениях этих норм, а также требований по дополнению положений Уголовного кодекса о торговле людьми и торговле детьми с учетом реалий борьбы с данным видом преступлений в прошлом является обязательным условием разработки рекомендаций по совершенствованию законодательства [3].

Во-первых, с точки зрения поведения: вьетнамская концепция торговли людьми и детей включает в себя только два типа поведения: купля-продажа, то есть передача людей и детей от одного человека (или группы людей) другому человеку (или другому группой людей) в обмен на деньги, имущество или иную материальную выгоду. Таким образом, согласно современному пониманию торговли людьми и торговли детьми, не включает акты вербовки, перевозки, укрывательства и принятия людей, которые представляют собой другие действия, помимо торговли людьми, которые предусмотрены концепцией Палермского протокола.

Несмотря на то что эти действия не считаются торговлей людьми, действия по вербовке, транспортировке, укрывательству и принятию людей будут в каждом конкретном случае наказываться в соответствии с положениями соответствующих законов или рассматриваться как акты соучастия.

Во-вторых, о цели (факторе эксплуатации). Одним из важных признаков, отличающих торговлю людьми от других преступлений, является элемент «эксплуатации» жертвы. Согласно Палермскому протоколу цель «эксплуатации» является одним из обязательных элементов, составляющих торговлю людьми. Это также является одним из основных признаков, позволяющих отличить «торговля людьми» от преступления «контрабанда людей через границу» и отличить его от других преступлений. Например, тот же самый акт пересылки людей через границу с целью получения прибыли будет считаться преступлением «торговля людьми» при наличии признаков того, что он совершается с целью эксплуатации жертвы, и будет считаться преступлением только незаконной отправки людей через границу, если цель торговли не достигнута.

Между тем уголовное законодательство Вьетнама не предусматривает, что цель «эксплуатации» является обязательным признаком данного преступления, преступление возможно считать оконченным с момента вынесения требования о передачи людей и детей в обмен на деньги или активы. Это может привести к определенным различиям при определении преступлений в виде торговли людьми по вьетнамскому законодательству и международному праву в некоторых конкретных случаях. Так, во многих случаях продавцу не обязательно знать, для чего покупатель использует жертву, а достаточно взять определенную сумму денег. Согласно положениям уголовного законодательства Вьетнама простая покупка или продажа людей или детей за деньги, имущество или иные материальные блага представляет собой преступление без

каких-либо обязательных признаков «путем эксплуатации и с целью эксплуатации», как это определено в Палермском протоколе.

В-третьих, о возрасте «детей». Понятие «дети» во вьетнамском законодательстве несовместимо с Палермским протоколом и рядом других международно-правовых документов. Вьетнамское законодательство определяет ребенка как лицо в возрасте до 16 лет, а Палермский протокол определяет ребенка как лицо в возрасте до 18 лет. Согласно действующим положениям УК Вьетнама 2015 г., если жертвой торговли людьми является лицо в возрасте до 16 лет, это деяние представляет собой преступление торговли людьми в возрасте до 16 лет в соответствии с положениями ст. 151 УК Вьетнама 2015 г. В случае, если предметом преступления является несовершеннолетний от полных 16 лет до 18 лет, ставший жертвой торговли людьми, для привлечения к ответственности применяются общие положения о торговле людьми, содержащиеся в ст. 150 УК Вьетнама 2015 г. Таким образом, в сравнении с международно-правовыми нормами все еще существуют некоторые различия [1]. Если жертвой является иностранец, это легко может привести к конфликту между вьетнамским законодательством и международным правом, что снизит эффективность международного сотрудничества в сфере предотвращения и контроля торговли людьми между двумя странами.

В-четвертых, преступления в виде торговли людьми и торговли людьми в возрасте до 16 лет предусматривает в виде последствий психическое расстройство в поведении жертвы, что является новым в настоящее время отягчающим обстоятельством. Вместе с тем, перечень психических расстройств, которые возможно учитывать в качестве отягчающих обстоятельств, в настоящее время отсутствует.

В-пятых, уголовное законодательство Вьетнама в настоящее время не предусматривает случаев торговли плодами ребенка, поскольку плод фактически не является ребенком и еще не родился. Однако на практике сегодня торговля плодами имеет место во многих населенных пунктах, является опасным для общества деянием и нарушает этику, обычаи и традиции. В этой связи представляется необходимым дополнить уголовное законодательство преступлениями о торговле плодами.

В-шестых, сложность доказывания преступлений в виде торговли людьми приводит к непоследовательному применению закона. Так, сложившаяся практика расследования, преследования и вынесения приговоров по преступлениям, связанным с торговлей людьми, сочетается с организацией проституцией (ст. 327). Имеются случаи, когда жертва добровольно становится секс-работницей, с другой стороны имеются случаи, когда жертву ловят и принуждают заниматься проституцией. В ходе судебных разбирательств зачастую сложно доказать торговлю людьми, поэтому лиц привлекают к ответственности за занятие проституцией. При иных обстоятельствах, при невозможности доказать факт торговли людьми следует устанавливать факты иной противоправной деятельности, например, незаконной миграции, предусмотренной статьями 348 и 349 УК Вьетнама.

Список источников

1. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, 2000 г.
2. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 1999 г.
3. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 2015 г., изменения и дополнения в 2017 г.
4. Закон Вьетнама «О предотвращении и борьбе с торговлей людьми» 2011 г.

ЧОНГ ЛУАН НГУЕН,

аспирант Института государства и права,
Национальная политическая академия имени Хо Ши Мина,
г. Ханой, Социалистическая Республика Вьетнам,
e-mail: nguyentrongluan1905@gmail.com

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПОКУПКИ, ПРОДАЖИ, ПРИСВОЕНИЯ
ТКАНЕЙ ИЛИ ОРГАНОВ ЧЕЛОВЕКА
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВЬЕТНАМА**

Аннотация: в настоящей статье представлен анализ преступлений в сфере незаконного оборота тканей и органов человека. Автор на основе анализа законодательства и практики применения высказывает предложения по совершенствованию законодательства, в частности, объектом воздействия преступления, указанного в статье 154 УК Вьетнама, являются ткани и человеческий плод, следует криминализовать посредничество в деятельности по обороту тканей и органов человека, следует усилить ответственность лиц, совершающих преступления в указанной сфере, поскольку штраф в размере 10 млн донгов слишком мал по сравнению с другими преступлениями из группы, посягающих на жизнь и здоровье человека.

Ключевые слова: Вьетнам, преступная покупка, продажа тканей и органов человека, наказания, штраф, посредничество, ответственность.

Закон «О донорстве, сборе и трансплантации тканей и органов человека, донорстве и сборе трупов» принят Национальным собранием Вьетнама 29 ноября 2006 г. и вступил в силу с 1 июля 2007 г.

29 апреля 2008 г. Правительством Вьетнама также принято Постановление № 56/2008/ND-CP, регулирующее организацию и функционирование банков тканей и Национального координационного центра по трансплантации человеческих органов.

Преступления, касающиеся купли-продажи, присвоения тканей или органов человека отнесены к главе преступлений, связанных с посягательством на жизнь, здоровье, честь и достоинство человека, других людей – ст. 154 УК Вьетнама[3].

Согласно предписаниям ч. 1 ст. 3 Закона о донорстве, извлечении и трансплантации тканей и органов человека, а также о донорстве и сборе тела в 2006 г.: «Ткань – совокупность клеток одного или разных типов, выполняющих определенные функции организма человека» может включать роговицу, кожу, кости, кровеносные сосуды, сердечные клапан и др. Человеческий орган – это часть тела, которая образована из множества различных типов тканей для вы-

полнения определенных физиологических функций, такие как руки, ноги, голова, сердце, печень, почки и т. д.

Совершение преступления в виде торговли и присвоения человеческих тканей или органов включает в себя два основных действия: торговлю и присвоение или и торговлю, и присвоение человеческих тканей или органов.

Правонарушители, непосредственно воздействующие на тело жертвы с целью присвоения тканей или органов человека, привлекаются к уголовной ответственности за присвоение тканей или органов человека. Если воздействие происходит не прямое, а, например, производится торговля тканью или частью тела, лица привлекаются к ответственности за преступление, связанное с торговлей человеческими тканями или органами [3]. Купля-продажа собственных тканей или частей тела не является преступлением, предусмотренным ст. 154 Уголовного кодекса.

Преступники намеренно торгуют и присваивают человеческие ткани или органы, то есть совершают преступление с прямым умыслом. Правонарушители предвидят, что их действия будут опасны для общества, но все равно совершают их намеренно, зная о последствиях и ожидая, что последствия наступят. Как и другие преступления, субъектом этого преступления является лицо, обладающее уголовной дееспособностью, в возрасте 16 лет и старше.

Уголовный кодекс Вьетнама 2015 г. создал прочную основу для борьбы с этим видом преступлений, а также эффективно способствует предотвращению и борьбе с преступностью. Однако в ходе исследования преступлений, связанных с торговлей, присвоением тканей или органов человека, мы обнаружили, что существует ряд следующих недостатков:

Во-первых, следует ли рассматривать ткани как объект ст. 154 УК Вьетнама 2015 г.?

Если человеческие органы могут быть относительно распространенным объектом торговли, что часто встречается на практике, то торговля тканями и их присвоение кажутся нереалистичными. Так как покупка, продажа и обмен тканей, по-видимому, не оказывают никакого влияния на здоровье, поскольку ткань – это совокупность клеток, а клетки – это объект, который можно регенерировать, а не терять навсегда. В настоящее время салоны красоты используют косметические технологии для отсасывания жировой ткани, разрезания эпидермальной ткани (живота), чтобы подтянуть живот. Аутологичная трансплантация жира для заполнения подбородка, ягодиц, уменьшения скул... Все эти действия используют (возможно, обменивают, присваивают) ткани чужих тел, но это не считается незаконной деятельностью, поскольку приносит пользу для пациентов.

Случаи использования крови, плазмы при донорстве не причиняет вреда здоровью человека и фактически не считается правонарушением.

Во-вторых, неопределенность действий при посредничестве в купле-продаже частей человеческого тела.

В настоящее время практика покупки и продажи частей человеческого тела носит повсеместный характер из-за наличия посредников между покупателями

и продавцами. Такое посредническое поведение очень опасно, поскольку этих людей волнует только размер прибыли, а не состояние здоровья продавца органов или качество операции. Не говоря уже об ухудшении здоровья после операции.

В настоящее время существует два подхода в оценке деятельности лиц, причастных к данным преступлениям. Первый подход заключается в том, что брокер, который покупает и продает человеческие органы, будет привлечен к ответственности за торговлю, присвоение человеческих тканей или органов в роли соучастника покупателя и продавца. Другая точка зрения заключается в том, что посредников, которые покупают и продают человеческие органы, следует рассматривать как субъектов отдельного преступления, которое можно считать преступлением, заключающимся в посредничестве в продаже и присвоении человеческих тканей или органов. Посреднический акт имеет тот же характер и уровень опасности, что и акт купли-продажи, присвоения человеческих тканей и органов.

В-третьих, неопределенность санкций, применяемых к преступным деяниям. Минимальный штраф в размере 10 000 000 донгов не показывает строгости закона, поскольку это группа преступлений связана с посягательством на здоровье и жизнь человека. Кроме того, части человеческих тел продаются на сумму до десятков тысяч долларов США, что приносит преступникам огромные незаконные доходы. Эта сумма прибыли намного превышает штраф, указанный выше.

Вместе с тем автор считает, что необходимо отличить и определить уголовную ответственность за преступление в виде торговли, присвоения человеческих тканей или органов от некоторых смежных преступлений, таких как: убийство (ст. 123), торговля людьми (ст. 150), торговля людьми в возрасте до 16 лет (ст. 151), умышленное причинение телесных повреждений или вреда здоровью других лиц (ст. 134):

1) если преступник совершает убийство с целью получения человеческих тканей или органов для каких-либо целей, во всяком случае, он должен быть нести уголовную ответственность за убийство при обстоятельствах, которые определяют отягчающую уголовную ответственность в соответствии с положениями п. h ч. 1 ст. 123 УК Вьетнама – за убийство;

2) в случае, если преступник забрал часть тела, от которой зависит жизнь потерпевшего (например, сердце, полость печени...), что привело к смерти потерпевшего, он подлежит уголовной ответственности за преступление в виде убийства в соответствии с положениями п. h ч. 1 ст. 123 УК Вьетнама;

3) в случае торговли людьми или торговли людьми в возрасте до 16 лет с целью получения частей тела жертвы они подлежат уголовную ответственность за преступление в виде торговли людьми или торговли людьми, не достигшими 16 лет, а дополнительными обстоятельствами, отягчающими уголовную ответственность, является изъятие частей тела потерпевшего;

4) в случае покупки, продажи, присвоения тканей или органов человека, причинивших вред или вред здоровью других людей либо повлекших смерть,

они не подлежат привлечению к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 134 УК Вьетнама, а следует привлекать к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 154 УК Вьетнама при наличии обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность, предусмотренную п. «д» ч. 2 или п. «г» ч. 3 ст. 154 УК Вьетнама.

Для того чтобы продолжать совершенствовать законодательство, мы считаем, что необходимо решить еще несколько вопросов, а именно:

Во-первых, нет необходимости указывать, что объектом воздействия преступления, указанного в ст. 154 УК Вьетнама, является ткани; при этом следует дополнить, что объектом воздействия является человеческий плод.

Во-вторых, дополняя посредничество в преступлении, указанное в ст. 154 УК Вьетнама, следует выделить роли посредников и продавцов. Данное регулирование преступного поведения в УК Вьетнама является утверждением, определяющим центральную роль и положение опасных для общества деяний, с которыми необходимо бороться.

В-третьих, мы согласны с мнением, что санкции, применяемые к субъектам преступлений, не соответствуют характеру и степени общественной опасности. Минимальный дополнительный штраф в размере 10 млн донгов слишком мал по сравнению с другими преступлениями из группы, посягающих на жизнь и здоровье человека.

На этом основании мы считаем, что ст. 154 следует изложить следующим образом: «Статья 154. Посредничество, сбыт, присвоение органов человека или его плода:

1. Лица, которые выступают в качестве посредников, покупают, продают или присваивают органы других людей или их плоды, наказываются лишением свободы на срок от 3 до 7 лет.

2. Нарушители также могут быть подвергнуты штрафу в размере от 50 000 000 до 500 000 000 донгов, а также запрету занимать определенные должности, заниматься определенной деятельностью на срок от одного до пяти лет».

Список источников

1. Конституция Социалистической Республики Вьетнам 2015 г.
2. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 1999 г.
3. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 2015 г., изменения и дополнения в 2017 г.

ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ НИКОЛЮК,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
главный научный сотрудник НИЦ-5,
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России,
г. Москва, Россия,
e-mail: nvv56@mail.ru

**ОСНОВАНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
(УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

Аннотация: в статье рассматривается уголовно-процессуальный аспект межотраслевого понятия «основания исполнения наказаний», показывается его соотношение с основаниями применения иных мер уголовно-правового характера. Особо обращается внимание на такое основание исполнения наказаний, которое не названо в ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ), как постановление о замене назначенного наказания. Подчеркивается, что судебное решение, в котором в ходе исполнения приговора разрешаются вопросы о замене ранее назначенного приговором суда наказания другим его видом, именовать промежуточными некорректно.

Ключевые слова: основание исполнение наказания, меры уголовно-правового характера, судебное решение, приговор суда, наказание.

В многочисленных уголовно-правовых исследованиях центральное место занимают теоретические и прикладные проблемы уголовных наказаний: их система, виды, содержание, обстоятельства, учитываемые при назначении наказания, особенности исполнения отдельных видов наказаний. «Уголовное наказание рассматривается в юридической литературе как квинтэссенция уголовного права и уголовной политики, в связи с чем любая уголовно-правовая реформа», – считают М. Бабаев и Ю. Пудовочкин, – «должна начинаться с обсуждения вопросов, составляющих предметную область учения об уголовном наказании и наказуемости» [1].

«Теория уголовного наказания или пенология как отрасль юридического знания», отмечает В. А. Уткин, находится на стыке многих юридических наук, в число которых входит и уголовно-процессуальное право [2]. Автору настоящей статьи представляется интересным рассмотреть категорию «основания исполнения наказаний» также и с позиций указанной отрасли права и законодательства, в рамках которой и формируются в виде соответствующих судебных решений основания исполнения наказаний.

В ч. 1 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Понятие и цели наказания» наказание определяется как мера государствен-

ного принуждения, назначаемая по приговору суда. При этом подчеркивается, что наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления.

В ст. 7 УИК РФ в оборот введен термин «основание исполнения наказаний», который понимается как приговор либо изменяющее его определение или постановление суда, вступившие в законную силу.

В п. 28 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) дано понятие приговора как решения о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции.

Воспринимая приведенные нормы в системном единстве, можно сделать два важных вывода: а) юридическим основанием исполнения наказаний являются вступивший в законную силу приговор суда первой или апелляционной инстанции, постановления или определения апелляционного, или кассационного суда, которыми вносятся изменения в приговор; б) основания исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера не идентичны.

Уголовный закон учитывает различные варианты посткриминального поведения осужденного и предусматривает замену наказания в случае злостного уклонения от его отбывания. По данным авторитетных специалистов в области уголовного права «в период 2017–2020 гг. удельный вес осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества и допускающим замену их в процессе исполнения более строгим видом (ст. 46, 49, 50, 53, 53.1 УК РФ), составлял около 40 %. Однако при этом в отношении каждого четвертого из них был поставлен вопрос о замене наказания более строгим видом, в качестве которого в подавляющем числе случаев выступало наказание в виде лишения свободы» [3].

Процессуальная форма замены предусмотренного обвинительным приговором наказания на более строгий его вид упрощена и не предполагает вынесение дополнительного приговора. Скрывшийся в целях уклонения от отбывания наказания осужденный задерживается и заключается под стражу до рассмотрения судом вопроса о замене наказания. Найдя приведенные в судебном заседании доводы учреждения или органа, исполняющих наказания, обоснованными, суд заменяет наказание, о чем выносит постановление.

Таким образом, «новое наказание» применяется уже не на основании вступившего в законную силу обвинительного приговора, который не изменяется и не отменяется, а на основании судебного постановления, вынесенного по правилам ст. 399 УПК РФ, поэтому с позиций уголовного процесса недостаточно выверенным выглядит включенное в ст. 7 УИК РФ базового понятия для всего Кодекса «Основания исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера», сформулированное как приговор либо изменяющее его определение или постановление суда, вступившие в законную силу. Оно не охватывает постановления или определения суда о замене осужденному назначенного наказания более строгим его видом в связи с злостным уклонением от его отбывания.

Представляется необходимым уточнить основания исполнения наказаний в случаях принятия судом решения об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда (ч. 3 ст. 74 УК РФ, ч. 4 ст. 190 УИК РФ, п. 7 ст. 397 УПК РФ). Обозначенная ситуация характеризуется тем, что применение к условно осужденному наказания, указанного в приговоре, предваряет принятие судом названного выше решения, облачаемого в форму постановления. Принципиальное отличие ее от случаев назначения наказаний, не связанных с изоляцией от общества и допускающих замену их в процессе исполнения более строгим видом наказания (ст. 46, 49, 50, 53, 53.1 УК РФ), заключается в следующем.

При отмене условного осуждения не требуется принятия судом специального решения о новом наказании для условно осужденного: исполнению подлежит наказание, предусмотренное приговором. Соответственно в качестве основания исполнения наказания при отмене условного осуждения служит приговор.

Злостное уклонение осужденного от отбывания наказания обуславливает необходимость замены его другим более строгим наказанием. Не исключены многократные замены наказания в ходе исполнения приговора, «по восходящей траектории», от менее строгого к более строгому наказанию. Например, штраф заменяется обязательными работами, а последние затем трансформируются в лишение свободы. Следовательно, основанием для исполнения наказаний выступает каждый раз новое судебное решение о замене наказания.

Обращаясь к нормам о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ), можно убедиться, что применение к осужденному более мягкого наказания происходит на основании самостоятельного судебного решения, не указанного в ст. 7 УИК РФ. Такой судебный акт предусмотрен п. 4 ст. 397, ст. 399 УПК РФ.

Анализ конструктивных особенностей института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания также «выводит» на проблему точного выражения в законе оснований исполнения наказания. При установлении допущенных осужденным нарушений, перечисленных в п. «а» ч. 7 ст. 79 УК РФ, условно-досрочное освобождение отменяется, а оставшаяся не отбытая часть наказания подлежит отбытию осужденным. Основанием исполнения наказания в рассматриваемом случае признается судебное постановление, вынесенное в соответствии с п. 4.1 ст. 397 УПК РФ.

Осуществленный анализ норм УК РФ, УИК РФ и УПК РФ, регламентирующих разные стороны феномена уголовного наказания, «высвечивает» сразу несколько аспектов доктринального, законотворческого и прикладного характера в связи с формулированием в законе оснований исполнения наказаний. Он показывает: оставаясь в отраслевых границах уголовного или уголовно-исполнительного права, не обращаясь к уголовно-процессуальной составляющей уголовного наказания, мы рискуем придать ему статичное положение. Между тем используемые в УК РФ и УИК РФ термины, относящиеся к понятию, целям и содержанию уголовного наказания, основаниям исполнения наказаний, имплицитно присущи таким комплексным межотраслевым институтам

как замена назначенного наказания другим его видом, условное осуждение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания. Каждый из названных комплексных правовых институтов в большей или меньшей степени реализуется в уголовно-процессуальной форме, установленной УПК РФ (ст. 396, 399 УПК РФ).

Процедура замены назначенного наказания более строгим или мягким его видом, детерминированная негативным либо позитивным посткриминальным поведением осужденного, обеспечивает процессуальное оформление новых оснований исполнения наказаний в универсальном судебном акте – постановлении о замене наказания, назначенного приговором. С учетом сказанного перед исследователями стоит задача привести в соответствие основания исполнения наказаний, назначенных по приговору суда в результате разбирательства уголовного дела, и оснований исполнения наказаний, назначенных по постановлению судьи в ходе уголовно-исполнительного судопроизводства (при замене осужденному наказания, назначенного приговором суда, законодатель предпочитает не использовать термин «назначение наказания». Исключением из этого правила является ч. 5 ст. 46 УК РФ, где говорится о «назначенном» вместо штрафа наказания. – *Прим. авт.*)

Предложенная выше дифференциация оснований исполнения наказаний наглядно показывает неординарность подхода законодателя к выбору процессуальной формы судебных актов, которыми назначается наказание. Как мы убедились, в условиях действующего правового регулирования такими судебными актами являются судебный приговор и судебное постановление о замене ранее назначенного наказания. С учетом введенных в УПК РФ понятий итогового (п. 53.1 ст. 5 УПК РФ) и промежуточного (п. 53.2 ст. 5 УПК) судебного решения приходится констатировать: судебное постановление о применении нового наказания в порядке замены ранее назначенного приговором в случаях, предусмотренных ст. 46, 49, 50, 53, 53.1 УК РФ, относится к числу промежуточных судебных решений в уголовном процессе. Однако по своему назначению и юридической значимости, если принимать во внимание характер основного вопроса, разрешаемого судом в постановлении о замене наказания (вопрос о выборе для осужденного нового наказания), данный вид судебного решения по своей правовой природе ближе к итоговым, чем промежуточным судебным решениям.

В соответствии с п. 5 и 7 ст. 299 УПК РФ в приговоре должны быть обязательно разрешены вопросы о том, подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное преступление, и какое наказание должно быть назначено подсудимому. Разрешение этих вопросов вне приговора – юридический нонсенс. Однако именно так и происходит в рамках института замены, назначенного приговором суда наказания другим его видом при возникновении препятствий для его исполнения (осужденный злостно уклоняется от отбывания наказания) либо при соблюдении осужденным в течение всего периода отбывания наказания требований, определяющих порядок и условия отбывания наказания.

При сохранении в УПК классификации судебных решений на итоговые и промежуточные представляется целесообразным уточнить несколько важных

законоположений, регулирующих порядок замены наказаний другими видами в процессе их исполнения, закрепляющих основания исполнения наказаний.

Первый шаг, который необходимо сделать для правильного изложения в УИК оснований исполнения наказаний, состоит в отнесении к ним наряду с приговором либо изменяющим его определением или постановлением суда, вступивших в законную силу, постановления о замене назначенного уголовного наказания другим уголовным наказанием. Подобное предложение было высказано нами в 1998 г. [5] и дополнительно аргументировалось в более поздних публикациях [6]. Аналогичного мнения придерживаются разработчики теоретической модели Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, представленной научному сообществу в 2016 г. В интересующем нас аспекте подход авторов Теоретической модели к определению оснований исполнения наказаний отличается тем, что в качестве самостоятельного основания исполнения наказаний в ст. 7 Теоретической модели выделено постановление суда о замене назначенного уголовного наказания другим уголовным наказанием по основаниям, предусмотренным уголовным или уголовно-исполнительным законодательством [7].

Что касается постановления суда о замене назначенного уголовного наказания другим уголовным наказанием как самостоятельного основания исполнения наказаний, то требует уточнения положение «по основаниям, предусмотренным уголовным или уголовно-исполнительным законодательством», фигурирующее в ч. 1 ст. 7 теоретической модели.

Формулировать основания замены назначенного приговором суда уголовного наказания другим уголовным наказанием – функция уголовного закона. В п. 2 и 2.1 ст. 397 УПК РФ, где перечислены случаи замены наказания осужденному, злостно уклоняющемуся от его отбывания, имеются только отсылки к ст. 46, 49, 50, 53, 53.1 УК РФ, предусматривающих основания замены наказания. Поэтому в предложении «предусмотренным уголовным или уголовно-исполнительным законодательством» слова «или уголовно-исполнительным законодательством» излишни, их надо исключить.

В то же время, учитывая уголовно-процессуальную форму принятия решений о замене назначенного наказания другим его видом, анализируемое положение следует изложить так: «предусмотренным уголовным законодательством и в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством».

Итак, проблема корректного формулирования в законе оснований исполнения наказаний имеет межотраслевую природу, находится на стыке уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права. Без совместного приложения усилий представителей указанных отраслей права и науки, что и наблюдается в настоящее время, трудно достичь четкого понимания, казалось бы, очевидной юридической ситуации: какие судебные акты придают легитимность исполнению наказаний.

Полагаю, уместным скорректировать подход к пониманию промежуточных судебных решений в уголовном процессе. Представляется, что судебное решение, в котором в ходе исполнения приговора разрешаются вопросы о за-

мене ранее назначенного приговором суда наказания другим его видом, то есть по сути назначается новое наказание, именовать промежуточным (читай – второстепенным) – значит исказить назначение уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Уголовное наказание: проблемы теоретического понимания и уголовно-политическое значение // Уголовное право. 2017. № 4. С. 13.

2. Уткин В. А. Проблемы теории уголовных наказаний. М., 2018.

3. Звечаровский И. Э. О целях уголовного наказания и их достижении // Уголовное право. 2022. № 6. С. 52.

4. Николук В. В. Взаимосвязь и взаимозависимость Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью в правоприменительной практике : межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 1998. С. 25–29.

5. Николук В. В. Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Российской Федерации: точки соприкосновения и проблемы согласования // Уголовное право. 2016. № 3. С. 116–122.

6. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: результаты теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2016.

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ ОВСЯННИКОВ,
доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского отдела научного центра,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия,
e-mail: ivover@mail.ru

О РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОРЯДКА ПРИЕМА, РЕГИСТРАЦИИ И ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация: в статье анализируются достоинства и недостатки ведомственного порядка приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и происшествиях, действующего в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы. Обосновывается, что предусмотренное этим порядком деление принимаемой информации на две группы – о преступлениях и о происшествиях – уже на этапе регистрации является проблематичным, преждевременным и может влечь негативные последствия. Формулируется предложение по совершенствованию уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: пенитенциарное преступление, исправительное учреждение, сообщение о преступлении, информация о происшествии, прием, регистрация, меры неотложного реагирования, принцип разумного срока.

Начальные этапы досудебного производства по пенитенциарным преступлениям характеризуются рядом особенностей: проблематичность для должностных лиц органов предварительного расследования оперативно прибыть на место происшествия; задача предупреждения совершения новых преступлений лицами, содержащимися в обеспечивающих изоляцию от общества учреждениях, возлагается на сотрудников этих учреждений; именно сотрудники указанных учреждений приближены к месту, времени, субъекту противоправной деятельности, а потому способны принимать меры неотложного реагирования, в том числе меры для сохранения следов преступления, для предотвращения возможного воздействия заинтересованных лиц на пострадавших и очевидцев произошедшего. Поэтому на начальных этапах досудебного производства по делам о пенитенциарных преступлениях ведущую роль могут и должны исполнять сотрудники исправительных учреждений и следственных изоляторов [1, с. 26–27, 234–235].

В учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) действует ведомственная Инструкция о приеме, регистрации и проверке сообщений о преступлениях и происшествиях, утвержденная приказом Минюста России от 11 июля 2006 г. № 250 (ред. от 15 августа 2016 г.) «Об утвержде-

нии Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах Уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях» (далее – Инструкция). Согласно пункту 1 Инструкции она определяет единый для учреждений и органов УИС порядок приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и происшествиях.

К достоинствам порядка, установленного Инструкцией, следует отнести следующие требования, адресованные дежурным по учреждениям и органам УИС:

– принимать сообщения о преступлениях и происшествиях в учреждениях и органах УИС круглосуточно (п. 2);

– регистрировать информацию о преступлениях и происшествиях в дежурных частях учреждений и органов УИС незамедлительно (п. 12, 14);

– принимать меры к немедленной проверке поступившего сообщения о совершенном или готовящемся преступлении (меры неотложного реагирования), в том числе направленные на предотвращение и пресечение преступления, обеспечение сохранности его следов на месте происшествия и др. (п. 26).

Почему эти требования важны? Во-первых, такие требования соответствуют принципу разумного срока уголовного судопроизводства, закрепленному в ст. 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Во-вторых, важность недопущения промедления при приеме и регистрации сообщений о преступлениях, при принятии мер по предотвращению и пресечению этих преступлений, по обеспечению сохранности следов, других мер неотложного реагирования, обусловлена и тем, что даже небольшое промедление в этот период может резко снижать результативность принимаемых мер и существенно затруднять последующее предварительное расследование, препятствовать раскрытию преступления.

Недопущение промедления тем более важно на территориях исправительных учреждений, где на ограниченной площади высока концентрация лиц, имеющих опыт криминальной деятельности, а зачастую и опыт противодействия расследованию. В специальной литературе отмечается системность характера противодействия расследованию пенитенциарных преступлений в органах и учреждениях УИС, что не только препятствует нормальному ходу расследования, но и создает угрозу для его участников и других лиц, а также стабильному функционированию исправительного учреждения [6, с. 16]. Промедление на данном этапе вызывает и коррупционные риски.

Однако Инструкция предусматривает ведение двух учетно-регистрационных документов: в пункте 13 предписано сообщения о преступлениях регистрировать в Книге регистрации сообщений о преступлениях (далее – РСП), а информацию о происшествиях – в Журнале регистрации информации о происшествиях (далее – ЖРИП). Это означает, что деление принимаемой информации на две группы – о преступлениях и о происшествиях – должно происходить уже на этапе регистрации этой информации.

Возникает вопрос: почему на этапе регистрации необходимо деление принимаемой информации на две группы и ведение не одного, а двух учетно-регистрационных документов – РСП и ЖРИП?

В приложении 3 Инструкции под информацией о происшествиях понимается «информация, которая требует проверочных действий на наличие признаков преступления и правонарушения или отсутствия таковых и в случае подтверждения подлежит оформлению рапортом об обнаружении признаков преступления, в том числе самоубийства, с последующей регистрацией в Книге регистрации сообщений о преступлениях». Причем ЖРИП содержит графу 8 «Информация подтвердилась, принято процессуальное решение и в установленном законом порядке перенесена в Книгу регистрации сообщений о преступлениях (регистрационный номер, дата)». Однако если признаки преступления могут быть и в той информации, которая регистрируется в ЖРИП, то не вполне понятно, почему при условии проведения последующей проверки ее нельзя сразу зарегистрировать в КРСП.

Между тем наличие этапа первичной регистрации информации в ЖРИП и этапа повторной регистрации в КРСП замедляет и удлиняет процесс регистрации сообщений о преступлениях, а учитывая, что Инструкция не регламентирует (не ограничивает) срок проверки информации, зарегистрированной в ЖРИП, замедление и удлинение процесса регистрации сообщений о преступлениях может быть существенным (на практике несколько суток). Это не согласуется с требованиями Инструкции регистрировать информацию о преступлениях незамедлительно, принимать меры к немедленной проверке поступившего сообщения о совершенном или готовящемся преступлении (меры неотложного реагирования).

С учетом изложенного деление поступающих сообщений на две группы уже на этапе их регистрации выглядит преждевременным, необходимость этого вызывает сомнение.

Кроме того, для любого деления поступающей информации на группы нужны критерии деления. Однако Инструкция таких критериев для этапа регистрации не содержит.

Полагаем, на этапе регистрации вряд ли возможно правильно и точно осуществлять разграничение сообщений о преступлениях и сообщений об иных происшествиях. Объективное препятствие тому – ограниченность объема информации, содержащейся в сообщениях, что не позволяет, в частности, точно квалифицировать совершенные деяния и определять, есть ли состав преступления.

Между тем решения о регистрации поступающих сообщений в КРСП или в ЖРИП влекут существенно различные последствия: от них (решений) зависит, будут ли сообщения рассматриваться сразу в уголовно-процессуальном порядке, будет ли начато уголовное судопроизводство, но необходимость для должностных лиц обосновывать и мотивировать указанные решения, оформлять их процессуальными актами не предусмотрена. Это препятствует и обжалованию таких решений заинтересованными лицами. Решения о регистрации поступающих сообщений в КРСП или в ЖРИП являются, скорее, организационными, а не процессуальными.

Значимо и то обстоятельство, что, по данным многих исследователей, в существующих условиях руководители и администрация исправительных учреждений не заинтересованы в полноте регистрации преступлений в своем расположении; это увеличивает латентную часть пенитенциарной преступности, является одной из

причин значительного несоответствия между официально регистрируемым количеством пенитенциарных преступлений и реальным состоянием и уровнем такого рода преступности [3, с. 61–62]. 51,4 % опрошенных А. В. Акчуриным прокуроров специализированных прокуратур по надзору за исполнением законов в исправительных учреждениях одной из основных причин латентности пенитенциарных преступлений считают наличие рейтинговой системы оценки эффективности деятельности исправительных учреждений, которая не мотивирует сотрудников администрации учреждений отражать каждое противоправное деяние осужденного в отчетной документации в виде совершенного преступления [1, с. 449]. По-видимому, существующие критерии оценки деятельности должностных лиц не оптимальны.

Следует согласиться с тем, что в ситуации, когда статистическая информация о преступности в УИС не отражает ее реального состояния, в первую очередь необходимо обеспечить полноту регистрации преступлений и их учета [4]. Однако указанные выше обстоятельства не способствуют объективности принимаемых решений о том, в каком качестве (в каком именно учетно-регистрационном документе) регистрировать получаемую информацию (сообщения), позволяет должностным лицам принимать эти решения по собственному усмотрению. Это повышает риск допущения должностными лицами нарушения в виде неосновательного отнесения обращения к сообщениям о происшествиях (укрытие преступления, нарушения учетно-регистрационной дисциплины). По мнению автора настоящей статьи, Инструкция нуждается в совершенствовании.

В МВД России предусмотрен другой порядок. По Инструкции, утвержденной приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 (ред. от 9 октября 2019 г.) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях», в территориальных органах МВД России все принимаемые заявления и сообщения о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях регистрируются в единой Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях; эти заявления и сообщения разделяют на группы (о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях), но не при регистрации, а позже – при проверке и разрешении. Полагаем, такой порядок проще и яснее, он способен в большей мере обеспечить соблюдение принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Однако и такой порядок не является панацеей от нарушений. И в МВД России, и в других ведомствах тоже существуют проблемы законности принятия и регистрации обращений в качестве сообщений именно о преступлениях. К. Б. Калиновский и А. Е. Чечетин, проанализировав статистические данные, предположили, что без надлежащей реакции правоохранителей остается значительная часть обращений граждан в органы предварительного расследования, в результате в стадии возбуждения уголовного дела нарушаются права пострадавших. Это подтверждается и содержанием поступающих в Конституционный Суд РФ жалоб, связанных с фактами отказа от регистрации заявлений о совершенных преступлениях и проведения по ним процессуальной проверки [5].

Подобных нарушений не мало. В 2022 г. в ходе надзора за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства по инициативе прокуроров поставлено на учет 136 тыс. преступлений, ранее известных, но по разным причинам не учтенных; всего же в 2022 г. прокурорами выявлено 3,4 млн нарушений законов при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении (хотя при производстве следствия и дознания в том же 2022 г. выявлено 1,8 млн нарушений законов, то есть почти в 2 раза меньше) [2].

Думается, что в любом ведомстве обеспечению законности при принятии решения об отнесении получаемых сообщений к сообщениям о преступлениях или к иным происшествиям способствовало бы вынесение постановления, придание таким решениям характера не организационных, а процессуальных. Для этого целесообразно дополнить УПК РФ требованиями выносить соответствующее постановление, направлять или вручать его заинтересованным лицам, которые смогут их обжаловать в случае несогласия. Однако общее правило о вручении такого постановления может иметь исключения, например, при необходимости обеспечить безопасность лиц в расположении учреждений и органов УИС.

Что касается критериев оценки деятельности должностных лиц, то можно рекомендовать использовать такие критерии, которые стимулировали бы не укрывать, а выявлять преступления, регистрировать сообщения о них.

Список источников

1. Акчурин А. В. Теоретические основы и прикладные аспекты расследования пенитенциарных преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2022. 509 с.
2. Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2022 г. // Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980> (дата обращения: 03.08.2023).
3. Гирько С. И. Процессуальная деятельность органов дознания учреждений уголовно-исполнительной системы // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 5. С. 60–64.
4. Гирько С. И. Латентность пенитенциарной преступности. Что делать? // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий) : сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 17–19 нояб. 2021 г.) : в 9 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2021. Т. 1 : Материалы пленарного заседания. 2021. С. 93–98.
5. Калиновский К. Б., Чечетин А. Е. Защита прав потерпевших от преступлений в стадии возбуждения уголовного дела российского уголовного процесса // Российский следователь. 2015. № 9. С. 10–14.
6. Крымов А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 59 с.

СЕРГЕЙ СЯДОВИЧ ОГАНЕСЯН,
доктор педагогических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия,
e-mail: ossduma@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7257-7760>

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Аннотация: представлены основные, с точки зрения автора, направления профилактики и противодействия идеологии экстремизма и терроризма в уголовно-исполнительной системе России. Раскрыты истоки возникновения разных видов экстремизма и терроризма в современном мире. Обоснована необходимость специальной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к профилактике и противодействию экстремистским и террористическим воззрениям с учетом специфики их служебной деятельности.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, пенитенциарная система, цивилизационная ментальность.

С началом XXI века пенитенциарная система России столкнулась с принципиально новым для себя явлением, которое было связано с необходимостью профилактики и противодействия идеологии экстремизма и терроризма. Причем, что вполне закономерно у УИС проблемы с экстремистами и террористами возникли за несколько лет до появления в нашей стране Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Напомним, что, согласно Шанхайской конвенции от 15 июня 2001 г. «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» экстремизм – это какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в этих целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон».

В отечественном законодательстве, в частности в упомянутых Федеральных законах, понятия «экстремизма» и «терроризма» раскрываются через пере-

числение тех деяний, которые в современном мире трактуются как экстремистские и террористические.

Почему именно в современном мире? Потому что в недалеком по историческим меркам прошлом (лет двести – триста тому назад) та идеология и те деяния, которые сегодня квалифицируются экстремистскими и террористическими, таковыми не считались. Напротив, они относились к деятельности, достойной уважения и восхищения. Например, достоинством считалось безжалостное преследование, унижение и даже истребление представителей чуждых социальной общине и государству религиозных конфессий или идеологий. Всем памятна события «ночи длинных ножей» (Варфоломеевская ночь) во Франции, когда было совершено массовое убийство гугенотов католиками в ночь на 24 августа 1572 г., в канун дня святого Варфоломея. Или в новейшей истории всем памятно массовое убийство сторонниками Гитлера штурмовых отрядов СА 30 июня 1934 г., когда национал-социалистическая пропаганда представила убийство своих идейных противников как превентивную меру против якобы готовившегося путча штурмовиков во главе с Эрнстом Рёмом.

Не считались преступлениями еще два-три века назад у подавляющего большинства этносов и народов мира унижение по признаку расовой или словесной принадлежности, языку и национальности (этносу). Всем памятна и сегрегация по расовому признаку в США еще в начале прошлого века.

Напомним широко известный призыв «за веру, за царя, за отечество», с которым воины Российской империи шли в бой, а также события и взгляды людей, отраженных в таких художественных произведениях, ставших классикой, как «Тарас Бульба» Н. Гоголя, «Тихий Дон» М. Шолохова; или такие исторические труды, как «История государства Российского» Н. Карамзина и многие другие.

Дело в том, что ментальность людей, их отношение к миру, их ценностный мир, нормы и правила их поведения менялись в соответствии велениями и запросами новых времен. В самом общем виде можно говорить о трех ментальных цивилизациях (эпохах, стадиях) в истории развития человечества, каждый из которых имел свой ценностный мир, свои специфические нормы и правила поведения. Это ментальные цивилизации многобожия (язычества, политеизма), единобожия (монотеизма) и научного мировосприятия (или самоуправления человечеством собственной жизнедеятельностью). И, соответственно, можно выделить три ментальных типа людей: язычников, монотеистов и людей с научным мировосприятием.

Первые две ментальные цивилизации сугубо религиозные, третья связана с собственной интеллектуальной деятельностью самих людей. И, как было показано во многих наших работах, наиболее терпимой (толерантной) в силу ментальной специфики людей является ныне переживаемая человечеством ментальная цивилизация, связанная с научным мировосприятием. Ибо по самой своей сути научное мировосприятие, не придерживаясь истин в последней инстанции, не может не быть терпимой к другим взглядам, позициям и точкам зрения.

Однако переход человечества к научному мировосприятию так же, как и переход от языческой ментальности к монотеистической совершается не одновременно и разово у всех этносов и народов. Этот процесс в силу географических, геополитических и прочих факторов и обстоятельств нередко растягивается на столетия. Поэтому жили и ранее (в борьбе и противостоянии), и существуют, например, в современном мире как этносы и народы с языческой ментальностью; те, которые имеют монотеистическое мировосприятие; а также те, которые вступили на путь научного мировосприятия. Противоборство между этносами и народами, которые занимают различные ступени со своего ментального цивилизационного развития, никогда не прекращалось.

Однако особую актуальность они приобрели в наши дни на фоне очередного демографического взрыва, когда число людей на планете уже перевалило за восемь миллиардов и, соответственно, несравнимо интенсифицировались процессы миграции представителей этносов с различным уровнем ментального развития, а также в силу мощнейших интеграционных процессов, под влиянием которых оказались практически все этносы и народы мира.

Все это не могло не вызвать известной напряженности в отношениях как между отдельными личностями, представляющих разный цивилизационный ментальный уровень, так и между народами и государствами, имеющими разные представления о «добре и зле», о «праведности и неправедности», о «своих и чужих», о «близких и чуждых» и т. д.

Из-за неизбежного возникновения международных правовых, экономических, культурных, спортивных и прочих институтов, формирующих планетарное мышление и образ жизни теряется культурная и духовная самобытность многих этносов и народов; и именно в их среде возникают самые различные экстремистские и террористические организации и движения, которые пытаются отстоять свои мировоззренческие ценности, нормы и правила поведения. Если раньше все межрелигиозные, межэтнические, социальные и другие конфликты, как правило, носили региональный (локальный) характер, то в современном мире, когда возникли теснейшие политические, социально-экономические и культурные связи планетарного масштаба, они закономерно приобрели международный характер со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе и для пенитенциарных систем мира, перед которыми встали проблемы не только профилактики и противодействия самым различным видам экстремизма и терроризма, но и проблемы ресоциализации радикалов самого разного толка.

А это означает, что наиболее важное значение для сотрудников всех подразделений УИС России приобретают соответствующие знания о ментальной специфике осужденных, обладающих радикальными взглядами и пытающимися реализовать их на практике, включая и вербовочную деятельность в среде подготавливаемых, обвиняемых и осужденных; не менее важной для сотрудников УИС является степень владения ими умениями и навыками профилактики и противодействия идеологии экстремизма и терроризма.

Например, сотрудники всех подразделений УИС должны знать, что религиозный экстремизм характерен для представителей уходящей с исторической

арены религиозной цивилизационной ментальности, а, например, АУЕ и «Белая масть», число сторонников которых отнюдь не случайно возрастает в местах лишения свободы, является порождением сложившейся в нашей стране безыдейности. Утратив основы религиозного мировосприятия и образа жизни наше общество все еще не сформировало соответствующее велениям новых времен ценностный мир людей, а также нормы и правила их поведения.

В сложившейся ситуации, мы считаем, что пенитенциарная наука должна направить свои усилия, во-первых, на изучение мировоззренческой специфики каждой из ныне существующей разновидности экстремизма и терроризма, а также интенсифицировать исследование форм и способов деятельности экстремистов и террористов. При этом следует понимать, что в «чистом» виде ни одна разновидность экстремизма и терроризма не встречается, поскольку практически все виды экстремизма и террористической деятельности, как правило, имеют «смешанный» характер.

Например, религиозный экстремизм не может не носить политического, и социального характера, поскольку претендует на насильственное изменение политического устройства общества и социально-экономических основ его существования. Так же, как не может не носить политического характера экстремизм и терроризм на этнической и расовой почве.

Именно поэтому в учебно-методической и иной специальной литературе нередко употребляют такие термины, как «религиозно-политический экстремизм», «этнополитический экстремизм», «социально-политический экстремизм», «экологический» и т. д.

Любой вид экстремизма, направленный против законно избранной государственной власти, против социальных и экономических основ государства, прямо или косвенно влияет на политический климат в государстве, на стабильность его экономического, социального и политического существования.

Во-вторых, пенитенциарная наука должна изучить и предложить основы подготовки и переподготовки сотрудников УИС с учетом тех задач, которые поставили перед ними проблемы профилактики и противодействия экстремизму и терроризму, а также ресоциализации экстремистов и террористов, включая исследование наиболее эффективного содержания обучения, а также форм и методов подготовки и переподготовки сотрудников УИС России с учетом профиля их работы.

В-третьих, пенитенциарная наука должна вплотную заняться исследованием вопросов, связанных с разработкой наиболее эффективных форм, методов и средств, направленных на профилактику, противодействие и ресоциализацию осужденных.

В-четвертых, пенитенциарная наука должна направить свои усилия на выявление лиц, которые не только являются потенциальными носителями радикальных идеологий, но и лидерами экстремистских и террористических организаций и движений.

В-пятых, пенитенциарная наука должна быть нацелена на внесение поправок в существующие правовые акты в сфере регулирования вопросов,

связанных с экстремисткой и террористической деятельностью. Так, например, в последнее годы в вышеупомянутый Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» совершенно обоснованно было добавлено два новых пункта. Первый пункт связан с публичным оправданием нацизма, а также с демонстрацией нацистской символики и атрибутики, а также хранение запрещенных материалов ультраправого толка. Второй пункт связан с клеветническим обвинением лица, назначенного на государственную должность, в совершении экстремистских преступлений во время исполнения им своих служебных обязанностей.

В-шестых, пенитенциарная наука обязана поставить изучение вопросов, связанных с профилактикой противодействием экстремизму и терроризму, а также ресоциализацией экстремистов и террористов на широкую экспериментальную основу, а не только заниматься анализом, обобщением и распространением так называемого передового опыта сотрудников УИС.

Передовой опыт пенитенциарной системы имеет важное, но не решающее значение для определения оптимального содержания, а также форм, методов и средств профилактики и противодействия экстремизму и терроризму в местах лишения свободы.

В-седьмых, пенитенциарной системе России необходимо иметь сотрудников, специализирующихся на профилактике и противодействии экстремизму и терроризму, а также на ресоциализации экстремистов и террористов с о всеми вытекающими отсюда обстоятельствами подготовки и систематической переподготовке данных сотрудников.

Список источников

1. В России запретили движение АУЕ. URL: <https://lenta.ru/brief/2020/08/17/ae> (дата обращения: 20.08.2023).
2. Оганесян С.С. Проблемы правового восприятия явлений экстремизма и терроризма в разных ментальных цивилизациях: общетеоретический и историко-философские аспекты // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 2(54). С. 237–246.
3. Правовая основа борьбы с экстремизмом и терроризмом <https://sokol.mos.ru/anti-terror/the-legal-basis-of-the-fight-against-extremism-and-terrorism.php> (дата обращения: 20.08.2023).
4. О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Информ.-прав. система «Гарант.ру». URL: <https://base.garant.ru/12127578> (дата обращения: 20.08.2023).
5. О противодействии терроризму Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/729> (дата обращения: 20.08.2023).
6. Центр содействия реформам уголовного правосудия. Тюрьма и воля // URL: <http://www.prison.org> (дата обращения: 20.08.2023).
7. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 20.08.2023).

ИСФАНДИЁР АХМАД ОДИНАЗОДА,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника факультета № 4,
Академия МВД Республики Таджикистан,
г. Душанбе, Республика Таджикистан,
e-mail: diyor-13@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ПРИГОВОРА

Аннотация: актуальность данной статьи обусловлена тем, что в условиях проведения судебной реформы и повышения роли суда в жизни общества важное теоретическое и практическое значение приобретают вопросы, связанные с принятием и сущностью таких судебных актов, как приговор. Приговор суда является важнейшим актом правосудия, с ним тесно связано общественно-политическое и воспитательное значение всей судебной деятельности.

Ключевые слова: приговор, судебная деятельность, уголовно-процессуальное право, судебное разбирательство, апелляционная инстанция, преюдиция.

Приговором подводится итог судебному разбирательству, и разрешаются центральные вопросы уголовного судопроизводства – о виновности или невиновности подсудимого, о применении или неприменении к нему наказания. В соответствии со ст. 49 Конституции Российской Федерации каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Приговор является процессуальным актом, в котором в наиболее полной форме реализуется процессуальная функция суда – функция разрешения уголовного дела.

Приговор имеет важное социальное значение. Только судом лицо может быть признано виновным в совершении преступления и подвергнуто уголовному наказанию.

Законная сила приговора определяет юридическую сущность этого акта правосудия и его действие во всех последующих стадиях уголовного процесса (апелляционное производство, исполнение приговора, производство в кассационной инстанции и порядке надзора по вновь открывшимся обстоятельствам), оказывая существенное влияние на их построение и содержание.

В современных условиях реформирования уголовно – процессуального и уголовного законодательства Российской Федерации, внесение изменений относительно порядка постановления, изменения и отмены приговоров порождает вопросы, связанные с приговором, ввиду нераскрытия ряда понятий, коллизий норм. Это связано с тем, что исключительное право суда осуществлять право-

судие исходит из того, что процессуальная теория и практика предъявляют высокие требования к качеству приговора как важнейшего акта правосудия, вершине процессуальной деятельности в соответствии с общепризнанными международно-правовыми стандартами осуществления правосудия.

По истечении 10-дневного срока приговор вступает в законную силу со дня провозглашения, а для осужденного, содержащегося под стражей, в тот же срок со дня вручения ему копии приговора. В случае обжалования приговора в суд апелляционной инстанции он считается вступившим в законную силу в момент провозглашения постановленного судебного решения (в том числе апелляционного приговора), если приговор не был отменен с возвращением дела прокурору или передачей на новое судебное рассмотрение (ст. 390 УПК РФ, ст. 386 УПК Республики Таджикистан).

Приговор вступает в законную силу полностью как единый документ, если подана жалоба или представление лишь в какой-то части одним из осужденных, после их рассмотрения судом апелляционной инстанции.

«Имея в виду, что разбирательство дела в суде производится только в отношении подсудимых, суд не должен допускать в приговоре формулировок, свидетельствующих о виновности в совершении преступления других лиц. Если дело в отношении некоторых обвиняемых выделено в отдельное производство, в приговоре указывается, что преступление совершено подсудимым совместно с другими лицами, без упоминания их фамилий» (п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 29 апреля 1996г. (ред. от 16 апреля 2013 г.) «О судебном приговоре» // Российская газета. 2013. № 95. С. 16).

Как следует из описательно-мотивировочной части приговора, при описании преступного деяния суд необоснованно указал, что 14 декабря 2022 г. Т. совершил преступление совместно с Е., в отношении которого дело выделено в отдельное производство не имел права при таких обстоятельствах суд по указанным выше основаниям не вправе был называть в приговоре фамилию лица, организовавшего убийство Ш., в связи с чем судебная коллегия исключила из приговора фамилию этого лица (Апелляционное постановление Псковского областного суда от 20 июля 2021 г. № 10-9395/25/).

По вступлении приговора в законную силу у него появляются внешние свойства: общеобязательность, исключительность, преюдициальность, истинность, неопровержимость, исполнимость [1, с. 56].

Общеобязательность заключается в том, что приговор в целом обязателен во всех отношениях для всех государственных и общественных предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан. Никто не вправе считать для себя необязательной ту или иную часть приговора, отвергнуть те или иные моменты, пока вступивший в законную силу приговор не отменен в установленном законом порядке. Во-вторых, содержащиеся в судебном приговоре решения подлежат безоговорочному исполнению на всей территории России.

Без обязательности приговора его законная сила приобретает формальный характер и теряет свое реальное значение, поэтому, в случае необходимости исполнение вступившего в законную силу приговора обеспечивается государ-

ственным принуждением следующими мерами: а) наличие специальных государственных органов, обязанных исполнять конкретные наказания; б) замена назначенного наказания другим в случае уклонения осужденного от отбывания наказания; в) уголовная ответственность за уклонение от отбывания наказания и неисполнение должностным лицом судебного решения.

Так, неисполнение приговора суда влечет за собой ответственность, предусмотренную статьей 315 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Исключительность вступившего в законную силу приговора заключается в том, что если в отношении лица имеется вступивший в законную силу приговор, то по тому же обвинению невозможно возбуждение, расследование, судебное рассмотрение и разрешение уголовного дела.

Часть 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации подчеркивает значение этого свойства в отношении обвинительного приговора: «Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление» (ст. 20 Конституция Республики Таджикистан). Этот принцип относится к общепризнанным международно-правовым принципам в формулировке п.7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах: «Никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан». Никто, в том числе и судья, не может подвергнуть вступивший в законную силу приговор сомнению и менять его существо, предпринимать какие-либо меры, которые могли бы поколебать акт правосудия, отрицательно сказаться на его силе, авторитете и правовых последствиях.

«Рассматривая правовую определенность в смысле устойчивости судебного решения, Европейский суд использует такую формулировку, как «окончательное судебное решение». Это понятие не связывается Европейским судом с такой процедурой, как вступление приговора в законную силу (не используется такой термин). Однако если проанализировать те свойства, которыми наделяет Европейский суд окончательное судебное решение: обязательность, устойчивость, исполнимость, исключительность, то можно сделать вывод о том, что принятие окончательного решения и есть наделение его силой закона (вступление в законную силу) по конкретному делу» [2, с. 135].

Так, в своих решениях Европейский суд по правам человека дает следующие признаки окончательности судебного решения: должно приобрести силу дела, разрешенного судом; стать неотменяемым, то есть когда не существует других обычных способов правовой защиты или когда стороны исчерпали эти средства защиты или пропустили установленные сроки или не воспользовались ими (судебное решение не может оставаться открытым для пересмотра неопределенное время по незначительным основаниям).

Преюдициальность приговора – обязательность выводов суда об установленных лицах и фактах, содержащихся во вступившем в законную силу приговоре по уголовному делу, для иных судов и других правоприменительных органов, рассматривающих и разрешающих те же обстоятельства в отношении тех же лиц.

Согласно ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (ст. 89 УПК Республики Таджикистан) обстоятельства, установленные всту-

павшим в законную силу приговором, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, если эти обстоятельства не вызывают сомнений у суда. При этом такой приговор не может предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле.

Истинность приговора – это соответствие выводов в приговоре об обстоятельствах дела тому, что имело место быть в действительности. Принцип объективности и беспристрастности не закреплен в гл. 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

В отличие от ч. 1 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, возлагавшей на суд, прокурора, следователя и дознавателя обязанность «принять все предусмотренные законом меры всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела», в ч. 6 ст. 340 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации говорится только о праве сторон «заявить в судебном заседании возражение в связи с содержанием напутственного слова председательствующего по мотивам нарушения им принципа объективности и беспристрастности».

Неопровержимость приговора – признание приговора правильным до тех пор, пока он не отменен соответствующим судом в порядке, установленном законом в порядке судебного надзора (кассационном и надзорном порядке) или возобновления уголовного дела, ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, предусмотренном гл. 47.1, 48.1, 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что соответствует конституционному праву каждого на обжалование решений и действий (бездействия) органов государственной власти и должностных лиц в суд. Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в международные органы защиты прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой помощи (п. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации) [3, с. 23].

В соответствии со ст. 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Исполнимость приговора – возможность обращения приговора к исполнению, как правило, только после вступления его в законную силу. Приговор обращается к исполнению судом, рассмотревшим уголовное дело в первой инстанции в течение трех суток со дня вступления его в законную силу или возвращения уголовного дела из суда апелляционной инстанции. Органы, приводящие приговор в исполнение, немедленно извещают суд, постановивший приговор, о приведении его в исполнение. Администрация исправительного учреждения должна известить суд, вынесший приговор, о месте отбывания наказа-

ния осужденным (ст. 359 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), сообщение приобщается к материалам дела [4, с. 720].

Реальным регулятором общественных отношений судебное решение становится после того, как активизируется весь комплекс его свойств – неопровержимость, общеобязательность и исключительность. Этот момент именуется в законе вступлением приговора в законную силу [5, с. 33].

Вступивший в законную силу приговор подлежит исполнению на всей территории Российской Федерации, общеобязателен, так как существует его неопровержимость. Имеет исключительное значение для данного уголовного дела и преюдициальное – для всех других правоприменителей, пока приговор не будет аннулирован в установленном законом порядке.

На основании проведенного анализа сущности и свойств законной силы приговора предлагается внести в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации определение законной силы приговора в следующей формулировке: «Законная сила приговора – это свойство общеобязательности приговора, приобретаемое по истечении установленного срока на обжалование».

Список источников

1. Загорский Г. И. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М. : Проспект, 2017. 998 с.

2. Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводства : сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 22 марта 2013 г.). СПб. : Северо-Западный филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», 2013. 135 с.

3. Остапенко И. А. Соответствие приговора суда критериям законности, обоснованности и справедливости // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 5. 23 с.

4. Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части : учеб. для юрид. вузов и факультетов. М. : Контракт, Волтерс Клувер, 2010. 720 с.

5. Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и стабильность окончательных судебных решений в уголовном процессе // Судья. 2014. № 10. 33 с.

ДЕНИС АЛЕКСЕЕВИЧ ПАВЛЕНКО,
магистр юридических наук, магистр психологии,
начальник отдела воспитательной работы со спецконтингентом
в исправительных учреждениях, следственных изоляторах
и лечебно-трудовых профилакториях
управления организации исправительного процесса,
Департамент исполнения наказаний МВД Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: denis15.02.1981pavlenko@gmail.com

ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ С НАПРАВЛЕНИЕМ В ИСПРАВИТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОТКРЫТОГО ТИПА: СУЩНОСТЬ И МЕСТО В СИСТЕМЕ ВИДОВ НАКАЗАНИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация: обосновывается точка зрения о том, что назначение ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа предполагает нахождение осужденного в условиях «полусвободы». В связи с этим ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа рассматривается в качестве оптимальной альтернативы лишению свободы, а также промежуточной ступени прогрессивной системы отбывания наказания, обеспечивающей постепенную интеграцию в общество осужденных к лишению свободы.

Ключевые слова: наказание, ограничение свободы, исправительное учреждение открытого типа, ресоциализация, осужденный.

В иерархии видов наказания, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК), ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа (далее – ИУОТ) (ст. 48 УК) по своей строгости занимаем промежуточное положение между лишением свободы и видами наказания, не предполагающими направление осужденного в учреждение уголовно-исполнительной системы (далее – УИС). Применяется ограничение свободы с направлением в ИУОТ в качестве основного наказания (сроком от шести месяцев до пяти лет) и может быть назначено как по приговору суда, так и в порядке замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы более мягким наказанием. Его сущность составляют два взаимосвязанных элемента (ч. 1 ст. 55 УК):

- наложение на осужденного обязанностей, ограничивающих его свободу;
- нахождение осужденного в условиях осуществления за ним надзора, который состоит в контроле за ним по месту как в период его нахождения в ИУОТ, так и за его пределами.

Место отбывания данного наказания является ИУОТ – отдельный вид учреждений УИС, осуществляющим свою деятельность на основании главы 8 УИК, Правил внутреннего распорядка ИУОТ, утвержденных постановлением МВД Республики Беларусь от 13 января 2017 г. № 15 (далее – ПВР), а также локальных правовых актов, регламентирующих порядок осуществления надзора за осужденными и проведение с ними воспитательной работы (автор принимал непосредственное участие в разработке ПВР, а также Инструкции о порядке организации и проведения воспитательной работы с осужденными к наказанию в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ, утвержденной приказом МВД от 21 мая 2014 г. № 179).

Места отбывания наказания (ИУОТ) в отношении каждого осужденного определяется индивидуально, при этом учитываются условия, необходимые для исправления осужденного, обеспечения безопасности и предупреждения совершения им преступлений, как это требует ч. 1 ст. 44 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК). Распределение осужденных по ИУОТ осуществляется Департаментом исполнения наказаний Республики Беларусь в рамках требований ч. 4–6 ст. 47 УИК. В связи с этим ИУОТ подразделяются на: ИУОТ для лиц, ранее не отбывавших лишение свободы; ИУОТ для лиц, ранее отбывавших лишение свободы (ч. 4 ст. 47 УИК).

ИУОТ, как правило, располагаются в одном здании, имеющем прилегающую территорию (п. 7 ПВР), границы которой определяются местными исполнительными и распорядительными органами. Лимит численности ИУОТ устанавливается исходя из нормы жилой площади не менее не менее трех квадратных метров на одного осужденного.

В ИУОТ осужденным обеспечиваются необходимые жилищно-бытовые условия (ч. 1 ст. 48 УИК), так как осужденные находятся на полном самообеспечении – за счет собственных средств приобретает одежда, белье и обувь, а также оплачивается собственное питание (осужденные носят одежду гражданского образца, самостоятельно приобретают продукты питания, готовят себе пищу, решают иные личные бытовые вопросы в установленное администрацией ИУОТ время). Осужденные вправе иметь при себе денежные средства и распоряжаться ими, а также приобретать, хранить и использовать предметы, изделия и вещества, за исключением тех, которые указаны в приложении 1 к ПВР (далее – запрещенные предметы). В связи с этим в жилом блоке ИУОТ предусмотрено размещение помещений, предназначенных для проживания осужденных, приготовления и приема пищи, душевых и умывальных комнат, санитарных узлов, комнат хранения личных вещей осужденных и иных бытовых помещений общего пользования. В жилых помещениях осужденным предоставляются индивидуальное спальное место и постельные принадлежности. Фактически, жилые помещения оборудуются по аналогии с обычным общежитием, где имеются все условия для организации своей жизнедеятельности. Причем осужденные ежемесячно возмещают стоимость предоставляемых им коммунальных услуг (ч. 2-1 ст. 48 УИК).

Администрацией ИУОТ обеспечивается исполнение наказания в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ, в связи с чем на нее возложены определенные обязанности (ч. 1 ст. 51 УИК). Собственно, отбытие данного наказания начинается со дня прибытия осужденного в ИУОТ (самостоятельно либо под конвоем). При прибытии в ИУОТ осужденный подвергается полному личному обыску, а его вещи – досматриваются. Запрещенные предметы изымаются и передаются на хранение, или уничтожаются, или реализуются (ч. 7 ст. 47 УИК). Осужденному под роспись разъясняется порядок и условия отбывания наказания, после чего он распределяется в один из отрядов, ему указывается спальное место (в ИУОТ осужденные размещаются по отрядам).

После этого в отношении осужденного начинают действовать правоограничения, предусмотренные ст. 47 УИК и ПВР, которые систематизированы автором в ходе подготовки учебного пособия «Уголовно-исполнительное право: Особенная часть», изданного в 2022 г. [1, с. 54]. Так, осужденные к ограничению свободы с направлением в ИУОТ обязаны:

1. *Проживать, как правило, в жилых помещениях ИУОТ и не покидать ИУОТ без разрешения администрации этого учреждения.*

Осужденные проживают в жилых помещениях ИУОТ. При этом, даже выход из здания ИУОТ на прилегающую к нему территорию возможен только по разрешению работника ИУОТ.

2. *Постоянно находиться в пределах границ территории ИУОТ, не покидать ее без разрешения администрации.*

Осужденные большую часть свободного от работы времени находятся в ИУОТ. Время убытия из ИУОТ к месту работы и прибытия обратно в ИУОТ после окончания рабочего времени устанавливается администрацией ИУОТ индивидуально для каждого осужденного (с учетом расположения рабочего места и продолжительности рабочего времени). В случае, если продолжительность рабочего времени была сокращена по независящим от осужденного причинам, то он обязан незамедлительно прибыть в ИУОТ. Аналогично, при прохождении осужденными стационарного лечения, им предписывается незамедлительно прибыть в ИУОТ сразу после выписки из организации здравоохранения (подп. 51.27 п. 51 ПВР).

Основания, при которых осужденным может быть разрешено нахождение за пределами территории ИУОТ в нерабочее время строго регламентированы УИК и ПВР. Так, сразу после постановки на учет в ИУОТ администрация ИУОТ может разрешить осужденным краткосрочный выезд на срок до пяти суток, но только, если разрешение определенных вопросов, связанных с отбыванием наказания, объективно требует выезда к месту жительства до осуждения либо иное место (оформление документов, требующихся для трудоустройства, доставление в ИУОТ одежды и обуви по сезону, рабочей одежды и т. п.). В дальнейшем, осужденным может быть разрешено находиться за пределами границ территории ИУОТ в свободное от работы время только в предусмотренных п. 55 ПВР случаях:

– при исполнении мер поощрения, предусмотренных пп. 2 и 3 ч. 1 ст. 54 УИК в порядке, определенном пп. 63–67 ПВР;

– для посещения жилища близких родственников в порядке, предусмотренном главой 13 ПВР;

– для решения бытовых и иных личных вопросов в порядке, предусмотренном главой 14 ПВР;

– при наличии исключительных обстоятельств в порядке, предусмотренном главой 15 ПВР (согласно п. 75 ПВР, к исключительным обстоятельствам относятся: вызов в государственную организацию в случае, если в соответствии с законодательством Республики Беларусь явка осужденного по вызову является обязательной; необходимость получения медицинской помощи; смерть или тяжелая болезнь близкого родственника; нанесение значительного материального ущерба жилищу осужденного либо жилищу его близких родственников; необходимость оказания помощи близким родственникам при переезде на постоянное место жительства в населенный пункт, в котором расположено ИУОТ);

– в связи с получением осужденными образования в порядке, предусмотренном главой 16 ПВР;

– при предоставлении осужденным права проживания вне ИУОТ в порядке, определенном главой 17 ПВР.

Вышеприведенный перечень является исчерпывающим, иные законные основания для нахождения осужденных за пределами границ территории ИУОТ в нерабочее время отсутствуют.

3. Работать по направлению администрации ИУОТ, за исключением осужденных, имеющих постоянное место работы по месту отбывания наказания.

Место работы осужденных определяется администрацией ИУОТ. Осужденным запрещается отказываться от работы по направлению администрации ИУОТ, за исключением осужденных, имеющих постоянное место работы по месту отбывания наказания (п. 3 ч. 12 ст. 47 УИК). Под последними понимаются осужденные, которые на день прибытия в ИУОТ являлись трудоустроенными по трудовому договору в пределах административного района (населенного пункта), в котором расположено ИУОТ). Такие осужденные вправе продолжать трудовую деятельность по прежнему месту работы. Но, если в период отбывания наказания трудовые отношения таких осужденных будут прекращены, то его следующее место работы определяется администрацией ИУОТ. При этом, осужденным запрещается прекращать трудовой договор по соглашению сторон или расторгать его по желанию осужденного без письменного разрешения администрации ИУОТ (п. 4 ч. 12 ст. 47 УИК).

4. Выполнять правила внутреннего распорядка ИУОТ.

Осужденные обязаны как при нахождении в ИУОТ, так и за пределами ИУОТ, обязаны следовать нормам ПВР, которые устанавливают:

общие требования к обязательному для исполнения распорядку дня в ИУОТ (глава 4 ПВР), который призван обеспечивать нормальную жизнедеятель-

тельность осужденных. Так, распорядок дня определяет время: непрерывного восьмичасового сна осужденных; подачи сигналов «Подъем» и «Отбой»; проведения уборки жилых помещений; утреннего и вечернего туалета осужденных; принятия осужденными пищи; нахождения осужденных на работе; проведения построений для проверки наличия осужденных, а также иных надзорных мероприятий; проведения воспитательных мероприятий; личных потребностей осужденных;

правила поведения осужденных (глава 9 ПВР), которые имеют целью предупредить совершение осужденными и иными лицами преступлений, а также обеспечить порядок и условий отбывания наказания. По своему содержанию правила поведения осужденных, фактически, основываются на принятых в обществе стандартах социально-приемлемого (нравственного) поведения, не допускающих нецензурных выражений, грубого обращения между людьми и иных видов отклоняющегося поведения. Отдельные требования к поведению осужденных призваны исключить (минимизировать) влияние факторов, способствующих противоправному поведению. Так, находясь за пределами ИУОТ осужденным запрещается посещать места проведения физкультурно-оздоровительных, спортивно-массовых, культурных мероприятий без сопровождения сотрудников ИУОТ, игорные заведения, а также торговые объекты, где осуществляется распитие алкогольных, слабоалкогольных напитков, пива, жилища иных лиц (п. 2 ч. 12 ст. 47 УИК);

перечень запрещенных предметов (приложение 1 к ПВР), также установленный, в основном, исходя из норм общепринятой морали (нравственности). В частности, запрещенными для осужденных являются изъятые из гражданского оборота предметы, изделия, вещества; алкогольные, слабоалкогольные напитки, пиво; наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги и прекурсоры, токсические либо другие одурманивающие вещества (далее – психоактивные вещества); не назначенные врачом спиртосодержащие лекарственные средства либо содержащие психотропные вещества; ядовитые вещества; радиоактивные вещества или материалы; взрывчатые или легковоспламеняющиеся вещества; все виды оружия, боеприпасы к нему; порнографические материалы и иные предметы порнографического характера. Колюще-режущие предметы и рабочий инструмент в ИУОТ осужденным запрещается использовать без разрешения работников ИУОТ, так как данные предметы рассматриваются в качестве источников опасности совершения противоправных действий (закономерно, что их использование должно осуществляться под контролем).

5. Участвовать без оплаты труда в работах по благоустройству зданий и территории ИУОТ в нерабочее время продолжительностью до четырех часов в неделю.

Время выполнения работ по благоустройству здания (жилого блока) и территории ИУОТ без оплаты труда определяется администрацией ИУОТ. На практике, как правило, участие осужденных в таких работах осуществляется в рамках поочередных дежурств в качестве дневального по отряду (подп. 51.28

п. 51 ПВР). В круг обязанностей дневального входит осуществление уборки мест общего пользования отряда, поддержание в них чистоты.

6. *Постоянно иметь при себе взамен документа, удостоверяющего личность, удостоверение осужденного, образец и порядок выдачи которого утверждаются МВД.*

Образец удостоверения осужденного установлен приложением 9 к ПВР. Удостоверение оформляется после постановки осужденного на учет в ИУОТ и содержит фотографию и личную подпись осужденного, его паспортные данные, наименование ИУОТ, а также сведения о сроке действия удостоверения. Осужденным предписывается не оставлять удостоверение где-либо и не передавать его другим лицам (подп. 51.43 п. 51 ПВР).

7. *Проходить по требованию сотрудников ИУОТ медицинское освидетельствование на предмет определения состояния алкогольного опьянения или состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических либо других одурманивающих веществ (далее – медицинское освидетельствование).*

Употреблять психоактивные вещества осужденным запрещается (п. 1 ч. 12 ст. 47 УИК). При наличии оснований полагать, что имел место факт их употребления, работники ИУОТ праве доставить осужденного (независимо от нахождения в ИУОТ либо за его пределами) в организацию здравоохранения для проведения медицинского освидетельствования (п. 3 ч. 11 ст. 47 УИК).

8. *Завершает перечень обязанностей осужденных ряд норм, связанных с применением электронных средств контроля места нахождения осужденных (далее, если не указано иное, – электронные средства контроля).* Так, осужденные обязаны:

по постановлению начальника ИУОТ постоянно носить электронные средства, соблюдать правила их эксплуатации (п. 8 ч. 3 ст. 47 УИК);

не допускать утери, умышленного повреждения или уничтожения электронных средств контроля (п. 9 ч. 3 ст. 47 УИК);

немедленно информировать администрацию ИУОТ об утере, повреждении или уничтожении либо технических неисправностях электронных средств (пункт 10 части 3 статьи 47 УИК);

в случае утери, умышленного повреждения или уничтожения электронных средств контроля, возместить ущерб в порядке, предусмотренном законодательством Республики Беларусь (п. 11 ч. 3 ст. 47 УИК).

Соблюдение установленных в отношении них правоограничений обеспечивается девственной системой надзора, который является одним из средств обеспечения установленного порядка исполнения (отбывания) наказания и представляет собой совокупность организационных и практических мероприятий (далее – надзорные мероприятия), осуществляемых сотрудниками ИУОТ и направленных на обеспечение контроля за поведением осужденных, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, обеспечение безопасности осужденных и сотрудников ИУОТ, соответствие

поведения осужденных условиям, установленным уголовно-исполнительным законодательством [1, с. 60].

Таким образом, исходя характера из результатов проведенного нами контент-анализа норм уголовно-исполнительного законодательства, автор считает обоснованным выдвинутое выше утверждение относительно, что при назначении наказания в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ *осужденные помещаются в особые условия (исправительную среду), которые характеризуются рядом отличительных особенностей:*

во-первых, изъятие осужденного из прежней социальной среды, влияние которой на него исключается либо существенно ограничивается (контролируется с учетом характера такого влияния);

во-вторых, частичная изоляция осужденного от общества (так как большую часть свободного от работы времени осужденный находится в ИУОТ);

в-третьих, включение осужденного в систему специальным образом выстроенных социальных взаимоотношений, которые охватывают большую часть его жизнедеятельности, основаны на общепринятых в обществе представлениях о социально приемлемом (социально одобряемом) поведении и предусматривают оказание на него систематического воспитательного воздействия;

в-четвертых, определение для осужденного достаточно строгих поведенческих рамок посредством установления правоограничений в определении места жительства, работы и прибывания, а также распоряжении своим личным временем.

Такая специфика условий отбывания наказания в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ с одной стороны минимизирует риски совершения осужденными повторного преступления, а с другой – *предоставляет осужденным достаточно широкий спектр возможностей для проявления ресоциализующей активности, позволяющей приобретать социально значимые компетенции (знания, умения, навыки) и развивать положительные качества личности (через получение образования, развитие трудовых навыков, осуществление социальных контактов и, в целом, – участие в основных общественных отношениях в качестве их полноценного субъекта).*

Утверждение автора об особом месте ограничения свободы с направлением в ИУОТ в системе видов наказания Республики Беларусь основывается на позиции А. В. Шаркова, Ю. Л. Сивакова и В. Г. Стуканова.

По мнению А. В. Шаркова, сущность вышеуказанного вида наказания заключается в том, что при его исполнении затрагивается личная свобода осужденного, возможность распоряжаться собой, свобода передвижения, выбора места жительства и места пребывания [2, с. 169]. При этом «осужденный отрывается от своего прежнего социального окружения, семьи, коллег по работе и помещается в ИУОТ, где на него распространяется принудительный режим и его поведение регламентируется нормами уголовно-исполнительного права» [2, с. 168]. Аналогичной точки зрения придержива-

ется Ю. Л. Сиваков, который также отмечает, что при исполнении ограничения свободы с направлением в ИУОТ затрагивается не отдельное субъективное право осужденного, а ограничивается его личная свобода во всем своем многообразии ее составляющих [3, с. 114]. Ученый считает, что порядок исполнения ограничения свободы с направлением в ИУОТ предполагает частичную изоляцию от общества, так как осужденный помещается в ИУОТ, которое он не вправе покидать без разрешения администрации данного учреждения, «на осужденного распространяется специальный режим, а за его поведением устанавливается надзор» [3, с. 114]. Утверждение Ю. Л. Сивакова коррелирует с точкой зрения В. Г. Стуканова, который характеризует порядок исполнения данного вида наказания как «режим полусвободы» [4, с. 222]. Как указывает В. Г. Стуканов, такой «режим полусвободы» не предполагает полной изоляции общества, в связи с чем осужденный не перестает участвовать в основных социальных процессах, сохраняя ключевые социальные роли и значительную часть самостоятельности в обеспечении своей жизнедеятельности. Но, при этом, помещение осужденного в ИУОТ позволяет изъять его из негативного социального окружения и ограничить его жизнедеятельность достаточно жесткими рамочными условиями, чего невозможно достичь при назначении иных несвязанных с изоляцией от общества наказаний, отбываемых осужденным по месту жительства (ограничение свободы без направления в ИУОТ, исправительные работы) [4, с. 223]. Здесь исследователь подчеркивает, что при исполнении ограничения свободы с направлением в ИУОТ на личность осужденного не оказывают влияние негативные факторы, свойственные лишению свободы: изоляция от общества, принудительное включение в однополюсную среду, строгая регламентация жизнедеятельности [4, с. 223]. Это закономерно, так как при исполнении указанного вида наказания «в отличие от лишения свободы степень ограничения личной свободы осужденного не столь выражена» [3, с. 114].

На основании изложенного, автор считает возможным утверждать, что ограничение свободы с направлением в ИУОТ является оптимальной альтернативой лишению свободы при назначении наказания лицам, совершившим преступление, а также данный вид наказания может эффективно выполнять функцию промежуточной ступени прогрессивной системы отбывания наказания, обеспечивающей постепенную интеграцию в общество осужденных к лишению свободы [5, с. 169].

Список источников

1. Уголовно-исполнительное право. Особенная часть : учеб. пособие : в 2 т. / И. Р. Вечерников [и др.] ; под общ. ред. В. Б. Шабанова ; учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2022, Т. 1. 258 с.

2. Шарков А. В. Уголовно-исполнительное право : учебник. Минск : Тесей, 2005. 320 с.

3. Уголовно-исполнительное право : учеб.-метод. комплекс / Ю. Л. Сиваков, Д. В. Шаблинская. Минск : Изд-во МИУ, 2007. 260 с.

4. Стуканов В.Г. Исправительная педагогика : учеб. пособие. 2-е изд., доп. и исправл. / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2020. 358 с.

5. Павленко Д. А. Ресоциализирующая сущность наказания в виде ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 28 янв. 2022 г.). Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2022. С. 168–169.

ОКСАНА БРОНИСЛАВОВНА ПАНОВА,

доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры юридической психологии и педагогики,
ВИПЭ ФСИН России, г. Вологда, Россия,
e-mail: xenia-vipe@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННО ПОЛЕЗНЫЙ ТРУД И ЕГО РОЛЬ В ИСПРАВЛЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы привлечения осужденных к общественно полезному труду в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний с опорой на элементы историко-педагогического анализа и выделение международных и отечественных нормативных правовых требований к организации труда заключенных; обозначаются функции труда как средства исправления осужденных. Называются проблемные аспекты и некоторые направления совершенствования организации общественно полезного труда в местах лишения свободы.

Ключевые слова: общественно полезный труд, принудительный труд, личностные качества, исправление осужденных, ресоциализация, трудовые права осужденных.

Идея использования труда в качестве средства исправления присуща различным моделям исправления правонарушителей и традиционно используется во многих государствах. Она основывается на представлении о том, что в процессе трудовой деятельности формируются личностные качества: достоинство, ответственность, самостоятельность; осужденные знакомятся с вопросами трудового законодательства, получают возможность заработать деньги для того, чтобы обеспечивать себя материально и иметь возможность для выполнения исковых обязательств. С. В. Познышев отмечал, что «праздность развращает человека, а при тех особых условиях, в которых живут арестанты, она и вовсе вредна» [6, с. 183]. Следует отметить, что принудительный труд нередко сопровождается внутренним неприятием со стороны осужденных. Наиболее ярко негативное отношение к подневольному труду отписал Ф. М. Достоевский в «Записках из мертвого дома»: «На работу смотрели с ненавистью... тягость и каторжность этой работы не столько в трудности и непрерывности ее, сколько в том, что она – принужденная, обязательная, из-под палки» [3, с. 5].

Несмотря на то что изображаемые Ф. М. Достоевским обстоятельства относятся к давнему историческому периоду – середине XIX в., и с тех пор произошли существенные позитивные изменения в сфере организации труда осуж-

денных, по-прежнему отмечается негативное отношение к труду у определенной части осужденных. С. А. Ветошкин отмечает, что труд в современных ИУ «нередко бывает монотонным и тяжелым», и осужденные нередко относятся к нему как к неизбежной обязанности [1, с. 37]. Анализируя современное состояние организации труда осужденных в исправительных учреждениях, Уполномоченный по правам человека Т. Н. Москалькова отмечает, что тематика обращений, поступающих из учреждений УИС, отражает наличие серьезных проблем в исследуемой сфере. Так, основной прирост жалоб от осужденных произошел, в том числе, за счет обращений, касающихся привлечения к труду и оплаты труда (+31 %) [2, с. 324]. Кроме того, традиционно осужденные жалуются на непредоставление им необходимых нормативных актов, касающихся их трудовых прав, недостаточность информации о возможности трудоустройства после освобождения, отсутствие соответствующей разъяснительной работы [2, с. 324].

Для того чтобы труд выступал подлинным средством исправления осужденных, его организация должна соответствовать определенным требованиям. А. С. Макаренко, имевший богатый опыт организации трудового воспитания правонарушителей, считал, что труд становится средством позитивного изменения личности тогда, когда производимая продукция является общественно значимой и престижной, обеспечена моральная и материальная заинтересованность производителей, осуществляется их развитие [4, с. 220–244].

Применительно к организации общественно полезного труда в пенитенциарных учреждениях Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными установили следующие нормы:

- заключенные должны иметь возможность работать при условии установления врачом или другими квалифицированными медицинскими специалистами их физической и психической пригодности;

- их надлежит включать в полезную работу в той мере, чтобы занять нормальный рабочий день;

- предоставляемая осужденным работа должна соответствовать такой квалификации, чтобы после освобождения они могли применять свои трудовые навыки;

- осужденным должна быть предоставлена возможность выполнять работу по своему выбору, если это не противоречит законодательству и совместимо с требованиями, установленными в пенитенциарном учреждении;

- организация и методы работы в пенитенциарных учреждениях должны соотноситься с теми, которые применяются за их границами, с тем, чтобы осужденные адаптировались к условиям труда на свободе [5].

В этом же ключе сформулированы европейские пенитенциарные правила, утверждающие, что труд должен рассматриваться как положительный элемент тюремного режима и никогда не должен использоваться в качестве наказания [7].

Общественно полезный труд как средство исправления регламентируется в ст. 9 и 103 УИК РФ. Статья 103 «Привлечение к труду осужденных к лишению свободы» определяет, что труд осужденных в ИУ является обязательным.

Осужденные обязаны трудиться в местах и на работах, которые определяет администрация места лишения свободы. Привлечение осужденных к труду осуществляется с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и, по возможности, специальности. Организационно-правовые основы привлечения осужденных к труду содержатся и в Законе РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». Осужденные привлекаются к труду в различных организационно-правовых формах. Такими формами являются:

- центры трудовой адаптации осужденных;
- производственные мастерские исправительных учреждений;
- федеральные государственные унитарные предприятия уголовно-исполнительной системы;
- собственные предприятия ИУ;
- государственные предприятия;
- предприятия иных форм собственности при условии обеспечения надлежащей охраны и изоляции осужденных;
- предприятия по хозяйственному обслуживанию учреждений, исполняющих наказания, и следственных изоляторов.

Центры трудовой адаптации осужденных и производственные мастерские являются структурными подразделениями учреждений, исполняющих наказания, и реализуют требования уголовно-исполнительного законодательства РФ по таким направлениям, как организация профессиональной подготовки осужденных, привлечение их к труду и закрепления у них трудовых навыков. Центры трудовой адаптации осужденных создаются в ИК. Существуют производственные мастерские двух видов: учебно-производственные мастерские и лечебно-производственные мастерские, создаваемые соответственно в ВК и лечебных исправительных учреждениях.

При осуществлении собственной производственной деятельности учреждения, исполняющие уголовные наказания, обязаны:

- обеспечивать работающим условия труда в соответствии с законодательством РФ, иными нормативными правовыми актами РФ и нормативными правовыми актами Министерства юстиции РФ;
- выполнять обязательства по заключенным ими договорам;
- нести ответственность в соответствии с законодательством РФ за нарушение договорных обязательств, прав собственности других субъектов хозяйственной деятельности, загрязнение окружающей природной среды, несоблюдение безопасных условий труда, невыполнение санитарно-гигиенических норм и требований по защите жизни и здоровья граждан и др.

Для ведения собственной производственной деятельности ИУ имеют право:

- осуществлять собственную производственную деятельность без дополнительной регистрации;
- привлекать на договорных началах и использовать финансовые средства, иное имущество, в том числе имущественные права, результаты интеллекту-

альной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность), физических и юридических лиц;

- самостоятельно выбирать поставщиков материально-технических ресурсов и потребителей выпускаемой продукции, устанавливать на нее цены в пределах, определенных законодательством РФ, за исключением продукции, изготовленной по заказу на поставки продукции для государственных нужд;

- утверждать штаты рабочих и служащих, занятых в собственной производственной деятельности этих учреждений, а также принимать их на работу и увольнять с работы в соответствии с законодательством РФ о труде;

- распоряжаться выпускаемой продукцией, за исключением продукции, изготовленной по заказу на поставки продукции для государственных нужд, и всей полученной прибылью (доходами), оставшейся после уплаты обязательных платежей в соответствующие бюджеты и государственные внебюджетные фонды и др.

Привлечение осужденных к труду на объектах предприятий любых организационно-правовых форм, не входящих в уголовно-исполнительную систему, расположенных на территориях учреждений, исполняющих наказания, и вне их, осуществляется на основании договоров (контрактов), заключаемых руководством учреждений, исполняющих наказания, с этими предприятиями. Осужденные, привлекаемые к труду на объектах таких предприятий, также должны гарантированно обеспечиваться заработной платой, средствами для выплаты необходимых пособий, безопасными условиями труда в соответствии с российским законодательством о труде.

Осужденные могут привлекаться к работам по хозяйственному обслуживанию СИЗО. В ВК на выполнение работ по хозяйственному обслуживанию могут привлекаться только лица, достигшие 18-летнего возраста. Осужденные, отбывающие лишение свободы в тюрьмах, могут привлекаться к труду только на территории тюрьмы.

Законодательство РФ не определяет общественно полезный труд осужденных как безусловную обязанность. Осужденные пенсионного возраста, а также лица, являющиеся инвалидами I или II группы, привлекаются к труду по их желанию. Несовершеннолетние осужденные привлекаются к труду в соответствии с законодательством РФ о труде применительно к данной возрастной категории.

Как средство исправления осужденных общественно полезный труд выполняет следующие функции:

- экономическую функцию, ориентирующую на производство материальных благ как части национального дохода государства; дающая возможность тратить часть заработанных денег на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, частично компенсировать государственные расходы на содержание осужденного, минимизировать материальный ущерб, причиненный преступлением, пополнить фонд личных сбережений заключенных и др.;

- развивающую функцию, означающую необходимость создать условия, при которых по возвращению осужденных в общество у них будут сохранены или приобретены определенные трудовые навыки;

– воспитательную функцию, заключающуюся в формировании у осужденных социально одобряемых личностных качеств: целеустремленности, настойчивости, дисциплинированности, ответственности, самостоятельности, аккуратности, готовности доводить дело до конца, упорства, коммуникабельности, товарищества и др.;

– социальную функцию, состоящую в повышении социального статуса осужденного на фоне появления у него опыта коммуникативного взаимодействия, формирования самоуважения к себе как человеку труда. По этому поводу С. В. Познышев подчеркивал: «Сознание человека, что он честно работает, поднимает его в собственных глазах, оказывает на него облагораживающее влияние» и он увереннее чувствует себя в обществе [6, с. 183];

– оздоровительную функцию, указывающую на важность «поддержания гармонии физических сил арестанта», поскольку, по мнению И.Я. Фойницкого, «тюремное заключение, уменьшая сумму мускульных движений заключенного, грозит само по себе ослаблением его физических сил и выход из этой опасности может быть доставлен только тюремной работой» [8, с. 368, 373].

В ходе реализации социальной функции труда необходимо решать задачи, направленные на формирование и сплочение трудового коллектива осужденных, в котором имеют место четко определенная общая цель и схожие производственные интересы; достигаются пусть даже незначительные успехи в совместной производственной деятельности, обнаруживается бесспорное преимущество коллективной деятельности перед индивидуальной; происходит преодоление ограниченности интеллектуальных и физических способностей каждого отдельно взятого осужденного и др.

Рассматривая пути усовершенствования организации общественно полезного труда осужденных немаловажным является учет современных тенденций развития науки и техники, ориентирующих на увеличение присутствия человека в виртуальной реальности. В этой связи значимым становится сопровождение адаптации осужденных к новым условиям труда и представляется важным уделять особое внимание обеспечению трудовых прав в цифровой среде [2, с. 186]; повсеместное внедрение информационных терминалов, позволяющих получать доступ к правовой и справочной информации, касающейся реализации трудовых прав осужденных, которые хорошо зарекомендовали себя в Красноярском крае и в г. Москве [2, с. 323].

Таким образом, общественно полезный труд как средство исправления осужденных выступает как особая деятельность, в которой осужденные могут обрести личностное достоинство и реализовать личную ответственность перед обществом путем минимизации негативных последствий от совершенных преступлений за счет частичного возмещения государству расходов на свое содержание в ИУ; полного или частичного погашения исков по исполнительным листам; оказания материальной поддержки своим родственникам и др. Данное средство исправления становится действенным, когда происходит активное развёртывание реально значимого общественно полезного труда, состоящего в производстве осужденными продукции, пользующейся большим спросом в об-

шестве; вовлечение осужденных в движение рационализаторов; предоставление им возможности участия в обсуждении вопросов, касающихся повышения производительности труда, снижения себестоимости продукции, внедрения новаторских идей и т.п.

Список источников

1. Ветошкин С. А. Проблемы теории и практики пенитенциарной педагогики // Педагогика. 2003. № 4. С. 36–45.
2. Доклад о деятельности по уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год. URL: ombudsmen_doklad_2022_e29.pdf (дата обращения: 10.08.2023).
3. Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. М., 2022. 352 с.
4. Макаренко А. С. Воспитание гражданина. М., 1988. 304 с.
5. Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) : приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 70/175 17 декабря 2015 г. (пр. 96–103). URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Nelson_Mandela_Rules-R-ebook.pdf (дата обращения: 10.08.2023).
6. Познышев С. В. Очерки тюрьмоведения. М., 1915. 298 с.
7. Рекомендация Комитета министров Совета Европы государствам-членам № Rec (2006) 2-REV «Европейские пенитенциарные правила» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2020. № 8(218).
8. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1898. 517 с.

ИННА АНДРЕЕВНА ПОДРОЙКИНА,

доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Ростовский филиал ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: 919820@mail.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ СОВМЕСТИМОСТИ

Аннотация: в статье приводятся данные относительно изменений уголовного законодательства в части регламентации видов освобождения от уголовной ответственности. Отмечается, что в последние годы возможности освобождения от уголовной ответственности существенным образом расширены, причем такое расширение связано не только с деятельностью законодателя, но и Верховного суда Российской Федерации, который дал расширительное толкование целому ряду норм уголовного закона. В целом автор не поддерживает широкое использование на практике освобождения от уголовной ответственности, так как, по его мнению, это не способствует достижению задач уголовного законодательства, и в первую очередь задачи предупреждения преступлений.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, уголовная политика, гуманизация, задачи уголовного закона, предупреждение преступлений.

Не секрет, что в последнее время уголовная политика характеризуется крайней нестабильностью. С одной стороны, законодатель постоянно увеличивает число статей УК, закрепляющих уголовную ответственность за различные виды правонарушающего поведения, все более криминализируя отдельные сферы деятельности, ужесточая наказание за целый ряд преступлений, в том числе дополняя санкции одним из наиболее строгих видов наказания – пожизненным лишением свободы. Итог – по сравнению с первоначальной редакцией уголовного закона количество статей Особенной части УК увеличилось почти вдвое, а число законов, его изменяющих уже превысило 250. С другой стороны, все это происходит на фоне постоянных призывов к гуманизации уголовного закона, поиска различных вариантов улучшения положения лиц, совершающих преступления. Реализация цели гуманизации уголовного закона затронула и институт освобождения от уголовной ответственности.

В целом можно говорить о трех блоках законодательных новелл в части регламентации освобождения от уголовной ответственности, которые привели к существенному расширению сферы действия данного института. Во-первых,

это изменение круга преступлений, по которым допустимо освобождение от уголовной ответственности по таким «классическим» видам освобождения, как в связи с примирением с потерпевшим и в связи с деятельным раскаянием, посредством включения в него преступлений средней тяжести. Во-вторых, дополнение главы 11 УК новыми видами освобождения от уголовной ответственности – в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1) и в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76.2). В-третьих, дополнение Особой части УК примечаниями к статьям, в которых описываются специальные виды освобождения от уголовной ответственности.

Однако стоит обратить внимание на то, что не только внесенные изменения в закон привели к расширению возможностей освобождения от уголовной ответственности. Не менее значима здесь и работа Верховного Суда РФ, который своим толкованием положений уголовного закона, изменил ранее существовавшие взгляды на применение норм главы 11 УК, а также современная судебная практика. Так, в частности, те рекомендации, которые даны ВС РФ в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [1], существенно изменили понимание впервые совершенного преступления, признали допустимым применять положения ст. 76 УК о примирении в случаях смерти потерпевшего, разрешили возмещать ущерб в рамках всех видов освобождения от ответственности не только виновному, но и вместо него иными лицами и т. д. Еще дальше пошел ВС РФ в 2018 г. Так, в своем постановлении от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений ч. 6 ст. 15 УК» [2] он разрешил применять положения главы 11 УК в случаях изменения категории преступления на более мягкую на этапе вынесения приговора, фактически подменив институт освобождения от уголовной ответственности институтом освобождения от наказания, но на основании норм анализируемой главы.

Коренным образом изменилась и судебная практика. Так, например, вопреки ранее сложившихся традиций, устоявшихся теоретических взглядов, в современной судебной практике уже не единичны факты освобождения в связи с примирением с потерпевшим в случае совершения многообъектных преступлений, в которых личность, ее права и свободы выступают в качестве дополнительного непосредственного объекта, однообъектных преступлений, в которых непосредственным объектом выступают общественные или государственные интересы, а также в случаях, когда наступила смерть потерпевшего. Причем в первых двух ситуациях такая смена курса произошла в результате принятия решений по конкретным делам, и их неотменной вышестоящими судами, а в третьем (как указывалось выше) соответствующие рекомендации были даны Верховным Судом РФ и они были активно восприняты судебским сообществом.

Как с позиции справедливости, реализации задач уголовного законодательства и того смысла, который первоначально закладывался в ст. 76 УК, можно оценить допустимость освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим в следующих случаях (это реальные при-

меры из судебной практики, причем уже не единичные): в связи с примирением с потерпевшим при убийстве матерью новорожденного ребенка, когда потерпевшей признается мать убившей ребенка женщины (бабушка младенца) или отец ребенка и с ними виновная примирилась (ст. 106 УК); при причинении смерти по неосторожности (ч. 1 ст. 109 УК), в том числе вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК); при нарушении правил дорожного движения, повлекшего по неосторожности смерть двух и более лиц (ч. 5 ст. 264 УК) [3, с. 62]? Обратим внимание, что в последнем случае законодатель в качестве максимального наказания предусматривает лишение свободы на срок до 7 лет, что сравнимо с наказанием за убийство.

Как с позиции реализации задач уголовного законодательства, в числе которых названо и предупреждение совершения новых преступлений, принципов уголовного права, понятия преступления и признания таковым общественно опасных деяний, характеризующихся наивысшей общественной опасностью, оценить тот факт, что количество примечаний к статьям Особенной части УК, описывающих специальные случаи освобождения от уголовной ответственности, не просто растет из года в год, темпы такого роста ежегодно набирают обороты? Так, в частности, на момент принятия современного уголовного закона, в нем содержалось всего 13 примечаний, описывающих специальные случаи освобождения от уголовной ответственности, что составляло 5 % от общего числа статей Особенной части УК. По сравнению с предшествующим законодательством (УК РСФСР 1960 г.) количество примечаний увеличилось вдвое (если говорить о доле соответствующих примечаний, то она увеличилась в 2,5 раза). В настоящее время (по состоянию уголовного законодательства на 19 августа 2023 г.) в 56 примечаниях к статьям Особенной части УК предусматривается обязанность освобождения от уголовной ответственности по 59 статьям (2 примечания распространяют свое действие не только на статью, после которой размещены, но и на иные статьи). Доля статей Особенной части УК, имеющих примечания в которых описываются специальные случаи освобождения от уголовной ответственности, составила около 15 %. Иными словами, по сравнению с первоначальной редакцией УК 1996 г. количество анализируемых примечаний увеличилось более чем в 4 раза, а доля в общем числе статей Особенной части УК – почти в 3 раза. При этом обращает на себя внимание тот факт, что столь значительное увеличение специальных случаев освобождения от уголовной ответственности произошло за счет вновь введенных статей, которые включались в УК уже сразу с соответствующими примечаниями (например, ст. 199.1–199.4, 200.1, 200.3, 330.3 УК и др.). Заметим, что еще в 2013 г. подобных примечаний было в два раза меньше. Невольно создается впечатление, будто сам законодатель не очень уверен в необходимости установления именно уголовной ответственности за данные деяния, раз сразу оговаривает возможность освобождения от нее. Особенно это касается случаев дополнения соответствующими примечаниями преступлений, относящихся к категориям небольшой и средней тяжести, когда вопреки положениям ч. 1 ст. 75

УК для них устанавливаются иные, более льготные условия освобождения от уголовной ответственности, в том числе в силу императивности положений, закрепленных в данных примечаниях. Можно уже говорить о том, что и в научной среде сложился некий «тренд» предлагать дополнять уголовный закон все новыми статьями с примечаниями, допускающими возможность освобождения от уголовной ответственности [4–6].

По этому поводу хочется привести слова В. К. Дуюнова: «...следует быть весьма осторожным при расширении перечня оснований для освобождения в рассматриваемых «специальных случаях». Не следует забывать, с одной стороны, что речь зачастую идет о тяжких и особо тяжких преступлениях, с другой стороны, что уголовное законодательство содержит весьма широкий перечень всевозможных видов освобождения и от уголовной ответственности, и от наказания. Научиться бы грамотно использовать уже имеющиеся возможности» [7, с. 348].

Подводя итог, хотелось бы сказать, что необдуманное, чрезмерное расширение возможностей использования института освобождения от уголовной ответственности, нивелирует предупредительный потенциал уголовного законодательства, а также ставит под сомнение реализацию принципов равенства, гуманизма и справедливости. Как известно, предупреждение делится на два вида – общее и частное. Насколько будет достижимо общее предупреждение, если сегодня активно не только пропагандируется освобождение от уголовной ответственности, но и применяется. До 30 % лиц, в отношении которых дела доходят до суда, освобождаются от уголовной ответственности по разным основаниям. И это только на стадии судебного разбирательства (что видно из данных, представленных на сайте Управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ). А ведь по многим видам освобождение от ответственности допустимо и на этапе предварительного расследования. Только цифры эти не находятся в открытом доступе, поэтому объективно оценить насколько часто положения главы 11 УК применяются на этой стадии не представляется возможным.

Многokратное освобождение от уголовной ответственности, чрезмерно широкое понимание впервые совершенного преступления, допущение освобождения от уголовной ответственности в случаях совершения сразу нескольких преступлений при отсутствии судимости, возможность изменения категории преступления и освобождение от наказания по нормам главы 11 УК, все это, по нашему мнению, ведет к безнаказанности широкого круга лица, а безнаказанность, как известно, выступает одной из причин преступности и препятствует реализации такой задачи уголовного права, как специальная превенция.

Освобождение от уголовной ответственности не должно стать правилом, ведь изначально задумывалось, что такое освобождение будет осуществляться в исключительных случаях, действительно свидетельствующих о том, что лицо не нуждается в дальнейшей уголовной репрессии, что должно быть подтверждено соответствующим поведением. Более того, не обеспечивает такая увлеченность законодателя поиском вариантов освобождения от уголовной ответ-

ственности и реализацию задачи охраны прав и законных интересов личности, общества и государства, так как с одной стороны он признает то или иное деяние обладающим достаточно высокой общественной опасностью, что позволяет признать его преступным, а с другой – сразу предлагаются варианты освобождения от уголовной ответственности. Проводимая политика государства создает ощущение несправедливости, не только у потерпевших, но и у иных членов общества. По нашему мнению, если законодатель не до конца уверен в необходимости установления соответствующего уголовно-правового запрета, то приоритетным направлением его деятельности должен явиться поиск иного – не уголовно-правового способа реагирования на соответствующее поведение. Если же деяние отнесено к числу преступных, если механизм уголовно-правового реагирования запущен, то виновный должен быть привлечен к уголовной ответственности, исключения допустимы, но и исключения не должны превращаться в правила. Кроме того, открытым остается еще и вопрос о том, зачем тратятся финансовые и людские ресурсы, если те самые задачи, которые обозначены в уголовном законе не реализуются?

Список источников

1. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.
2. О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2018. № 7.
3. Дуюнов В. К., Подройкина И. А., Закомолдин Р. В. Освобождение от уголовной ответственности и от уголовного наказания в механизме уголовно-правового воздействия : монография. М. : Юрлитинформ, 2022. 264 с.
4. Сердюкова Е. В. Основания освобождения от уголовной ответственности за торговлю людьми // Законность. 2013. № 2. С. 54–57.
5. Быков А. И. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности по ст. 220 и 221 Уголовного кодекса Российской Федерации // Российский следователь. 2021. № 3. С. 34–37.
6. Власенко В. В. Освобождение от уголовной ответственности при совершении преступлений против физической свободы человека: проблемы законодательной регламентации и практического применения // Российский судья. 2021. № 6. С. 26–33.
7. Дуюнов В. К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика : монография. М., 2003. 520 с.

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ ПОНИКАРОВ,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного и финансового права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия,
e-mail: Minrs@yandex.ru

**РЕЖИМНО-ЗАКОННЫЕ КРИТЕРИИ ПРИМЕНЕНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНОЙ И ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
К СОТРУДНИКАМ ОТДЕЛОВ БЕЗОПАСНОСТИ
ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
(ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)**

Аннотация: статья посвящена научным идеям, которые обеспечивают режим законности в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, привлекаемых к административной и дисциплинарной ответственности.

Ключевые слова: режим законности, административная и дисциплинарная ответственность, законность, сотрудники Федеральной службы исполнения наказаний, уголовно-исполнительная система.

Публично-правовые аспекты, связанные с привлечением сотрудников уголовно-исполнительной системы к административной и иной ответственности содержатся во многих нормативных актах. Анализ законодательства Российской Федерации, позволяет нам говорить, что в настоящее время статья 2.5 КоАП РФ устанавливает административную ответственность военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), а также и иных работников правоохранительной деятельности. Заметим, что нас интересуют исключительно сотрудники уголовно-исполнительной системы. Часть 1 указанной выше правовой нормы закрепляет положение о том, что за административные правонарушения сотрудники уголовно-исполнительной системы в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации, регламентирующими прохождение службы, несут дисциплинарную ответственность.

Тем не менее часть 2 статьи 2.5 КоАП РФ закрепляет положение о том, что сотрудники УИС за такие административные правонарушения как:

- нарушения, посягающие на права граждан (статьи 5.1–5.26, 5.45–5.52, 5.56 КоАП РФ);
- нарушения, посягающие на здоровье санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность (статья 6.3 КоАП РФ);
- нарушения в области охраны собственности (статьи 7.29–7.32 КоАП РФ);
- нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования (глава 8 КоАП РФ);

- нарушения на транспорте (статья 11.16 КоАП РФ);
- нарушения в области дорожного движения (глава 12 КоАП РФ);
- нарушения в сфере предпринимательской деятельности (статья 14.9, часть 3 статьи 14.32 КоАП РФ);
- нарушения в области финансов, налогов и сборов (глава 15 КоАП РФ);
- нарушение таможенных правил (глава 16 КоАП РФ);
- нарушения, посягающие на институты государственной власти (статьи 17.3, 17.7–17.9, части 1 и 3 статьи 17.14, 17.15 КоАП РФ);
- нарушения в области защиты государственной границы, обеспечения режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства (статьи 18.1–18.4 КоАП РФ);
- нарушение против установленного порядка управления (статьи 19.5 КоАП РФ, часть 5 статьи 19.8 КоАП РФ);
- нарушение, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность (статья 20.4 КоАП РФ), сотрудники УИС несут административную ответственность на общих основаниях, то есть как гражданские лица РФ.

Стало быть, если сотрудник УИС, находясь на материально-ответственной должности, совершил административное правонарушение, предусмотренное, например, статьей 15.1 КоАП РФ «Нарушение порядка работы с денежной наличностью и порядка ведения кассовых операций» он должен нести административную ответственность на общих основаниях. Или, например, за нарушение статьи 15.14 КоАП РФ «Нецелевое использование бюджетных средств» руководители (аттестованные сотрудники УИС), ответственные за организацию бухгалтерского учета и сферу финансово-хозяйственной деятельности, будут нести административную ответственность.

Приведем еще один пример, сотрудник УИС совершил административное правонарушение, предусмотренное статьей 12.8 КоАП РФ «Управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения». Следовательно, данный сотрудник пенитенциарной системы тоже будет нести административную ответственность. Следует отметить, что к сотрудникам УИС не может быть применено административное наказание в виде административного ареста (часть 2 статьи 3.9 КоАП РФ). А если, например, данный сотрудник совершил административное правонарушение, предусмотренное статьей 20.1 КоАП РФ «Появление в общественных местах в состоянии опьянения», или, например, он нарушил сроки регистрации (перерегистрации) гражданского оружия, то есть совершил административное правонарушение, предусмотренное статьей 20.11 КоАП РФ. Следовательно, сотрудник УИС на основании части 1 статьи 2.5 КоАП РФ будет нести дисциплинарную ответственность.

Анализ практики позволяет говорить, что сотрудник пенитенциарной системы, совершивший административное правонарушение, привлекается потом еще и к дисциплинарной ответственности. Например, сотрудник УИС совершил административное правонарушение, предусмотренное статьей 12.12 КоАП РФ «Проезд на запрещающий сигнал светофора или на запрещающий жест регулировщика». За данное противоправное деяние он был привлечен к ответ-

ственности в виде административного штрафа. Об этом узнает его начальник и наказывает этого сотрудника еще и в дисциплинарном порядке за нарушение служебной дисциплины. С одной стороны, согласно требованиям служебной дисциплины сотрудники уголовно-исполнительной системы обязаны соблюдать установленные законодательством России различные правила, в том числе Правила дорожного движения. С другой, указанный сотрудник уже был наказан за совершенное правонарушение в административном порядке на основании статьи 2.5 КоАП РФ, а его еще привлекают и к дисциплинарной ответственности. Получается, что за одно, и то же деяние сотрудник несет ответственность «дважды», сначала административную, а затем еще дисциплинарную. Как нам представляется, неправомерные деяния физических лиц, подпадающие под одну ответственность, обязаны исключать другую [1, с. 131–134].

Заметим, что дисциплинарные проступки не относятся к административным правонарушениям. Конкретные нарушения служебной дисциплины зафиксированы в статье 49 Федерального закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [2, с. 436].

Авторы предлагает закрепить в статье 2.5 КоАП РФ правило, согласно которому дисциплинарные взыскания не налагаются, если применено административное наказание на общих основаниях. Неправомерные деяния, которые подпадают под одну ответственность, обязаны исключать другую.

Более того, это будет корреспондироваться со статьей 15 Федерального закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». Так, например, в части 2 указанного выше закона говорится: «За совершение административного правонарушения сотрудник несет дисциплинарную ответственность в соответствии с настоящим Федеральным законом, за исключением административного правонарушения, за совершение которого сотрудник подлежит административной ответственности на общих основаниях в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях».

Таким образом, получается, если сотрудник УИС был привлечен к административной ответственности на общих основаниях, то дисциплинарная ответственность к нему уже не применяется.

Список литературы

1. Поникаров В. А. Теоретическое и практическое исследование мер административного принуждения в деятельности УИС // Человек: преступление и наказание. 2012. № 4. С. 131–134.
2. Поникаров В. А. Некоторые аспекты административной ответственности осужденных граждан Российской Федерации // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2002. С. 436.

ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА ПУПЫШЕВА,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса,
Омская академия МВД России, г. Омск, Россия,
e-mail: lyuba-shabalina@yandex.ru

**ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ К ЛИЦУ
ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА
(УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ
И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ)**

Аннотация: автор показывает сходство и различия оснований исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера. С учетом возможного расширения в законодательстве перечня иных мер уголовно-правового характера в статье анализируются варианты, подходы к нормативному выражению в законе оснований применения «новых» мер уголовно-правового характера. Особое внимание уделено процессуальной форме закрепления оснований их применения как фактору, способствующему либо сдерживающему их использование правоприменителем, подчеркивается, что ее содержание зависит от юридической природы каждой отдельно взятой меры уголовно-правового характера.

Ключевые слова: наказание, принудительная мера уголовно-правового характера, условное осуждение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, замена наказания, суд, приговор, постановление суда.

В системе исправительно-предупредительных средств воздействия на лиц, совершивших запрещенные уголовным законом деяния, иные меры уголовно-правового характера, исчерпывающе перечисленные в разделе VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера», значительно реже применяются в сравнении с уголовными наказаниями. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2022 г. принудительные меры медицинского характера (гл. 15 УК РФ, гл. 51 УПК РФ) назначены 8,4 тыс. лицам. Конфискация имущества на основании ст. 104.1 УК РФ применена в отношении 5545 лиц. В 2022 г. к различным видам уголовных наказаний осуждены 600,5 тыс. лиц.

В юридической литературе в статусе наиболее значимых межотраслевых научных и законотворческих проблем обсуждается комплекс вопросов, связанных с выяснением юридической природы иных (альтернативных наказанию) мер уголовно-правового характера, определением круга таких мер. При широком их понимании в него дополнительно к названным в законе включаются условное осуждение (ст. 73 УК РФ), условно-досрочное освобождение от отбы-

вания наказания (ст. 79, 93 УК РФ), отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК), принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетнему осужденному (ч. 2 ст. 92 УК РФ) [3, с. 10–11]. В случае развития законодательства в данном направлении следует ожидать возникновение ситуаций правовой неопределенности в области уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права.

Корректировка предмета регулирования уголовно-исполнительного права путем распространения его норм на общественные отношения, возникающие при принятии судом решений о применении перечисленных выше мер уголовно-правового характера, существенно изменит представления о целях и задачах уголовно-исполнительного законодательства. В силу специфики отдельных мер уголовно-правового характера, отсутствия у них признаков уголовного наказания [О признаках наказания см.: 1, с. 13–15] объективно трудно «вписать» их в структуру УИК РФ, которая исторически и фактически ориентирована на достижение целей уголовного наказания.

Даже при смене парадигмы уголовно-исполнительного законодательства с закреплением в нем таких его целей и задач, которые диктуются как целями уголовного наказания, так и целями иных мер уголовно-правового характера, добиться четкой, логически правильно выстроенной и внутренне непротиворечивой структуры нормативного комплекса на базе действующего УИК РФ крайне затруднительно. И вот почему.

Во-первых, в уголовно-правовой теории пока не выработано объединяющей консолидированной позиции на понятие иных мер уголовно-правового характера, их соотношения с уголовными наказаниями. Писаное законодательство в исследуемой части явно опережает темпы доктринальных разработок феномена «иные меры уголовно-правового характера».

Во-вторых, представленные в юридической литературе перечни (системы) иных мер уголовно-правового характера весьма условны, критерии их составления во многом субъективны.

В-третьих, отдельные меры уголовно-правового характера в связи с их неординарностью, в частности принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, предполагают специальный порядок их исполнения в медицинских организациях, оказывающих психиатрическую помощь, и не входящих в систему учреждений и органов, исполняющих наказания.

Схожая картина наблюдается и при рассмотрении особенностей такой принудительной меры воспитательного воздействия, применяемой к несовершеннолетнему осужденному, как направление его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ч. 2 ст. 92 УК РФ). «Пикантность» ее состоит в том, что мера уголовно-правового характера, заменившая назначенное несовершеннолетнему наказание в виде лишения свободы, исполняется учреждениями органов образования. Соответственно применение данной меры уголовно-правового характера нормами УИК РФ не регулируется.

В-четвертых, законодатель предусматривает близкие по своей публично-правовой природе, карательному содержанию, предупредительной направленности и порядку применения меры уголовно-правового воздействия и в качестве уголовного наказания, и в качестве иной меры уголовно-правового характера. Подобный «правовой эксперимент» в российском законодательстве на примере штрафа проводится уже в течение семи лет, старт ему дал Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. Законодатель создал искусственное положение, когда штраф, назначенный в одном и том же размере, одному и тому же лицу, за совершение одного и того же преступления, может рассматриваться и как уголовное наказание (ст. 46 УК РФ), и как иная мера уголовно-правового характера (ст. 76.2, гл. 15.2 УК РФ). В первом случае суд выносит обвинительный приговор, во – втором постановление. Правила исполнения штрафа, назначенного в качестве уголовного наказания, являются неотъемлемой частью УИК РФ (гл. 5). Абсолютно ничем не отличающиеся от них правила исполнения штрафа как иной меры уголовно-правового характера, напротив, не восприняты УИК РФ. При таком подходе обнаружить тонкую грань, позволяющую распознать в штрафе уголовное наказание либо иную меру уголовно-правового характера, весьма проблематично. Рано или поздно конструкция «раздвоения» штрафа, применявшегося ранее судами только в качестве уголовного наказания, должна была показать свою нежизнеспособность. И если за счет задействования административного ресурса в первые годы действия Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ показатели применения судебного штрафа были впечатляющими (ежегодно он назначался 50–60 тыс. подозреваемым, обвиняемым, освобожденным от уголовной ответственности за совершение преступления небольшой или средней тяжести), то затем применение данной меры уголовно-правового характера резко сократилось с тенденцией продолжения ее дальнейшего «свертывания». В подтверждение сказанного приведем следующие статистические данные:

– в 2020 г. следователями ОВД направлено в суд 20,5 тыс. уголовных дел с постановлением о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого) о назначении ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, что почти вдвое меньше (–43,0 %) в сравнении с предыдущим 2019 г.;

– в 2021 г. следователи ОВД направили в суд 11,5 тыс. уголовных дел этой категории (–66,0 %), а за 2022 г. – только 3,9 тыс. (–66,6 %);

– если в 2021 г. органами дознания направлено в суд 3,7 тыс. уголовных дел с постановлением о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого) о назначении ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, что на 59,2 % меньше по сравнению с 2020 г., то за 2022 г. этот показатель равнялся уже 1 тыс. (–72,6 %).

В-пятых, при изложении в законе оснований применения к лицу иных мер уголовно-правового характера большое значение имеет корректность их описа-

ния с позиций уголовно-процессуального законодательства, его понятий, терминов. В любом случае иные меры уголовно-правового характера применяются на основании судебного решения, которому присуща соответствующая уголовно-процессуальная форма. Последняя может адекватно отражать юридическую природу конкретной меры уголовно-правового характера и обеспечивать принятие в разумные сроки законного и обоснованного судебного решения. В противном случае процессуальный режим применения меры уголовно-правового характера способен в силу чрезмерного усложнения сдерживать ее использование даже тогда, когда это с очевидностью вытекает из сложившейся юридической ситуации.

Например, конструктивный недостаток порядка применения к несовершеннолетним меры уголовно-правового характера в виде направления в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органов образования – его необоснованно усложненный процессуальный порядок, предполагающий постановление приговора с назначением наказания в виде лишения свободы, не подлежащего исполнению. В нем скрыто внутреннее противоречие: оценивая одни и те же исследованные в ходе судебного разбирательства доказательства, суд вынужден мотивировать два противоположных вывода – о лишении несовершеннолетнего свободы на конкретный срок и об освобождении от него с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. «Действующий порядок применения ч. 2 ст. 92 УК РФ, – аргументировано считает Н. А. Николаева, – в определенной степени дестабилизирует судебную практику, вынуждает правоприменителя нарушать предписания уголовного материального и процессуального законов. В связи с этим актуальной является разработка новой доктринальной модели процедуры принятия судом решения о направлении подсудимого несовершеннолетнего в СУВУЗТ, отвечающей требованиям простоты и оперативности, однако без снижения уровня гарантий права на судебную защиту участников уголовного судопроизводства» [2, с. 5–6].

Авторы Теоретической модели Общей части нового УИК РФ выделяют такое основание исполнения наказаний *как постановление суда о замене меры уголовно-правового характера уголовным наказанием*, понимая при этом под иными мерами уголовно-правового характера условное осуждение (ст. 73 УК), условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79, 93 УК РФ), отсрочку отбывания наказания (ст. 81 и 82 УК РФ), отсрочку отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ), принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетнему осужденному (ч. 2 ст. 92 УК РФ) [3, с. 37]. Подобный подход в понимании как самих иных мер уголовно-правового характера, так и оснований их применения, не учитывает целого ряда деталей.

Так, допуская столь широкое понимание иных мер уголовно-правового характера, надлежит отметить, что закон, по общему правилу, не предусматривает замену ранее назначенного наказания, например, условно осужденному, условно-досрочно освобожденному от отбывания наказания. В случае отмены услов-

ного осуждения, условно-досрочного освобождения осужденный соответственно отбывает предусмотренное приговором суда наказание или оставшуюся не отбытую часть наказания.

Аналогичным способом закон реагирует на негативное поведение осужденного, которому отсрочено отбывание ограничения свободы или лишения свободы на основании ч. 1 ст. 82 УК РФ. Отменяя отсрочку, суд направляет осужденного для отбывания наказания в место, указанное в приговоре суда (ч. 2 ст. 82 УК РФ). Конструкция этого вида отсрочки отбывания наказания не предполагает принятие судом решения о замене назначенного наказания. Следовательно, основание исполнения наказания в рассматриваемом случае – судебный приговор.

С другой стороны, в случаях достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста суд может освободить осужденного от отбывания наказания со снятием судимости или заменить оставшуюся часть наказания более мягким наказанием (ч. 3 ст. 82 УК РФ). Основанием исполнения наказания здесь является судебное постановление о замене оставшейся части наказания более мягким наказанием.

Таким образом, предложение авторов Теоретической модели Общей части нового УИК выделить самостоятельное универсальное основание исполнения наказаний в виде постановления суда о замене меры уголовно-правового характера уголовным наказанием недостаточно теоретически проработано, не вписывается в рамки действующего уголовного законодательства, не учитывает особенностей конструкции как в целом соответствующих комплексных правовых институтов, так и отдельных их элементов.

В заключение сформулируем несколько выводов:

1. Нормы трех отраслей права (уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного), образующих отдельный блок законодательства о борьбе с преступностью, участвуют в регулировании альтернативных уголовным наказаниям «иных мер уголовно-правового характера». В УК указаны их виды (гл. 15–15.2), а в УПК РФ прописан процессуальный порядок их применения (гл. 15–15.1). В УИК РФ лишь обозначены основания применения «иных мер уголовно-правового характера», однако правила о порядке и условиях их применения не включены в предмет регулирования УИК РФ.

2. В ст. 7 УИК РФ сформулированы универсальные, значимые в равной степени как для наказаний, так и иных мер уголовно-правового характера основания их применения. Однако в реальности они не совпадают. Будучи альтернативой уголовному наказанию, они по общему правилу применяются по судебному постановлению, а не по приговору.

3. Процессуальная форма закрепления оснований применения иных мер уголовно-правового характера является фактором, способствующим либо сдерживающим их использование правоприменителем. Содержание судебной процедуры зависит в первую очередь от юридической природы и назначения каждой отдельно взятой меры уголовно-правового характера.

4. Для выделения самостоятельного универсального основания исполнения наказаний в виде постановления суда о замене меры уголовно-правового харак-

тера уголовным наказанием достаточных правовых оснований в настоящее время нет. При отмене условного осуждения, условно-досрочного освобождения осужденный отбывает предусмотренное приговором суда наказание или оставшуюся не отбытую часть наказания.

Список источников

1. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Уголовное наказание: проблемы теоретического понимания и уголовно-политическое значение // Уголовное право. 2017. № 4.

2. Николаева Н. А. Производство о применении к несовершеннолетнему меры уголовно-правового воздействия в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021.

3. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: результаты теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2018.

ЮРИЙ АРСЕНОВИЧ РЕЕНТ,

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры философии и истории,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия,
e-mail: reent2@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8378-6106

**ФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация: статья посвящена обзору и анализу событий, связанных с преобразованием отечественной пенитенциарной системы из тюремной в исправительно-трудовую. Основное внимание уделено реформам, проводимым органами Советской власти и большевистского правительства в условиях послереволюционного военного противостояния различных слоев общества. Выявлено, что широко распространилась практика, согласно которой противоправные деяния, совершенные представителями рабоче-крестьянских слоев, продолжительное время оценивались лишь как пережитки царизма, заслуживающие не наказания, а мер воспитательно-трудового воздействия.

Ключевые слова: гражданская война, пенитенциарная система Советской России, реформирование тюремного ведомства.

Институт исполнения наказаний в любом обществе является прямым или несколько искаженным отражением социально-политической системы, сложившейся в государстве. Молодая Советская Россия в этом смысле не явилась исключением. Новые органы власти были провозглашены практически повсеместно, реальными же властными полномочиями обладали далеко не все из них. Тюремная система имела, но на самом деле лишь по инерции продолжал подавать признаки жизни комплекс учреждений, входивший в Главное управление местами заключения Министерства юстиции Временного правительства. Совет Народных комиссаров переподчинил это ведомство Наркомату юстиции Советской России (далее – НКЮ). Практически одновременно создается Тюремный отдел, возглавленный И. З. Штейнбергом. Постановлением II Всероссийского съезда Советов от 28 октября 1917 г. была отменена смертная казнь (Среди мер, применяемых трибуналами, она отсутствовала до 16 июня 1918 г.).

16 января 1918 г. обновленное Главное управление местами заключения (ГУМЗ) издало первый циркуляр, предписывающий разобратся на местах с оставленным ему наследием. Выяснилось, что материально-техническая база находится в плачевном состоянии. Еще в худшем положении оказалось состоя-

ние судебной системы и административного управления. Штат тюремного персонала был заполнен лишь частично, но нередко и количество заключенных приближалось к числу служащих. Одним словом, пенитенциарный механизм фактически не работал.

Система наказаний Советской России не ограничивалась только несовершенной сетью тюремных учреждений. Необычайного развития получил комплекс воздействий, не связанных с лишением свободы. Среди них можно назвать: предупреждение; общественное порицание (в публичном заседании суда); доведение до сведения трудового коллектива о преступлении, совершенном их сотрудником; выговор; строгий революционный выговор; принудительное политическое воспитание; помещение на видном месте приговора или же специальное издание опровержения ложных сведений; лишение вещевых карточек; исключение из объединения; возмещение причиненного ущерба; общественные принудительные работы; принудительные работы на рудниках (для капиталистов-саботажников); перевод на тяжелые принудительные работы без лишения свободы в том же предприятии или вне такового на срок до 6 месяцев; направление в штрафную часть; направление на фронт (для военнослужащих); лишение (поражение) всех или некоторых политических прав (на срок или без срока) и др. [1, с. 7–8]. Разумеется, что все это было попыткой каким-то образом компенсировать отсутствие действенной тюремной системы.

Еще в апреле 1918 г. после переезда правительства из Петрограда в Москву ГУМЗ был преобразован в Карательный отдел НКЮ [2, л. 21]. С сентября 1923 г. общее руководство местами лишения свободы в регионах стало осуществляться Губернскими инспекциями мест заключения, которые пришли на смену действовавшим ранее Управлений мест заключения. По мере создания аналогичных органов губернского уровня к сентябрю 1921 г. принимается решение о переименовании его в Центральный карательный отдел [3, с. 117], структурно подразделявшийся на девять отделений. Наименование каждого из них дает представление о направлениях деятельности:

- 1 отделение – выработка воспитательно-трудовых и карательных мер, профессиональное обучение, кадровая работа;
- 2 отделение – распределение осужденных по территориям и видам режимов содержания;
- 3 отделение – создание производственной базы в местах лишения свободы;
- 4 отделение – организация земледельческих колоний и сельскохозяйственное обучение;
- 5 отделение – организация врачебно-санитарного дела;
- 6 отделение – продовольственно-вещевое и материально-боевое обеспечение;
- 7 отделение – строительство и эксплуатация капитальных сооружений;
- 8 отделение – организация конвойной службы, финансовое обеспечение;
- 9 отделение – организация надзора и попечения над лицами, отбывшими наказания [4, с. 30–31].

Представляется важным отметить, что под термином «карательная политика» понимается не только практика деятельности исправительно-трудовой системы [5, с. 32]. Мы разделяем точку зрения М. Г. Деткова, полагавшего, что уголовная политика составляет лишь часть карательной политики [6]. В. И. Зубкова трактовала ее как «часть государственной политики в области борьбы с преступностью, которая осуществляется средствами и мерами уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства в связи с совершением преступления, привлечением к уголовной ответственности, назначением наказания и его исполнением» [7, л. 35–36]. Тем не менее, подчеркнем, что в исследуемом нами периоде под карательной политикой понимали, прежде всего, ее уголовно-исполнительный аспект, что и отразилось в названии центрального тюремного ведомства.

Несмотря на все тяготы гражданской войны и «военного коммунизма», положительный организационно-управленческий опыт накапливался. Это позволило подготовить и в ноябре 1920 г. утвердить Положение НКЮ «Об общих местах заключения РСФСР». Территория бывшей Российской империи в тот период напоминала лоскутное одеяло. Помимо регионов, где сохранялась власть Советов, действовали разномастные мелкобуржуазные, военные, марионеточные правительства. Ни одно не обходилось без тюремных учреждений. И везде в их деятельности складывалась собственная специфика. Позже, после вытеснения противника силами Красной Армии, юрисдикция советских нормативных актов восстанавливалась, но элементы сложившейся правоприменительной практики на уровне традиций, наработанных навыков и привычек, безусловно, оставались. Все это сказывалось на формировании пенитенциарной системы большевистской России. А она характеризовалась большой аморфностью: вроде бы и имелась какая-то общая структура, но на местах все было очень индивидуально.

В качестве примера можно рассмотреть так называемые общие места лишения свободы. Они подразделялись на множество разновидностей: арестные дома, дома заключения, обычные и переходные исправительно-трудовые дома, ремесленные, фабричные и сельскохозяйственные колонии, изоляторы специального назначения, пересыльные тюрьмы. Отдельно существовали трудовые дома для несовершеннолетних (от 14 до 16 лет), для рабоче-крестьянской молодежи (от 16 до 20 лет), колонии для туберкулезных, психических и других больных, спецбольницы (СУ РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870). Чтобы не допустить непомерной путаницы при организации режимов содержания, всех заключенных подразделили всего лишь на три категории:

- на осужденных за умышленные преступления (носившие корыстный характер);
- на осужденных за неумышленные преступления (или не носившие корыстный характер);
- на рецидивистов [8, л. 58].

Для несовершеннолетних преступников вводилось две категории: рецидивисты и все остальные.

Но организационная пестрота на этом не исчерпывалась. Так, 15 апреля 1919 г. в системе НКВД была введена новая организационная форма – лагеря принудительных работ (Этот факт отражен в сохранившемся Постановлении ВЦИК РСФСР (май 1919 г.). См.: СУ РСФСР. 1919. № 20. Ст. 235). Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (далее – ВЧК) учредила концентрационные лагеря. Это нашло отражение в Постановлении Президиума Моссовета от 27 декабря 1918 г. «О концентрационном трудовом лагере» (Вечерние известия Московского Совета раб. и крест. депутатов. 1918. 30 дек.; Декреты Советской власти. Т. 5. М., 1971. 38. С. 69). Красная Армия также обзавелась автономными от других ведомств местами лишения свободы. В частности, Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) Наркомата по военным делам РСФСР располагала сетью концентрационных лагерей для военнопленных, где на момент ее создания 27 апреля 1918 г. содержалось до 2,2 млн. человек [9, л. 13]. Все это «разнообразие» приводило к распылению сил и организационной неразберихе.

Утверждение Положения Наркомата юстиции от 15.11.1920 г. «Об общих местах заключения РСФСР» стало важным шагом в деле систематизации учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы. По оценке обозревателей, этот документ впервые в советской России зафиксировал режимные правила содержания заключенных [5, с. 45]. Правда, к тому времени учреждения НКЮ уже не являлись исключительными лидерами в пенитенциарной системе. Так, в 1921 г. там действовало 26 сельхозколоний и 15 ферм, тогда как в НКВД, соответственно – 32 и 28. Кроме того, на декабрь 1921 г. в 120 трудовых лагерях принудительных работ НКВД содержалось от 30 до 60 тыс. заключенных. Немаловажно, что 44,1 % осужденных были направлены туда органами ВЧК, и только 24,5 % – народными судами (Декреты Советской власти. Т. 5. М., 1971. С. 56–57.). Как и в общих местах заключения надзиратели трудовых лагерей были вольнонаемными. Их численность определялась из расчета: на 400 осужденных – 5 старших и 20 младших надзирателей, на каждые последующие 100 заключенных – 4 младших и 1 старший. Все они подчинялись коменданту лагеря. Внешнюю охрану осуществляли сотрудники милиции из расчета 1 милиционер на 15. Сотрудники милиции не подчинялись коменданту лагеря, а только согласовывали с ним свои действия.

Таким образом, можно сделать вывод, что в ходе и после окончания гражданской войны делались попытки проводить в жизнь принцип, состоявший в том, что в обществе, строящем социализм, для пролетарских слоев не должно быть наказаний, а надо практиковать только меры социальной защиты советского государства от неустойчивых элементов, случайно попавших на преступный путь. То есть, их нужно не наказывать, а исправлять путем перевоспитания. В соответствии с этим в 4 разделе Уголовного кодекса РСФСР (в редакции 1922 г.) говорится только о мерах социальной защиты, а не о наказаниях, применяемых в отношении лиц, совершивших правонарушения; само же слово «преступление» исключается. Тюрмы переименовали в исправительно-

трудоу дома. Изданный позже Исправительно-трудоу кодекс (1924 г.) был призван регулировать правила содержания лиц, лишенных свободы и направленных в места заключения. Однако жизнь показала утопичность многих из навязываемых воззрений. После завершения гражданской войны постепенно, далеко не сразу, пришло осознание того, что преступность пусть и зависит от политической и социально-экономической обстановки в государстве, но все же является врожденным пороком любого общества.

Список источников

1. Багрий-Шахматов Л. В. Система уголовных наказаний и исправительно-трудоу право : учеб. пособие / под ред. Н. А. Стручкова. М., 1969. 77 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 4042. Оп. 8. Д. 1. Л. 21–22.
3. Демичев А. А., Кострова О. В., Мельникова О. С. Становление советской судебной и пенитенциарной системы в Нижегородской губернии (1917 - первая половина 20-х годов XX века) : монография. М. ; Нижний Новгород, 2008. 182 с.
4. Зубков А. И., Калинин Ю. И., Сысоев В. Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. История и современность. М., 1998. 172 с.
5. Олейник О. Ю. Организационно-правовые основы функционирования учреждений, осуществляющих исполнение наказаний в системе наркомата юстиции РСФСР : монография. Кострома, 2009. 232 с.
6. Детков М. Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов : монография. М., 1992. 192 с.
7. Зубкова В. И. Уголовное наказание и его социальная роль: законодательство, теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2002. 48 с.
8. ГА РФ. Ф. 7420. Оп. 1. Д. 122. Л. 56–59.
9. ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 23. Д. 1. Л. 12–14.

ТАЛГАТ СМАГУЛОВИЧ САЛКЕБАЕВ,

начальник кафедры административно-правовых дисциплин,
Карагандинская академия МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова,
г. Караганда, Республика Казахстан,

e-mail: academy@kpa.gov.kz;

МЕРУЕРТ МАНАРБЕКОВНА АКАНОВА,

магистрант научно-педагогической магистратуры
факультета послевузовского образования,

Карагандинская академия МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова,
г. Караганда, Республика Казахстан,

e-mail: miko_ast.18@mail.ru

ПОСТОЯННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ – КЛЮЧ К РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

Аннотация: как известно, для ресоциализации осужденных огромное значение имеет сохранение, поддержание социально полезных связей (семья, родственники) и своевременное получение социально-правовой помощи, которая, в соответствии с Законом Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 38-VI ЗРК «О пробации», обеспечивается путем получения медицинских услуг, среднего образования, овладения профессией (профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации), содействия в трудоустройстве, получения установленных законодательством Республики Казахстан льгот и социальных выплат [1].

Ключевые слова: пробация, оказания услуг, социально-правовая помощь.

В соответствии с Кодексом Республики Казахстан о здоровье народа и системе здравоохранения, медицинское лечение и наблюдение после окончания принудительного лечения лиц, больных туберкулезом и наркоманией, в том числе лиц, освободившихся из мест лишения свободы, осуществляется по месту жительства.

Граждане, освободившиеся из мест лишения свободы и находящиеся на учете службы пробации, Законом Республики Казахстан «О специальных социальных услугах» могут признаваться лицами, находящимися в трудной жизненной ситуации, что предоставляет им право на получение комплекса специальных социальных услуг в области социальной защиты населения. Так, предусмотрено, что данная категория граждан имеет право на бесплатную социальную помощь. Однако для ее предоставления необходимы документы, подтверждающие регистрацию по постоянному месту жительства, либо адресная справка. Основная причина, не позволяющая оказывать осужденным полноценную социально-правовую помощь в вопросе трудоустройства, получения бесплатных медицинских услуг, получения среднего и профессионального образования, установленных льгот и социальных выплат, – отсутствие у них постоянной регистрации по месту жительства.

В соответствии со ст. 4 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан, к целям уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан относится предупреждение совершения осужденными новых уголовных правонарушений.

Отсутствие возможности оказания услуг государственными органами в получении квалифицированной социальной помощи приводит к совершению повторных преступлений и правонарушений со стороны подучетных лиц.

Проведенный анализ показал, что основными причинами совершенных повторных преступлений является то, что в 52 % случаев отсутствует у осужденных постоянное место работы, в 70 % отсутствие профессионального образования и более 50 % являются жителями других регионов республики и не имеют постоянной регистрации в г. Астане.

Согласно действующему законодательству осужденные, состоящие на пробационном контроле, могут менять постоянное место жительства с обязательным уведомлением уполномоченного государственного органа, осуществляющего контроль за его поведением, то есть службу пробации.

Для исправления указанной ситуации в целях недопущения рецидива преступлений необходима модернизация законодательства. Так, учитывая положение ст. 21 Конституции Республики Казахстан (каждому, кто законно находится на территории Республики Казахстан, принадлежит право свободного передвижения по ее территории и свободного выбора местожительства, кроме случаев, оговоренных законом), необходимо внести дополнения в ст. 44 Уголовного кодекса Республики Казахстан (ограничение свободы) [2], ст. 66 (условия отбывания наказания в виде ограничения свободы) в части исполнения осужденным обязанностей, а именно иметь регистрацию по месту постоянного жительства (постоянную регистрацию), ст. 169 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан (пробационный контроль за поведением лица, освобожденного условно-досрочно) [3]. Данные изменения не нарушат конституционные права граждан, осужденных к ограничению свободы и условно досрочно освободившихся из мест лишения свободы, а практически помогут в ресоциализации.

Предлагаемые меры позволят качественно улучшить условия исполнения уголовного наказания осужденных без лишения свободы, обеспечат должный уровень оказания социально-правовой помощи данной категории лиц, а также способствуют профилактике совершения повторных преступлений на территории, где находится подучетное лицо.

Список источников

1. О пробации : закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 38-VI ЗРК // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000038/history> (дата обращения: 20.07.2023).
2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 20.07.2023).
3. Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 234-V ЗРК // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234> (дата обращения: 20.07.2023).

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ СЕЛИВЕРСТОВ,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия,
главный научный сотрудник,
ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Институт международного права и правосудия МГЛУ, г. Москва, Россия,
e-mail: vis_home@list.ru

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИОННЫХ И РЕВОЛЮЦИОННЫХ РИСКОВ РАЗВИТИЯ**

Аннотация: статья посвящена оценке рисков, возникающих при принятии решений в рамках уголовно-исполнительной политики государства. Рассматриваются риски при реализации эволюционных проектов по определению эффективности уголовно-исполнительной системы, введению службы пробации и расширению применения принудительных работ.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика, уголовно-исполнительная система, уголовное наказание, риски, пробация, постпенитенциарный рецидив, принудительные работы.

1. В самом общем виде уголовно-исполнительная политика представляет собою деятельность государства по определению стратегии (целей, задач, принципов, долгосрочных направлений) и тактики (краткосрочных направлений, приемов, форм и методов) исполнения наказания и иных мер уголовно-правового характера, применению основных средств исправления осужденных, осуществляемых в целях исправления осужденных, предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Уголовно-исполнительная политика достаточно динамична, можно выделить стадии формирования (выбора и обоснования) политических решений, их принятия и реализации. Кроме того, динамизм уголовно-исполнительной политики проявляется в том, что она развивается под воздействием ряда экономических, политических, социальных и духовных факторов. Факторы являются движущей силой развития уголовно-исполнительной политики, а могут и быть своеобразным препятствием принятия тех или иных политических решений [1, с. 717–747].

2. В последнее время активно развивается новая отрасль научных знаний – рискология. Наиболее плодотворно теория рисков проявила себя в технических,

но постепенно она стала разрабатываться в гуманитарных, в том числе в юридических науках. Прежде всего это коснулось криминологии, где активно данную проблематику разрабатывают М. М. Бабаев, Т. В. Мельничук, Ю. Е. Пудовочкин и другие. По образному выражению известного криминолога М. М. Бабаева, «современный социум (и Россия в том числе) превратился в «общество всеобщего риска», иначе говоря, в общество, производящее высокие технологические и социальные риски во всех сферах своей жизнедеятельности – экономической, политической, социальной. При этом критическая масса риска увеличивается возрастающими темпами» [2, с. 105].

В теории уголовно-исполнительного права все чаще стала затрагиваться проблема определения рисков принятия и реализации тех или иных решений в сфере исполнения уголовных наказаний. В отличие от факторов, риски представляют собою предполагаемые или возможные неблагоприятные последствия (опасности) принятия политических решений либо их реализации. Одним из примеров использования теории оценки рисков демонстрирует теоретическая разработка Научно-образовательного центра «Проблемы уголовно-исполнительного права» имени Ю. М. Ткачевского Юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, посвященная разрешению проблемы размещения осужденных за экономические (в сфере предпринимательства) и должностные преступления в отдельных исправительных учреждениях [3, с. 41–53].

Принципиальным положением при определении рисков в развитии уголовно-исполнительной политики (да и в других сферах) является то, что риски определяются не столько для того, чтобы заблокировать предлагаемые решения, сколько для определения мер по полной нейтрализации либо минимизации их негативного воздействия. Именно с этих позиций можно рассмотреть указанную в названии настоящей статьи проблему эволюционных и революционных рисков развития современной уголовно-исполнительной политики России. При этом, сразу обозначим крайне отрицательное отношение к революционным проектам совершенствования уголовно-исполнительной политики, которым свойственны и революционные риски. Соответственно, обозначим положительное отношение к эволюционным проектам.

3. В развитии уголовно-исполнительной политики в последние двадцать лет были и революционные, и эволюционные проекты с соответствующими революционными и эволюционными рисками. Революционные проекты (нередко их называют фантастическими, еще реже – авантюрными) были ориентированы на коренное изменение основ деятельности уголовно-исполнительной системы, причем зачастую игнорируя целую совокупность факторов, не позволяющих провести такие революционные изменения либо в сложившихся современных условиях, либо в принципе в России. Авторы таких революционных проектов действовали по известной русской поговорке: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского».

В качестве такого примера следует вспомнить тюремную реформу 2010 г. Уполномоченный по правам человека в РФ В. П. Лукин назвал эту революционную реформу «Попыткой построения тюремного рая в России», а известный

криминолог, профессор Ю. М. Антонян – «Второй попыткой построения коммунизма в стране», видимо, намекая на то, что первая попытка построения коммунизма в СССР, предпринятая Н. С. Хрущевым в шестидесятых годах XX века и предполагавшая полное искоренение преступности, и, как следствие, ликвидацию исправительно-трудовых учреждений, закончилась полным провалом.

В качестве революционной идеи, по прежнему будоражащей умы отдельных представителей политической и правозащитной элит, следует назвать предложение о стопроцентной смене персонала УИС [4]. Данное предложение выдвигается с той периодичностью, с какой вскрываются нарушения прав осужденных, особенно, когда речь идет о физическом насилии. Следствием реализации данного проекта будет потеря профессионализма и дезорганизация деятельности уголовно-исполнительной системы, в том числе и путем все возрастающего некомплекта. Решение проблемы персонала видится не в поголовном увольнении кадров УИС (тем более в современных реалиях), а в укреплении материально-технических условий деятельности персонала, увеличении заработной платы сотрудников и работников УИС с одновременным ужесточением контроля за их деятельностью.

Следует также вспомнить и учесть негативный опыт Грузии, которая во время президентства Михаила Саакашвили с целью искоренения нарушений прав осужденных и содержащихся под стражей полностью сменила персонал тюрем. Закончилось все это через несколько лет массовыми пытками и избиениями «новым» персоналом следственных изоляторов лиц, содержащихся под стражей.

Какие же проекты, содержащие эволюционные риски, можно рассматривать в современный период развития УИС? Необходимо отметить, что они в основном вытекают из Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. Остановимся только на некоторых из них.

Первый проект связан с определением эффективности уголовно-исполнительной политики. Соответственно речь идет и об эффективности уголовно-исполнительного законодательства и деятельности по его применению. Неоднократно на различных форумах, конференциях и круглых столах учеными, в том числе автором настоящей статьи предлагалось предусмотреть статистическое измерение постпенитенциарного рецидива как интегрального показателя вклада системы мест лишения свободы в предупреждение преступности в стране.

Вполне возможно, особенно с учетом создания в России службы probation и ввести статистическое измерение постпенального рецидива, то есть отслеживание уровня совершения повторных преступлений после освобождения не только из исправительных учреждений, но и из исправительных центров, а также снятия с учета уголовно-исполнительных инспекций. Отличие измерения постпенитенциарного рецидива от других видов учетов рецидива, его достоинства, содержание, этапы введения и прочее уже были описаны в юридической литературе, поэтому не будем на них останавливаться. остано-

вимся на рисках его введения, поскольку именно они, на наш взгляд, препятствуют его практическому введению.

Представляется, что риском, препятствующим введению учета указанных видов рецидива, является опасение «плохих цифр рецидива», в связи с чем возникает вторичный риск ухудшения имиджа отечественной уголовно-исполнительной системы. Как нам думается, данные опасения являются несколько преувеличенными. Тем более они преувеличены, если этот риск проецируется на международный имидж России: в ряде западных государств показатель постпенитенциарного рецидива в течении трех лет после освобождения из тюрем доходит до 50 и даже 70 %. Предварительные исследования показывают, что Россия не будет «на передовых позициях» по данному показателю.

Второй риск введения учета постпенитенциарного или постпенального рецидива, в котором интегрально определяется эффективность деятельности учреждений и органов по исполнению уголовных наказаний, так и усилий социальных институтов государства и общества по ресоциализации бывших осужденных, оказанию им помощи в трудовом и бытовом устройстве, заключается в возложении на уголовно-исполнительную систему ответственности за деятельность указанных социальных институтов. На протяжении многих лет реформирования данная система постоянно свою компетенцию и ответственность ограничивала, образно выражаясь, пределами «колючей проволоки» (конечно, применительно к лишению свободы).

Однако в настоящее время положение меняется. В условиях существенного сокращения численности осужденных в местах лишения свободы и грозящего за ним «съезживания» уголовно-исполнительной системы в последние годы были сделаны шаги по расширению компетенции системы, наделению ее дополнительными функциями по контролю за соблюдением условий отдельных мер уголовно-процессуального пресечения и за поведением условно-досрочно освобожденных. Последний шаг в этой череде – это введение службы пробации, поэтому, как нам представляется, введение учета постпенитенциарного и постпенального рецидива будет находиться в русле происходящих изменений, а не за его пределами.

Второй проект, эволюционные риски которого следует рассмотреть, заключается в создании в России службы пробации. Не поднимая вопрос о качестве принятого Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» (это ранее обсуждали специалисты), существует определенное опасение в достижении должной эффективности самой пробационной деятельности.

Сразу следует констатировать то, что деятельность службы пробации важна и необходима в современных условиях. Согласно результатов Девятой специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, прошедшей в декабре 2022 года, не ожидают трудностей с трудоустройством при освобождении из исправительных колоний общего режима – 63,5 %, строгого режима – 61,7 %, особого режима – 63,8 %. Имеют жилье для постоянного проживания после освобождения из исправительных колоний общего режима – 90,3 %, строгого режима – 86,5 %, особого режима – 68,0 %.

Однако при всей социальной значимости пробации, риск того, что служба пробации не сможет в полном объеме решать поставленные перед ней задачи

существует. В современных условиях наиболее проблемным звеном в ресоциализации осужденных является деятельность государственных органов и негосударственных структур по оказанию содействия бывшим осужденным в трудоустройстве и обеспечении нуждающихся в этом в жилье. Известны жалобы практиков о том, что соответствующие запросы исправительных учреждений об оказании содействия в трудоустройстве и (или) обеспечении жильем рассматриваются в органах государственной власти субъектов РФ и в муниципальных органах власти формально, а иногда просто не рассматриваются: сообщается формальный отказ в оказании помощи либо даже обходятся без такого сообщения.

Представляется, что аналогичная практика будет продолжаться с введением в действие норм Федерального закона «О пробации в Российской Федерации». Истоки ее видятся, во-первых, в слабых стимулах государственных и частных предприятий в приеме на работу бывших осужденных. Несмотря на многочисленные предложения да сих пор не приняты федеральные нормативные правовые акты по данному вопросу. В Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации» разработка и реализация мер по экономическому стимулированию работодателей, трудоустраивающих осужденных и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, возложены на органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Однако для такой работы у многих органов государственной власти субъектов Российской Федерации недостаточно материальных ресурсов.

Во-вторых, в отсутствии четких обязанностей органов занятости и социальной защиты населения в оказании содействия бывшим осужденным в трудоустройстве и обеспечении жилым помещением. Не просто обязанностей, но и ответственности должностных лиц за их неисполнение.

На наш взгляд, в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации» превалирует диспозитивный подход в виде перечислении компетенций, заключения соглашений между различными субъектами пробации. Там явно недостает императивного подхода, обеспеченного не только соответствующими санкциями и реальной ответственностью, но и необходимыми материально-техническими и организационно-штатными ресурсами.

Минимизация указанного риска видится в дальнейшем совершенствовании законодательной базы пробации, включающей и коррекцию основного закона о пробации. В качестве примера можно взять развитие нормативной основы пробации в Республике Казахстан.

Третий проект – это предусмотренное в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года расширение применения судами уголовного наказания в виде принудительных работ. Предполагается существенное расширение сети исправительных центров и их филиалов с тем, чтобы обеспечить размещение порядка 180 тысяч осужденных, освобождаемых из исправительных учреждений в порядке замены лишения свободы принудительными работами.

При выполнении данного положения директивного документа необходимо учитывать риск осложнения криминальной обстановки в местах дислокации исправительных центров. Следует вспомнить советский опыт применения условного осуждения и условного освобождения с обязательным привлечением к труду на стройках народного хозяйства. Первоначально, начиная с 1964 года, на данные меры уголовно-правового воздействия возлагались большие надежды, численность осужденных на стройках народного хозяйства росла в геометрической прогрессии. Однако после жалоб граждан, проживающих в районах дислокации специальных комендатур, на отсутствие должного надзора за поведением условно осужденных (освобожденных) в 1984 году практику условного осуждения и особенно условного освобождения с обязательным привлечением к труду существенно сократили. Это повлекло в тот период времени переполнение мест лишения свободы, когда из-за нехватки индивидуальных спальных мест в стационарных помещениях, осужденных размещали во вспомогательных помещениях и даже – в зимних палатках на территории исправительных колоний.

Имеются такие опасности и при дальнейшей реализации проекта увеличения числа осужденных в исправительных центрах. На них уже обращают внимание правозащитники.

Так, в ежегодном докладе за 2021 г. Уполномоченный по правам человека в Московской области обратил внимание на обращения граждан, проживающих в населенных пунктах, где размещены исправительные центры. Как отмечается в докладе, «местные жители высказывают обоснованные опасения, связанные с правом осужденных выходить за пределы исправительного центра, возможностью совершения ими правонарушений. Шокирующий случай, о котором сообщили федеральные СМИ, произошел в начале декабря 2021 г. в городе Чехов. Отбывающий там в исправительном центре наказание в виде принудительных работ ранее неоднократно судимый, в том числе и за совершение тяжких преступлений, гр. Г., находясь за пределами Центра, приехал в Москву и надругался над девочкой. Учитывая уже имеющиеся факты противоправных действий со стороны данной категории осужденных, необходимо рассмотреть вопрос о внесении следующих изменений в законодательство: не применять наказание в виде принудительных работ в отношении лиц, совершивших преступления, при рецидиве умышленных преступлений; не применять возможности, предусмотренные ст. 80 УК РФ в части замены оставшейся не отбытой части наказания более мягким видом наказания, в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления, преступления при рецидиве умышленных преступлений и преступления в отношении несовершеннолетнего в сфере половой неприкосновенности и половой свободы личности» [5, с. 139]. Затем опасения расширяющейся практикой замены лишения свободы принудительными работами прозвучали на Всероссийском координационном совещании российских омбудсменов 24 ноября 2021 г.

Полностью искоренить преступления со стороны осужденных, отбывающих принудительные работы, конечно нельзя, но необходимо минимизировать криминальные риски с их стороны как совершенствованием надзорных процедур, так и усилением воспитательной работы.

Кроме того, необходим совместный с прокуратурой и полицией постоянный квалифицированный мониторинг криминальной обстановки в местах функционирования исправительных центров с тем, чтобы вовремя отреагировать на ее ухудшение. Реакция может заключаться, с одной стороны, в разъяснительной работе с правозащитниками и местным населением, если криминальные угрозы со стороны осужденных преувеличены. С другой стороны, в сокращении численности осужденных в исправительном центре или даже в его закрытии, если осужденные к принудительным работам вносят существенный вклад в ухудшение криминальной обстановки в месте дислокации исправительного центра.

4. Как отмечают криминологи, прогностическую оценку будущих криминальных процессов, «включая оценку рисков, необходимо рассматривать как неперемнную составляющую интеллектуального обеспечения грамотной уголовной политики и, в частности, криминологии» [2, с. 104]. Несомненно, такое же значение имеет оценка рисков и для уголовно-исполнительной политики. Определение рисков и степени их опасности должно стать необходимым элементом в обосновании предлагаемых в рамках политики решений, в том числе для проводимых уголовно-исполнительных реформ.

Список источников

1. Грушин Ф. В., Селиверстов В. И. Уголовно-исполнительная политика // Уголовная политика Российской Федерации: проблемы и перспективы : монография / под науч. ред. С. В. Максимова и В. Л. Шульца. М. : Проспект, 2021. 824 с.

2. Бабаев М. М. Риски как компонент детерминационного комплекса преступности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1(41). С. 104–109.

3. Отбывание лишения свободы осужденными за экономические и должностные преступления: итоги теоретического исследования / под науч. ред. профессора В. И. Селиверстова. М. : Изд. дом «Юриспруденция», 2019. 458 с.

4. Правозащитники о пытках в тюрьмах: «Этот ГУЛАГ нужно сравнить с землей» // Новые известия. 2021. 3 декабря. URL: <https://newizv.ru/article/general/03-12-2021/pravozaschitniki-o-pytkah-v-tyurmah-etot-gulag-nuz> <https://newizv.ru/article/general/03-12-2021/pravozaschitniki-o-pytkah-v-tyurmah-etot-gulag-nuz> (дата обращения: 03.01.2023).

5. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Московской области в 2021 году. URL: https://map.ombudsmanrf.org/Karta_Yadro/prav_z_karta/ross_fed/doklad_v_sub/doklad_v_moskovsk/doklad_v_moskovskweb (дата обращения: 15.08.2023).

ИРИНА МИХАЙЛОВНА СЕРЕДА,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии,
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия,
e-mail: irina-sereda@mail.ru;

СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА СТУПИНА,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры судебной экспертизы,
Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России,
г. Железногорск, Красноярский край, Россия,
e-mail: sstupina@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОТБЫВАНИИ НАКАЗАНИЯ ОСУЖДЕННЫМИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ В ЦЕЛЯХ ОСКОРБЛЕНИЯ ЧУВСТВ ВЕРУЮЩИХ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы учета современной общественно-политической обстановки при назначении и отбывании наказания лицам за преступления, связанные с влиянием деструктивной идеологии, и совершаемые с целью дестабилизации межнациональных и межконфессиональных отношений в России с целью подрыва единства и братства народов России. На основе анализа положений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства сформулированы возможные направления совершенствования норм уголовно-исполнительного права в части регламентации места отбывания наказания лицами, осужденными за преступления, совершенные с целью оскорбления чувств верующих.

Ключевые слова: преступление, отбывание наказания, место отбывания, оскорбление чувств верующих, духовно-нравственные ценности.

В п. 21 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 (Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351) отмечено, что «жизненно важное значение для нашей страны приобретают... защита традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества».

В Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 (Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977) (далее – Указ № 809), отмечается, что христианство, ис-

лам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан.

В рамках оценки ситуации в Указе № 809 сказано, что распространение деструктивной идеологии влечет за собой, в том числе, и такой риск, как создание условий для межнациональных и межрелигиозных конфликтов.

По мнению Ю. А. Ляпуновой, контент-анализ документов стратегического планирования, в первую очередь, к причинному комплексу, побуждающему к совершению преступлений на религиозной почве, необходимо отнести распространение религиозного радикализма, деструктивных религиозных течений, деятельности псевдорелигиозных групп (деструктивных религиозных организаций), а также наличие религиозных анклавов [3, с. 135–136].

Хотелось бы добавить, что в современных условиях фактором, способствующим распространению деструктивной идеологии, подрывающей традиционные ценности, выступает то, что, еще много лет назад отмечалось специалистами и чему мало придавалось внимания, а именно – распространение и привитие, как высшего и единственно ценного достижения человечества норм культуры, философии и права, выработанных западной цивилизацией [5, с. 71]. При этом такие нормы чужды традиционным духовным ценностям как российского общества, так и обществу ряда государств.

Президент Владимир Владимирович Путин на заседании совета по межнациональным отношениям заявил о попытках коллективного Запада разрушить межнациональное согласие в России. По мнению главы государства: «Атаки на нашу историю, культуру, духовные ценности не прекращаются, так же как и попытки вбить клин в согласие, в братство народов нашей страны. Наши противники решили, что многонациональность России – это и есть ее уязвимое место, и делают все, чтобы нас разобщить» [7].

Как следствие негативного влияния деструктивной западной идеологии на российское общество стало то, что распространяющиеся в Европе и не поддающиеся духовному пониманию акты сожжения религиозных книг, проявились и на территории России.

В условиях геополитических изменений, а также проведения Россией специальной военной операции, одной из целей которой выступает денацификация, реакция со стороны государства на такое деяние бесспорно своевременна и способна как предотвратить распространение в России такой деструктивной деятельности, так и показать всему миру, что такие акты категорически недопустимы.

В рамках рабочей поездки в Дагестан 28 июня 2023 г. Президент РФ заявил, что Россия глубоко уважает Коран и религиозные чувства мусульман, неуважение к этой священной книге в РФ является преступлением. Он подчеркнул, что такая практика распространена не во всех странах.

Имевший место на территории России случай публичного сожжения Корана не остался без внимания государственной власти и главы государства Пре-

зидента РФ В. В. Путина, который во время встречи с военкорами, комментируя слова об имеющихся случаях склонения чиновниками и преподавателями молодежи к проукраинской позиции, президент заявил, что расследование дел таких «негодяев» надо передавать сотрудникам, прошедшим СВО [8].

«Так же, как мы поручили расследовать преступление, связанное с публичным уничтожением Корана, Следственному комитету Чечни. И отбывать наказание виновные будут, как было заявлено министром юстиции, в местах лишения свободы, расположенных в одном из регионов РФ с преимущественно мусульманским населением», – сказал глава государства.

После инцидента Министр юстиции РФ К. А. Чуйченко предложил отправить лицо, уничтожившее Коран, в колонию мусульманского региона страны. Именно такая реакция со стороны органов государственной власти, по его мнению, будет способствовать воспитанию уважения к религии и чувствам верующих в Российской Федерации, являющейся многонациональной и многоконфессиональной страной [9].

Государственная политика, определенная Указом № 809, представлена рядом конкретных мер. Реализация государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей возлагается на федеральные органы исполнительной власти в соответствующей сфере их деятельности в пределах установленных полномочий.

Такая государственная деятельность будет способствовать, в том числе, укреплению законности и правопорядка, а также защите российского общества от распространения деструктивной идеологии, достижению национальных целей развития.

Хотелось отметить, что и на законодательном, и на судебном уровнях обоснована реализация Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Не умаляя комплекс мер по профилактике и предупреждению преступлений, связанных с влиянием деструктивной идеологии, и совершаемых с целью дестабилизации межнациональных и межконфессиональных отношений в России, а также с целью подрыва единства и братства народов России путем непрекращающихся со стороны антироссийских государств атак на нашу историю, культуру и духовные ценности, следует сказать, что недостаточное внимание к наказанию, как наиболее эффективному средству борьбы с преступностью, неприемлемо и даже губительно в современных условиях.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18 декабря 2018 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» акцентируется внимание судов на том, что справедливое наказание способствует решению задач и достижению целей, указанных в ст. 2 и 43 УК РФ, а справедливость наказания заключается в его соответствии, прежде всего, характеру общественной опасности преступления, который определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При этом при учете характера общественной опасности преступления важное первостепенное значение имеет направлен-

ность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред.

Соответственно, при совершении преступлений, направленных на духовные, религиозные ценности, на оскорбление чувств верующих, в современных условиях следует уделять пристальное внимание причиняемым такими деяниями последствиям, вреду социальным ценностям.

Последствия таких преступлений нельзя умалять, поскольку коллективный Запад все большее внимание уделяет подрыву российского общества изнутри.

В Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 г.) (Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954) (далее – УК РФ) дано понятие наказания, его цели, сформулированы принципы, регламентированы основные начала его назначения, а также иные положения, относящиеся к уголовной ответственности.

Поскольку закон оставляет известные границы для судебного усмотрения, полагаем целесообразным чтобы суд, руководствуясь при назначении наказания принципом законности, из многих возможных вариантов выбирал тот, который наиболее полно отвечал бы целям и задачам закона именно с учетом условий, сопутствующих правоприменительному акту. Как еще много лет назад писал известный специалист в области криминологии профессор В. В. Лунеев: «Суды должны быть осведомлены о криминологических и социально-экономических реалиях, знание которых может повысить эффективность принимаемых решений» [4, с. 43].

В п. 12 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 (Собрание законодательства РФ. 2020. № 22. Ст. 3475) отмечается, что каждое из преступлений экстремистской направленности способно вызвать повышенный общественный резонанс и дестабилизировать внутривнутриполитическую и социальную обстановку как в отдельном регионе, так и в стране в целом.

В сложившихся современных условиях такие преступления не просто оказывают деструктивное влияние на социальные, традиционные ценности, но и выступают инструментом, используемым коллективным Западом, для подрыва внутреннего курса России.

Как справедливо отмечается специалистами: «Антироссийская деятельность направлена на замещение базовых традиционных ценностей общества, подрыв государственной идеологии, формирование в массовом сознании положительного образа актора-агрессора и отрицательного имиджа государственных структур» [2, с. 328].

Рассматривая реализацию наказания и исправление осужденного, следует согласиться со специалистами в области уголовно-исполнительного права о том, что одним из важных моментов в плане реализации целей наказания в отношении экстремистов выступает правильный выбор вида пенитенциарного учреждения в соответствии ст. 58 УК РФ правовой режим которого, практически полностью исключает в отношении лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности, применение самых строгих правоограничений, связанных с пребыванием в тюрьме [1, с. 148].

Отдельно следует учитывать влияние пенитенциарного социума исправительного учреждения на исправление осужденного.

Как указывает в своих трудах И. А. Уваров: «Выбор осужденным пенитенциарной идентичности (как диалектического единства стабильного и изменяющегося) является крайне важным и находится в плоскости интеллектуальной оценки осужденного и его поведенческих практик. Субъективное ощущение самоидентичности индивидуума как члена целостной социальной общности базируется на представлении о необходимости своего стабильного и устойчивого положения в нем» [6, с. 101].

Исходя из традиционного понимания, отметим, что в пенитенциарном сообществе превалирует установка на социальную или коллективную идентичность.

Соответственно в случаях совершения таких резонансных актов, как сожжение религиозных книг, полностью обоснованно направление виновных для отбывания наказания в исправительные учреждения, пенитенциарное сообщество которых в основной своей массе состоит из лиц, религиозные чувства которых были оскорблены.

В соответствии со ст. 73 УИК РФ осужденные к лишению свободы, кроме указанных в ч. 4 этой статьи, отбывают наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены.

Согласно ст. 32 УПК РФ уголовное дело подлежит рассмотрению в суде по месту совершения преступления.

Контент-анализ нормативных актов, регулирующих вопросы места отбывания наказания осужденного, свидетельствуют о том, что назрела необходимость внесения изменений в соответствующие федеральные законы с целью закрепления возможности направления виновных в оскорблении чувств верующих для отбывания наказания на территории тех субъектов РФ, где преобладающая часть населения исповедует религию, которую виновный оскорбил.

Например, в ч. 4.1 ст. 73 УИК РФ можно установить, что лица, осужденные за преступления, совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, направляются для отбывания наказания в соответствующие исправительные учреждения, расположенные в местах, определяемых федеральным органом уголовно-исполнительной системы.

Список источников

1. Букалерева Л. А., Колпакова Л. А. Реализация целей уголовного наказания в отношении осужденных к лишению свободы за экстримизм // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2(62). С. 144–152.

2. Козин М. Н., Родионов А. В. Методы и инструменты ведения информационной войны: новые угрозы подрыва социально-экономической и политической стабильности государства // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30, № 3. С. 326–335.

3. Лапунова Ю. А. Новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и ее значение для организационного обеспечения противодей-

ствия преступлениям, совершаемым на религиозной почве // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 3(59). С. 132–138.

4. Лунеев В. В. К проекту закона о предупреждении преступности // Государство и право. 1996. № 11. С. 41–43.

5. Любимов А. П. Конфуцианство как этико-социально-политическое учение и его место в современном государственном и международном праве // Философские науки. 2015. № 3. С. 71–77.

6. Уваров И. А. Трансформация идентичности пенитенциарного сообщества в новых социально-экономических отношениях: социологический аспект // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия : Социальные науки. 2020. № 4(60). С. 99–103.

7. Атаки на российские духовные ценности не прекращаются, заявил Путин. URL: <https://ria.ru/20230519/putin-1872940817.html> (дата обращения: 12.08.2023).

8. Путин: виновный в поджоге Корана будет отбывать наказание в мусульманском регионе России. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18000059> (дата обращения: 12.08.2023).

9. Глава Минюста считает, что сжегшего Коран надо направить в колонию мусульманского региона. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/17805699> (дата обращения: 12.08.2023).

АЙДАРКАН БАЙДЕКОВИЧ СКАКОВ,

доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник образования Республики Казахстан,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева,
профессор кафедры криминологии и организации профилактики преступлений,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия,
ORCID: 0000-0003-4199-5473,
e-mail: aidarkan@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИНСТИТУТОВ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ И ПРОБАЦИИ К ОСУЖДЕННЫМ ПОЖИЗНЕННО

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы применения к пожизненно осужденным институтов условно-досрочного освобождения и пробации. На основании анализа законодательства и правоприменительной практики раскрываются наиболее важные элементы рассматриваемых институтов.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, пробация, осужденные, наказание, пожизненное лишение свободы.

Несмотря на проведенные преобразования в уголовной политике, лишение свободы остается до настоящего времени наиболее часто назначаемым судом видом наказания. На наш взгляд, указанное обстоятельство объясняется тяжелым положением в экономике страны, высоким уровнем безработицы, особенно среди лиц молодежного возраста, коррупцией и т. д. Именно стремление выжить в этих непростой жизненной ситуации толкает большинство преступников из материально малообеспеченных семей на совершение корыстных и корыстно-насильственных уголовных правонарушений. Таким образом, повышение благосостояния подавляющего большинства населения, создание рабочих мест, социальное обеспечение малоимущих семей, формирование государственных, социальных и иных структур для содействия гармонического развития детей и др., безусловно, создадут условия для эффективной профилактики указанных выше видов преступлений. Это, на наш взгляд, отразится на назначении исследуемого вида наказания судом.

Из теории уголовного права общеизвестно о четырех видах лишения свободы: краткосрочное, среднесрочное, долгосрочное и бессрочное. Здесь, на наш взгляд, коль скоро мы остановились на видах лишения свободы, следует остановиться отдельно на бессрочном лишении свободы, которому соответствует пожизненное лишение свободы. Ранее оно применялось в ка-

честве альтернативы смертной казни – исключительной меры наказания. Однако в связи с отменой смертной казни правовой статус пожизненного лишения свободы законодателем не определен, что вызывает полемику в среде ученых, а также порождает поток жалоб осужденных к данному виду наказания в Конституционный суд страны. Ряд ученых, к числу которых относятся и авторы данной статьи, считают целесообразным, коль скоро отменена смертная казнь, сделать пожизненное лишение свободы самостоятельным видом, который должен стоять в «лестнице наказаний» за лишением свободы как наиболее строгий ее вид. Высказанное нами предложение обосновывается следующими обстоятельствами: 1) при отмене смертной казни ее альтернатива – пожизненное лишение свободы, осталась, она довольна активно применяется в правоприменительной деятельности суда, имеется определенное количество осужденных (табл.); 2) в системе наказаний имеются краткосрочное (арест), среднесрочное и долгосрочное лишение свободы (лишение свободы) и будет логически обоснованным пожизненное лишение свободы сделать также самостоятельным видом наказания.

Таблица

Количество осужденных к ПЛС в разрезе учреждений (данные по состоянию на 1 апреля 2023 г.)			
Год	Учреждение № 39 (Житикара)	Учреждение № 41 (Аркалык)	ИТОГО
2018	134	11	145
2019	135	10	145
2020	141	6	147
2021	164	6	170
2022	175	8	183
2023	179	8	187

Говоря об отмене смертной казни, необходимо, на наш взгляд, остановиться на этапах данного процесса. В начале в республике был введен мораторий на смертную казнь. 17 декабря 2003 г. бывший президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев объявил о введении бессрочного моратория на исполнение приговоров к смертной казни до решения вопроса об ее отмене. Указ вступил в силу с 1 января 2004 г. В качестве альтернативного наказания было введено пожизненное лишение свободы. 2 января 2021 г. Президент Республики Казахстан К.-Ж. К. Токаев подписал закон «О ратификации Второго факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленного на отмену смертной казни». Указанный протокол был принят 15 декабря 1989 г. на Генассамблее ООН в Нью-Йорке. Наша республика присоединилась к протоколу с одной оговоркой (предусматривает применение смертной казни в военное время). Таким образом, Республика Казахстан отказался от применения смертной казни в мирное время. Сам Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнения в некото-

рые законодательные акты Республики Казахстан по вопросу отмены смертной казни» был принят 29 декабря 2021 г. № 89-VII ЗРК.

Наказания также классифицирую на срочные, при назначении которых в приговоре суда указывается определенный срок их отбывания (в часах, месяцах, годах), и бессрочные [1, с. 28–29]. При данной классификации к последним (бессрочным – сноски авторов) следует отнести штраф, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, пожизненного лишения свободы, смертную казнь. Вместе с тем пожизненное лишение свободы не абсолютно. При отбытии 25 лет у осужденного наступает право на условно-досрочное освобождение.

Как выше нами отмечалось, уголовное наказание определяется судом исходя из общих начал назначения наказания (ст. 52 УК РК), то есть с учетом степени общественной опасности совершенного преступления и личности его совершившего.

Каждое наказание должно быть исполнено в строгом соответствии с уголовно-исполнительным законодательством.

Так, например, уголовное наказание в виде лишения свободы приводится в исполнение пенитенциарными учреждениями, виды которых предусмотрены в законе: учреждения минимальной безопасности; учреждения средней безопасности; учреждения средней безопасности для содержания несовершеннолетних; учреждения максимальной безопасности; учреждения чрезвычайной безопасности; учреждения полной безопасности; учреждения смешанной безопасности (ст. 89 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 234-V ЗРК).

Деление учреждений по видам режима дифференцирует исполнение наказания в виде лишения свободы, что имеет большое значение в организации карательно-воспитательного процесса, проводимого в местах лишения свободы в целях исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как со стороны осужденных, так и других лиц. Единственным органом, который на основании ст. 39 УК РК определяет вид пенитенциарного учреждения, является суд. В ч. 5 ст. 46 УК сказано:

«5. Отбывание лишения свободы назначается:

4) при опасном рецидиве преступлений, а также лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы, – в учреждениях уголовно-исполнительной системы чрезвычайной безопасности.»

При совокупности приговоров для отбывания лишения свободы определяется более строгий вид учреждения, установленного одним из приговоров, входящим в совокупность».

Говоря о таком важном институте, способствующем ресоциализации осужденных как пробация, можно констатировать, что она в Казахстане реализована на более ранней стадии – досудебной. Без сомнения, данное обстоятельство в перспективе имеет значительный потенциал. Данный вид probation обеспечит раннюю профилактику преступлений и будет способствовать эффективному обеспечению безопасности личности, общества и государства.

Вместе с тем, следует отметить то, что в настоящее время досудебная пробация практически не действует из-за отсутствия надлежащего государственного финансирования. Думается, что в дальнейшем при благоприятной экономической ситуации указанный вид пробации значительно повысит эффективности превентивных мер борьбы с преступностью.

Существует еще один важный вопрос применения пробации, на котором нельзя не остановиться, так как он имеет не только теоретического, но и практическое значение. Здесь имеется в виду исполнение пожизненного лишения свободы, ранее бывшей альтернативой смертной казни. Так, согласно ч. 6 ст. 72 УК РК: «6. Лицо, отбывающее назначенное судом пожизненное лишение свободы, может быть освобождено условно-досрочно, если судом будет признано, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании этого наказания и фактически отбыло не менее двадцати пяти лет лишения свободы. В случае если лицо, отбывающее назначенное судом пожизненное лишение свободы, выполнило все условия процессуального соглашения, оно может быть освобождено условно-досрочно после фактического отбытия не менее пятнадцати лет лишения свободы». Таким образом, в соответствии с действующим уголовным законодательством у шести пожизненно осужденных к лишению свободы в 2024 г. наступает право на УДО. И численность такой категории лиц будет постепенно возрастать. Однако сам процесс применения института прогрессивной системы – условно-досрочное освобождение, в законодательстве не регламентирован. В нем просто отмечается то, что за один год до наступления права на УДО, с ним должна вестись пробационная работа. Так, в ч. 3 ст. 16 Закона Республики Казахстан «О пробации» от 30 декабря 2016 г. № 38 – VI ЗРК говорится: «В отношении осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы, которому до отбытия срока наказания остался *один год*, ресоциализация осуществляется администрацией учреждения уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы в форме оказания социально-правовой помощи». Думается, социальная реабилитация продолжительностью в год навряд ли достаточно для пожизненно осужденных к лишению свободы. Общеизвестно, что по истечении пяти лет лишения свободы происходит деградация (разрушение – сноска авторов) личности преступника. В нашем случае при отбытии 24 лет лишения свободы, едва ли можно говорить о социальной реабилитации личности осужденного. В связи с этим нами предлагается следующее:

1) социальная реабилитация должна вестись с момента изоляции осужденного. Это соответствует национальному законодательству. Так, в ч. 2 ст. 16 Закона Республики Казахстан «О пробации» говорится: «Ресоциализация осужденного осуществляется с момента его прибытия в учреждение уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы в соответствии с требованиями уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан»;

2) пожизненно осужденный для представления его к УДО должен находиться на льготных условиях содержания не менее пяти лет. При нахождении в течение указанного срока под пробационным контролем и надзором, админи-

страция учреждения всесторонне изучает личность осужденного в условиях полусвободы и утверждается в возможности применения института УДО в отношении данного лица;

3) при применении института условно-досрочного освобождения в отношении указанной категории осужденных последний освобождается от отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы, однако ввиду того, что ранее осужденным совершено особо тяжкое преступление, пробационный контроль должен быть установлен пожизненно. При этом в целях обеспечения непрерывности и преемственности всех видов probation, необходимо обязать осуществление процесса ресоциализации службе probation. В этой связи, в ч. 1 ст. 169 УИК РК следует внести изменения, освободив полицию от исполнения несвойственной ей функции – пробационный контроль. В этом случае ч. 1 ст. 169 УИК следует изложить в следующей редакции: «Контроль за поведением лица, освобожденного условно-досрочно от отбывания наказания, осуществляется сотрудниками службы probation уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы по месту его жительства в порядке, определяемом уполномоченным органом в сфере уголовно-исполнительной деятельности».

Наряду с вышеуказанным нами предложением, уместно сделать вывод о нецелесообразности существования административного надзора. Пробационный контроль практически полностью дублирует его функции. Объединение в едином органе – службе probation, всех обязанностей, включая административного надзора, полностью обеспечит эффективную ресоциализацию лиц, отбывших лишение свободы.

Здесь следует отметить, что Закон Республики Казахстан «О probation» не лишен, на наш взгляд, недостатков, пробелов и коллизий. В связи с этим необходимо предусмотреть следующее:

1) досудебная probation должна вестись не только в отношении подозреваемых и обвиняемых, но и свидетелей, ведущих асоциальную образ жизни (алкоголики, наркоманы, проститутки и т. д.). Если по данному конкретному делу они признаны свидетелями, но по другим могут быть привлечены к уголовной ответственности из-за их образа жизни. Они могут быть как потенциальными преступниками, так жертвами преступлений;

2) приговорная probation должна применяться в отношении лица, осужденных к наказаниям, предусмотренных уголовным законодательством (штраф, общественные работы, исправительные работы, ограничение свободы, арест, лишение свободы). При этом они исполняются по прогрессивной системе;

3) пенитенциарная probation должна реализовываться службой probation параллельно воспитательной работе, проводимой воспитательными подразделениями пенитенциарных учреждений;

4) постпенитенциарная probation применяется в отношении всех категорий лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства и отбывших назначенное судом наказание.

Вышеизложенное позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Пожизненное лишение свободы должно быть самостоятельным видом наказания. При этом оно должно иметь два вида: пожизненное лишение свобо-

ды с правом на условно-досрочное освобождение и пожизненное лишение свободы без права на условно-досрочное освобождение.

2. Исполнение пожизненного лишения свободы должно осуществляться по прогрессивной системе, когда меняются условия содержания в зависимости от поведения осужденных.

3. Оценка положительного поведения осужденных должно соответствовать количеству условий содержания для правопослушных осужденных – шести.

4. Применение института условно-досрочного освобождения к пожизненно осужденному возможно при отбытии им 25 лет лишения свободы, из которых 5 лет последний должен находиться на льготных условиях содержания, то есть за пределами пенитенциарного учреждения в специальном общежитии. В качестве льготных условий содержания можно применить колонии-поселения (учреждения минимальной безопасности).

5. Наряду с основными мерами воздействия (режим, труд, воспитательная работа и т. д.) активно должны применяться меры пробационного контроля с целью ресоциализации, адаптации и реабилитации пожизненно осужденных. При условно-досрочном освобождении данной категории осужденных пробационный контроль устанавливается пожизненно.

6. Все виды пробации должны исполняться только службой пробации.

Список источников

1. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2 / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М., 1999. 464 с.

ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ СМИРНОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры правоведения,
Северо-Западный институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: lbs1958@yandex.ru

КОЛОНИЯ-ПОСЕЛЕНИЕ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация: в статье на основе ретроспективного анализа рассматриваются вопросы реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в колониях-поселениях. Вносятся некоторые предложения по совершенствованию процесса исполнения и отбывания лишения свободы в колониях-поселениях.

Ключевые слова: колония-поселение, осужденные, уголовно-исполнительная политика, режим содержания.

Лишение свободы, как вид уголовного наказания, в последнее время регулярно подвергается критике со стороны отдельных представителей либеральной части общества как за рубежом, так и в России. Такая критика осуществляется в русле западной теории кризиса наказания, которая направлена на дискретизацию наказания как инструмента государственной политики. Теория кризиса наказания относится к теориям либерального толка, задача которых подменить институты традиционного государства общественными институтами.

Подобные либеральные теории в конечном счете обслуживают цели глобальной олигархической власти, направленной на ликвидацию национальных традиционных государств и создание единого мирового государства, как инструмента глобальной олигархической власти. В том случае, если традиционное государство откажется от наказания, общество ждет хаос выгодный глобалистам и компрадорской буржуазии. Лишение свободы является наиболее популярным среди населения традиционных государств. Апологеты идей западного либерализма уже во многом преуспели в отмене смертной казни, или установлении на нее моратория во многих странах, включая Россию.

Одной из тенденций современной пенитенциарной науки является перманентное продвижение идей гуманизации и ослабления карательных элементов наказания. Под такой подход создано большое количество различных либеральных теорий как в пенитенциарной науке, так и в других отраслях науки.

Реализация даже относительно небольшой части предложений, может привести к исчезновению наказаний и органов их исполняющих.

Бесперывная и неограниченная гуманизация наказания выхолащивает кару и предупреждение преступлений. В негуманности уголовно-исполнительной и картельной системы либеральные круги Запада обвиняли Российскую империю и СССР, а сейчас неолибералы обвиняют современную Россию.

Таким образом, гуманизм и либерализм используются как инструмент разрушения традиционных государств и его традиционных институтов, к числу которых относится лишение свободы.

Однако наказание по-прежнему является важным средством борьбы с преступностью, которую ведет государство.

Лишение свободы как вид наказания от лица государства будет сохранен, пока это государство существует.

В современных условиях открытого противостояния российской цивилизации с западной атлантической цивилизацией и его неолиберальной идеологией необходимо повысить роль уголовного наказания и учреждений его исполняющих. Это не означает что институт лишения свободы, как и учреждения, его исполняющие не должны меняться.

Необходимо отказаться от пожизненного лишения свободы как чуждого для России, возродить отдельные виды исправительно-трудовых учреждений.

Уголовно-правовая политика должна формироваться и осуществляться в интересах государства и большей части народа, а не в интересах глобальной олигархической власти. К дискредитации и разрушению пенитенциарных систем активно подключены, управляемые глобальной олигархической властью, организации неолиберального характера.

Уголовно-правовая политика – явление динамичное и развивающееся заключается в дифференциации лишения свободы и системы мест лишения свободы. Колонии-поселения представляют собой один из видов учреждений исправительной системы, предусмотренных действующим уголовным и уголовно-исполнительным законодательством России.

Создание колоний-поселений отдельные авторы выдают за результат действия либеральных подходов и теории кризиса наказания. Однако колонии-поселения, как вид исправительного учреждения, впервые были предусмотрены еще УК и УИК РСФСР, когда подходы буржуазной науки подвергались справедливой критике.

Колонии-поселения явились частью выдающейся советской колонистской системы, наряду с исправительно-трудовыми колониями общего, усиленного, строгого и особого режимов для взрослых, осужденных к лишению свободы. Колонии-поселения явились развитием наказания в виде лишения свободы и системы советских исправительно-трудовых учреждений.

Система советских исправительно-трудовых колоний отражала принцип дифференциации ответственности и кары в виде лишения свободы. Колонистская система является результатом советской уголовно-правовой, пенитенциарной, педагогической и криминологической теории, и практики.

В 1918 г. начинают создаваться сельскохозяйственные колонии и реформатории, представляющие собой воспитательно-исправительные учреждения открытого типа [1, с. 98].

При создании колоний поселений был учтен большой опыт функционирования трудовых земледельческих колоний, использующих прогрессивную систему отбывания наказания. Вклад в появление колоний-поселений внесли переходные исправительные дома, исправительно-трудовых лагеря и, исправительно-трудовых колонии облегченного режима.

В 1963 г. систему ИТК дополнили колониями-поселениями. Первоначально они предназначались для содержания лиц «твердо вставших на путь исправления», переведенных из колоний общего, усиленного и строгого режима [2, с. 87]. ИТК РСФСР 1977 г. в целях дифференциации ответственности предусматривал колонии-поселения для содержания осужденных за неосторожные преступления на срок до 5 лет. В 1983 г. нормы УК и ИТК РСФСР с целью гуманизации кары предусматривали возможность направления в колонии-поселения осужденных за преступления по неосторожности, независимо от срока наказания. В 1985 г. УК и ИТК РСФСР дополнил направление в отдельные колонии-поселения осужденных за умышленные преступления небольшой тяжести.

Однако подобные изменения не принесли желаемых результатов, так как были приняты, по нашему мнению, необоснованно. Подобный шаг отличался популизмом в общем контексте начавшей «перестройки», заключавшейся в развале советского государства и деградации его исправительно-трудовой системы.

Колония-поселение задумывалась как наиболее мягкий вариант лишения свободы, связанный с минимальными правоограничениями и максимальными свободами. Условия жизни в советской колонии-поселения были близки к условиям жизни свободных советских людей в небольшом селе. Колония-поселения была моделью микросоциальной организации советского общества.

Советские колонии-поселения явились логическим результатом развития советской колониистой прогрессивной системы отбывания наказания. В колонию-поселения, в порядке прогрессивной системы отбывания наказания, в итоге могли быть переведены осужденные из исправительных колоний всех видов, включая особый режим при переводе в колонию строгого режима.

Уголовно-исполнительная политика применительно к исправительным учреждениям заключается в реализации целей и задач, стоящих перед местами лишения свободы в целом и их видами в частности. В отношении колоний-поселений уголовно-исполнительная политика решает общие для всех исправительных учреждений цели и задачи и частные свойственные отдельному виду мест лишения свободы. Однако уголовно-исполнительная политика находится в подчинении уголовной политики, которая задает исходные для целеполагания и установки в части уголовного наказания.

В соответствии с УК РФ и УИК РФ колония-поселение является видом мест лишения свободы и видом исправительного учреждения, чем определяется тождество отмеченных обозначений. Таким образом, кодексы вскрывают правовую природу колоний-поселений как мест лишения свободы.

Однако режим и условия содержания осужденных в колониях поселениях сходны с режимом и условиями содержания осужденных в исправительных центрах, исполняющих уголовное наказание в виде принудительных работ. Учитывая вышеотмеченное обстоятельство, полагаем возможным исполнение ограничения свободы и в колониях-поселениях.

Традиционной целью уголовной и уголовно-исполнительной политики является исправление осужденных. Кодексы непосредственно к исправительным учреждениям относят места лишения свободы, к которым наряду колониями-поселениями отнесены воспитательные колонии, исправительные колонии общего строго, особого режима и тюрьмы.

Среди исправительных учреждений, как мест лишения свободы, колонии-поселения имеют существенные и принципиальные отличия, заключающиеся в режиме и условиях содержания осужденных. Следует отметить, что режим и условия содержания в колониях-поселениях в определенной мере противоположны режиму и условиям содержания в остальных исправительных учреждениях.

В режиме конкретного вида исправительного учреждения устанавливается комплекс правоограничений осужденных. В колониях-поселениях режимные правоограничения сведены к минимуму, некоторые ограничения свойственные остальным исправительным учреждениям отсутствуют. Указанное обстоятельство дает основание в науке оспаривать колонии-поселения как место лишения свободы. В частности, В. А. Горобцов разделял взгляд о том, что в колониях-поселениях отсутствует один главных признаков лишения свободы, заключающийся в физической изоляции осужденных. Под физической изоляцией он понимал наличие вооруженной охраны, инженерно-технических средств охраны, специфические режимные правила [3, с. 47]. Рассуждения В. А. Горобцова в известной степени имеют право на существование. Однако мы склонны к двойственной природе режима содержания осужденных в колониях поселениях, включающей в себя как элементы лишения свободы, так и элементы частичного лишения свободы. Необходимо отметить, что в плане теории само понятие лишения свободы достаточно условно, как и многие другие виды наказаний.

Режим и условия содержания колонии-поселения во многом сходен с режимом и условиям содержания в исправительных центрах, которые исполняют наказание в виде принудительных работ.

В истории советских учреждений и органов, исполняющих наказание, также были спецкомендатуры, исполняющие условное осуждение с обязательным привлечением к труду и условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду, в которых был аналогичный колониям поселениям режим и условия содержания.

Вопрос оспаривания колоний-поселений как вида мест лишения свободы, видимо, останется в дальнейшем предметом дискуссии в научных кругах. Однако с практической точки зрения подобная дискуссия бесполезна и не имеет прикладного значения.

Колонии-поселения можно отнести к исправительным учреждениям открытого типа. Таким образом, колония-поселение, с одной стороны, – это ис-

правительная колония как разновидность исправительных учреждений, а с другой стороны – это поселок как способ и форма социальной организации осужденных.

Режим и условия колоний-поселений создает наибольшие возможности в применении и реализации средств исправления осужденных. Свобода перемещения осужденных в колониях-поселениях и за их пределами способствует развитию культурно-воспитательных и спортивных мероприятий.

В колонии-поселении коллективизм основной принцип колонистской системы. Он имеет больше возможностей сочетания с колонистской демократией. Коллективные формы и методы воспитательной работы, как показывает практика, наиболее эффективны.

Колонии-поселения отличаются наиболее широкими возможностями организации и проведения воспитательных мероприятий. В колониях-поселениях применяются все заявленные в ч. 2 ст. 9 УИК РФ средства исправления, включая воспитательную работу, общественно-полезный труд, получение общего образования, профессиональную подготовку. Что касается общественного воздействия, то оно, по-нашему мнению, к средствам исправления не относится.

Подобный вывод нами сделан на основе личного пенитенциарного опыта в должности заместителя начальника колонии-поселения по политико-воспитательной работе. В указанной выше колонии-поселении проживали в отдельных домах-коттеджах около 40 осужденных с семьями. К организации и проведению воспитательных мероприятий в колонии-поселения привлекался созданный мной женский совет из числа жен осужденных.

Поскольку обозначенные средства исправления являются основными, то возможно использование и других средств исправления. Полагаю, целесообразным на практике применять политическое воспитание осужденных. Актуальность политического воспитания обусловлена современными процессами в стране и мире в условиях геополитического противостояния русско-российской цивилизации странам западной цивилизации.

Полагаю, необходимым вернуть должность заместителя начальника колонии по политико-воспитательной работе. Также считаю необходимым вернуть в УИК РФ нормы о самостоятельных организациях осужденных, что особенно актуально в колониях-поселениях.

В условиях СВО необходимо активизировать военно-патриотическое воспитание по разъяснению целей СВО. Следует активировать работу, направленную на реализацию желаний, осужденных направиться в зону СВО в качестве военнослужащих по контракту. Учитывая особенности СВО полагаю, необходимым предусмотреть возможность заключения контракта, осужденного с МО РФ с направлением в зону СВО без учета отбытого срока наказания в колонии-поселении.

Трудовое воспитание на основе производительного труда в колонии-поселении имеют первостепенное значение. Одним из условий эффективности трудового воспитания является обязательное привлечение осужденных к труду. Однако в данном аспекте имеются проблемы трудовой занятости осужденных, а также достойной оплаты труда.

Участие частного бизнеса даже в форме государственного частного партнерства в части организации труда осужденных, считаем не лучшим вариантом развития уголовно-исполнительной системы. Необходимо вывести колонии-поселения из рыночных отношений. Их деятельность должна быть основана на государственной форме собственности и плановой организации труда.

Производственные структуры организации труда необходимо вернуть в штаты колоний-поселений. Необходимо перепрофилировать производственно-трудовую деятельность колоний поселений на нужды МО РФ.

Одной из перспективных функций колоний-поселений, нацеленных на исправление осужденных, является социализаторская функция. В настоящее время востребованным в пенитенциарной практике является поиск и применение новых средств исправительного воздействия. В качестве средства исправления осужденных представляется необходимым считать формирование у осужденных позитивной юридической ответственности.

Имеет большое значение формирование позитивной юридической ответственности у осужденных. Это вытекает из важной роли, которую выполняет общество в процессе воспитания и реабилитации осужденных. Позитивная юридическая ответственность проявляется в соблюдении законов и норм правопорядка, и она играет важную роль в обществе. Активная позитивная ответственность не только означает соблюдение законов, но и делает это естественной частью личности. Такая личность не просто следует правилам, она воспринимает их как неотъемлемую часть своей жизни и не рассматривает другие варианты поведения.

Таким образом, необходимость в формировании позитивной юридической ответственности у осужденных обусловлена важной социальной функцией общества в воспитании правопослушных граждан, которые не только следуют законам, но и делают это с осознанием и убежденностью.

Необходимо ограждение осужденных от влияния западных акторов в лице разного рода международных организаций, имеющих целью пропаганды западных либеральных ценностей. В 1990–2000-е годы Россию наводнили различного рода международные организации, занимающиеся на деле изменением русского кода под прикрытием транзита демократических и либеральных ценностей и обеспечения прав человека. Они не обошли стороной и места лишения свободы.

Любое участие западных субъектов влияния на осужденных можно сравнить с «Троянским конем». «Бойтесь данайцев дары, приносящих». Это известное изречение, относится и к той «помощи», которую оказывают субъекты западной цивилизации.

В результате целенаправленного воздействия различного рода акторов была реализована инициатива отмены правовой регламентации самодеятельных организаций. Самодеятельные организации осужденных были основаны на традиционных принципах коллективизма, присущих русско-российской цивилизации. Я, как субъект советской пенитенциарной практики, могу подтвердить полезность и необходимость самодеятельных организаций, осужденных особенно в колониях-поселениях.

В современной жизни исправительных учреждений на сознание осужденных оказывают средства массовой информации, среди которых лидирующие позиции занимают интернет и телевидение. Если доступ осужденных к интернету в местах лишения имеет существенные ограничения, то такие ограничения существенно ниже для телевидения.

Использование телепрограмм в воспитательной работе связано с известными проблемами их качества и содержания.

События, связанные с СВО России, должны в корне изменить характер и содержание воспитательной работы с осужденными. Необходимо предусмотреть военно-патриотическое воспитание и начальную военную подготовку осужденных. Участие осужденных в названных мероприятиях следует учитывать при условно-досрочном освобождении.

Колония-поселение должна стать обязательной альтернативой условно-досрочного освобождения в отношении осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях строгого режима.

Таким образом, потенциал колоний-поселений далеко не исчерпан. Они являются традиционным, обязательным и перспективным звеном российской уголовно-исполнительной системы.

Список источников

1. Смирнов Л. Б. Генезис и эволюция уголовно-исполнительной политики России : монография. СПб. : ИВЭСЭП, 2014. 191 с.

2. Смирнов Л. Б. Уголовно-исполнительная система России: теоретические, правовые и организационные основы : монография. СПб. : ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2007. 228 с.

3. Горобцов В. А. Правовая характеристика колоний поселений : монография. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2004. 131 с.

ВАДИМ ВИКТОРОВИЧ СТАЛЬБОВСКИЙ,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права
и криминологии уголовно-исполнительного факультета,
Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: vudiksvv@gmail.com;

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ ДЕГОНСКИЙ,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник научно-исследовательского отдела,
Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: degonskii@mail.ru

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ «ПЕДОФИЛИЧЕСКИМ» ПРАВОНАРУШЕНИЯМ:
ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ИНТЕРНЕТ-ГРУМИНГ (ИНТЕРНЕТ-ИМПАКТ)**

Аннотация: в статье рассматриваются современные тенденции в предупреждении сексуальных патологий. Предлагается совершенствование понятийно-категориального аппарата с акцентом на новое направление профилактики – виртуальную профилактику (метапрофилактику). На основе эмпирических данных, экспертного мнения сотрудников правоохранительных органов и ученых сделаны предложения по применению в практической и теоретической плоскости дефиниций «интернет-груминг» и «интернет-импакт». Обосновывается необходимость закрепления обозначенных понятий в контексте юридической ответственности.

Ключевые слова: интернет-груминг, интернет-импакт, предупреждение преступности, профилактика, педофилия.

Современные проблемы и острые вопросы установления юридической ответственности за сексуальные посягательства в большинстве своем лежат в сфере регулирования нормами уголовного права. Это естественно, учитывая степень общественной опасности подобного рода деяний. Однако необходимо осознавать, что сопутствующие аспекты девиантного поведения, которые пока еще не криминализированы, способствуют совершению «педофилических» преступлений (подтверждающие результаты эмпирического исследования приведены ниже по тексту статьи). Одним из таких аспектов является «интернет-груминг» («интернет-импакт»), совершенный в отношении несовершеннолетних. Чтобы успешно противодействовать указанным девиациям для ученых и правоприменителей необходимо единообразно понимать и трактовать данные понятия.

De facto основная часть подготовительных действий при совершении преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних в современный период развития рассматриваемых общественных отношений осуществляется с помощью сети Интернет.

Учитывая этот факт, в рамках осуществления предупредительной деятельности субъектами профилактики необходимо сконцентрировать усилия на научных, правовых, организационных и тактических и иных направлениях, способствующих формированию единой стратегии в защите несовершеннолетних от рассматриваемого вида деструктивного поведения. Не исключением из этого пласта направлений, требующих постоянного совершенствования, является разработка правильного понятийно-категориального аппарата для синхронизации действий всех субъектов различных уровней при достижении единой цели – предупреждение преступности рассматриваемого вида.

При этом криминологический прогноз и, соответственно, планирование превентивных действий государства (выражаются в нормах и механизме их исполнения) выступают залогом успеха административной и уголовной политики страны. Следует отметить, что изменения норм законодательства должны быть не просто своевременными, а в определенном смысле предвосхищающими возникновение вызовов и угроз в рассматриваемой сфере правоотношений.

Еще выдающийся философ своей эпохи Чезаре Беккариа в своем трактате «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.) подчеркивал эту мысль в следующем формате: «Кончаю следующим размышлением. Суровость наказаний должна соответствовать состоянию самой нации. На грубые души народа, едва вышедшего из состояния дикости, необходимо действовать более сильными и более чувствительными впечатлениями. Нужна молния, чтобы сразить свирепого льва, выстрел из ружья только раздражит его. Но по мере того, как душа людей, живущих в обществе, смягчается, возрастает их чувствительность, а с ростом последней, если желают сохранить отношение между предметом и ощущением, должна уменьшаться сила наказания» [1].

Современная же «молния», описанная Ч. Беккариа, зиждется на эффективных мерах профилактики преступности, дополняемых мерами административно-правового предупреждения индивидуального противоправного поведения. Сфера, в которую должна «ударять» молния сегодня, – это Интернет-сегмент, как место зарождения, вынашивания и реализации преступных замыслов.

Влияние интернет-технологий на поведение преступника и жертвы в рассматриваемом вопросе является уязвимым местом для профилактики и предупреждения преступности против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних.

Данная научная публикация является результатом проведенного анкетирования всех осужденных Республики Беларусь, совершивших преступления против половой свободы или половой неприкосновенности, в количестве 638 человек (на 1 ноября 2020 г. это все осужденные страны не отказавшиеся от подобного рода исследования, процент отказа варьируется в пределах 5,7 %), в том числе 4 женщины. В ходе аналитической работы проанализировано 114 840 ответов.

Анализ данных уголовной статистики за последние восемь лет свидетельствует о значительном увеличении количества преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних:

если в 2013 г. выявлено 110 таких преступлений (56 тяжких и особо тяжких), то уже в 2017 г. в указанной сфере зафиксировано 533 преступления (326 тяжких и особо тяжких),

2018 г. – 831 преступление (513 тяжких и особо тяжких),

2019 г. – 703 преступления (433 тяжких и особо тяжких),

2020 г. – 691 преступление (371 тяжких и особо тяжких),

2021 г. – 874 преступления (315 тяжких и особо тяжких).

Значительный рост преступлений указанного вида обусловлен в том числе особой уязвимостью несовершеннолетних, защита которых требует комплексного подхода по разработке и реализации мер не только общесоциального, но и уголовно-правового, а также криминологического характера.

По линии педофилии в 2022 г. выявлено 1089 преступлений, что на 215 (24,6 %) преступлений больше, чем в 2021 г.;

в 2021 г. зарегистрировано 107 преступлений за изготовление и распространение порноматериалов с изображением несовершеннолетнего, в 2022 г. – 196 (рост составил 87 %) (22 относятся к категории тяжких, 6 – менее тяжких).

Важным моментом является то, что из 196 уголовных дел, возбужденных по ст. 166, 167, 168, 169, 171, 343, 361, 328 УК Республики Беларусь, по 90 из них возбуждены уголовные дела по ст. 341-1 УК Республики Беларусь (Пропаганда или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики) в отношении дополнительных фактов преступной деятельности.

Из 1089 преступлений (в 2022 г.), связанных с педофилией 248 (22,7 %) совершены с использованием сети интернет. Данный способ совершения преступлений влияет на высокую степень их латентности, а также предполагает углубленный интернет-импакт (интернет-груминг) жертвы, для последующего вступления с ней в половую связь и, как правило, сопровождающимися изготовлением порнографии;

количество потерпевших детей от педофилии в 2022 г. увеличилось на 20 %;

количество детей, использованных для порно съемок, в 2022 г. увеличилось на 21 %.

Проведенное масштабное исследование «педофилической» преступности в Республике Беларусь позволило выявить проблемные и наиболее уязвимые направления в предупреждении преступности рассматриваемого вида, в том числе сквозь призму административной профилактики.

Как показывают результаты анкетирования осужденных, изучение материалов уголовных дел, справок о расследовании преступлений данного вида, первостепенные преступные действия, сместились в виртуальную среду. С уверенностью можно утверждать о назревшей трансформации отношений преступника и жертвы в виртуальном пространстве.

Влияние блогеров-инфлюенсеров [5, с. 50] на свою аудиторию без преувеличения можно назвать колоссальным. Не вызывает сомнений, что они оказывают непосредственное воздействие на социализацию индивидов в целом и правовую социализацию в частности, корректируют социокультурные и психологические установки людей [6, с. 83]. Мы разделяем мысль о том, что наиболее уязвимыми перед инфлюенсерами оказываются подростки и молодежь [7, с. 362], еще не до конца сформировавшиеся личности, особо подверженные внушению.

Недостаточная критичность мышления (по результатам исследований лишь 15–25 % населения способны критически усваивать информацию) [8; 9], убежденность в том, что цифровой образ блогера полностью соответствует реальному положению вещей, позволяют последнему манипулировать выбранной аудиторией. При этом крайне важно, что сегодня можно отыскать лидера мнений с любыми взглядами по любому вопросу, внять его призывам или оправдать собственные действия в той или иной ситуации.

Трансформация вышеописанных общественных отношений обусловила и разработку новых терминов и определений, от значения которых в дальнейшем будет зависеть качество интернет-профилактики, и естественно нейтрализация интернет-угроз национальной безопасности государства.

Результаты проведенного исследования с уверенностью позволяют утверждать, что педофилы обладают достаточно высоким интеллектом, навыками психологического воздействия, что помогает им максимально имитировать доверие у несовершеннолетних. Зачастую они выясняют его интересы, постепенно склоняют его ко встрече (в городе, на нейтральной территории или в своей квартире), «прощупывают» сексуальную предрасположенность. Интернет-технологии и многообразие соцсетей обеспечили доступ таких потенциальных преступников к несовершеннолетним.

Все подобные технологии воздействия чаще всего связывают с понятием «интернет-груминг». Сегодня МВД Беларуси активно выступает в парламенте с инициативой внесения изменений в Уголовный кодекс, которые криминализируют «груминг». И это не случайно. Так, по сведениям Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2020 г. 85,1 % белорусов в возрасте от 6 до 72 лет использовали сеть Интернет, а 71,3 % жителей нашей страны делали это ежедневно [10].

Однако необходимо отметить, что неоднозначное трактование юридических терминов и понятий (с точки зрения понимания сути закрепляемого ими правового явления) порождает сложности для использования их в правоприменительной деятельности. Поэтому в рассматриваемом вопросе как никогда актуальны слова Рене Декарта «Определив точно значения слов, вы избавите человечество от половины заблуждений».

Единый подход в понимании и использовании термина «груминг» в теории и правоприменительной практике не сформирован.

Одни определяют «груминг» как установление взрослыми дружеских отношений с несовершеннолетними через Интернет для вступления с ними в интимную связь, запугивания и шантажа. Для груминга онлайн злоумышленники

используют социальные сети, электронную почту, текстовые сообщения, чаты в онлайн-играх, а также другие веб-сайты для общения между пользователями.

Другие специалисты рассматривают «груминг» как поведение преступников, когда они завоевывают доверие несовершеннолетних с целью встретиться или принудить к онлайн-обмену сексуальным контентом.

В целом все сводится к тому, что «груминг» представляет собой формирование доверительных отношений с ребенком с целью его сексуальной эксплуатации (сексуального) насилия. В онлайн «груминге» сущность всех действий преступника сводится к получению интимных фото/видео ребенка для последующего шантажа и вымогательства у него «запретных» материалов или встреч. Необходимо констатировать тот факт, что в сети существуют специальные инструкции, манифесты и правила воздействия на несовершеннолетних, разработанные педофилами, гарантирующие высокую эффективность. Обозначенное еще раз подчеркивает важность виртуальной-профилактики в онлайн сегменте сети.

«Груминг» – это тактический подход взрослого человека к несовершеннолетнему, как правило, с сексуальными целями. Речь идет о намеках, соблазнах и манипуляциях, то есть уголовно наказуемых действиях. Для «груминга» киберпреступники часто используют фальшивые профили и пытаются выдать себя за другую личность.

Тем не менее часто в научных кругах возникает вопрос корректного употребления термина «интернет-груминг». Попытки семантически определить его значение порождает различные интерпретации. Например, в википедии термин «груминг» обозначает гигиенические процедуры, проводимые людьми по отношению к домашним животным [11], уход животного за животным. В основе термина заложено «действие», охватываемое понятием «уход» (уход за внешностью, поддержание гигиены уход за мехом (шерстью) домашних животных, стрижка, мытье, сушка, стрижка когтей и т. п.).

Слово groom и производное от него grooming в переводе на русский язык имеют более полутора десятков значений (уход за внешностью; чистка, умывание, приведение в порядок; ухаживать за лошастью, чистить ее скребницей; готовить к определенному роду деятельности (например, собаку к выставке). И, поэтому, довольно часто понятие «груминг» трактуется как активное поведение животных, направленное на очистку поверхности тела, например, умывание, купание.

По-нашему же мнению, наиболее точно определяющим воздействие преступника в интернет среде на жертву является термин «импакт» (от англ. impact) – воздействие, влияние, а точнее словосочетание «интернет-импакт». Поясним нашу позицию.

«Груминг» в подавляющем большинстве случаев ассоциируется с животными, а не с несовершеннолетними, поэтому его употребление может породить двусмысленность при закреплении в норме права. Кроме того, это понятие раскрывается исключительно через такое воздействие, концепт которого заключается в определенных действиях и манипуляциях, располагающих к жерт-

ве позитивным влиянием (подарки, комплименты, хорошие манеры, жесты), символизирующим, якобы, доброту и заботу.

«Импакт» (воздействие), в свою очередь, раскрывается через такие методы преступника, которые не только имеют положительный оттенок и содержание, а включают в себя такие отрицательные действия как манипуляции, угрозы, шантаж, принуждение.

Термин «Интернет-импакт» наиболее полно, исходя из сути и целей рассматриваемых противоправных действий, отражает исследуемое явление. При этом чаще всего влияние на жертву оказывает слово, в большей степени определяет стратегию в двух возможных направлениях эксплуатации объекта посягательства (открытая или латентная эксплуатация). Уход в большей степени подразумевает действия по психологической обработке и подчинении жертвы в мирном не стрессовом состоянии.

Вместе с тем наряду с факторами, свидетельствующими о необходимости введения в научный оборот данного понятия, также требуется раскрыть его содержание (соответствующее реалиям).

«Интернет-импакт несовершеннолетних» – процесс вербального и невербального воздействия преступника на потенциальную жертву, состоящий из алгоритмов, приемов и способов, используемых в открытом и закрытом Интернет-сегменте, и направленный на совершение преступлений либо иных противоправных действий путем формирования инициатором зависимого состояния объекта воздействия с целью его открытой или латентной эксплуатации.

Предлагаемое определение термина позволит закрепить не только единую концепцию и подходы при теоретическом рассмотрении явления, но также будет способствовать предупреждению и профилактике преступности подобной группы.

Нами разработаны и определены криминологические характеристики трех этапов совершения «интернет-импакта» в отношении несовершеннолетних: первый – адаптивный; второй – интенсификации действий; третий – биконтактный выбор.

Введение в научный оборот нового содержания определения указанных понятий способствует единообразному пониманию регулируемых общественных отношений в сфере противодействия рассматриваемой группе преступлений, является теоретической основой для развития национального законодательства и практики его применения.

Обозначенное позволит выделить новый тип преступника сексуальной направленности – использующего виртуальные средства цифровой коммуникации для совершения преступлений, то есть выстраивающего опосредованное межличностное общение в глобальной компьютерной сети Интернет с заведомо несовершеннолетним с целью последующего совершения преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы, имеющего отличительные особенности и типичные признаки поведения. Учет этого положения позволяет определить группу субъектов потенциальных преступников и сузить ее, тем самым повышая эффективность профилактических мер, осуществляемых в указанной сфере правоотношений.

Несмотря на пропагандируемые западные модели поведения граждан, влекущие утрату значительной частью общества традиционных нравственных ценностей и ориентиров, попытки разрушения национальных духовно-нравственных традиций, Республика Беларусь должна сохранять жесткую позицию по их (то есть ценностей и ориентиров) сохранению, в том числе в отношении процессов, влияющих на нормальное развитие наших граждан с момента рождения и до формирования психически и физически зрелой личности.

С учетом того, что в настоящее время происходит активная трансформация общественных отношений, факт превалирования профилактики в глобальной компьютерной сети Интернет в подавляющем большинстве случаев становится основой предупредительной деятельности и является новой реальностью в уголовно-правовых отношениях.

Задача правоохранительных органов заключается в максимально быстрой идентификации новых вызовов и угроз, определении терминологии («интернет-импакт», «педопреступность», «виртуальная профилактика», «интернет-сообщества педофилов» [12]) и предложении основ противодействия им в сфере интернет-профилактики, в том числе с закреплением обозначенных позиций в Законе Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений».

Видится необходимым определение основ интернет-профилактики в Концепции предупреждения преступности против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних [12], которая обязана затронуть вопросы изменений в сфере международного сотрудничества, развития и обучения персонала техническим навыкам, развития исследования криминологического профайлинга «педофилической» преступности, активного развития института уголовно-исполнительного права – ресоциализации осужденных, совершивших преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних [13].

На основании изложенного можно заключить, что термин «интернет-импакт» является наиболее приемлемым, целесообразным и отражающим сущностно-содержательные характеристики противоправной деятельности в теории и практике предупреждения «педофилической» активности.

В качестве меры общей и частной превенции совершения «педофилических» правонарушений предлагается закрепить норму в Главе 10 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, предусматривающую ответственность за «интернет-импакт несовершеннолетних».

Предлагаемые новеллы будут способствовать снижению уровня энтропии, а также синхронизировать деятельность субъектов профилактики правонарушений в обозначенной сфере правоотношений.

Список источников

1. О преступлениях и наказаниях. URL: <http://www.index.org.ru/turma/in/bekkaria.htm> (дата обращения: 14.07.2023).
2. Хомич В. М. О системности уголовного закона и его системно-правовом совершенствовании // Право.by. 2020. № 6. С. 65–73.

3. Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität ? // *Kriminologische Journal*. 1997. Heft 2. S. 13–19.
4. Hulsman I. Critical Criminology and the Concept of Crime // *Contemporary Crisis*. 1996. № 1. P. 63–80.
5. Воропаев Д. А. Блогер как агент правовой социализации // *Вестник Академии МВД Республики Беларусь*. 2021. № 2. С. 48–53.
6. Клиноква Д. А. Дискурс блогера: социально-коммуникативный аспект // *Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Философия»*. 2021. № 1. С. 78–84.
7. Кузнецова Е. А., Зиновьева Е. В. Лидеры мнений в цифровой среде как ресурс для профилактики девиантного поведения среди молодежи // *Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Ялта, 8–10 окт. 2020 г.)*. Симферополь : Крым. федер. ун-т им. В. И. Вернадского, 2020. С. 362–365.
8. Полякова Т. А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 437 с.
9. Дегонский С. Ю. Научные взгляды на формирование правового сознания и правовой культуры граждан как условий обеспечения информатизации // *Право.by*. 2022. № 1(75). С. 82–87.
10. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2021/infograf-transport-2-210915.pdf (дата обращения: 14.07.2023).
11. Груминг. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B3> (дата обращения: 14.07.2023).
12. Стальбовский В. В. Уголовно-правовой и криминологический аспекты противодействия преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2022. 240 л.
13. Тит А. А. Ресоциализация осужденных как направление совершенствования реализации уголовной ответственности // *Юстиция Беларуси*. 2021. № 8. С. 27–30.

АЛЕКСЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ СУМАЧЕВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия,
e-mail: alekssumachev@mail.ru

МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПРОФИЛАКТИКИ

Аннотация: в статье определена классификация неформальных молодежных групп на основе их криминальной сущности. Дана характеристика криминально-активных («гопники»; националисты; фанаты) и криминально-виктимных («эмо», «готы») неформальных молодежных групп с позиций уголовно-значимых проявлений молодежного («бытового») экстремизма. В заключении предлагаются некоторые меры, ориентируемые на предупреждение распространения молодежного («бытового») экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Ключевые слова: неформальная молодежная группа, экстремизм, детерминанты преступности, уголовно-исполнительная система, профилактические мероприятия.

Можно констатировать, что в молодежном окружении деление на «своих» и «чужих» происходит на основе различных факторов. Принадлежность к той или иной молодежных групп может сопровождаться противостоянием традиционной культуре, эпатажем ее образцов и носителей. «Чужие» могут стать «врагами» только потому, что они другие. Не важно, живут ли в другом дворе, приехали ли из другого города, имеют ли другую национальность, веру, внешность, поэтому социокультурные особенности среды общения являются значимым фактором формирования экстремального типа сознания молодежи [3, с. 38].

При этом, неформальная молодежная преступная группа – это, как правило, структурированная, юридически не оформленная, криминально-направленная группа людей в возрасте 14–29 лет, ориентированных на совершение преступлений в группе.

В современной науке существует большое количество критериев, по которым проводится классификация неформальных молодежных объединений. Так, Елена Яковенко отмечала, что неформальные молодежные группировки можно разделить по пристрастиям – на музыкальные, спортивные, интеллектуальные, религиозно-философские [5, с. 11]. С. А. Сергеев, в свою очередь, предлагал следующую типологизацию неформальных молодежных групп (субкультур): 1) романтико-эскапистские неформальные молодежные группы (хиппи, индианисты толкинисты,

байкеры); 2) гедонистическо-развлекательные неформальные молодежные группы (мажоры, рэйверы, рэпперы и т. п.); 3) криминальные неформальные молодежные группы (гопники, люберы); 4) анархо-нигилистические неформальные молодежные группы (панки, скинхеды, экстремистские субкультуры «левого» и «правого» толка), которые также можно назвать радикально-деструктивными [4, с. 96].

Как видно, классификация неформальных молодежных групп может проводиться по различным основаниям. Для нас представляет интерес несколько иная классификация неформальных молодежных групп, где основанием выделения видов является их криминальная сущность. Исходя из указанного основания, стоит говорить о следующих неформальных молодежных группах.

1. Криминально-активные молодежные группы – неформальные группы с высокой криминальной активностью, целью объединения которых в большинстве случаев является совершение преступлений и иных правонарушений («гопники»; националисты: правые и левые скинхеды, антифашисты; фанаты и др.).

2. Криминально-виктимные молодежные группы – неформальные группы, которые своим образом жизни, поведением, внешним видом провоцируют представителей иных неформальных групп на совершение преступлений против них («эмо», «готы»).

3. Криминально-нейтральные молодежные группы – неформальные объединения, которые не обладают ярко выраженной криминальной активностью, связанной с присущей им субкультурой (байкеры, толкинисты, диггеры, стритрэйсеры и группы молодежи, которые объединяются по различным направлениям музыки: рэпперы, хиппи, панк-рокеры, клабберы, металлисты, рэйверы и др.).

С точки зрения проявлений молодежного («бытового») экстремизма акцентируем внимание на криминально-активных и криминально-виктимных неформальных молодежных группах.

Криминально-активные неформальные молодежные группы. Наиболее криминально-активной молодежной преступной группой являются националисты. К ним относятся: правые и левые скин-хеды («Арийское братство», «ОБ-88», «Славянский легион»); антифашисты, («Red skins», «R.A.S.H.», «S.H.A.R.P.») различные анархисты и политические движения («лимоновцы», РНЕ, НБП, ДПНИ), а также ряд других криминальных группировок по этническому признаку (например, преступная группа народностей Кавказа «Черные ястребы»). Преступления представителей данных неформальных молодежных групп, как правило, совершаются на почве расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды. Националисты отличаются совершением преступлений с особой жестокостью. Группировки националистов обладают высокой сплоченностью, это стало возможным благодаря развитию Интернета и других информационных технологий («виртуальная среда»). Националисты обладают глубокой идеологией, но каждая группировка трактует ее по своему, что часто приводит к столкновениям даже между группами националистов.

Несомненно, из всех националистов наиболее многочисленными и криминально опасными являются «скин-хеды». При этом внешний вид скин-хедов

максимально приспособлен к уличным дракам: бритая голова, куртка без воротника и неизменные тяжелые ботинки с высоким берцем. Мироззрение личности националиста достаточно сформировано, поэтому крайне трудно привить им здоровый социальный образ жизни. Националисты участвуют в различных официальных и неофициальных митингах, протестах и демонстрациях, поэтому многие считают, что националисты действуют по заказу госструктур, хотя финансирование экстремистских группировок на высшем уровне вряд ли возможно. Националистам нравится, что все считают, что их много и они страшные.

Не менее криминально опасной группой молодежи являются «гопники». Это представители маргинальной молодежи, ведущей асоциальный образ жизни. Структура группировок «гопников» очень сложна, так как данная молодежная группа является самой неконкретизированной, а представители этой группы не относят себя к данной субкультуре. Гопники культивируют преступное поведение, мироззрение, традиции и жаргон уголовного мира. Группировки «гопников» делятся по территориальному признаку и, как правило, не поддерживают отношений друг с другом. Каждая группировка «гопников» состоит из 10–30 человек, в большинстве случаев без четко выраженных лидеров, но некоторые представители пользуются большим авторитетом, чем другие. Средний возраст «гопника» составляет 16–25 лет. В основном все они выходцы из неблагополучных семей, многие неоднократно судимы. Наиболее часто совершаемые преступления «гопниками» это: кражи, грабежи, разбои, вымогательства, причинение вреда здоровью различной тяжести, а так же убийства. Места обитания «гопников» – это окраины, рабочие районы, парки и скверы городов и поселков. Само название «гопник» происходит от выражения «гоп-стоп», которое в свою очередь произошло от слова «гоп» – выражение скачка, прыжка или удара, которое упоминается в пословице «не говори гоп, пока не перепрыгнешь». Так же есть версия, что в 1920-е годы в Петрограде в гостинице «Октябрьская» расположилось Городское общежитие пролетариата (ГОП), куда со всех вокзалов свозили беспризорников, промышленяющих в городе уличными кражами и мелким грабежом. Их прозвали «гопниками» – по аббревиатуре приюта. В настоящее время осуществлять профилактику преступлений данной субкультуры очень сложно, так как отсутствует какая-либо программа по пресечению криминальной деятельности «гопников».

Другой криминально-активной группировкой являются футбольные фанаты. У крупных российских клубов насчитывается по несколько официальных и неофициальных фанатских объединений, в которых по некоторым данным состоят сотни тысяч человек. Первые хулиганские группировки европейского масштаба – это «Red-Blue Warriors» (ПФК «ЦСКА»), «Flint's Crew» (ФК «Спартак») и «Ultras» (ФК «Зенит»). Практически каждый их выезд на футбольный матч своей команды сопровождался массовыми хулиганствами и драками. Вместе с тем, фанатское движение вскоре стало модным, спровоцировав быстрый рост числа футбольных группировок как в столице, так и по всей России. В официальных фанатских клубах существует строгая иерархия и фанатский «ко-

декс чести». Все мероприятия проводимые фанатами (от «кричалок» и баннеров до крупномасштабных драк) являются четко спланированными лидерами данных группировок, исключения лишь составляют неофициальные футбольные банды (на сленге – «фирмы»). В любой официальной или неофициальной «фирме» существует лидер, который отвечает за организацию деятельности Фан-клуба, а именно: организация выездных матчей (билеты, транспорт, проживание и т. п.), контакт с администрацией футбольного клуба, контакт с лидерами других «фирм». В настоящее время за грубое, непристойное поведение болельщиков на трибунах наказывается сам Футбольный клуб, поэтому администрация клуба тесно взаимодействует с лидерами фанатских «фирм». Объединения фанатов отличаются от других субкультур высокой сплоченностью.

О значимости проблем фанатского движения с позиций противодействия преступности служат и защищенные кандидатские диссертации не только по юриспруденции (А. А. Мейтин Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых футбольными болельщиками, и их предупреждение: дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2004.), но и по психологии (Медников С. В. Психологические составляющие агрессивного поведения футбольных болельщиков : дис. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургского государственного университета, 2012).

Криминально-виктимные неформальные молодежные группы («эмо» и «готы»).

Эмо как современная субкультура берет начало в США и началась она с музыки. В начале 1980-х на музыкальной ниве был все еще популярен так называемый «Вашингтонский хардкор» – смесь тяжелого рока и панк-рока. Эмо имеет особый стиль одежды и внешнего вида («универсальный прикид» Эмо содержит одежду в черно-розовую полоску; очень популярны орнаменты с шашечками), что является предметом самовыражения и открывает окружающим индивидуальность каждого Эмокида. Культура Эмо, в первую очередь, проявляется в эмоциях, что и предопределяет происхождение ее названия от слова – ЭМОции. Большинство «Эмобоев» выглядят как девочки, а многие «Эмогерл» – как мальчики. В среде Эмо часто встречается бисексуальность, что является одной из причин проявления в отношении них насилия. Так, в 2008 г. на одном из центральных телеканалов показали документальный фильм «Бойцовские девки», где в одном из сюжетов шла речь о том, как в г. Москве «плохие девчонки» издеваются над «ЭМО» [1].

Готы относятся к представителям готической культуры, зародившейся в конце 70-х годов XX века на волне пост-панка. Готическая субкультура культивирует индивидуальность и характеризуется такими чертами как: любовь к готической музыке (готик-року, дэт-року, дарквейву) мрачный имидж, интерес к мистицизму и эзотерике, декадансу [2].

Стоит заметить, что пик насилия в отношении представителей криминально-виктимных молодежных субкультур пришелся на 2007–2008 гг. в период наиболее массового демонстрационного их проявления. В настоящее время

наблюдается некоторый «спад» именно в демонстрации принадлежности к субкультуре «эмо» и «готы».

Таким образом, уголовно значимые проявления молодежного экстремизма могут быть обусловлены относительно «бытовыми» установками – принадлежностью к тому или иному неформальному молодежному объединению.

Нет сомнений в том, неформальные молодежные группы такого плана могут существовать и в местах лишения свободы. И здесь, с позиций предупреждения распространения молодежного («бытового») экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, можно предложить следующее.

Первоначально следует установить и обеспечивать единый внешний вид осужденных:

– наличие естественного цвета волос (если несовершеннолетний красит волосы в яркие цвета – обязательная стрижка наголо);

– запрет на хранение или использование каких-либо атрибутов, свидетельствующих о принадлежности к неформальной группе (например, кожаных частей одежды черного цвета и цепей, свидетельствующих о принадлежности к субкультуре «готы»);

– по возможности одинаковая верхняя одежда.

Кроме того, в целях разобщенности неформальных групп выявленных представителей единой неформальной группы следует расселять по разным местам сна, работы и т. п.

Проведение воспитательных мероприятий, ориентированных на развитие чувства патриотизма и общности народов.

Таким образом, исследование уголовно-значимых проявлений молодежного («бытового») экстремизма с позиций, в том числе, и психологических установок неформальных молодежных объединений, представляется актуальным для разработки соответствующих профилактических мероприятий вообще, и в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, в частности.

Список источников

1. Бойцовские девки : документальный фильм // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=S1U8Jvxrg3A> (время доступа: 30.08.2023).

2. Готы (субкультура) // Википедии. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BE%D1%82%D1%8B_\(%D1%81%D1%83%D0%B1%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BE%D1%82%D1%8B_(%D1%81%D1%83%D0%B1%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0)) (время доступа: 30.08.2023).

3. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37–47.

4. Сергеев С. А. Молодежные субкультуры в республике // Социологические исследования. 1998. № 11. С. 95–102.

5. Яковенко Е. Такие разные лица // Если : журнал. 1996. № 12. С. 11–12.

КОНСТАНТИН АНТОНОВИЧ СЫЧ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия,
e-mail: s.konstantin.57@mail.ru

ЭПОХА ПУБЛИЧНЫХ КАЗНЕЙ И УСТРАШАЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ В ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Аннотация: работа посвящена эпохе, именуемой в истории уголовного права, как эпоха публичных казней и устрашающего воздействия на общественное сознание, посредством, жестоких и даже бесчеловечных видов наказания. Делается вывод, что жестокие наказания, причиняющие физические и нравственные страдания личности преступника малоэффективны для целей уголовной политики.

Ключевые слова: телесные наказания, публичные казни, устрашающее воздействие, шельмование, гражданская смерть, личность преступника.

Историко-сравнительный анализ развития уголовного наказания позволяет выделить определенные его этапы, зависящие от уровня состояния культуры и нравственности общества. В юридической литературе выделяют следующие этапы развития наказания: а) частной мести; б) материального выкупа или композиций; в) публичных казней или устрашающего воздействия; г) психологического принуждения или исправления. В общем ряду эпох развития наказания, особое место занимает эпоха публичных казней или устрашающего воздействия на общественное сознание.

Уголовное наказание в рассматриваемый период теряет значение частного мщения и приобретает явные черты публичного наказания, исходящего от государства, где интересы потерпевшего уходят на второй план. Московское государство, по утверждению профессора В. И. Сергиевича, наказывает для искоренения воров, разбойников и устрашения населения [1, с. 515]. Этот тезис указывает на то, что целью наказания в рассматриваемый период является стремление публичной власти преодолеть преступность того времени посредством жестоких и даже необычных наказаний (казней). Возникает, естественно, вопрос о том, насколько эффективными были отмеченные меры наказания в достижении позитивных социальных целей.

В этом контексте представляет научный интерес Соборное Уложение 1649 г., которое особо выделяется по критерию жестокого обращения с личностью преступника. По утверждению П. Строева, одного из крупных исследователей памятников русского права, Соборное Уложение 1649 г. характеризуется как чудовищ-

ное, кровожадное и до невероятности свирепое [2, с. 8]. Смертная казнь была предусмотрена даже за преступления небольшой тяжести (по классификации УК РФ 1996 г.). В ряду наказаний этого закона особое место занимали телесные наказания. Впервые в истории российского уголовного права отмеченный закон конкретно указывал на членовредительские наказания: сечение рук, пальцев, носа, ушей, языка [3, с. 277].

Членовредительским наказаниям Соборное Уложение 1649 г. отдавало предпочтение даже в сравнении со смертной казнью. Известно, что в 1651 г. в отношении татей и разбойников смертная казнь была заменена членовредительскими наказаниями, например, за первую татьбу отрезали два меньших пальца левой руки, а за вторую – левую руку и правую ногу [4, с. 27–28].

При этом телесным наказаниям официальные власти придавали публичный характер, как особую форму воздействия на общественное сознание. В царском указе 1663 г. строго повелевалось: «Отсеченные руки, ноги у больших дорог прибывать к деревьям и у тех же рук и ног написать вины и приклеить, что те руки и ноги воров, татей и разбойников и отсечены у них за воровство, за татьбу, за разбой ... чтобы всяких членов люди то их воровство ведали» [3, с. 158]. Жестокость наказаний рассматривалась в тот исторический период как универсальное средство, способное преодолеть криминальные наклонности личности преступника, а публичность исполнения наказаний, преимущественно в виде телесных наказаний или смертной казни, выступала как метод устрашающего воздействия на общественное сознание. В рассматриваемый период наибольшее распространение получили кнут и батоги, как разновидности карательных средств исполнения телесных наказаний. К примеру, в Соборном Уложении 1649 г. кнут был предусмотрен в 141 преступлениях, что позволяет судить о широком применении этого вида телесных наказаний. В юридической литературе отмечалось, что в результате применения кнута или батога осужденный испытывал сильные физические боли и страдания, но органы человеческого тела не отнимались, хотя и уродовались. Отмеченный закон не определял количество ударов за те или иные преступления, их назначал судья или исполнитель, что нередко доходило до 300 ударов, которые заканчивались, как правило, смертью наказываемого. Следует заметить, в этой связи и то важное обстоятельство, что практика применения кнута или иного сечения, как разновидности телесных наказаний, была распространена в российском гражданском обществе того времени, в качестве и дисциплинарной меры, которая применялась в отношении детей школьного возраста, студентов и других категорий населения. Отсюда можно сделать вывод, что телесные наказания основаны на социальной парадигме допустимости физического воздействия на человека, игнорируя при этом человеческое достоинство личности.

Членовредительские наказания использовались в карательной политике государства и в качестве клеймения преступников. Сечение, например, ушей использовалось для клеймения мошенников, разбойников, убийц. Соборное Уложение 1649 г. повелевало: «...кликать, чтобы никто не держал людей с резаными ушами, если у них нет письма (свидетельства), что они уже наказаны за

свою вину» [5, с. 269]. Эта законодательная тенденция была свойственна не только первым законодательным актам российской государственности, но и сохранилась вплоть до середины XIX века. Рассматриваемый исторический период развития наказания пришелся на эпоху крепостничества в России. В этом отношении Соборное Уложение 1649 г. занимает особое место, в плане предоставления помещикам широких прав на крестьян, включая применения телесных наказаний. Личность крестьянина-земледелца по своему правовому положению мало чем отличалась от положения преступников, в плане свободного поведения и телесных наказаний, применяемых даже за незначительные проступки и помещичьи капризы. Применение телесных наказаний в отношении крепостных получил наибольшее распространение в период действия Соборного Уложения 1649 г.

Воинский Устав Петра I, как один из систематизированных норм воинского уголовного права, характеризовался в этом отношении не менее жестоким характером, например, смертная казнь была предусмотрена в 200 артикулах, а в 60 случаях не был обозначен ее вид, что относилось на усмотрение суда [6, с. 322]. В рассматриваемом нормативно-правовом акте были закреплены квалифицированные виды смертной казни: сожжение, четвертование, колесование, повешение, отсечение головы. Телесные наказания разделялись на членовредительские (отсечение пальцев, руки, ноги, носа, языка) и болезненные (битье кнутов, битье шпицрутенами). Особо обращает на себя внимание битье шпицрутенами, заимствованное из немецкого военного уголовного права. Процедура наказания этим орудием была крайне жестокая, как отмечал Н. Евреинов, один из исследователей телесных наказаний в России: расставляли два длинных ряда солдат и каждому давали в руки шпицрутен. Осужденному обнажали спину до пояса, привязывали его руки к ружью, повернутому к нему штыком, и за это ружье водили его по рядам. Удары сыпались на него справа и слева, бежать от них он не мог: острый штык заставлял его медленно шествовать; трещал барабан, стонал и просил пощады несчастный» [7, с. 56]. Наказание шпицрутенами не признавалось позорящим, подвергнутый этому наказанию солдат, не терял доброго имени и мог продолжать свою службу. В дальнейшем в отношении этой категории граждан, шпицрутены были заменены так называемыми кошками (четыре хвостовые плети с узелками на концах), которые признавались менее болезненным видом телесных наказаний по сравнению со шпицрутенами.

В этой связи следует заметить, что карательная политика в период царствования Петра I характеризовалась как жестокая по отношению к осужденным, главной целью которой по-прежнему оставалась сформированная еще в Соборном Уложении 1649 г., цель устрашающего воздействия на общественное сознание, путем публичной процедуры исполнения, прежде всего телесных наказаний (наказать так, смотря на это, неповадно было подобно делать). При этом законодательная концепция отмеченных видов наказания не принимала в расчет интересы личности преступника, его здоровье, человеческое достоинство и даже жизнь человека. Личность преступника, в

этом отношении, признавалась лишь объектом карательного и устрашающего воздействия.

По юридической природе наказаний, которые причиняли особые страдания личности преступника, с полным основанием можно отнести наказания, унижающие его человеческое достоинство. К такого рода наказаниям относится так называемое шельмование, введенное Воинским Уставом Петра I. Сущность карательного воздаяния в результате применения этого вида наказания состояла в позорном обряде, где шельмованный лишался прав состояния, имя его прибивалось к виселице, над ним переламывалась шпага, а сам преступник объявлялся вором, извергом или шельмой. Негативные правовые последствия этого вида наказания состояли: 1) шельмованный не мог быть принят на государственную службу; не мог быть допущен к какому-либо делу, включая свидетелем в суде; 2) шельмованный лишался покровительства законов, что исключало всякую ответственность за преступления, совершенные против него; 3) шельмованный не допускался в общество добрых и честных людей; 4) шельмованный не приводился к присяге [8, с. 160].

Жестокость и чрезмерность шельмования, как вида уголовного наказания, проявлялась, прежде всего, в социальном статусе, который известен в истории уголовного права как гражданская смерть личности преступника. Применение рассматриваемого вида наказания, имело для шельмованного далеко идущие негативные правовые последствия, связанные с причинением ему моральных и физических страданий, вследствие потери честного имени, прав состояния и покровительства законов российского государства. По своему правовому состоянию, его положение было хуже, чем рабство.

В ряду жестоких и чрезмерных телесных наказаний занимает особое место так называемая публичная экзекуция, которая, как правило, назначалась за совершение воровства, убийства, поджогов и других особо тяжких преступлений. Публичная экзекуция состояла не только в том, что закон определял количество ударов плетью (максимально до 100 ударов), но и в унижении человеческого достоинства личности преступника. Н. Евреинов так описывал процедуру публичного исполнения этого наказания: «На месте казни воздвигали высокий помост, на котором находился широкий черный столб с цепью и кобыла. При этом присутствовало множество народа. Палачей привозили в особом фургоне. Вслед за ними приезжала позорная поленница с осужденным. Экзекуция началась с того, что осужденного подводили к эшафоту, он слушал напутственные слова священника и прикладывался к кресту. Потом поднимался на эшафот, где ему объявлялся приговор. После прочтения приговора на руки осужденному накладывались цепи и на десять минут его устанавливали у позорного столба. Затем из рук тюремных служителей его передавали в руки палачей. Палач рвал рубаху на осужденном и привязывал крепко к кобыле. По команде палач, стоявший с левой стороны, с криком «берегись, ожгу» наносил удары плетью. После соответствующего количества ударов плетью, осужденного клеймили и увозили в тюремную больницу». Пример процедуры исполнения публичной экзекуции свидетельствует о чрезмерности применяемого вида

наказания, его бесчеловечности, по отношению к личности преступника. Отмеченная тенденция в уголовной политике России, связанная с чрезмерно жестокими видами наказания и преследующая цель устрашающего воздействия на общественное сознание, сохранялась несколько веков, вплоть до XIX века. Она получила свое развитие благодаря жестоким нравам в обществе, где царили крепостнические ценности, человеческое достоинство личности преступника не принималось в расчет при формировании уголовной политики государства.

Таким образом, эпоха публичных казней в истории уголовного права доказывает только то, что посредством жестоких казней, унижения личности преступника, причиняя ему очень большие физические и моральные страдания, достичь высоких социальных целей практически невозможно. Чрезмерность государственных мер наказания, применяемых за совершение преступлений гражданами этого же государства, создает негативный пример жестокости и бесчеловечности для членов общества. Отсюда можно сделать вывод, что личность преступника (осужденного) не может быть унижена в результате применения мер наказания. В противном случае трудно рассчитывать на позитивное социальное значение мер уголовного наказания.

Список источников

1. Сергиевич В. И. Лекции по истории русского права. СПб., 1890.
2. Строев П. Историко-юридическое исследование Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем. СПб., 1883.
3. Сергиевский Н. Д. Наказание в русском праве 18 века. СПб., 1897.
4. Евреинов Н. История телесных наказаний в России. Харьков, 1994.
5. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 3. М., 1985.
6. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 4. Законодательство в период становления абсолютизма. М., 1986.
7. Евреинов Н. История телесных наказаний в России. Харьков, 1994.
8. Филлипов А. О. О наказаниях по законодательству Петра Великого в связи с реформой. М., 1891.

ЕГОР ГЕННАДЬЕВИЧ ТЕРЕШЕНКО,

преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права
и криминологии уголовно-исполнительного факультета,
Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: teresh1994@mail.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК
НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы применения методов исследования эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок. Формулируется методологическая модель исследования исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок, способная дать объективные, полные и достоверные результаты.

Ключевые слова: лишение свободы на определенный срок, эффективность, эффективность наказания, эффективность исполнения наказания в виде лишения свободы, методы исследования, цели уголовной ответственности.

Исполнение наказания в виде лишения свободы является сложным процессом, выражающимся в целенаправленном воздействии, обеспечиваемом администрацией исправительного учреждения, на лиц, отбывающих данный вид наказания. Определение эффективности данного процесса на сегодняшний день является проблемой, вызывающей множество споров и дискуссий среди ученых-пенитенциаристов, в том числе связанных с методологией изучения данного направления в юридической науке. На наш взгляд, изучение исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок требует применения методов, при помощи которых могут быть исследованы отдельные аспекты, в совокупности способствующие той или иной степени определению его эффективности.

В основу методологии исследования исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок должен быть положен комплексно-системный подход и основанные на нем общенаучные и частные методы. Эффективность исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок требует применения логико-философских методов познания: индукции и дедукции, сравнения, синтеза и анализа, аналогии, моделирования, обобщения. Путем сравнительно-правового, статистического анализа, формально-логического и других присущих правовым наукам методов целесообразно осуществление изучения нормативных правовых актов, статистических данных,

что в дальнейшем может послужить основой для рассмотрения эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок, как соответствия или превышения результата, фактически достигнутого администрацией исправительного учреждения в отношении осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы на определенный срок, целям уголовной ответственности, для достижения которого было затрачено не более запланированного объема сил и средств.

Для того чтобы проследить общую динамику развития регулирования общественных отношений в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок и закономерности процесса формирования принципов уголовно-исполнительной политики государства, целей исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок, а также правового регулирования в конкретный исторический период, необходимо применение метода ретроспективного анализа. Изучение развития целей исполнения наказания имеет как научное, так и практическое значение. С помощью ретроспективного анализа особенностей исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок в различные исторические периоды полагается возможным выявление путей совершенствования регулирования данных общественных отношений на современном этапе их развития.

С целью выявления идей эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок (и его исторических аналогов) в различные исторические периоды целесообразно изучение памятников права периодов существования Древнерусского государства (X–XIII вв.), Великого княжества Литовского (XIII–XVIII вв.), Российской империи (конец XVIII в. – 1917 г.), Советского государства (1917–1991 гг.). Анализ именно этих источников позволяет сделать вывод, что представления законодателя об эффективности исполнения наказания продолжительный период сводились к устрашению наказанием за совершение преступления, вследствие чего использовались различные формы телесных наказаний и смертная казнь, исполнявшиеся публично. Наказания, аналогичные лишению свободы на определенный срок, в рамках таких концепций не были широко распространены, так как их исполнение происходило не публично, соответственно необходимого эффекта в виде такого же устрашающего воздействия они не имели. Следовательно, эффективность наказания сводилась к принципу частной превенции. В процессе обретения все большей актуальности идей гуманизма в пенитенциарной политике на территории современной Беларуси начали изменяться и взгляды на эффективность наказания, что отразилось и на статусе лишения свободы на определенный срок в системе наказаний с точки зрения эффективности. Постепенно актуализировались идеи о том, что цель наказания заключается не в возмездии и покарании преступника, а в его исправлении и дальнейшем успешном возвращении в общество, что не могло не повлечь за собой переоценку системы наказаний и места наказания в виде лишения свободы на определенный срок в ней с точки зрения эффективности.

Сравнительно-правовой метод целесообразен при анализе международных стандартов в области уголовно-исполнительного права, нормативных правовых

актов зарубежных государств и Республики Беларусь, определяющих цели наказания, в том числе в рамках его исполнения, а также средства их достижения. Выявленные особенности исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок могут способствовать формулированию предложений по внесению изменений и дополнений в отечественные нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок, с целью повышения его эффективности.

Системно-структурный анализ складывающихся при исполнении наказания в виде лишения свободы на определенный срок общественных отношений позволяет установить, что определение того, насколько эффективно исполняется наказание в виде лишения свободы на определенный срок, представляется затруднительным, так как исполнение этого наказания не имеет должной системы критериев, по которым было бы возможно объективно определить, насколько эффективно оно в отношении конкретного лица, а также что действующие нормы права не позволяют раскрыть весь потенциал эффективности исполнения данного вида наказания. Вместе с тем представляется целесообразным применение математических методов для расчета значений показателей эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок. И хотя среди ученых-юристов применение подобных методов для измерения эффективности социальных процессов нередко подвергается критике, все же такой подход позволяет оптимизировать усилия администрации исправительного учреждения и определить наиболее актуальные направления деятельности в исполнении наказания в виде лишения свободы на определенный срок для повышения его эффективности.

Применение статистических методов позволяет проанализировать состояние и динамику применения наказания в виде лишения свободы на определенный срок, а также уровень рецидива среди лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы на определенный срок, и освобожденных из исправительных учреждений. Указанные методы способствуют выявлению положительных и отрицательных факторов и условий, влияющих на эффективность исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок.

На основе метода анкетирования целесообразно проведение социологического опроса осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы на определенный срок, а также сотрудников исправительных учреждений. Анкетирование позволит эмпирическим путем определить проблемные аспекты эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок.

Таким образом, приведенный комплекс методов исследования отдельных аспектов исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок способствует выявлению проблем в указанном процессе, его оптимизации и дальнейшей выработке эффективной модели исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок.

ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА ТЕРЕЩЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права
и криминологии уголовно-исполнительного факультета,
Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: tati2034@yandex.ru

**СНИЖЕНИЕ РЕЦИДИВИЗМА: ВЫЯВЛЕНИЕ ФАКТОРОВ РИСКА
И РАЗРАБОТКА РЕШЕНИЙ**

Аннотация: исследуются вопросы, связанные с понятием и сущностью рецидивной преступности. Автор отмечает, что выработано и доктринальное, и легальное понятие исследуемой формы преступного посягательства. Вместе с тем количественные и качественные показатели постпенитенциарного рецидива свидетельствуют о том, что необходимо продолжить работу по выявлению факторов риска и разработку эффективных практик в этом направлении.

Ключевые слова: криминология, рецидивная преступность, постпенитенциарный рецидив.

Рецидивная преступность представляет собой один из наиболее опасных видов преступности. Ее повышенная общественная опасность обусловлена прежде всего тем, что совершение лицом более одного преступления свидетельствует об упорном стремлении продолжать преступное поведение, об укреплении в сознании преступных навыков, стойких антиобщественных взглядов и убеждений. Это может стать и условием для формирования профессиональной преступности. Общественная опасность рецидивной преступности выражается и в том, что преступники-рецидивисты оказывают негативное влияние на неустойчивых лиц, особенно несовершеннолетних, и втягивают их в преступную активность. Тем самым формируется «питательная среда» для преступности.

Изучению проблем рецидивной преступности, понятию и сущности постпенитенциарного рецидива, отдельных ее аспектов посвящены научные труды В. А. Ананича, О. И. Бажанова, А. В. Баркова, В. Н. Васильченко, И. М. Гальперина, М. М. Гродзинского, Н. С. Таганцева, Б. С. Утевского, В. М. Хомича, С. Ю. Часнока и др. Кроме отечественных ученых, указанная проблема привлекает международное сообщество в лице таких авторов, как А. Donald, А. Bonta, J. Bonta и др., и международных организаций, например УНП ООН (Резолюция 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН, Резолюцию 65/229 Генеральной Ассамблеи ООН).

Следует отметить, что большинство исследований рецидива преступлений в дореволюционной уголовно-правовой науке осуществлялось в преде-

лах его уголовно-правового понятия. Ученые придерживались мнения, что рецидив имеет место в случае повторения тождественного или однородного преступления при условии, что на предыдущее была реакция государства и оба преступления были связаны определенным промежутком времени. Так, например, Н. С. Таганцев полагал, что необходимым признаком повторения является отбытие назначенного судом наказания за первое преступление полностью или, по крайней мере, его двух третей [1, с. 61]. Таким образом, в дореволюционной уголовно-правовой науке основанием для признания лица рецидивистом являлось обнаружение особой злостности его воли, а само понятие «рецидив» служило для выделения из общей массы преступников лиц, представляющих повышенную опасность для общества [2, с. 23].

В советский период активно исследовали рецидивную преступность М. Н. Гернет, М. М. Гроздинский, Б. С. Утевский и др. Так, например, М. М. Гроздинский считал, что рецидив свидетельствует об особом настроении преступника и при определении рецидива в основу должно быть положено то, чем руководствовался преступник, и его склонности. Ученый говорил о необходимости изучения личностных особенностей преступников-рецидивистов [3, с. 58–59]. Исследованию дефиниции «рецидив» посвящены также труды В. Н. Кудрявцева, И. И. Карпеца, Б. В. Коробейникова, Ю. И. Шутова, В. Е. Эминова и др. [4, с. 42].

В Республике Беларусь впервые на монографическом уровне комплексное исследование проблемы рецидивной преступности провели В. А. Ананич и С. Ю. Часнок. Учеными детально проанализированы этапы формирования научно-теоретических воззрений на рецидивную преступность, дана ее уголовно-правовая и криминологическая характеристики, рассмотрена система мер предупреждения.

В действующем законодательстве Республики Беларусь и современной научной литературе по уголовному праву, криминологии и уголовно-исполнительному праву можно найти три основных понятия рецидива преступлений: рецидив «уголовно-правовой (легальный)» (ч. 1 ст. 43 УК РБ); рецидив «криминологический (фактический)», также встречается понятие «постпенитенциарный» рецидив и «пенитенциарный» рецидив.

Выступая своеобразным индикатором социальной ситуации в стране, рецидивная преступность обуславливает относительную устойчивость преступности как социального явления, порождая новые преступления. Особенностью рецидивной преступности является не только сам факт совершения многими преступниками повторных преступлений, несмотря на применение наказания, но и то обстоятельство, что на протяжении даже незначительного временного интервала количественные и качественные показатели общей преступности могут существенно изменяться, показатели же рецидива преступлений, остаются относительно стабильными на протяжении десятилетий. Это характерно и для современной криминогенной ситуации в белорусском государстве.

Отметим, что для достижения целей в области устойчивого развития ООН, в частности, цель 16 – «Мир, правосудие и эффективные институты»,

необходимо уделить серьезное внимание снижению уровня преступности, в том числе предотвращению рецидивизма. Республика Беларусь также является активным членом по претворению в жизнь отмеченных целей. В тоже время на уровне международного сообщества в контексте статистического учета и отчетности база данных Numbeo позволяет судить об уровне преступности и рисках формирования рецидивной преступности. Применительно к Республике Беларусь, что согласуется и с официальными данными МВД Республики Беларусь, Статистического комитета Республики Беларусь, удельный вес рецидива фиксируется на уровне 35–33 % (за последние три года прослеживается положительная динамика и значение является минимальным за последнее десятилетие). Снижается также и количество лиц, совершивших преступления и имеющих судимость (–7,7 %) (данные представлены ДИН МВД Республики Беларусь, УНИД МВД Республики Беларусь).

Несмотря на наметившуюся положительную динамику, анализ оперативной обстановки по отдельным районам свидетельствует о необходимости совершенствования некоторых позиций с учетом выявленных недостатков контролирующими субъектами по линии МВД Республики Беларусь, УНИД МВД Республики Беларусь (и на уровне областей), надзирающими прокурорами.

Субъектами определены наиболее проблемные сферы, которые связаны с возможностью качественного привлечения к труду ранее судимых лиц, бытовое устройство последних, социальная деградация, определяемая по большей части злоупотреблением психически активными веществами.

В этой связи целесообразно привести и эмпирические данные, которые получены Департаментом исполнения наказания МВД Республики Беларусь совместно с кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь. Так, в 2022 г. нами проведено анкетирование 450 осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы на определенный срок (далее – в виде лишения свободы) в девяти исправительных учреждениях для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы. Анкетирование направлено на выяснение причин и условий, способствующих росту рецидивной преступности после отбытия наказания. Кроме того, ставилась задача по обобщению криминологического портрета отмеченных респондентов.

В основном анкетированием охвачены осужденные в возрасте от 26 до 40 лет (62 %), то есть наиболее трудоспособные члены нашего общества. 91 % опрошенных являлись жителями городов и городских поселков, 70 % – имели профессионально-техническое образование.

При этом только 23 % респондентов состоят в браке (35 % в браке вообще не состояли, 9 % после развода и не поддерживают отношения с семьей, 13 % сожительствуют). Иными словами, фактически 1/2 осужденных не имеют семей, у 42 % отсутствуют дети; 82 % судимы 2 раза и более (31 % – более 4 раз).

На вопрос, через какое время после освобождения респонденты устроились на работу, 13 % ответили, что не устроились вовсе (18 % на это понадобилось от 1 до 3 месяцев). Среднемесячный доход у 26 % до осуждения составлял в эквиваленте меньше 200 долларов США (у осужденных женского пола у 74 %).

На вопрос «Кто оказывал Вам помощь в трудовом и бытовом устройстве после освобождения?» 35 % респондентов отметили, что помощь не оказывалась вообще, 11 % помогли сотрудники исправительных учреждений, 11 % – работники государственных органов (представители общественных и промышленных организаций, наблюдательные комиссии при местных исполнительных и распорядительных органах).

Анализ анкет позволяет сделать вывод о том, что в оказании помощи после освобождения активное место занимают различные общественные организации – 35 % (17 % – белорусское общество «Красный крест», 4 % – Благотворительная религиозная миссия «Возвращение»). При этом отвечая на вопрос «Помогли ли Вам общественные организации в устройстве в обществе после освобождения?», лишь в 12 % случаев ответили «Да». 58 % респондентов считают, что помощь общественности важна для них после освобождения.

Следует отметить, что на вопрос «Помогли ли Вам местные исполнительные и распорядительные органы в устройстве в обществе после освобождения?» лишь 14 % ответили «Да», а 30 % – «Нет». На аналогичный вопрос про органы внутренних дел «Да» ответили 16 % респондентов.

В отношении 56 % респондентов имелись негативные высказывания общественностью по факту своего осуждения после освобождения из исправительного учреждения, т.е. включался процесс стигматизации.

На вопрос «С чем Вы прежде всего связываете свое противоправное поведение?» 34 % отметили низкий материальный уровень жизни, 23 % – социальную несправедливость и разбалансированность доходов населения и 18 % – недостатки воспитания. При этом в 26 % случаях причиной совершения ими нового преступления после освобождения указывают «вредные привычки», то есть зависимость от алкоголя и далее 21 % – низкий уровень достатка, 17 % – предвзятое отношение общества, 16 % – отсутствие помощи со стороны государственных органов в бытовом и трудовом устройстве, 14 % – влияние лиц, ведущих аморальный образ жизни, то есть особенности ведомого характера.

Стоит обозначить существенным фактором, влияющим на уровень рецидивизма то, что в более чем половине случаях осужденные вовсе за помощью не обращаются ни в какие органы и общественные организации. Это может быть связано как с их субъективным желанием, так и с правовыми пробелами в незнании возможности получения социальной адресной помощи.

71 % респондентам помощь оказывали близкие родственники (72 % именно с семьей поддерживали отношения после освобождения). У 44 %

опрошенных либо нет друзей, либо они также ранее судимые и ведущие аморальный образ жизни, при этом в 50 % случаях именно они оказывали помощь после освобождения (в 46 % случаях поддерживали отношения с друзьями после освобождения, 1/4 которых вели аморальный образ жизни). 20 % опрошенных большую часть свободного времени после освобождения употребляли алкоголь и наркотики (55 % – общение с семьей).

61 % респондентов считают, что в процессе исполнения наказания они исправились, при этом у 15 % ухудшилось мнение о сотрудниках правоохранительных органов, у 11 % – ухудшились отношения с близкими, 10 % считают, что отбытие наказания «лишь их портит» и 10 % – «не влияет».

На вопрос «Как Вы оцениваете эффективность оказываемой Вам помощи в бытовом и трудовом устройстве в учреждении?» 32 % считают, что оказывается большая помощь, 50 % – что помощь имеет значение и лишь 18 % – что помощь не помогает. В качестве трудностей, с которыми предстоит столкнуться после освобождения, 30 % опрошенных отметили, что сложно противостоять аморальному влиянию окружающих, 29 % – проблемы с трудоустройством, 22 % – преодолеть предвзятое отношение к себе со стороны окружающих, 23 % – восстановление семейных отношений. Для успешной интеграции в общество после освобождения для 47 % важно обрести ближний круг общения (друзей) из числа лиц, ведущих социально приемлемый образ жизни; 57 % – трудоустроиться на работу в первые два месяца после освобождения и начать трудиться; 25 % – получить помощь (сопровождение и поддержку) в прохождении бюрократических процедур, связанных с трудоустройством и разрешением иных вопросов обеспечения жизнедеятельности.

Основной причиной вовлечения освободившегося в занятия, имеющие криминальный риск (злоупотребление алкоголем, наркотиков и т. п.) называют вовлечение освободившегося в занятия, имеющие криминальный риск со стороны иных лиц (65 %), праздное времяпровождение в первые месяцы после освобождения без наличия постоянного места работы (43 %). 48 % в качестве помощи после освобождения, в которой они нуждаются, указывают трудоустройство, 42 % – материальную помощь.

Как мы видим, сведения, полученные контролирующими субъектами, коррелируют с эмпирическими данными. И в этой связи целесообразно наметить стратегические пути решения, которые могут определяться такими направлениями, как *реабилитация и социальная интеграция; политикой в области назначения наказаний и применением альтернативы тюремному заключению.*

В первую очередь с целью снижения рецидивизма в соответствии с Минимальными стандартными правилами ООН в отношении обращения с заключенными, меры уголовного правосудия должны быть адаптированы к индивидуальным потребностям и положению правонарушителей на основе тщательного и системного анализа потребностей, способностей, склонностей отдельных правонарушителей. Кроме того, важно проводить соответствующую

щие реалиям времени программы или комплекс мер в рамках исправительного процесса, включая психолого-педагогическое сопровождение. Как известно, само по себе применение жесткой меры в виде лишения свободы за совершенное преступление, или неоднократное преступление, без дополнительных вложений в программы реабилитации и реинтеграции не приведет к снижению уровня рецидивизма, но может и усугубить ситуацию.

При этом эффективность реабилитации и интеграции может быть большей, не прибегая к лишению свободы в отношении отдельных категорий более уязвимых лиц, таких как пожилые, душевнобольные (но признанные вменяемыми), аддиктивные, этнические меньшинства, женщины и т. п.

Обращаясь к Минимальным стандартным правилам ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), отметим, что тюремное заключение должно рассматриваться в качестве крайней меры и может обеспечивать баланс между правами правонарушителей, жертв, интересами общества. В этой связи политика применения альтернативных мер лишению свободы может быть продолжена, включая замену уголовной ответственности иными способами (например, применительно к несовершеннолетним), условное наказание, принудительное лечение от психически активных веществ в качестве обязательной меры и т. п. И далее внедрение успешных практик в виде программ реституционного правосудия с учетом особенностей уголовного судопроизводства государства (см. Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия, резолюция 2002/12 Экономического и Социального совета ООН).

При этом должен соблюдаться двусторонний баланс мягкости и жесткости, то есть в случае наличия системных нарушений со стороны правонарушителя должен быть разработан и внедрен территориальными ОВД механизм контроля за своевременностью принятия решения сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций о направлении материалов в суд для замены осужденным неотбытой части наказания более строгим наказанием.

Кроме того, в рамках выборочного изучения деятельности территориальных ОВД должно быть обращено внимание на своевременное принятие решений об установлении превентивного надзора, привлечению лиц к административной ответственности по ст. 25.11 КоАП Республики Беларусь, возбуждению уголовных дел за несоблюдение его требований; постановку на учет в уголовно-исполнительные инспекции всех лиц, ранее отбывавших наказание; имеющих судимость, для последующей системной работы и контроля деятельности указанных лиц (например, БД «Контроль освобождения»).

Таким образом, снижение рецидивизма является важным направлением деятельности для всех субъектов уголовного правосудия. Улучшение количественных и качественных показателей рецидивной преступности приводит к сокращению потерпевших, обеспечению безопасности общества, уменьшению нагрузки на правоохранительные органы и систему правосудия, расходы

на содержание в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Вместе с тем своевременное выявление факторов риска, детерминирующих постпенитенциарный рецидив, наряду с комплексной и системной работой с ранее судимыми лицами, как в период отбывания наказания, так и после освобождения, являются ключевыми элементами института пробации. Обращение к данному вопросу представляется целесообразным всем субъектам, осуществляющим профилактическую деятельность в обществе. При этом создание полноценного института пробации в Республике Беларусь, на наш взгляд, является перспективным направлением в системе мер предупреждения преступности.

Список источников

1. Таганцев Н. С. О повторении преступлений. СПб. : Изд-во журн. М-ва юстиции, 1867. 296 с.
2. Ананич В. А., Часнок С. Ю. Предупреждение рецидивной преступности : монография. Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2008. 99 с.
3. Гродзинский М. М. Рецидив и привычная преступность // Право и жизнь. 1923. № 5, 6. С. 50–68.
4. Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Криминология : учеб. пособие. 4-е изд. М. : Норма, 2009. 800 с.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ТИТ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии
уголовно-исполнительного факультета,
Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: tsitalex@tut.by

**К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ
«ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ»
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы реализации такой меры уголовно-правового воздействия на общественные отношения, как восстановление социальной справедливости. По мнению автора, восстановление социальной справедливости является важнейшим элементом уголовной политики государства, однако, действующее законодательство Республики Беларусь не содержит понятия, из которого вытекало бы, что понимается под восстановлением социальной справедливости. На основе проведенного анализа, автором предлагается разработка понятия «восстановление социальной справедливости» и его последующей имплементации в уголовное законодательство Республики Беларусь. Указанный шаг позволит сформировать единую смысловую сентенцию указанного понятия как в доктрине уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, так и в толковании указанного понятия правоприменителем.

Ключевые слова: наказание, исправление, справедливость, субъекты социальная справедливость, восстановление социальной справедливости.

Социальная справедливость – философская и социологическая категория, содержащая в себе представления людей о сбалансированном развитии общественных отношений, поиск членами общества идеальной модели сосуществования. По доминирующему в научных кругах подходу, общепризнанная модель социальной справедливости предполагает обеспечение равных возможностей и социальных гарантий членам общества, недопущение дискриминации по различным физиолого-социальным признакам. Соответственно, когда права членов общества в результате преступления нарушаются, то можно говорить о том, что социальная справедливость нарушена и требует восстановления.

Уголовное законодательство Республики Беларусь в ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) закрепляет следующие цели уголовной ответственности: исправление лица, совершившего преступление и предупреждение совершения преступлений как осужденным, так и другими лицами. От-

дельной нормой, в части 3 указанной статьи содержится положение, которое законодателем не закреплено в качестве цели уголовной ответственности, и вынесено за перечень вышеуказанных целей, а именно: применение уголовной ответственности призвано «способствовать восстановлению социальной справедливости».

Законодателем прямо не указано, что следует понимать под восстановлением социальной справедливости. Частично, указанный смысловой пробел раскрывает положение, содержащееся в части 3 ст. 44 УК: «Осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него как имущественного, дохода, полученного преступным путем, так и материального возмещения морального вреда».

Закрепленную в части 3 ст. 44 УК оговорку о взыскании морального либо материального ущерба с осужденного, можно трактовать как попытку законодателя свести сущность восстановления социальной справедливости в формат исполнительного производства. В данном случае, подразумевается, что социальная справедливость будет восстановлена, когда лицо возместит ущерб, причиненный совершенным преступлением, а цели уголовной ответственности будут в данном случае достигнуты. Однако это не совсем так.

Следует согласиться с И. А. Моисеевой считающей, что «определенная судом мера ответственности лица, совершившего преступление, должна исходить из необходимости примирения осужденного с потерпевшим и обществом» [1, с. 186], поэтому закрепление в законодательстве понятия «восстановление социальной справедливости» должно содержать четкие и недвусмысленные направления, которые следует реализовать для восстановления социальной справедливости.

Отсутствие законодательно закрепленного понятия «восстановление социальной справедливости» порождает большое количество дискуссий как в научной среде, так и в среде практических работников о том, что же понимать под восстановлением социальной справедливости. Если провести контент-анализ научных исследований, посвященных проблеме выявления сущности восстановления социальной справедливости, то мы увидим, что единого понимания, на доктринальном уровне, что следует понимать под восстановлением социальной справедливости нет.

Таким образом, для правильного понимания сущности дефиниции «восстановление социальной справедливости» необходимо научное осмысление и разработка указанного понятия на доктринальном уровне. Отталкиваясь от достигнутых результатов, можно будет говорить об имплементации в уголовное законодательство понятия «восстановление социальной справедливости». Указанный подход позволит сформировать понятную и операбельную для правоприменителя концепцию восстановления социальной справедливости в уголовной политике Республики Беларусь. В своей совокупности реализация этих шагов позволит снизить напряженность в обществе, пострадавшем от совершенного преступления ввиду того, что закрепление понятия «восстановление социальной справедливости» обозначит для правоприменителя четкие

ориентиры деятельности при назначении наказаний в отношении лиц, совершивших преступления. Указанные ориентиры должны быть недвусмысленными по своему содержанию и отражать основные требования социального запроса к реализации данной меры уголовно-правового воздействия на общественные отношения.

Разработку понятия «восстановление социальной справедливости» необходимо начать с привязки к стержневой дефиниции, элементом которой выступает социальная справедливость – справедливости. В данном случае, наиболее сложной задачей будет как раз выявление единой сущности справедливости, которую и призвано охранять уголовное законодательство. Сложной является задача ввиду того, что справедливость является морально-этической и нравственной категорией и в уголовном законодательстве Республики Беларусь не находит своего раскрытия. Более того, контент-анализ белорусского законодательства показывает, что сама категория справедливость применительно к аспектам реализации уголовной ответственности используется наряду положениями части 3 ст. 44 УК только в преамбуле Конституции Республики Беларусь. Так, указанная преамбула содержит следующие положения «...утверждая права и свободы человека и гражданина, устои правового государства и социально-справедливого общества...».

Таким образом, исходя из нормативно-закрепленной дефиниции «справедливость», законодатель делегирует правоприменителю интерпретацию указанного понятия и, соответственно, его реализацию в практической деятельности. В свою очередь, отсутствие законодательного закрепления понятий справедливость, социальная справедливость, восстановление социальной справедливости продуцирует неоднородное толкование правоприменителем и, соответственно, субъективную оценку относительно сущности указанных понятий. В конечном счете меры уголовной ответственности применяются сквозь призму представления правоприменителя о сущности вышеуказанных понятий.

Как было показано выше, действующее уголовное законодательство Республики Беларусь в сущность дефиниции восстановления социальной справедливости вкладывает необходимость компенсации морального либо материального вреда, нанесенного совершенным преступлением. Однако восстановление социальной справедливости, как средство уголовно-правового воздействия, содержит в себе намного большую содержательную сентенцию, чем финансово-компенсационный характер мер уголовной ответственности, применяемых наряду с реализацией мер уголовной ответственности, содержащих карательную составляющую.

Для того чтобы разработать единое доктринальное понятие «восстановление социальной справедливости», которое можно использовать как в теории, так и в уголовном законодательстве необходимо учитывать ряд обстоятельств. В первую очередь необходимо понимать, что уголовная ответственность является сложным социолого-правовым институтом, включающим в себя большое количество различных факторов, которые в своей совокупности детерминируют существование самостоятельной системы общественных отношений, возни-

кающих для осуществления воздействия на лицо, совершившее преступление. В данном случае речь идет о факторах социального содержания, подразумевающих больший учет причин и условий, которые подтолкнули лицо к совершению преступления.

Вместе с тем корректировка существующей трактовки «восстановление социальной справедливости» послужит триггером в деятельности законодателя и правоприменителя формирования комплекса мер, по устранению причин и условий, направленных на устранение причин и условий, формирующих у лица желание совершить преступление.

Исходя из действующей трактовки социальной справедливости можно сделать вывод, что сущность такой уголовно-правовой категории уголовной ответственности как восстановление социальной справедливости, декларируемая в части 3 ст. 44 УК не способствует по своему содержанию восстановлению социальной справедливости. Как было сказано выше, закрепление в законодательстве понятия «восстановление социальной справедливости» спродуцирует дальнейшую деятельность государственного правоохранительного аппарата по созданию комплексного механизма, содержащего в себе сентенцию восстановительного правосудия.

Для того чтобы социальная справедливость была восстановлена, необходимо сформировать такой уголовно-правовой механизм реализации уголовной ответственности, когда правоприменитель, отталкиваясь от факторов, детерминирующих преступное поведение лица реализует при этом совокупность мер, предусматривающих наряду с мерами карательного толка также и меры интегративной направленности, устраняя таким образом препятствия, мешающие лицу, совершившему преступление стать полноценным членом общества.

Разумеется, что реализация указанных положений будет эффективна только, если общество примет осужденного обратно, не отвергнув его. В результате, для совершенствования направлений реализации уголовной политики необходимо учитывать два основных элемента, учет которых обязателен: сам осужденный, а именно совокупность детерминант, которые сформировали его как преступника и общество, куда он возвращается, а именно учет ожиданий общества от осужденного.

Таким образом, для наиболее эффективного использования такой меры уголовно-правового воздействия на общественные отношения, как восстановление социальной справедливости, целесообразна разработка понятия «восстановление социальной справедливости» в теории уголовного права и его последующая имплементация в уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство.

Список источников

1. Моисеева И. А. Восстановление социальной справедливости при реализации уголовной ответственности и освобождении от нее // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2020. № 13. С. 184–192.

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ УТКИН,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии,
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск, Россия,
e-mail: crim_tsu@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ (КОМПЛЕКСОВ)

Аннотация: статья посвящена анализу основных положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы России до 2030 г., касающихся проекта учреждения объединенного типа. По мнению автора, данный проект нельзя сводить к строительству одного образцового учреждения с сомнительной перспективой его дальнейшего масштабирования во всей уголовно-исполнительной системе. Необходимо научное обоснование возможных путей формирования в России уголовно-исполнительных центров различного типа в зависимости от региональных условий и потребностей. Важным правовым средством такой модернизации может быть новый закон об уголовно-исполнительной системе либо существенные изменения в действующем.

Ключевые слова: уголовно-исполнительные центры, учреждения объединенного типа.

Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной Распоряжением Правительства России 1138-р от 25 апреля 2021 г. (далее – «Концепция 2030») [1], в числе основных (концептуальных) направлений предусмотрены «разработка и реализация проекта создания учреждения объединенного типа», причем все это предполагается осуществить в 2024 году (Раздел VII).

Само по себе появление в «Концепции 2030» такого раздела можно только приветствовать. Тенденция к формированию подобных учреждений, получившая первоначальное законодательное закрепление еще в 2001 г. в ч. 2 ст. 74 УИК РФ в виде возможности создания на территории исправительной колонии изолированных участков с различными видами режима, на протяжении последних двух десятилетий объективно обусловлена социально-экономическими и уголовно-политическими реалиями современного периода, изменением числа и качественных характеристик осужденных, отходом от традиционных советских «монорежимных» исправительно-трудовых колоний.

О необходимости научного подхода к модернизации исправительных учреждений, в данном направлении ранее высказывался ряд ученых, в том числе автор этих строк [2–5 и др.]. Вместе с тем внимательное ознакомление с содержанием Раздела VII не может не вызвать ряд вопросов.

Прежде всего обращает на себя внимание, то, что «об учреждениях объединенного типа» говорится как о единичном учреждении экспериментального характера без упоминания о возможных перспективах последующего масштабирования этого типа учреждений в уголовно-исполнительной системе России в период с 2024 до 2030 года. На наш взгляд, это далеко не случайно, ведь, судя по содержанию Раздела VII «Концепции 2030», перед нами, по сути, – некий «сияющий град на холме», в виде учреждения, «в рамках которого планируется сосредоточить исправительные учреждения и следственные изоляторы в едином центре, модернизировать и унифицировать имеющиеся технологии в сфере обеспечения режима и развития производственного сектора, а также предусмотреть *клиентоцентрический подход к созданию условий для содержания осужденных, подозреваемых и обвиняемых*, предоставления свиданий с их родственниками, осуществления деятельности адвокатов и общественных организаций, включая оборудование помещений для предоставления свиданий, а также для осуществления деятельности судов, органов прокуратуры Российской Федерации, следователей, включая оборудование помещений для их деятельности (выделено мной. – В. У.)».

Сразу бросается в глаза модный ныне «клиентоцентрический подход», который отдельные авторы аналогичных документов, затрагивающих взаимоотношения государства и личности, стараются ныне широко употреблять к месту и не к месту. В данном случае – явно не к месту, поскольку, согласно современной теории социального управления, клиентоцентричность как «концепция развития организации для удовлетворения интересов и потребностей клиента» ставит во главу угла «клиента», которому оказывается «услуга» как ценность, созданная для удовлетворения отдельных его потребностей [6, с. 21–24].

Не умаляя значения клиентоцентричного подхода во взаимодействии государства и граждан в сфере государственных услуг позитивного свойства, мы полагаем, что его использование в исправительных учреждениях и следственных изоляторах в целом будет означать, что исполнение лишения свободы или предварительного заключения под стражу – это государственная услуга, от которой осужденный, подозреваемый, обвиняемый всегда вправе отказаться. Неизвестно, знакома ли авторам упомянутого этого весьма сомнительного тезиса ст. 43 УК РФ, где наказание определяется как «мера государственного принуждения», и нормы Уголовно-исполнительного кодекса и подзаконных нормативных актов, регламентирующие механизм принудительной реализации судебного приговора.

Об отдельных сторонах «клиентоцентрического подхода» с известными оговорками уместно говорить лишь в сфере деятельности социальных служб уголовно-исполнительных учреждений, а также применительно к той области деятельности УИС, которая ныне именуется также «пробацией». Не случайно

во многих странах Европы осужденные без лишения свободы именуется «клиентами» служб пробации. Но эта сфера деятельности не охватывается Разделом VII Концепции.

Нельзя отделаться и от тревожной мысли, что авторы данного Раздела особо и не рассчитывали на его реализацию, поскольку очевидно, что предусмотренный им «сияющий град на холме» когда-либо будет построен. Вспомним печальный опыт «всеобщей тюремизации» как направления развития уголовно-исполнительной системы, в ранее принятой аналогичной «Концепции 2020». Она предусматривала масштабное строительство в России 442 тюрем, отвечающим международным стандартам, причем за счет внутренних резервов уголовно-исполнительной системы.

Данное предположение косвенно подтверждают и появившиеся в печати сведения о плане создания в Калужской области «учреждения объединенного типа» на 3,5 тыс. «клиентов», предполагающего, помимо прочего, и строительство отдельного городка для сотрудников с общим бюджетным финансированием 12 млрд рублей. В то же время в самой Концепции предусмотрено, что в целях оптимизации учреждений уголовно-исполнительной системы к 2024 г. из 900 учреждений ликвидации подлежат 88 (Раздел VI). Едва ли можно сомневаться, что данное положение полностью или большей его частью будет реализовано. В отличие от Раздела VII, который в существующих социально-экономических реалиях может унаследовать судьбу упомянутой «всеобщей тюремизации» и будет из Концепции исключен (хотя бы по причине устранения необходимости впоследствии отчитываться за неуспех). В итоге сама идея «учреждения объединенного типа» окажется дискредитированной.

На деле окажется дискредитированной (и не без оснований) не идея «учреждения объединенного типа» как таковая (при ее должной научно обоснованной конкретизации), а идея упомянутого «града на холме», удовлетворяющего практически все потребности «клиентов», уголовно-исполнительной практики, правосудия, прокуратуры, адвокатуры, следствия, гражданского общества и т. п. И это понятно, ибо ни в одной стране мира таких заведений нет, как нет и стремлений к их созданию. Вместе с тем, по нашему мнению, в отличие от упомянутой «всеобщей тюремизации» тенденция формирования комплексных (гибридных, мультирежимных) учреждений УИС, объективно обусловлена, а Раздел VII «Концепции 2030» нуждаются в – новой, качественно иной редакции.

Приходится начать хотя бы с того, что из содержания Раздела VII вообще непонятно, о каком, собственно, «учреждении объединенного типа» в нем идет речь, даже с позиций грамматики русского языка. Если освободить этот тезис от общих фраз о «модернизации и унификации», «клиентоцентрическом подходе», то в остатке – это «такое учреждение, в рамках которого планируется сосредоточить исправительные учреждения и следственные изоляторы в едином центре». Буквально это означает, что в одном (!) учреждении предполагается иметь несколько следственных изоляторов. Простой вопрос – зачем? Ведь в результате появится не учреждение как таковое, а то, что в экономике и науке управления именуется «кластером».

Другой вопрос: насколько реалистично планировать создание подобного кластера с численностью «клиентов» до 3,5 тыс. человек в «едином центре», имея в виду, что, как минимум, две трети осужденных должны быть обеспечены оплачиваемым производительным трудом при условии, что их заработок должен быть не менее установленной законом минимальной оплаты труда (ч. 2 ст. 105 УИК РФ)?

Коль скоро в основе подобного гигантского «учреждения объединенного типа» во всяком случае все же будет лежать исправительная колония, то есть колонийские (а по сути – «лагерные») начала, трудно уйти от мысли, что обратной стороной пресловутого «сияющего града на холме» при его успешной реализации (в чем есть сомнения) в итоге окажется монструозный «суперлагерь 2.0».

В свете сказанного уже само название Раздела VII «Концепции 2030» следует скорректировать. Сведение его к одному лишь архитектурному проекту обедняет и сужает его значение. Лучше писать о «формировании и развитии», а не об одном лишь «проекте». Сам по себе технический проект и строительство целесообразнее перенести в план реализации Концепции. Учитывая существующую и возможную многообразность таких учреждений и их типов, необходимо все излагать во множественном числе. Имея в виду комплексный («гибридный», «мультирежимный» и т. д.) характер рассматриваемых учреждений, необходимо для краткости изложения как в тексте Концепции, так и при дальнейших обсуждениях, использовать термин «исправительные комплексы» (в Республике Азербайджан подобные учреждения именуются «пенитенциарными комплексами», хотя формируются на тюремной основе [7]) или (с учетом возможного наличия в них СИЗО) – «Уголовно-исполнительные центры (комплексы)». В итоге в новой редакции Раздел VII «Концепции 2030» должен именоваться «Формирование и развитие уголовно-исполнительных центров (комплексов)».

С учетом отмеченной выше «мультирежимности» («гибридности») подавляющего большинства существующих ныне исправительных колоний, не все из них, видимо, автоматически можно причислять к таким комплексам, а лишь такие, для которых наличие нескольких видов и режимов является определяющим, что проявляется в их организационно-управленческом и архитектурном облике. Допустимы и количественные критерии, к примеру, при условии, если в учреждении определены доли осужденных (например, не менее половины) отбывают наказание в условиях разных режимов и разных видов. При этом вовсе не обязательно в каждом исправительном комплексе иметь одновременно все возможные виды и режимы (например, СИЗО и УФИЦ). Все зависит от местных условий и потребностей, в связи с чем уместно говорить о формировании и развитии исправительных комплексов разного вида (типа), которые могли бы строиться по «модульному» принципу. Подобная система представляется гибкой и более отвечающей потребностям практики.

Учитывая, что, из всех осужденных к лишению свободы, значительное большинство (свыше 60 %) ныне отбывает наказание в колониях строгого ре-

жима (конкретнее – на строгом режиме), и эта доля постоянно растет, за основу типового уголовно-исполнительного комплекса, в том числе его разных вариаций, на первых этапах целесообразно взять именно колонию строгого режима с возможным сочетанием в ней различных «модулей». Поскольку в составе уголовно-исполнительных комплексов все чаще будут находиться исправительные центры (с перспективой преобразования в них существующих изолированных участков колоний-поселений), такие комплексы уже нельзя будет считать в полной мере местами лишения свободы.

Принципиально важно, что создаваемые в порядке эксперимента уголовно-исполнительные комплексы должны иметь возможность дальнейшего масштабирования, в том числе с экономической точки зрения.

Необходимым условием и средством формирования уголовно-исполнительных комплексов должно быть строгое соблюдение принципа законности, совершенствование организационно-правовых основ. Представляется, что на первом (экспериментальном) этапе каких-либо значимых изменений уголовно-исполнительного законодательства (в смысле федеральных законов) не потребуются. Полезным было бы изменение наименования ст. 58 УК РФ с «Назначение осужденным вида исправительного учреждения» на «Назначение осужденным вида и режима исправительного учреждения». Кроме того, – соответствующие дополнения в ст. 74 УИК и в Закон РФ от 21 июля 1993 г. «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации».

Второй этап, – масштабирование (тиражирование) результатов эксперимента, предлагает более глубокие преобразования. Это, на наш взгляд, во всяком случае:

- упомянутое выше объединение колоний-поселений и исправительных центров, исполняющих принудительные работы с возвратом к старому названию аналогичного наказания – «ограничение свободы» (Существующие ныне «ограничения свободы», как неоднократно ранее предлагал автор, из системы наказаний нужно исключить [8 с. 61]).

- максимально возможная унификация «тюремных» условий содержания осужденных (тюрма, ПФРТ, ПКТ, ЕПКТ), ШИЗО, строгие условия содержания в колониях особого режима);

- ликвидация общего режима в исправительных колониях (с сохранением раздельного содержания впервые отбывающих и ранее отбывавших лишение свободы);

- унификация условий отбывания лишения свободы, отказ от их деления на обычные, облегченные и строгие, стимулирование надлежащего поведения осужденных исключительно мерами поощрения и взыскания, при условии, что их перечень будет значительно расширен и актуализирован путем включения в него отдельных значимых для осужденных элементов облегченных и строгих условий.

Разумеется, изложенные выше и иные возможные аналогичные предложения нуждаются в обсуждении. Помимо прочего, и в части организационного строения (структуры управления) уголовно-исполнительных комплексов, в том числе объем правоприменительных полномочий руководителей входящих в них

структур (модулей, секторов). Это относится и к их компетенции по применению к осужденным, подозреваемым, обвиняемым мер поощрения и взыскания.

Возрастает актуальность научных основ дифференциации осужденных, ее критериев, оснований, порядка и юридических последствий, причем по принципу «необходимой достаточности».

На новых организационных и технологических основах должна решаться и проблема обеспечения интегративной (пассивной и активной) безопасности лиц, содержащихся в комплексных исправительных колониях, персонала и посетителей.

Что же касается предусмотренного в «Концепции 2030» оборудования помещений для деятельности судов, следователей, органов прокуратуры и тем паче – строительства городков для персонала, то это, конечно, желательно, но едва ли можно отнести к неотъемлемому признаку «учреждений объединенного типа». В масштабах всей уголовно-исполнительной системы это вряд ли реалистично, и поэтому не может быть масштабировано. Во-многом это зависит от местных условий, потребностей и, возможно, - от дополнительного финансирования со стороны регионов (в части обеспечения сотрудников жильем).

В конечном счете и в перспективе в рассмотренной выше модернизации и реорганизации традиционных «колониальных» структур на комплексных началах видится магистральный самобытный путь модернизации всей уголовно-исполнительной системы России, отличный от пресловутой «тюрьмизации» западного типа [9].

Список источников

1. Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 20. Ст. 3397.
2. Уткин В. А. Европейские тюремные правила и проблемы их реализации. Томск : Изд-во ТГУ, 1996.
3. Уткин В. А. Гибридные исправительные учреждения и международные стандарты // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2(18). С. 7–11.
4. Горбань Д. В. «Комплексные» исправительные учреждения в пенитенциарной системе России на современном этапе ее реформирования // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1. С. 38–44.
5. Усеев Р. З. Мультирежимность исправительных учреждений: причины, классификация, перспективы // Уголовная юстиция. 2016. № 2(18). С. 81–88.
6. Клиентоцентрический подход в государственном управлении: навигатор цифровой трансформации. М. : РАНХИГС при Президенте РФ, 2020. 180 с.
7. Гумбатов М. Г. Пенитенциарные комплексы – новый вид учреждений по отбыванию лишения свободы в Азербайджанской Республике // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тез. выступл. участников. Рязань : Академия ФСИН России, 2013. С. 115–124.
8. Уткин В. А. Альтернативные санкции в России: проблемы и перспективы. М. : PRI, 2012.
9. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к ГУЛАГу западного образца. М., 2001.

ТХИ ЛАН АНЬ ФАМ,

профессор юридического факультета,
Академия народной безопасности Министерства общественной безопасности,
г. Ханой, Социалистическая Республика Вьетнам,
e-mail: anhanhc500@gmail.com

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ,
КАСАЮЩИЕСЯ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ
ПО СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВЬЕТНАМА**

Аннотация: в настоящей статье представлен анализ некоторых вопросов, касающихся назначения наказания по совокупности преступлений в уголовном законодательстве Вьетнама. Автор на основе законодательства и практики его применения представляет обзор правил сложения приговоров по совокупности решений в зависимости от вида наказания, стадии вынесения решения, органа, выносящего окончательный приговор.

Ключевые слова: Вьетнам, приговор, совокупность преступлений, совокупность наказаний, соединение наказаний, судебные инстанции, уголовная ответственность.

Совокупное наказание – это соединение наказаний, к которым приговорен осужденный, в общее наказание, которое осужденный должен отбывать.

Совокупность наказаний является правовым институтом, обеспечивающим социальную справедливость, воплощающим принцип наказания в уголовной политике государства по отношению к правонарушителям. Лицо, совершившее тяжкие преступления должны наказываться строже, чем те, кто совершает менее тяжкие преступления. Кроме того, те, кто совершает много преступлений, должны наказываться строже, чем те, кто совершает только одно преступление. При объединении наказаний для правонарушителей также необходимо руководствоваться этим принципом, и этот принцип также может меняться в зависимости от уголовной политики государства.

Уголовный кодекс (далее – УК) Вьетнама 1999 г. по-прежнему предусматривает, что максимальный срок лишения свободы составляет 20 лет, но для лиц, совершивших множество преступлений, и каждое преступление, где каждое предусматривает лишение свободы, общее наказание для правонарушителя может достигать 30 лет [2]. Уголовный кодекс Вьетнама 2015 г. наследует предписания УК 1999 г., поэтому в нем должен быть сохранен принцип суммирования наказаний без каких-либо изменений и дополнений [3].

1. Определение наказаний в случае совокупности преступлений

Решение о назначении наказания в случае установления совершения лицом более чем одного преступления – это случай, в котором при вынесении решения суд признает подсудимого виновным в совершении двух или более преступлений, а при определении наказания суд должен определить наказание за каждое преступление, а затем должен определить общее наказание за эти преступления. Однако, поскольку наказание в системе наказаний, предусмотренной ст. 32 УК Вьетнама, имеет много видов, при определении наказания за каждое преступление суд не может избрать общий вид наказания для всех преступлений, санкции которых различны по видам [3].

Вместе с тем при вынесении решения суд должен определить наказание за каждое преступление, а затем суммировать наказание в соответствии с положениями ст. 54 УК Вьетнама 2015 г.

Особенности суммирования основных наказаний.

Согласно положениям ч. 1 ст. 32 УК Вьетнама к основным наказаниям относятся предупреждение; штраф; ограничение свободы, не связанное с лишением свободы; выдворение; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы и смертная казнь. В этой связи определение совокупности должно следовать следующим принципам: 1) если установленные наказания не связаны с лишением свободы, эти наказания суммируются в общее наказание, общее наказание не должно превышать 3 лет; 2) если установленные наказания предусматривают лишение свободы, эти наказания суммируются, образуя общее наказание; общее наказание не должно превышать 30 лет; 3) если установленные наказания являются как исправительными мерами, не связанными с лишением свободы, так и лишением свободы на определенный срок, то наказание, не связанное с лишением свободы, должно быть преобразовано в виде лишения свободы из расчета 3 дня исправительных мер, не связанных с лишением свободы, одному дню лишения свободы; 4) если самым тяжким наказанием среди объявленных наказаний является пожизненное заключение, назначается пожизненное заключение; 5) если самым тяжким наказанием среди установленных наказаний является смертная казнь, то назначается смертная казнь; 6) если установленные наказания включают штраф, суд не может комбинировать штраф с другими наказаниями, штрафы объединяются в общее наказание; 7) если санкции включают высылку, суд не может комбинировать высылку с другими санкциями [3].

Особенности суммирования дополнительных наказаний

Согласно положениям ч. 2 ст. 32 УК Вьетнама 2015 г. к дополнительным наказаниям относятся: запрет занимать определенные должности, заниматься определенной деятельностью; запрет на проживание; испытательный срок; лишение некоторых гражданских прав; конфискация имущества; штраф, если он не применяется в качестве основного наказания.

Как и основные наказания, суммирование дополнительных наказаний должно также следовать следующим принципам: 1) если объявленные допол-

нительные наказания относятся к одному и тому же типу, при суммировании суд дополняет эти наказания. Общее наказание не должно превышать предела, установленного УК для этого вида наказания; 2) если объявлено дополнительное наказание другого вида, осужденный должен отбыть все назначенные наказания.

2. Суммирование наказаний при совокупности судебных решений

Сочетанием наказаний многих приговоров является случай, когда лицо осуждено и этот приговор вступил в законную силу, но еще не отбыл или еще привлекается к ответственности по другому делу. В этой связи при решении вопроса о наказании за рассматриваемое преступление суд должен сочетать наказание с наказанием по ранее не исполненному или еще не исполненному приговору, а затем принуждает осужденного к отбыванию обычного наказания за преступление.

Согласно положениям ст. 56 УК Вьетнама 2015 г. совокупность наказаний по многим приговорам осуществляется следующим образом:

Во-первых, в случае повторного привлечения к уголовной ответственности лица, отбывающего (еще не отбывшего или еще не полностью отбывшего) наказание за преступление, совершенное до вынесения этого приговора, суд принимает решение об общем наказании в установленном порядке при установлении совокупности нескольких преступлений, предусмотренных ст. 55 УК Вьетнама. Время отбытия предыдущего наказания вычитается из общего срока наказания.

На практике, опасаясь ошибиться, суды часто суммируют меры наказания в приговорах и исчисляют срок отбывания наказания с момента последнего ареста, срока содержания под стражей. При совокупности мер наказания в данном случае суд должен руководствоваться ч. 1 ст. 56 УК Вьетнама.

В случае, если при рассмотрении дела лицом, отбывающим наказание (отбывшим, но еще не полностью отбывшим или еще не отбывшим), установлено совершение нового преступления, суд при рассмотрении этого нового преступления назначает наказание за новое преступление, затем суммирует его с еще не отбытой частью наказания по предыдущему приговору, а затем принимает решение о наказании в случае совершения нескольких преступлений, как это предусмотрено ст. 55 УК Вьетнама. Этот случай отличается от вышеприведенного случая тем, что преступление, в отношении которого ведется судебное разбирательство позднее, совершается преступником после осуждения, а в приведенном выше случае преступление, в отношении которого проводится судебное разбирательство позднее, совершается преступником до вынесения приговора. Правовые последствия этого составного дела также более суровые, чем в предыдущем случае, поскольку осужденный может быть приговорен к лишению свободы на срок 30 лет [3].

В случае, если лицо должно отбыть наказание по многим вступившим в законную силу судебным решениям, но наказание по ним не были объединены, председатель суда имеет право издавать решения об объединении судебных решений. В зависимости от каждого конкретного случая председатель суда вы-

носит общее решение в соответствии с ч. 1 или 2 ст. 56 УК Вьетнама, как указано выше. Однако на практике есть много случаев, когда вступившие в законную силу судебные решения не были суммированы многими судами.

В связи с этим в соответствии с Межотраслевым циркуляром Верховного народного суда № 02/ТТЛН от 20 декабря 1991 г. Верховная народная прокуратура направила предложения о внесении изменений и дополнений в статьи УК Вьетнама:

1) в случае, если вступившие в законную силу решение суда вынесено одним и тем же судом, председатель этого суда выносит решение об объединении наказаний;

2) в случае, если вступившие в законную силу решения вынесены различными судами, но на одном и том же уровне, то председатель суда, который вынес окончательное решение, выносит решение об объединении наказаний. Если вступившие в законную силу решения вынесены судами разных районных судов (одной и той же провинции или разных провинций), то общее решение по делу о наказании выносит председатель районного суда, вынесший окончательный приговор; если вступившие в законную силу приговоры от разных окружных военных судов (в одной или разных военных зонах), то решение по совокупности приговора и дела о наказании принимает председатель окружного военного суда, вынесший окончательный приговор; если вступившие в законную силу решения провинциальных судов (или военных судов военных зон), то председатель провинциального суда (или председатель военного суда военного округа) округа);

3) в случаях, когда вступившие в законную силу решения судов разных уровней, председатель вышестоящего суда выносит решение о суммировании наказаний, независимо от того, когда принимается окончательное решение.

4) в случае, если среди вступивших в законную силу решений есть решение Народного суда и постановления Военного суда, суммирование взысканий также производится по аналогии с другими постановлениями, вступившими в законную силу разных судов одного уровня.

5) если среди вступивших в законную силу приговоров есть приговор иностранного суда, признанный вьетнамским судом, а также приговор вьетнамского суда, председатель Верховного народного суда принимает решение о совокупном наказании.

Список источников

1. Конституция Социалистической Республики Вьетнам 2015 г.
2. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 1999 г.
3. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 2015 г., изменения и дополнения в 2017 г.

ТХИ ХОНГ НГИА ФАМ,
доцент юридического факультета,
Академия народной безопасности Министерства общественной безопасности,
г. Ханой, Социалистическая Республика Вьетнам,
e-mail: onlyonec11@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ И НЕДОСТАТКИ В ИСПОЛНЕНИИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВО ВЬЕТНАМЕ

Аннотация: практическое применение положений Уголовно-процессуального кодекса Вьетнама 2015 г. о порядке вынесения постановлений об исполнении судебного решения показывает, что имеются несоответствия в правовой регламентации отдельных предписаний. В этой связи автором рассмотрены некоторые аспекты правового регулирования вопросов исполнения наказаний, представлены решения проблем в целях достижения назначения правосудия и интересов общества.

Ключевые слова: Вьетнам, исполнение решений судов, правосудие, эффективность судебной системы, процессуальные сроки, залог, розыск осужденных.

Исполнение судебных решений по уголовным делам очень важно для обеспечения поддержания эффективности правосудия. Однако практика исполнения приговоров по уголовным делам во Вьетнаме показала, что до сих пор существуют проблемы и недостатки в сроках вынесения постановлений об исполнении приговоров, сроках ходатайства об аресте осужденного к лишению свободы, находившегося под мерой пресечения в виде залога, а также некоторые недостатки в исполнении условных приговоров [4]. Частью 2 ст. 364 Уголовно-процессуального кодекса Вьетнама 2015 г. предусмотрено, что *«Срок вынесения постановления об исполнении приговора составляет 7 дней со дня вступления в законную силу приговора или постановления суда первой инстанции либо со дня получения им приговора, определения апелляционной инстанции, решение кассационной инстанции, решение о повторном рассмотрении дела»*. В течение семи дней со дня вынесения судом первой инстанции приговора председатель суда должен вынести определение об исполнении приговора.

Вместе с тем ч. 3 ст. 364 УПК Вьетнама 2015 г. установлено: *«В случае нахождения осужденного под залогом, решение об исполнении наказания в виде лишения свободы должно быть вынесено в течение 7 дней, при этом осужденный должен присутствовать в суде наряду с органом, исполняющим наказание»*. В случае, если осужденное лицо находилось под залогом и скрылось, председатель суда обращается в исполнительный орган по уголовным делам провинциального управления полиции, где осужденный находится под залогом, требует принятия решения о его розыске.

Некоторые проблемы практического применения рассматриваемых норм.

Во-первых, проблемы в процессуальных сроках. Согласно положениям ч. 2 ст. 364 УПК Вьетнама 2015 г., срок для вынесения постановления об исполнении судебного решения составляет 7 дней со дня вступления в законную силу приговора или постановления суда первой инстанции; либо со дня получения приговора или определения суда апелляционной инстанции, кассационного постановления, постановления о повторном рассмотрении. В течение 7 дней со дня получения от председателя суда первой инстанции постановления о возложении исполнительного производства председатель суда должен вынести постановление об исполнении приговора. В ч. 3 ст. 364 УПК Вьетнама 2015 г. не установлен конкретный срок для обращения в орган исполнения приговора, например, в областные управления полиции, в котором осужденный находится под залогом, о вынесении постановления о розыске, а также не указан срок, в течение которого орган управления полиции должен вынести решение о розыске [3]. В случаях, когда в суд первой инстанции поступили приговор суда первой инстанции, определение апелляционной инстанции, определение кассационной жалобы, определение о возобновлении судебного разбирательства, содержащее ошибки, председатель суда не сможет вынести решение о принудительном исполнении судебного решения, поскольку требуется время изменить и дополнить указанные решения, а также ходатайствовать о дополнении недостающих документов на случай возложения исполнения решения. Лишь после устранения выявленных недостатков выносится постановление о принудительном исполнении решения. Следовательно, установленный законом срок, не может быть гарантирован.

Во-вторых, проблемы исполнения условных наказаний. В случае, если подсудимый приговорен к лишению свободы, но условно, суд обращается в Народный комитет коммуны (района), где проживает подсудимый, в целях осуществления надзора в течение испытательного срока после вступления приговора в законную силу. Вместе с тем существует проблема, когда подсудимый, в отношении которого вынесено подобное решение, отсутствует по месту жительства, а Народный комитет о данном факте суд не уведомляет [3, 4].

В-третьих, проблемы залога. После вступления приговора в законную силу и вынесения постановления об исполнении приговора имеются случаи, когда решение суда не может быть вручено осужденному. При таких обстоятельствах орган, исполняющий приговор, проверяет, находится ли осужденный в изоляторе временного содержания по другому уголовному делу в другом населенном пункте. В случае, если подсудимый по делу освобожден от наказания под залог, но содержится под стражей по другому делу, проблемно установить, каким образом выносится постановление об исполнении приговора осужденному, находящемуся под залогом. В настоящее время такой порядок не регламентирован.

В-четвертых, приговоренный к лишению свободы, ранее находившийся под залогом, скрылся от суда. В настоящее время не существует конкретного срока для обращения в орган по исполнению решений по уголовным делам провинциального управления полиции, где осужденный находится под залогом, о вы-

несении решения о его розыске. В силу того, что указанный порядок не регламентирован, достаточно сложно контролировать момент объявления в розыск.

В целях устранения вышеперечисленных трудностей и проблем, обеспечения единообразного исполнения приговоров по уголовным делам в соответствии с законодательством автором предлагаются следующие рекомендации:

Во-первых, в Верховном Суде в ближайшее время должны появиться акты, регламентирующие следующее:

– необходимо внести изменения в ч. 2 ст. 364 УПК Вьетнама 2015 г. следующего содержания: *«В случаях вынесения решения суда, определения апелляционной инстанции, решения кассационной инстанции, решения о пересмотре дела, и установлении в них ошибок, решения об исполнении решения с приобщением к нему документов выносятся в течение 7 дней со дня получения решения о внесении изменений, дополнений и приложенных документов»;*

– необходимо внести изменения в ч. 3 ст. 364 УПК Вьетнама 2015 г. следующего содержания: *«В случае, если осужденный находится под залогом, но скрывается от суда, в течение 7 дней со дня получения уведомления от органа исполнения приговора по уголовному делу председатель суда, вынесшего постановление об исполнении приговора, обращается в орган по исполнению приговора с ходатайством о вынесении решения о розыске в течение 7 дней со дня получения запроса».*

Во-вторых, Верховный Суд должен издать конкретные инструкции по исполнению решений по уголовным делам и выдать формы для обеспечения единообразного применения.

В настоящее время существует множество судебных решений, вступивших в законную силу, не исполненных по многим причинам. Часть из них связана с деятельностью осужденных, другая часть – с положениями закона, которые снизили эффективность правосудия. В этой ситуации возникает вопрос о том, как повысить качество исполнения приговоров по уголовным делам, как обеспечить исполнение вступивших в законную силу приговоров и постановлений суда в целях обеспечения интересов общества.

Список источников

1. Конституция Социалистической Республики Вьетнам 2015 г.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 2003 г.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 2015 г., изменения и дополнения в 2021 г.
4. Уголовно-исполнительного закона Социалистической Республики Вьетнам 2019 г.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА ЦВЕТКОВА,

доктор психологических наук, доцент,
главный научный сотрудник,
ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия,
e-mail: Tsvetkova@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЧЕЛОВЕКА С ОДНОЙ СУДИМОСТЬЮ, ОТБЫВШЕГО НАКАЗАНИЕ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

Аннотация: статья содержит результаты изучения социальной оценки лиц с судимостью. В качестве социальных «экспертов» выступили 50 мужчин и 50 женщин из числа взрослого городского населения. Оценивались 12 личностных параметров впервые судимых мужчины и женщины, отбывших наказание в местах лишения свободы. Показано, что в социальных оценках мужчина с судимостью более, чем женщина, склонен к нарушению норм и правил, опаснее судимой женщины, психически более уязвим. Однако женщина с судимостью больше годится в жены, чем судимый мужчина в мужа, представляется лучше в роли родителя, надежнее в дружбе и полезнее для общества. При этом у судимого мужчины лучше перспектива начать новую жизнь, чем у женщины. Сделан вывод о важности просветительской работы с населением.

Ключевые слова: судимость, правовые последствия судимости, социально-психологические последствия судимости, социальная оценка мужчины с судимостью, социальная оценка женщины с судимостью, сравнительный анализ социальных оценок.

В Большом словаре по социологии содержится следующее определение понятия «социальная оценка» – это «одобрение или неодобрение, которые проявляет группа, организация или общество по отношению к своим членам в ответ на выполнение или невыполнение предъявляемых к ним требований». Применительно к рассматриваемому в данной статье вопросу добавим: ... поскольку это затрагивает их интересы и влияет на социальную безопасность. Появление самого понятия связано с Ф. Хайдером, показавшим, что социальная оценка может служить способом изучения поведения людей, их характера и предубеждений.

Актуальность исследования социальной оценки человека с судимостью обусловлена потребностью получить научное знание о препятствиях социально-психологического характера, затрудняющих реализацию законных прав тех, кто получил клеймо судимости, но ставит цель социально реабилитироваться.

Доля лиц, имеющих судимость, в современной России составляет чуть больше 18 %. По некоторым открытым данным, «каждый второй взрослый мужчина имеет проблемы с законом. Если же привязать статистику ко всему населению Российской Федерации (включая младенцев), то получится, что судимость имеет каждый шестой россиянин» (<https://ruadvocate.ru/sudebnaya-sistema/sudimost-u-grazhdan-rf-skolko-rossiyan-imeet-problemy-s-zakonom>).

В терминологии российского законодательства, судимость определяется как правовое состояние человека, который был осужден за совершенное им преступление. При этом он считается судимым со дня вступления в законную силу обвинительного приговора суда и до момента погашения или снятия судимости (ч. 1 ст. 86 УК РФ). Из сказанного выше следует, что данное правовое состояние является временным, а не пожизненным.

Судимость может быть погашена (ч. 3 ст. 86 УК РФ) после: а) испытательного срока, если наказание было назначено условно; б) истечения одного года со дня отбытия или исполнения наказания, не связанного с лишением свободы; в) истечения трех лет со дня отбытия наказания с лишением свободы за преступление небольшой или средней тяжести (ч. 2, 3 ст. 15 УК РФ); г) истечения восьми лет со дня отбытия наказания в виде лишения свободы за тяжкое преступление (ч. 4 ст. 15 УК РФ); д) по прошествии десяти лет после отбытия наказания за особо тяжкое преступление (ч. 5 ст. 15 УК РФ).

Суд может снять с человека судимость до истечения срока ее погашения в тех случаях, когда после отбытия наказания будет доказано, что он вел себя безупречно и возместил причиненный вред (см. ч. 5 ст. 86 УК РФ, а также Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июня 2022 г. № 14, в котором положения ст. 86 УК РФ «Судимость» детализированы).

В реальности не все так просто, как на бумаге: даже само понятие «судимость» пока создает для правоведов и законодателей проблему определения. Например, это отмечают И. Г. Рогава и О. И. Чернобаева, которые, проведя уголовно-правовой анализ этой категории, предложили ее легальное определение и критерии «безупречного» поведения, с тем чтобы облегчить решение проблемы погашения судимости [6].

Человек, совершивший преступление, не всегда получает наказание в виде лишения свободы, однако сам факт судимости всегда влечет ограничение в правах, в том числе и трудовых (некоторые должности ему будут недоступны) (<https://www.ad-vgazeta.ru/ag-expert/advice/o-posledstviyakh-sudimosti-dolzhen-znat-kazhdyy>).

Ограничение в правах Г. Ю. Зинин объясняет целью борьбы с рецидивом преступлений, «которая реализуется не только через наличие неблагоприятных уголовно-правовых последствий судимости, но и посредством социальных ограничений в весьма значительной степени» [2]. По этой причине о последствиях судимости целесообразно беседовать с подрастающими поколениями, причем как в школе, так и в семье.

Если правовые последствия судимости зафиксированы в законодательстве и судимому их следует просто принять как данность, то социально-

психологические существуют незримо, при этом оказывая гораздо более сильное влияние на судьбу человека, получившего статус судимого лица. Социальная оценка сурова, и нечасто среди оценивающих встречаются такие личности, у которых сформировалась установка на индивидуальный подход к тем, кто когда-то был судим. Иными словами, неготовность общества оказывать доверие гражданам, имеющим судимость, – укоренившийся (к сожалению, не беспочвенный) социальный феномен, составляющий серьезную проблему для постепенной реабилитации лиц, отбывших наказание. Проблема актуальна как для лиц с судимостью, так и для тех, кто им помогает обустроить жизнь после освобождения из мест лишения свободы в силу своих должностных обязанностей. Она не теряет свой остроты и трудно поддается решению [8].

Драматизм проблемы судимости раскрыл В. С. Комбу. Этот автор оригинально, но по сути верно определил ее социально-психологические последствия для личности – как «пятно на всю жизнь», которое «калечит ее хуже, чем тюрьма. Однажды отступившийся человек до конца дней будет, как бы, неполноценным. Про успешную карьеру, хорошую работу можно забыть» [3]. Социально-психологические последствия для человека с клеймом судимости проявляются в его душевных мучениях, моральных страданиях, ощущениях второсортности вследствие трудности достичь более высокого социального статуса и отверженности, в различных социальных страхах (оказаться без любви, работы, потерять семью, друзей, доверие и т. п.).

Масштабные социологические опросы различных категорий населения показывают, что «в общественном мнении доля тех, кто считает людей с погашенной судимостью имеющими равный шанс «выбиться в люди», составляет около 38 %, и около половины в нем тех, кто убежден, что человек, однажды судимый, навсегда лишается права работать с детьми, руководить или заниматься политикой» [5].

Вопрос: судимость – это временная мера наказания или пожизненное клеймо? – также изучали Н. Г. Осадчая и Ю. И. Блохин. Для этого они провели анализ правового состояния судимости в России, коснулись аспекта целесообразности и справедливости ограничения избирательных и трудовых прав судимых лиц, а также предложили меры по оптимизации этих ограничений [4].

Есть мнение, что сотрудники с судимостью опасны в сфере бизнеса. В связи с этим ставится вопрос практического характера: как их выявлять? И предлагается специально разработанная для этой цели технология [7].

В январе 2023 г. был принят закон «О системе пробации в Российской Федерации», то есть в правовую систему Российской Федерации введен новый институт, призванный решать довольно широкий круг задач. А именно: помощь лицам, освободившимся из мест лишения свободы (пробантам, если они по своей инициативе захотели получить этот статус) в восстановлении социальных связей, трудоустройстве, решении жилищного вопроса, профессиональном обучении и получении образования, в получении социальных услуг, медицинской, психологической и юридической помощи, обеспечение гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина. Однако, на наш взгляд, надеяться на то, что этот закон заметно улучшит ситуацию (повысит уровень доверия населения к людям с судимостью), вряд ли стоит.

Исследования показывают, что социальные и психологические последствия судимости сильно ограничивают процесс постпенитенциарной самоактуализации даже тех из них, кто успешно ресоциализировался и погасил свою судимость [1, 2, 8], но, увы, их социальная реабилитация приняла характер пожизненного процесса. Социальные оценки лиц с судимостью и социальные стереотипы, регулирующие социальные отношения с ними, могут свести на нет усилия сотрудников служб пробации, если параллельно они не будут работать с общественным мнением.

Чтобы получить более реалистичные представления о социальной оценке граждан с судимостью, нами методом случайного выбора было опрошено 100 человек различных возрастов, занимающихся различной деятельностью, проживающих в различных городах России (50 мужчин и 50 женщин – далее «эксперты», не имевшие личного опыта судимости и судимых членов семьи). Им предлагалось, не раздумывая, дать оценку мужчине и женщине с одной судимостью, отбывшим наказание с лишением свободы, по 12 параметрам личности, учитывая которые взрослый человек часто строит свое поведение по отношению к другому человеку, в интервале от 0 до 10 баллов.

Получены следующие ниже *результаты*.

1. *Социальная оценка мужчины с одной судимостью, отбывшего наказание с лишением свободы*. Полученные данные представлены ниже в таблице 1.

Таблица 1

Социальная оценка мужчины с судимостью

Оцениваемые характеристики	Социальные оценки
Склонен к нарушению норм и правил	7,5
Опасный человек	6,8
Надежный друг	3,0
Годится в супруги	2,3
Хороший отец (воспитатель)	2,4
Перспективный работник	3,7
Полезный член общества	4,0
Человек с богатым опытом жизни	6,3
Вызывает интерес у женщин	3,7
Психически ущербная личность	6,0
Человек без будущего	5,0
Банкрот с шансом начать новую жизнь	5,2

Данные, приведенные в таблице 1, показывают, что «эксперты» предположили высокую склонность оцениваемого мужчины к нарушению норм и правил; считая его весьма опасным человеком (6,8 балла из 10-и), при этом особенно низко оценили его в роли мужа и отца. Тем не менее, у этого мужчины, по мнению «экспертов», есть будущее (см. «Человек без будущего» – 5 баллов из 10-и) и шанс преодолеть ситуацию жизненного банкротства (5,2 балла).

2. *Социальная оценка женщины с одной судимостью, отбывшей наказание с лишением свободы*. Полученные эмпирическим путем данные представлены ниже в таблице 2.

Социальная оценка женщины с судимостью

Оцениваемые характеристики	Социальные оценки
Склонна к нарушению норм и правил	6,4
Опасный человек	6,2
Надежный друг	3,5
Годится в супруги	3,6
Хорошая мать (воспитатель)	3,1
Перспективный работник	3,9
Полезный член общества	4,4
Человек с богатым опытом жизни	6,1
Вызывает интерес у мужчин	3,3
Психически ущербная личность	5,0
Человек без будущего	4,7
Банкрот с шансом начать новую жизнь	4,9

Данные таблицы 2 показывают, что «эксперты» предположили умеренную, с тенденцией к высокой склонность оцениваемой женщины к нарушению норм и правил; считая ее довольно опасным человеком (6,2 балла из 10); при этом они особенно низко оценили ее в роли матери и вызывающей интерес у мужчин женщины. Социальная оценка ее будущего, скорее, пессимистичная, чем обнадеживающая (см. «Человек без будущего» – 4,7 балла из 10 возможных); шанс преодолеть ситуацию жизненного банкротства и начать новую жизнь оценен сходным образом (4,7 балла).

3. Результаты сравнительного анализа социальных оценок мужчины и женщины с одной судимостью, отбывших наказание с лишением свободы (рис. 1).

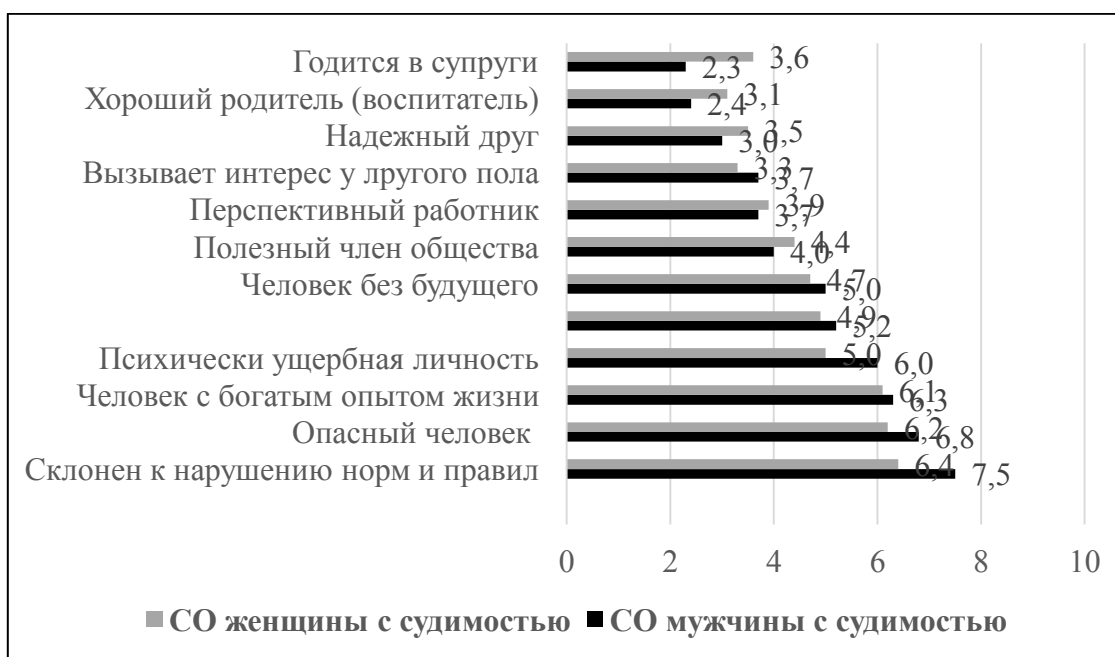

Рис. 1. Результаты сравнительного анализа социальных оценок мужчины и женщины с одной судимостью, отбывших наказание с лишением свободы

Рисунок 1 показывает, что в социальных оценках *мужчина с судимостью* явно более склонен к нарушению норм и правил, опаснее судимой женщины, психически более ущербен. При этом *женщина с судимостью* больше годится в супруги, чем судимый мужчина, представляется лучшей в роли родителя (воспитателя), надежнее в дружбе и даже несколько полезнее для общества. Однако, как мужчина (6,3 балла), так и женщина (6,1 балла), относительно высокие позитивные оценки имеют только по параметру «Человек с богатым опытом жизни».

4. В ходе исследования возникло предположение о влиянии пола «экспертов» на уровень их оценок. Результаты проверки этой гипотезы представлены в таблице 3.

Таблица 3

Социальная оценка осужденной женщины, отбывшей наказание с лишением свободы, дифференцированная по фактору пола «экспертов»

Сравниваемые характеристики	Оценки «экспертов» мужского пола		Оценки «экспертов» женского пола	
	Мужчина с судимостью	Женщина с судимостью	Мужчина с судимостью	Женщина с судимостью
Опасный человек	6,5	6,2	7,0	6,1
Надежный друг	2,7	3,6	3,3	3,4
Годится в супруги	3,5	3,8	1,1	3,4
Хороший родитель (воспитатель)	2,7	2,9	2,0	3,3
Перспективный работник	3,9	4,0	3,4	3,7
Полезный член общества	3,5	4,3	4,5	4,5
Склонен к нарушению норм и правил	7,4	6,3	7,5	6,4
Человек с богатым опытом жизни	6,4	5,9	6,2	6,3
Вызывает интерес у другого пола	5,0	3,7	2,4	2,8
Психически ущербная личность	6,1	5,4	5,8	4,5
Человек без будущего	5,4	4,3	4,6	5,1
Банкрот с шансом начать новую жизнь	5,2	4,8	5,1	5,0

Данные, приведенные в таблице 3, позволяют заметить следующее:

– «эксперты» женского пола поставили самую высокую оценку судимому мужчине по параметру «опасный человек» (7,0 баллов из 10) и дали самую низкую оценку его пригодности в качестве супруга (1,1 балла);

– «эксперты» мужского пола низко оценили судимого мужчину как полезного члена общества (3,5 балла), однако посчитали, что он весьма интересен для женщин (5,0 баллов), хотя женщины-«эксперты» дали гораздо более низкую оценку (2,4 балла);

– «эксперты» мужского пола посчитали, что у судимых мужчин в большей степени есть будущее (5,4 балла), чем у судимых женщин (4,3 балла);

– «эксперты» и мужского, и женского пола поставили самые высокие оценки судимому мужчине по склонности к нарушению норм и правил (7,4 и 7,5 балла соответственно), при этом групповая оценка «экспертов»-мужчин по параметру психической ущербности выше в случае судимого мужчины (6,1 балла), чем судимой женщины (5,4 балла);

– «эксперты» женского пола дали значительно более низкую оценку психической ущербности судимой женщины (4,5 балла), чем психической ущербности судимого мужчины (5,8 балла).

На основании полученных в ходе исследования эмпирических данных возможно сделать следующие *выводы*:

1) в обществе укоренены социальные представления относительно лиц с судимостью как о людях весьма опасных, с высокой склонностью к нарушению норм и правил и вероятной психической ущербностью. Эти негативные социальные оценки/предубеждения не беспочвенны и не бесполезны – они выполняют функцию социальной защиты законопослушного человека в обществе по принципу: предупрежден – значит, вооружен. В то же время негативные социальные оценки (социальные предубеждения) относительно судимых членов общества не дают им возможности самоактуализироваться и стать хорошими и даже лучшими среди окружающих их людей, отчего это самое общество только выиграло бы;

2) на социальные оценки судимых людей оказывает влияние фактор пола тех, кто их дает;

3) хотя в социальных оценках, данных экспертами обоих полов, и мужчина, и женщина с судимостью более отчетливо характеризуются по 4-м параметрам (склонны к нарушению норм и правил, опасные, психически ущербные люди с богатым опытом жизни), тем не менее у них, судя по данным этого исследования, скорее, есть, чем нет возможности начать новую жизнь. При этом полученные социальные оценки, очевидно, свидетельствуют о том, что самую большую трудность для судимых составляет социальная реабилитация по параметрам: интерес другого пола, супружество и родительство, а также дружба. Но в этих аспектах жизни на свободе им придется помогать себе самим.

Из этого следует, что в целях безопасного повышения уровня социального доверия судимым лицам *необходима организация просветительской работы*, направленной на актуализацию у населения установки на дифференциацию лиц, имеющих судимость, и, что самое главное, на формирование готовности людей применять индивидуальный подход в межличностном общении и социальном взаимодействии с человеком, имеющим опыт судимости. На наш взгляд, в этом и заключается суть подлинной социальной поддержки.

Но здесь возникает вопрос: кто, где, как и когда будет заниматься деятельностью такого рода?..

Список источников

1. Виноградова Е. В. Судимость как завершающая стадия реализации уголовной ответственности // Молодой ученый. 2023. № 7(454). С. 158–160. URL: <https://moluch.ru/archive/454/100122> (дата обращения: 18.07.2023).

2. Зинин Г. Ю. Судимость как последствие уголовно-правового осуждения : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2019. 196 с.
3. Комбу В. С. Правовые последствия судимости // Вестник Тувинского государственного университета. 2018. № 1(36). С. 154–160.
4. Осадчая Н. Г., Блохин Ю. И. Правовое состояние судимости в России: временная мера или пожизненное клеймо? // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 108–113.
5. Отношение к людям с судимостью: Как россияне относятся к людям, имевшим судимость. URL: <https://fom.ru/TSennosti/10724> (дата обращения: 18.07.2023).
6. Рогава И. Г., Чернобаева О. И. Актуальные проблемы института судимости // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. № 1. С. 220–223.
7. Сотрудники с судимостью: чем опасны для бизнеса и как их выявить? URL: <https://checkperson.ru/for-business/news/proverka-kandidata-na-sudimost> (дата обращения: 18.07.2023).
8. Цветкова Н. А. Экспресс-оценка готовности общества оказывать доверие лицам, имеющим судимость // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 6–8 апр. 2022 г.) / сост. А. И. Согрина. Пермь : ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2022. Т. 1. С. 189–194.

ВЯЧЕСЛАВ БОРИСОВИЧ ШАБАНОВ,

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета,
Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: lawcrim@bsu.by;

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ КРАСИКОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики юридического факультета,
Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: krasikau@mail.ru

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ УСЛОВИЙ И ПРИЧИН ПРЕСТУПЛЕНИЙ:
ОСОБЕННОСТЬ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ**

Аннотация: рассматривается состояние и перспектива криминалистического и оперативно-розыскного предупреждения преступной деятельности на основе актуализации понимания ее причин и условий в сфере доказывания. Формулируются предложения по совершенствованию системы предупреждения, расследования и раскрытия преступлений.

Ключевые слова: причины и условия преступлений, дефекты управляемой системы, криминалистическое и оперативно-розыскное предупреждение преступлений.

В контексте предмета криминалистики, то есть закономерностей совершения преступлений и деятельности по их расследованию, причины и условия преступлений имеют свое понимание в рамках ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК). «Говоря о причинах совершения преступления, следует иметь в виду, что существует два вида причинных связей. Один из них предполагает обязательность наступления результата при наличии данных условий, в другом – результат наступает с определенной степенью вероятности. Именно второй вид причинной связи и имеется между определенными общими и частными, временными социальными причинами и фактом совершения преступлений конкретной личностью» [1, с. 206]. Следовательно, временные социальные причины в конкретном криминалистическом понимании представляют собой условия, которые воспринимаются субъектом как возможность действовать осознанно.

По нашему мнению, эти условия, охватываются понятием преступной деятельности, которая основывается на использовании криминальным субъектом дефектов социальной управляемой системы (организации) с целью извлечения материальной или иной выгоды. Дефект системы – это и деятельность или без-

деятельность конкретных лиц, заинтересованных в преступном результате либо обязанных своими компетенциями этого результата не допускать. Такая постановка вопроса особенно актуальна для расследования экономических, должностных и коррупционных преступлений, а также преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями.

Ключевым в данном исследовании является понимание преступления как системы, которая, по утверждению А. В. Дулова, характеризуется тем: «...что она образуется за счет дефектов в управленческих, социальных системах или паразитирует на их материальных ресурсах. Такая система может быть создана и как средство (специально организованное) разрешения противозаконным путем возникших противоречий внутри системы, между системами. Одна из характерных особенностей такой системы, как преступление, заключается в том, что в ней сочетаются элементы социальной, технологической, психологической сфер жизни человека. Это комплексная система, своеобразно сочетающая в себе все недостатки, противоречия, которые существуют в социальной сфере, в процессах производства, распределения, обслуживания, в условиях жизни, психических, моральных качествах людей. Таким образом, система «преступление» включает в себя субъект, совершающий уголовно-наказуемые действия, элементы других систем и средства, специально создаваемые для совершения преступления» [2, с. 75].

Таким образом, взаимодействие условий (дефектов в социальной, управленческой и других сферах общества) и причин преступления (субъектов, действующих в определенной обстановке) охватывается понятием «преступная деятельность». Условия совершения преступлений представляют несомненный интерес для криминалистики, уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности (ОРД) именно как элемент конкретного механизма преступления, подлежащий доказыванию. В свою очередь, преступная деятельность субъекта (то есть причины) является объектом предупреждения преступлений, что также является предметом изучения криминалистики, уголовного процесса и ОРД применительно к видам преступных деяний.

Каким же образом люди используют ресурсы систем? Несомненно, криминалистику в первую очередь интересуют их элементы, оставляющие при взаимодействии и в процессе отражения материальные и идеальные следы, которые используются в процессе доказывания по уголовному делу. Элементами этой системы доказывания являются: объекты и предметы преступного посягательства – орудия (способ) преступления – предметы преступления – субъект преступления, который, исходя из конкретной обстановки (место, время, особенности правовой, социальной, технологической и психологической сфер деятельности и др.), избирает способ достижения преступной цели. В связи с этим, чтобы понять как влияет обстановка на избрание субъектом криминального способа, необходимо в каждом расследовании устанавливать определенные закономерности, которые можно назвать дефектами управляемых систем (объект для профилактики), а также закономерности использования субъектами этих дефектов (объект для предупреждения).

Следовательно, с точки зрения криминалистики предупреждение преступлений – это состояние, основа, установленный режим функционирования правоохранительного органа, предусматривающий деятельность по реализации комплексных, взаимосвязанных и взаимообусловленных правовых, процессуальных, организационно-управленческих и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на нейтрализацию условий, способствующих проявлению конкретных причин противоправного поведения. Нейтрализация условий обеспечивается в рамках юридической (уголовной, административной) ответственности субъектов преступной деятельности. В ходе расследования уголовных дел необходимо учитывать, что проблема предупреждения преступлений должна решаться в рамках юридической (уголовной) ответственности субъектов, в том числе и за их бездействие, и это подлежит доказыванию в процессе расследования.

В этом отношении необходимо отметить, что криминалистика имеет непосредственную связь с криминологией, когда в процессе осуществления ОРД или предварительного расследования выявляются законодательные, организационно-управленческие, производственные, технологические и иные условия (дефекты), которые могут использоваться для преступной деятельности. Если эти недостатки не являются предметом доказывания, а могут быть устранены, например, совершенствованием законодательства, сокращением административных процедур, обеспечением деловых связей правоохранительных органов с государственными организациями с целью обмена информацией, развитием системы общественного контроля – эти меры следует относить к профилактике, и в этом есть отличие ее от предупреждения.

Таким образом, установление в процессе расследования особенностей взаимодействия обвиняемого с другими людьми в конкретной обстановке помогает выявить причинно-следственные связи и условия, в которых они произошли. Кроме того, установление условий, способствовавших совершению преступления, позволяют не только дать соответствующую юридическую оценку в соответствии с действующим законодательством, но и понять закономерности совершения конкретного преступления, и на этой основе предложить меры по профилактике, а также осуществить мероприятия по предупреждению. Для этого выводы органа предварительного расследования должны быть конкретными и основанными на точном (установленном) знании обстановки совершения преступлений.

Условия преступной деятельности с точки зрения криминалистики, уголовного процесса и ОРД целесообразно и устанавливать, и доказывать. В связи с этим исследовательская работа в сфере предупреждения преступлений, разработки методик их расследования, а также установления факторов влияния условий на достижение преступного результата, должна нацеливаться на: 1) научную разработку мер и мероприятий технического (технологического), управленческого характера по защите объектов преступного посягательства; 2) выявление в процессе расследования тех обстоятельств (условий), которые способствовали достижению преступного результата и их оценки в плане юри-

дической ответственности конкретных субъектов; 3) превентивное вторжение оперативно-розыскными способами (методами) в ту среду, которая воспроизводит либо способна воспроизводить преступления в целях их своевременного пресечения и выявления лиц, подготавливающих, совершающих и совершивших преступления [3].

Полагаем, что исследование условий совершения преступлений должно быть предметом рассмотрения и в суде; указываться в вопросах, разрешаемых судом при постановлении приговора (ст. 352 УПК), в резолютивной части обвинительного приговора (ст. 361 УПК); поддерживаться угрозой наказания по ст. 423 Уголовного кодекса Республики Беларусь («Неисполнение приговора, решения или иного судебного акта») в случае, если судебное решение компетентным должностным лицом не будет исполнено.

Список источников

1. Дулов А. В. Судебная психология : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Минск : Выш. шк., 1975. 464 с.
2. Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.] ; под ред. А. В. Дулова. Минск : Экоперспектива, 1996. 415 с.
3. Шабанов В. Б., Красиков В. С. Значение условий в преступной деятельности (на примере коррупционных преступлений) // Журнал Белорусского государственного университета. Право. Минск : Изд. Центр БГУ, 2020. С. 79–86.

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШАТАЛОВ,

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
г. Москва, Россия,
e-mail: asshatalov@rambler.ru

**ВЫДАЧА ЛИЦА ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
ИЛИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА:
ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Аннотация: статья написана в рамках участия автора в междисциплинарной научной дискуссии о теоретических представлениях и правовой природе выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, направленной на выяснение ее места, роли и вектора дальнейшего развития в системе российского права. Рассмотрев ряд вопросов, непосредственно связанных с повышением эффективности юридического механизма выдачи и обозначив его проблемы, автор приходит к выводу о необходимости охватить это направление международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства сферой судебного контроля, путем привнесения в него состязательного и диспозитивного начала.

Ключевые слова: выдача лица находящегося на территории иностранного государства, исполнение запроса о выдаче, исполнение приговора, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, обжалование решения о выдаче, отказ в выдаче.

Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства осуществляется в нескольких взаимосвязанных направлениях, каждое из которых предполагает осуществление комплекса предусмотренных национальным законодательством процессуальных процедур по оказанию разноаспектной правовой помощи по уголовным делам. Довольно распространенным и наиболее урегулированным в правовом отношении компонентом такого сотрудничества является выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора, именуемая также экстрадицией. Ее процессуальная природа многомерна, поскольку в выдаче всегда участвуют запрашивающая и запрашиваемая стороны, представляющие заинтересованные государства, а сама процессуальная деятельность, непосредственно связанная с ее осуществлением, начинается с направления запроса о выдаче, с появлением которого возникает необходимость его исполнения. В нем может быть запрошено не только конкретное физическое лицо, но и имеющие отношение к уголовному делу материальные

объекты. Их выдача может осуществляться с момента начала уголовного преследования или исполнения приговора и до фактического прекращения вызванной ими процессуальной деятельности.

Данные официальной статистики за три допандемийных года (2017–2019 гг.) о результатах сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ с компетентными органами иностранных государств по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования и исполнения приговора, свидетельствуют о наличии стабильности международного взаимодействия с Россией при их решении. Это, в частности, подтверждается тем, в эти годы ежегодно рассматривалось более тысячи запросов о выдаче лиц из Российской Федерации (1433 в 2017 г., 1127 в 2018 г., 1231 в 2019 г.), абсолютное большинство из которых было удовлетворено (984 в 2017 г., 793 в 2018 г., 794 в 2019 г.). Большинство отказов в выдаче в эти годы происходило в связи с наличием у запрашиваемого лица гражданства Российской Федерации (39 в 2017 г., 23 в 2018 г., 44 в 2019 г.), в виду истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности (26 в 2017 г., 31 в 2018 г., 50 в 2019 г.) и в виду отсутствия состава преступления по законодательству Российской Федерации (42 в 2017 г., 28 в 2018 г., 40 в 2019 г.). В то же время из общего количества запросов направленных в иностранные государства от имени Российской Федерации (325 в 2017 г., 372 в 2018 г., 455 в 2019 г.), удовлетворялась примерно половина (158 в 2017 г., 193 в 2018 г., 184 в 2019 г.), а общее количество официальных отказов в выдаче (66 в 2017 г., 60 в 2018 г., 47 в 2019 г.) оказалось сопоставимо со случаями их фактического отсутствия (Справка Управления экстрадиции Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ за октябрь 2021 г.). Иными словами, примерно по такому же количеству запросов российских компетентных органов, официальных ответов из иностранных государств так и не поступило. Считаем, что такое положение дел вызвано не столько отсутствием должного уровня взаимодействия с компетентными органами отдельных государств, объективными различиями принципов и правовых процедур выдачи, сколько национальными традициями распределения полномочий в этой сфере.

Проблема заключается в том, что в большинстве иностранных государств выдача осуществляется в рамках полноценного судебного производства, в то время как в Российской Федерации компетентным органом в вопросах экстрадиции является прокуратура. Формально суды в ней могут участвовать, но в минимальном объеме. Положение дел усугубляется тем, что правовой статус субъекта выдачи как участника уголовного судопроизводства пока остается неопределенным, что влечет за собой бесконтрольное применение закона по аналогии. В отечественном уголовно-процессуальном законодательстве фактически провозглашена «презумпция выдачи», предполагающая безусловное ее осуществление при отсутствии законных оснований для отказа, перекликающихся с фундаментальными правилами выдачи. Одним из них является правило «запрета предварительного расследования», призванного исключить вмешательство в деятельность компетентных органов иностранного государства. Соответственно этому, сомнения в законности и обоснованности уголовного пре-

следования лица, в отношении которого поступил запрос о выдаче или наличия необходимых условий для исполнения в отношении него приговора суда иностранного государства обесцениваются по определению, так как могут не приниматься во внимание при принятии процессуальных решений. Действия должностных лиц российских правоохранительных органов по проведению предэкстрадиционный проверки при таком развитии событий становятся бессмысленными, как и обжалование заинтересованными лицами решений, принятых по запросу об экстрадиции в судебном порядке. И это еще не все! Нерешенные вопросы выдачи в условиях вооруженных конфликтов, такие как захват, задержание, арест, обмен пленными и т. д., не только не приносят ясности в понимание экстрадиционных правоотношений, а напротив, приводят к фактическому отождествлению внешне схожих, но разнородных по сути и юридическому содержанию процедур. Обозначенные нами проблемы наводят на мысль о привнесении в процессуальную процедуру экстрадиции состязательного и диспозитивного начала, способного ускорить нормативную регламентацию процессуального статуса участников экстрадиционных правоотношений, а главное, распространить на них в полном объеме сферу судебного контроля.

Специфическая структурная атрибутика выдачи позволяет нам утверждать, что она представляет собой не что иное, как относительно самостоятельный правовой институт смешанного типа, где доминирует уголовно-процессуальное содержание. Для него характерны собственные временные и пространственные границы, определенный круг участников и специальная юридическая процедура, регламентированная в отраслевом законодательстве. Находясь в неразрывной взаимосвязи с другими институтами уголовно-процессуального права, она предусматривает повод и основания выдачи, особенности оценки обосновывающих ее доказательств, решения вопроса о мере пресечения, обжалования принятых решений и др. В архитектуру данного института законодательным путем имплементированы элементы конституционного, уголовного и международного права, непосредственно связанные с задачами, для решения которых он, собственно, и предназначен. Соответственно этому, сама выдача, как отдельно взятое направление международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, представляет собой комплекс предусмотренных национальным законодательством процессуальных действий и решений компетентных органов запрашиваемого государства, в связи с рассмотрением ими официальной просьбы запрашивающего государства об отправке на его территорию конкретного предмета могущего фигурировать в уголовном деле в качестве доказательства или принудительном возвращении лица, подозреваемого, обвиняемого, либо осужденного за совершение преступления, для осуществления в отношении него уголовного преследования или исполнения приговора. В Российской Федерации выдача такого рода признана предметом уголовно-процессуального регулирования. Соответственно этому изменение, дополнение и преумножение сопряженных с ней процессуальных процедур осуществляется через корректировку нормативного содержания Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ).

Здесь необходимо отметить, что правовой институт выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора был имплементирован в российское уголовно-процессуальное законодательство более двадцати лет тому назад. Оставаясь сравнительно новым и пока весьма далеким от совершенства, он сохраняет потребность в осуществлении комплексного научного анализа его сущности, отраслевой принадлежности, современного состояния, состоявшихся достижений и имеющихся недостатков. Не менее важна разработка стратегии его собственного развития и продолжение работы над улучшением условий для применения данного института на практике. Отрадно отметить, что за годы прошедшие после принятия в 2001 г. УПК РФ, наша страна заключила двусторонние и многосторонние соглашения о выдаче с множеством иностранных государств. С теми странами, с которыми они не подписаны, вопросы, так или иначе связанные с экстрадицией, решаются средствами дипломатической вежливости. Вместе с тем, при их решении нередко наблюдается политическая конкуренция в интересах третьих государств и сохраняет остроту проблема чрезмерной длительности рассмотрения запросов о выдаче. Ее нерешенность влечет за собой невозможность привлечения обвиняемых к уголовной ответственности ввиду истечения сроков давности. Периодически становятся известными случаи, когда некий гражданин, объявленный в международный розыск под конкретной фамилией, находясь на территории иностранного государства меняет ее официальным путем и после оформления документов на новую фамилию выбывает в третью страну. При таком развитии событий процесс установления его местонахождения, задержания и выдачи существенно усложняется. Сложности также возникают в связи с необходимостью соблюдения принципа конкретности, суть которого сводится к тому, что лицо, выдаваемое иностранному государству, не должно быть осуждено на его территории или задержано за преступление, совершенное им до своей выдачи, но не выступающее в качестве ее основания. Более того, если инкриминируемое ему преступление в запрашивающем государстве наказывается смертной казнью, а в запрашиваемом государстве данное наказание не предусматривается или не применяется, то в выдаче может быть отказано.

Реакция европейских и некоторых других государств на специальную военную операцию свидетельствует о том, что состояние международных отношений Российской Федерации с зарубежными странами весьма и весьма изменчиво. Тем не менее выдача, как ключевое направление международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, при любых мутациях вектора межгосударственного партнерства была и остается призванной обеспечивать не только публичные интересы запрашивающего государства в вопросах уголовного преследования и исполнения приговора в отношении того или иного лица, находящихся за пределами его национальной юрисдикции, но и неукоснительно соблюдать гарантии защиты его прав и законных интересов. Полагаем, что этот баланс должен соблюдаться безусловно и незави-

симо от политической позиции, занимаемой тем или иным государством, а признаваемые им приоритеты не должны смещаться в сторону отрицания верховенства права. Особенно актуальным соблюдение такого баланса стало в наши дни, поскольку возможности практической реализации института выдачи посредством применения норм российского уголовно-процессуального права на фоне внешнеполитических событий двух последних лет существенно изменились. Заметное влияние на практику экстрадиции оказали не столько преобразования в российской судебной системе, сколько установление приоритета Конституции РФ, которая в 2020 г. обрела положения, позволяющие не исполнять решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Основному закону нашей страны (Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом изменений и дополнений, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416). К этому можно добавить остановку весной 2023 г. действия Европейской конвенции по правам человека и других международных договоров Совета Европы (Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // URL: <https://rg.ru/documents/2023/03/01/fz43-site-dok.html>), последовавшую за выходом нашей страны из состава ее Парламентской ассамблеи. Логично предположить, что данные события рано или поздно приведут к возникновению нового формата экстрадиционного взаимодействия, которое будет выстраиваться на принципиально иных началах. Понимая неизбежность такой перспективы, процессуалисты в своих исследованиях заключают, что происходящие события детерминируют изменения как качественного (в части устранения проблем правового регулирования), так и количественного (в части повышения эффективности) содержания выдачи. Принимая во внимание данное обстоятельство, нельзя не согласиться с их утверждениями о том, что совершенствование механизма ее практической реализации в пределах нашей национальной юрисдикции наиболее перспективно именно в плане оптимизации его уголовно-процессуальной компоненты, требующей совершенствования юридической техники и приведения в соответствие с современными реалиями, в том числе с учетом изменений смежного отраслевого законодательства [1–4, 6]. Качественному повышению эффективности экстрадиционных процедур несомненно будет способствовать расширение объема проверки выдачи (соответствие нормам международного права и внутригосударственного права, соблюдения фундаментальных правил «двойной криминальности», «специализации» и «исключения политических преступлений»), оценка обоснованности выдачи (соблюдение юридических требований на территории государства уголовного преследования), а также подтверждение причастности запрашиваемого лица к инкриминируемому ему противоправному деянию [5, с. 13].

Список источников

1. Гарипов Т. И. Законодательные и правоприменительные проблемы экстрадиции в уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 3(45) С. 375–382.
2. Насонов А. А. Реализация в уголовном процессе России права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 28 с.
3. Санташова Л. Л. Институт передачи лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государство их гражданства : монография / под ред. А. А. Крымова. Вологда, 2015. 197 с.
4. Тлехуч З. А. Международные договоры Российской Федерации как нормативная основа собирания доказательств по уголовным делам // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 1(63). С. 116–123.
5. Чобитько М. Б. Выдача в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования : автореф. дис. ... канд. юр. наук. Челябинск, 2023. 33 с.
6. Шайбакова К. Д. Экстрадиция и нестандартные ее виды // Евразийский юридический журнал. 2018. № 5(120). С. 40–41.

АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ ШЕСЛЕР,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса,
Кузбасский институт ФСИИ России,
г. Новокузнецк, Россия,
e-mail: sofish@inbox.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы двойственной природы квалифицирующих признаков состава преступления. Делается вывод о том, что с одной стороны эти признаки являются признаками состава преступления, которые влияют на его квалификацию в отличие от обстоятельств, отягчающих наказания и указанных в статье 63 УК РФ. С другой стороны, квалифицирующие признаки состава преступления не являются криминообразующими, не лежат в основе установления уголовной наказуемости деяния. Предлагается считать эти признаки средством дифференциации уголовного наказания. Обосновываются критерии, при которых обстоятельства совершения преступления могут быть отнесены к квалифицирующим признакам состава преступления.

Ключевые слова: состав преступления, квалифицирующие признаки, дифференциация уголовного наказания.

Правовая природа квалифицирующих признаков состава преступления является двойственной. С одной стороны, эти признаки указаны в конкретной статье Особенной части УК РФ (например, в п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ указано на совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой) и поэтому являются признаками состава преступления. В этом их сходство с основными признаками состава преступления. Из этого вытекает сходство уголовно-правового значения тех и других признаков. Во-первых, они влияют на квалификацию преступлений, являющуюся юридическим основанием их наказуемости. Во-вторых, они являются средством дифференциации уголовного наказания, суть которого состоит в том, что в уголовном законе в санкции конкретной статьи предусмотрена различная наказуемость деяний в зависимости от характера и степени его общественной опасности, а также от общественной опасности личности, совершившей такое деяние. Основные признаки состава преступления дифференцируют наказание за него потому, что за преступления, посягающие на разные объекты или причиняющие различный по

тяжести вред, в уголовном законе предусмотрено различное по тяжести наказание (убийство, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ, наказывается более строго, чем кража, предусмотренная ч. 1 ст. 158 УК РФ, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, предусмотренное ч. 1 ст. 111 УК РФ, наказывается строже, чем умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, предусмотренное ч. 1 ст. 112 УК РФ и т. д.). Квалифицирующие признаки состава преступления дифференцируют наказание потому, что деяние совершенное при их наличии, в соответствии с предусмотренной законом санкцией наказывается строже, чем деяние, совершенное при их отсутствии (например, кража предусмотренная ч. 2 ст. 158 УК РФ, наказывается строже, чем кража, предусмотренная ч. 1 ст. 158 УК РФ). Кроме того, квалифицирующие признаки, предусмотренные различными частями одной статьи, влекут различную наказуемость деяния (например, кража, предусмотренная ч. 3 ст. 158 УК РФ, наказывается строже, чем кража, предусмотренная ч. 2 ст. 158 УК РФ).

Несмотря на сходство уголовно-правового значения основных и квалифицирующих признаков состава преступления, их влияние на дифференциацию уголовного наказания имеет отличия. Основные признаки состава преступления влияют на дифференциацию наказуемости различных видов преступления, определяя вид и размер наказания за преступления, посягающие на отличные друг от друга общественные отношения или причиняющие им различный по тяжести вред. Эти признаки являются криминообразующими, определяющими в уголовном законе сущностное свойство какого-либо деяния как преступного и уголовно-наказуемого в виде самостоятельного состава преступления.

Квалифицирующие признаки криминообразующими не являются, так как они не определяют преступность и наказуемость деяния, эти признаки не лежат в основе отграничения одних преступлений от других (убийства от тяжкого вреда здоровью, кражи от грабежа и т. д.). Квалифицирующие признаки характеризуют повышенную опасность определенного вида преступления по сравнению с таким же преступлением, совершенным при их отсутствии. Именно в этом качестве данные признаки влекут предусмотренную в санкции конкретной статьи УК РФ повышенную наказуемость преступления.

Повышенная наказуемость преступления, предусмотренная в уголовном законе при наличии квалифицирующих признаков, сближает уголовно-правовое значение последних с уголовно-правовым значением обстоятельств, отягчающих наказание и предусмотренных ст. 63 УК РФ. Не случайно в юридической литературе эти признаки отдельные исследователи называют не квалифицирующими признаками состава преступления, а отягчающими обстоятельствами [1, с. 88–89; 2, с. 11; 3, с. 6–28]. Определенные основания для такой позиции дает редакция ч. 1 ст. 17 УК РФ, в которой речь идет об обстоятельствах, влекущих более строгое наказание, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ. На наш взгляд, такое терминологическое

обозначение квалифицирующих признаков не является корректным. Терминология должна отражать соответствующее уголовно-правовое значение и правовую природу рассматриваемых признаков. Они называются квалифицирующими потому, что, являясь признаками состава преступления, влияют на квалификацию преступного деяния. Обстоятельства, отягчающие наказание, признаками состава преступления не являются, поэтому не влияют на квалификацию преступного деяния. Из этого вытекает их различное влияние на утяжеление уголовного наказания. Квалифицирующие признаки, как уже отмечалось, являются средством дифференциации уголовного наказания, так как законодатель через санкцию в статье Особенной части УК РФ дает типовую оценку определенным видам преступного деяния и лицам, их совершающим. Обстоятельства, отягчающие наказание, являются средством индивидуализации уголовного наказания, так как они учитываются судом при оценке общественной опасности конкретного преступления и конкретного лица, его совершившего. За совершение преступления при наличии этих обстоятельств в уголовном законе не предусмотрена самостоятельная санкция, поэтому они влияют на утяжеление наказания в тех пределах, которые уже предусмотрены в конкретной санкции [4, с. 35–37]. Например, суд назначает вид и размер наказания за кражу без квалифицирующих признаков в пределах, указанных в ч. 1 ст. 158 УК РФ.

Двойственная правовая природа квалифицирующих признаков состава преступления означает, что должны быть критерии, позволяющие отнести определенные свойства преступного деяния к таким признакам. В уголовно-правовой литературе к таким критериям относят существенное повышение данными признаками общественной опасности деяний определенного вида, а также их типичность для этих деяний [5, с. 46–48, 74–78, 84–97, 101; 6, с. 94–98; 7, с. 253–271]. Первый критерий означает, что квалифицирующие признаки состава преступления не выступают в качестве криминообразующих, то есть они не характеризуют сущностный признак преступления определенного вида, его общественную опасность, лежащую в основе криминализации деяния в виде самостоятельного состава преступления в уголовном законе. Данные признаки лишь существенно повышают общественную опасность преступления по сравнению с тем преступлением, которое совершается без этих признаков. Вторым признаком означает, что квалифицирующие признаки являются типичными для преступлений определенного вида. Например, совершение изнасилования группой лиц существенно повышает общественную опасность этого преступления, так как снижает возможности потерпевшей защитить свою половую свободу или половую неприкосновенность от насильственного посягательства на нее. Кроме того, групповой способ изнасилования является типичным для данного преступления.

Итак, квалифицирующие признаки состав преступления по своей правовой природе, утяжеляя наказание, являются средством дифференциации уголовного наказания, так как за совершение преступления при их наличии в

санкции конкретной статьи Особенной части УК РФ предусмотрено более строгое наказание, чем за аналогичное преступление при отсутствии этих признаков.

Список источников

1. Бородин С. В. Преступления против жизни. М. : Юристъ, 2000. 356 с.
2. Попов А. Н. Убийство при отягчающих обстоятельствах. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 898 с.
3. Векленко В. В., Николаев К. Д. Отягчающие обстоятельства хищений. Омск : Омская академия МВД России, 2009. 275 с.
4. Шеслер А. В. Уголовно-правовая политика. Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2018. 78 с.
5. Кругликов Л. Л. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в уголовном праве (вопросы теории). Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1985. 164 с.
6. Костарева Т. А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве. Понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности. Ярославль : Изд-во Ярославского университета, 1993. 234 с.
7. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М. : Норма, 1998. 296 с.

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия,
ведущий научный сотрудник,
НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия,
e-mail: matros49@mail.ru

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ,
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

Аннотация: поднимается вопрос об отсутствии в Уголовном кодексе Российской Федерации преступлений против установленного порядка несения службы, совершаемых сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, о наличии которых говорится в пункте 5 части 2 статьи 157 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Вносятся предложения о передаче компетенции органа дознания от начальника территориального органа ФСИН России должностным лицам исправительных учреждений.

Ключевые слова: преступления против порядка несения службы, сотрудники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, орган дознания, компетенция, начальник территориального органа Федеральной службы исполнения наказаний.

Мне нужно принести извинения за отдельные тривиальные и, возможно, повторяющиеся размышления и предложения. Однако делаю это вынужденно, с целью упростить работу правоприменителей, обратить внимание должностных лиц, наделенных правом законодательной инициативы, на необходимость внесения изменений в действующее законодательство.

Как установлено, уголовное законодательство призвано регулировать общественные отношения, возникающие в связи с совершением наиболее опасных для общества и граждан деяний, которые признаются преступлениями. Это отражается в конкретной норме уголовного закона, является ее содержанием, отличающим от правовых актов, составляющих другие отрасли права. В соответствии со ст. 1 УК РФ уголовное законодательство Российской Федерации кодифицировано и состоит из Уголовного кодекса РФ. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в данный кодекс [1; 2, с. 78].

Статья 3 УК РФ, разъясняющая принцип законности, приводит два положения. Из них следует, что: 1) преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом Российской Федерации; 2) применение уголовного закона по аналогии не допускается. Другими словами, уголовно-правовые нормы не могут содержаться ни в каком другом нормативном акте, только нормы действующего УК РФ относят конкретное деяние к категории преступлений.

В соответствии с п. «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации уголовное законодательство находится в ведении Российской Федерации. Исходя из этого, уголовный закон является федеральным, исключительным правом принятия, изменения и дополнения которого наделен только федеральный орган законодательной власти – Парламент РФ. При необходимости издания новых либо изменения действующих уголовно-правовых норм (начиная с 1996 г., и особенно в последний период времени, это осуществляется регулярно) законодатель принимает соответствующий законодательный акт, в этом случае новые нормы обязательно включаются в систему положений УК РФ и только после этого в качестве таковых подлежат применению.

Следует обозначить еще одно важное для правоприменения, защиты прав, свобод и законных интересов граждан положение: никакой другой нормативный правовой акт не только не может давать содержания преступного деяния, но и приводить его наименование. Это также «удел» уголовного закона.

В этой связи возникает комплекс вопросов: почему п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ дал название противоправных деяний, якобы совершаемых сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы; что за преступные деяния против установленного порядка несения службы, каков их характер, к какой главе УК РФ они относятся? Категория названных преступлений появилась после принятия УК РФ. Он был принят 13 июня 1996 г., а УПК РФ – 18 декабря 2001 г. – спустя почти четыре с половиной года. Но за этот промежуток времени изменений в УК РФ не произошло, указанные противоправные деяния в систему УК РФ не вошли.

Для достоверности мы провели электронный поиск, который позволяет утверждать, что фразеологические выражения:

«преступления против установленного порядка несения службы, совершенные сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы»;

«преступления против установленного порядка несения службы»;

«преступления, совершенные сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» на данный момент в тексте УК РФ отсутствуют. А ведь по противоправной деятельности, указанной в п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, неотложные следственные действия как вроде бы «должны» проводить сами начальники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

В действующем УК РФ есть три главы, в которых в разных интерпретациях употребляется слово «служба», это главы: 23 – «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях»; 30 – «Преступления про-

тив государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»; 33 – «Преступления против военной службы». Но это слово не употребляется в словосочетаниях «учреждения, сотрудники, уголовно-исполнительная система».

По нашему мнению, указанный «вид преступлений», «пришел» из УПК РСФСР 1960 г. (в ст. 97 УПК РСФСР 1923 г. ни таких органов дознания, ни такой категории преступлений не было), где определялись органы дознания и их компетенция. Пункт 4 ст. 117 УПК РСФСР наделял правовым статусом органа дознания начальников исправительно-трудовых учреждений (ИТУ), «по делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками этих учреждений...» [4, с. 158].

21 июля 1998 г. Федеральный закон № 117-ФЗ [5] внес в п. 4 ст. 117 УПК РСФСР дополнения и изменения. В качестве органа дознания включил начальников следственных изоляторов, а «преступные деяния», по которым они (и начальники ИТУ) могли проводить неотложные следственные действия, дал в новой интерпретации, назвав преступлениями, совершаемыми «сотрудниками этих учреждений *в связи с исполнением ими служебных обязанностей...*» (курсив наш. – Н. Г.).

Полагаем, что для подтверждения приоритетности Уголовного кодекса Российской Федерации как единственного закона, которому «предоставлено право» определять, какие деяния являются преступными, в целях исключения неоднозначности восприятия информации, заложенной в п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, законодателю следует внести соответствующую технико-правовую корректировку.

За 22 года в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации было внесено более чем 1500 различных изменений и дополнений. Однако ни одно из них не коснулось изменения уголовно-процессуального статуса начальника исправительного учреждения (ИУ). Наши предложения «как глас вопиющего в пустыне» законодатели, мягко сказать, оставили без внимания [6, с. 51–56; 7, с. 19–22; 8, с. 283–299]. Речь, в очередной раз, идет об отсутствии у начальника исправительного учреждения правового статуса органа дознания, а коль так, то и других процессуальных полномочий. Справедливости ради скажем, что решения о возбуждении уголовного дела, отказе в возбуждении уголовного дела, как основополагающие, начальники ИУ, как правило, не принимают. Что же касается других процессуальных решений:

о передаче сообщения по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ;

о передаче сообщения по уголовным делам частного обвинения – в суд в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ (п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ);

о проверке сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ);

об исполнении письменных поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, оказании содействия следователю (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ);

о выполнении неотложных следственных действий (п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ), то таковые ими и принимаются, и осуществляются. Возникает вопрос: на каком основании?

Зададимся более парадоксальным вопросом: на каком уголовно-процессуальном основании (имеем в виду не организационное решение вышестоящих органов (руководителей), основанное на ведомственных актах) принимается решение о регистрации сообщений о преступлениях, с вытекающими из этого правовыми последствиями? Скажем так, беда в этом, в большей степени, субъектов расследования преступлений следователей, дознавателей. Это у них возникнут проблемы: доказательства, полученные в результате такой деятельности, с нарушением требований п. 3 ч. 2 ст. 75, будут считаться недопустимыми. Опять же с наступлением определенных негативных последствий.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в п. 1.1 ст. 40 УПК РФ указывается: «...к органам дознания относятся... иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с ФЗ полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности») органами дознания в системе ФСИН России являются (мы об этом говорили неоднократно [9, с. 175–182]):

1) ФСИН России – центральный аппарат;

2) территориальные федеральные органы уголовно-исполнительной системы: отделы (ОФСИН), управления (УФСИН), главные управления (ГУФСИН) федеральной службы исполнения наказаний в субъектах Российской Федерации. Таким образом, законодатель, возможно под влиянием заокеанских наставников-консультантов, создал сложные для понимания (в определенной мере в обход самого УПК РФ) органы дознания со специфическим организационно-процессуальным построением и запутанной компетенцией, которая в практической деятельности им не требуется. Так как перечисленные органы непосредственно с совершением преступлений не сталкиваются. Они в соответствии с Указом Президента Российской Федерации [10] ответственны не за исполнение, а за организацию деятельности подчиненных учреждений.

Ориентируясь на законодательную действительность (закон необходимо исполнять), требуется осуществить поиск правовой позиции. Законодатель не определяет, кто в случае предоставления полномочий органу будет их выполнять. Вроде бы и не руководитель, а орган, как таковой, а он, в априори, не может осуществлять производства процессуальных действий. Значит это должно осуществлять определенное уполномоченное, компетентное физическое лицо (в УПК РФ для выполнения отдельных действий, например, занесения устного заявления, явки с повинной в протокол, его подписания, а равно принятия сообщения о совершенном преступлении и составления рапорта об обнаружении признаков преступления, называется «лицо», без обозначения его уголовно-процессуального статуса).

Если законодатель относит к органам дознания государственные органы (в нашем случае органы исполнительной власти), то в уголовно-процессуальных полномочиях усматривается персональная неопределенность. При таком под-

ходе не видно, кто из должностных лиц (персонально) будет отправлять уголовно-процессуальные функции органа дознания, в каком объеме, как процедурно и организационно решить эту важную проблему.

Профессор О. В. Мичурина по этому поводу пишет: «...когда органом дознания называется государственный орган, то процессуальные полномочия органа дознания составляют содержание деятельности значительной части его сотрудников» [11, с. 100]. Как представляется, обозначенный подход распространяется на «органы внутренних дел Российской Федерации и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения, пункты) полиции... органы принудительного исполнения Российской Федерации... органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы». В их компетенцию входит осуществление дознания. Если даже в штатном расписании этих органов нет должностей дознавателей, соответствующие должностные лица будут таковыми, так как Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (п. 1, 2, 4 ч. 3 ст. 151) так их именует. Дознаватель – это «должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные...» УПК РФ (п. 7 ст. 5 УПК РФ).

Приведенное законодательное положение в определенной степени уточняется ч. 1 ст. 41 УПК РФ, где сказано, что «полномочия органа дознания, предусмотренные пунктом 1 части второй статьи... 40 УПК РФ, ...возлагаются на дознавателя начальником органа дознания путем дачи письменного поручения». Следует уточнить, что начальник органа дознания – это «должностное лицо, возглавляющее соответствующий орган дознания, а также его заместитель» (п. 17 ст. 5 УПК РФ), поэтому такое письменное поручение, а равно другие действия от имени органа дознания правомочен осуществлять и заместитель начальника органа дознания.

У начальника территориального органа УИС в субъектах Российской Федерации имеется несколько заместителей. Однако такими полномочиями может быть наделен только один, с указанием в должностном регламенте. Им может быть заместитель, курирующий правовые, в том числе уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные, вопросы. В данном случае мы не имеем в виду полномочия по непосредственному осуществлению дознания, а говорим только о том, кто в отсутствие начальника органа дознания будет принимать процессуальные решения, возложенные на сам орган.

В рассматриваемом органе дознания – органе исполнительной власти уголовно-исполнительной системы – имеется достаточное количество сотрудников – граждан, проходящих в соответствии с Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ [12] «...службу в уголовно-исполнительной системе в должности, по которой предусмотрено присвоение специального звания». Это служащие начальствующего состава, занимающие государственные должности (имеются в виду лица «...занимающие должности, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий госу-

дарственных органов», см.: прим. 2 к ст. 285 УК РФ), «...по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти, либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах...» (прим. 1 к ст. 285 УК РФ), отдельные из них и могут реализовывать полномочия органа дознания, если это им будет делегировано начальником органа. Подчеркнем, что лицо, на которое возлагаются полномочия по осуществлению производства дознания, должно иметь статус должностного. При этом мы ориентируемся на дознавателя (п. 7 ст. 5 УПК РФ), начальника подразделения дознания (п. 17.1 ст. 5 УПК РФ), начальника органа дознания и его заместителя (п. 17 ст. 5 УПК РФ).

Обратим внимание, что письменное делегирование полномочий должно осуществляться по отношению к такому сотруднику (сотрудникам), который профессионально подготовлен, знает уголовно-процессуальное законодательство, знаком с тактикой производства процессуальных действий, имеет склонности к этой специфической деятельности. При этом следует иметь в виду, что установлен запрет возложения «...полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия» (ч. 2 ст. 41 УПК РФ).

В непосредственном подчинении территориальных органов ФСИН России – органов дознания в уголовно-исполнительной системе находятся исправительные учреждения, в которых отбывают наказание лица, лишённые свободы, именно они и совершают преступления. Поэтому существует потребность расследования преступлений непосредственно в исправительных учреждениях, которые сами или их начальники органом дознания не являются. Как было установлено, таковыми являются их вышестоящие управленческие территориальные органы ФСИН, которые осуществляют руководство деятельностью подчинённых подразделений. Возникает вопрос: как быстро и целенаправленно организовать деятельность органа дознания на их территориях? Надо иметь в виду, что отдельные подразделения расположены на значительном удалении от территориального органа исполнительной власти (для некоторых это мягко сказано). Предлагаем варианты решения поставленного вопроса: начальник органа дознания (ГУФСИН, УФСИН, ОФСИН) может:

1. Делегировать свои полномочия подготовкой и передачей письменного поручения, с предварительным возложением обязанностей на:

а) начальников подчинённых исправительных учреждений;

б) сотрудников (не менее двух) каждого из подчинённых ИУ, которые не осуществляют оперативно-розыскную деятельность, но обладают умениями и навыками производства следственных действий. Все это должно отражаться в поручении о проверке сообщения о преступлении и подготовке документа с принятием процессуальных решений, предусмотренных п. 1–3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ и в служебном регламенте.

В статье мы затронули уголовно-правовую и уголовно-процессуальную проблемы раскрытия преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Они насущны, так как связаны с обеспечением прав,

свобод и законных интересов разных категорий граждан (осужденных, сотрудников, работников) уголовно-исполнительной системы. Однако для их решения требуется внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Что позволит исключить правовые ошибки, экономить время правоприменителей, принимать законные и обоснованные решения.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.) // КонсультантПлюс : официальный сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.08.2023).

2. Ерасов А. М. Уголовный закон // Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / под ред. И. М. Мацкевича, Н. Г. Кадникова. М. : Союз криминалистов и криминологов. Криминологическая библиотека. Российский криминологический взгляд, 2015. 990 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11 августа 2023 г.) // КонсультантПлюс : официальный сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.08.2023).

4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А. М. Рекунова и А. К. Орлова. М., 1981. 536 с.

5. О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы : федер. закон от 21 июля 1998 г. № 117-ФЗ // КонсультантПлюс : официальный сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.08.2023).

6. Гирько С. И. Субъекты уголовно-процессуальной деятельности (дознания) в системе ФСИН России: органы и должностные лица // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3. С. 51–56.

7. Шурухнов Н. Г. Уголовно-процессуальный статус начальников учреждений уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2019. № 1. С. 19–22.

8. Шурухнов Н. Г., Акчурин А. В., Никитин А. М. О системе субъектов расследования пенитенциарных преступлений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. 2022. № 4(51). С. 283–299.

9. Шурухнов Н. Г. Государственные органы, должностные лица, наделенные законодательством Российской Федерации полными и частичными полномочиями органа дознания: проблемы и предложения (в порядке обсуждения) // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3(55). С. 175–182.

10. Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний : Указ Президента Рос. Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 (с изм. и доп. на 11 апр. 2022 г.) // КонсультантПлюс: официальный сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.08.2023).

11. Мичурина О. В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел. М., 2008. 376 с.

Научное издание

**VI МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ФОРУМ
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НАКАЗАНИЕ, ИСПРАВЛЕНИЕ»**

*(приуроченный к 30-летию со дня принятия
Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации
от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах
уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»)*

г. Рязань, 15–17 ноября 2023 г.

Сборник тезисов выступлений и докладов участников

Том 1

Материалы пленарного заседания

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка *Т. А. Ключникова, С. О. Коноплева*

Подписано в печать 25.10.2023. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 20,25.
Тираж 200 экз. Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России.
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1.

Отпечатано:

ФКУ НИИИТ ФСИН России.
170100, г. Тверь, ул. Вагжанова, д. 17.